

СЕРГЕЙ ПЛЕХАНОВ ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ВСАДНИК

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

СЕРГЕЙ ПЛЕХАНОВ
ЗАБЛУДИВШИЙСЯ
ВСАДНИК

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

СЕРГЕЙ ПЛЕХАНОВ
ЗАБЛУДИВШИЙСЯ
ВСАДНИК

РОМАН

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1989

ББК 84Р7
П 38

Рецензент
доктор исторических наук профессор
Аполлон КУЗЬМИН

П $\frac{4702010201-143}{078(02)-89}$ 147—89

ISBN 5-235-00644-5

© Издательство
«Молодая гвардия»,
1989 г.

ГЛАВА I

ПЛЕННИКИ ВРЕМЕНИ

От станции до Городка Ильин добирался последним автобусом. Приехал за полночь, кое-как отыскал гостиницу, с боем добыл койку в огромном душном номере. Храп, тяжелые вздохи, всхлипывания, сдавленное сипение наполняли тьму. А когда Ильин проснулся, все одиннадцать кроватей были аккуратно застелены, как в казарме. На белой стене трепетали кружевные тени — слабый ветерок перебирал листву деревьев за окном.

Ильин бросил взгляд на часы — девять. Можно с полчасика подремать, спешить некуда. Но Морфей явно отлетел, и мозг уже привычно прокручивал список текущих дел. Зайти в райисполком, отметить командировочное удостоверение. Договориться о машине до Никольского Погоста... Уезжал из Москвы, как всегда, в спешке и забыл кое-что необходимое: сапоги, мыльницу. Надо заглянуть в здешние магазины... Десяток батареек к магнитофону прикупить — да есть ли они здесь?.. Ножик складной посмотреть...

При свете дня райцентр казался куда привлекательнее. Ночью Ильину мерещились какие-то мрачные руины, а бешеный лай псов за заборами вселял в душу острое чувство опасности. Теперь полускрытые зеленью палисадников разноцветные домики делали улицы нарядными; ощущение тихого праздника не покидало Ильина, пока он бродил по Городку. Обошел старую рыночную площадь, вымощенную булыжником, наведалься в торговые ряды — приземистое строение с множеством ко-

ротких пузатых колонн. Поднялся на гребень земляного вала, поросшего черными от старости березами. Внутри него высились красная кирпичная каланча и древняя церквушка с зелеными маковками. С высоты было видно петлистое русло речки, терявшееся в подгородных лугах, у дальнего леса серели тесовые крыши деревни.

В исполком Ильин пришел в отличном настроении.

— «Оказать фольклористу, кандидату филологических наук Ильину Вэ Эм необходимое содействие», — прочла секретарша в рекомендательном письме, подписанном директором института. — Знаете, товарищ Ильин, вы уже пятый в этом месяце. Машину все равно не дадут. Прошлый раз студентов из МГУ автобусом отправили, так потом два дня трактором вытягивали. Дороги-то наши чуть сбрызнет дождиком, и все... И не надейтесь, что Иван Федорович поможет. В ту пятницу с каким-то кандидатом тоже битый час ругался... Вот командировочку отмечу... Число сами проставите... Куда вы?! Нельзя! Иван Федорович по телефону беседует...

Председатель, коренастый крепыш с загорелой лысиной, бросил на Ильина раздраженный взгляд и, прикрыв телефонную трубку ладонью, резко спросил:

— По какому вопросу?

— Фольклорная экспедиция.

— Машина нужна?

Ильин кивнул.

— Не дам.

Отняв ладонь от трубки, хозяин кабинета снова заговорил о делах, словно забыв о существовании посетителя.

Но Ильин дождался окончания спора о запчастях к жаткам и веско повторил:

— Фольклорная экспедиция Академии наук.

Председатель сощурился и спросил:

— Послушайте, что вы тут все ищете? Каждое лето десятки крепких молодых мужчин и женщин колесят по району, толкуют со старухами, да и тех, кто помоложе,

отрывают от дела: спой свадебное величание, Расскажи детскую считалку... Если по всем районам области, да по всем областям республики, да по всем республикам итог подбить: десятки тысяч людей мотаются, в бирюльки играют...

Ильин побагровел, инстинктивно спрятал за спину свои жилистые руки. Когда заговорил, сам удивился, как хрипло звучит его голос:

— Но позвольте... вы, может быть, не информированы... Огромная научная ценность фольклора, сохранившегося в вашем районе...

— Я тут всего полгода, — нетерпеливо прервал председатель. — А до этого работал начальником управления сельского хозяйства, директором совхоза был. И каждое лето — как жатва, как уборка — так звонят: дай машину ученым. Вот он у меня где, ваш фольклор.

Он безжалостно рубанул себя ребром ладони по загривку и с вызовом посмотрел на Ильина. А тот уже оправился от замешательства, выдвинул один из стульев у стола заседаний и, не дожидаясь приглашения, сел.

— Сразу видно, что вы не очень хорошо представляете значение вашего района. Это Мекка фольклористов, начиная с середины прошлого века. Лучшие записи были, сказок, легенд...

— А-а! — Председатель пренебрежительно махнул рукой. — В любой деревне этого добра...

Этот жест вывел Ильина из себя. Он вскочил, выхватил из кармана карту и, подбежав к председательскому столу, развернул ее.

— Да вы поглядите сюда! Любая деревня!

На карте, указанной Ильиным, район густо пестрел разноцветными цифрами, в то время как по соседству с ним двойки, тройки стояли редко.

— Это число сделанных записей тех или иных текстов: красным — былины, синим — сказки... Видите: у вас прямо-таки золотое дно.

— А почему? — Председатель озадаченно потер подбородок.

— Есть разные теории. Но о них после. Вот вам еще загадка: вокруг на сотни километров «окающий» диалект. И только у вас в районе говорят на «а».

— Верно, — Иван Федорович был явно смущен от того, что гость открывает ему очевидные истины.

— Это значит, что на территории вокруг Городка уцелели потомки древних обитателей края, когда-то вытесненные, ассимилированные пришлыми племенами. Скажем, здесь издревле жили словене, а веке в десятом-одиннадцатом их сменили кривичи...

— Мы, выходит, словене? — Председатель растерянно смотрел на карту. — А в Починковском районе — кривичи?

Ильин улыбнулся.

— Теперь эти племенные различия вряд ли кого волнуют.

— А почему ж тогда у кривичей с фольклором слабо? — вдруг озарило Ивана Федоровича. — Вроде не глупее нас.

— Вот тут-то и начинается область гаданий. Концентрацию фольклорного материала некоторые объясняют тем, что словене не двигались с места, а кривичи во время миграции многое растеряли. Но, на мой взгляд, это неубедительно.

Ильин принялся было сворачивать карту, но председатель остановил гостя и снова бережно расстелил ее перед собой. Теперь он смотрел на разноцветные цифры с нескрываемым уважением.

— Неубедительно? А ваше объяснение?

Ильин помедлил с ответом, обдумывая, как изложить свою гипотезу. Потом взял стул, обошел вокруг председательского стола и сел рядом с Иваном Федоровичем. Вооружившись карандашом, обвел на карте несколько мест, где густота цифири была наибольшей.

— Таких районов, как видите, несколько. В трех из

них отмечено любопытное совпадение: крупные метеоритные воронки. Я почему-то уверен, что и в остальных аналогичных местностях стоит поискать следы падения метеоритов.

— При чем здесь... — с явным недоверием начал председатель.

— Никакой мистики, — успокоил Ильин. — Я предлагаю абсолютно научное объяснение...

С этими словами он достал из папки газетную вырезку и протянул Ивану Федоровичу.

— Так... необъяснимая аномалия на месте падения небесного тела... данные хронометра, помещенного в центре воронки... аналогия с Тунгусским метеоритом... — то молча шевеля губами, то скороговоркой произнося отдельные фразы, председатель с минуту сидел над статьей и вдруг решительно отодвинул ее от себя. — Послушайте, какая связь между падением метеорита в Марокко и...

— Самая непосредственная, — перебил Ильин. — Не хотите читать до конца, могу объяснить суть дела вкратце... Эта публикация, перепечатанная из американского журнала, посвящена физическому явлению, впервые описанному нашими исследователями. Во время проведения экспериментов в зоне падения Тунгусского метеорита был отмечен замедленный ход хронометра. Речь идет об отклонениях в доли секунды, однако факт остается фактом: время там как бы течет с иной скоростью. Об этом феномене американский научный обозреватель вспоминает в связи с событиями, последовавшими после падения крупного метеорита в Марокко в начале нынешнего года. Экспедиция, прибывшая к воронке, образовавшейся после удара космического пришельца о землю, обнаружила еще большее отклонение стрелки хронометра.

— Но в статье, насколько я понял, говорится прежде всего о пропаже людей... — начал председатель.

— А, это не существенно, — пренебрежительно мах-

нул рукой Ильин. — По-моему, типичная погоня за сенсацией... Как он тут пишет? «До сих пор единственным достоверным случаем, когда небесное тело попало в человека, считалось событие 1946 года в Аризоне. Десятисантиметровый метеорит пробил крышу небольшой фермы и, влетев в кухню, ударил в бок женщину. Фотография оставленного им синяка обошла мировую прессу... По сообщениям менее достоверных источников, в 1906 году в Мексике метеорит убил генерала повстанческой армии. Старинная миланская хроника утверждает, что в 1511 году в этом городе жертвами метеоритов стали два человека...» И дальше перечисляются совсем уж мифические происшествия. А все для того, чтобы придать марокканскому «чуду» характер первостатейной сенсации. В момент падения метеорита поблизости от места образования воронки будто бы видели нескольких бродяг. И все они бесследно исчезли...

— Так почему же для вас это несущественно? — Председатель осуждающе поднял одну бровь.

— Да вы не так меня поняли. Я вовсе не толстокожий, я готов посочувствовать этим людям — буде это окажется не сенсационным слухом... Хотя то, что никаких останков не обнаружено, говорит о сомнительности каких-то жертв. И все же я не о том. Главная-то сенсация не в этом, а именно в совпадении физических аномалий. А вот о них, к сожалению, говорится скороговоркой. Данлоп — это имя обозревателя — ссылается на мнение видных американских ученых, которые считают: для того чтобы могло произойти такое временное смещение в месте падения метеорита, должна постоянно выделяться значительная энергия. А это возможно в том случае, если удар пришелся на один из узлов кристаллической решетки Земли... Тут, между прочим, и теория кристаллического строения нашей планеты излагается... Но это предмет отдельного разговора, я же о другом хочу сказать — как я к своей гипотезе пришел. Дальше в статье говорится, что таких метеоритов, как марокканский

или тунгусский, не так уж много. Цитирую: «Подсчитано, что небесное тело весом в полтонны падает на Землю приблизительно один раз в месяц, 50-тонное — один раз в тридцать лет, 250-тонное — единожды в 150 лет, метеорит, весящий 50 тысяч тонн, может упасть один раз в 100 тысяч лет». Всего же, пишет Данлоп, на земной поверхности обнаружено около двухсот метеоритных кратеров...

Ильин осекся, осознав, что председатель давно уже смотрит на него поскуцневшими глазами, нетерпеливо крутя перед собой карандаш.

— Все, заканчиваю лекцию, Иван Федорович. Только несколько слов в заключение. Короче говоря, когда я увидел карту, на которой нанесены эти кратеры, я поймал себя на мысли, что она мне удивительным образом знакома. И вспомнил: на составленной в нашем институте карте распространения фольклорных сюжетов — я вам ее показывал — просматриваются своего рода «пятна», близкие по расположению к кратерам, обнаруженным в европейской части России. А когда совместил эти две карты, понял, что не ошибся...

Председатель попросил снова достать карту фольклорных сюжетов и озадаченно уставился на нее. После минутного размышления спросил:

— Как же это истолковывают?

— Да пока никак, поскольку я об этом феномене сообщений не делал. Меня ведь в данном случае интересует не загадка времени. Мне достаточно голого факта. Я сопоставил его с теми данными, которые были в моем распоряжении, и, мне кажется, нащупал взаимосвязь между падением метеоритов и... фольклорными аномалиями. Объяснение их — дело физиков. Я же имею для себя несколько рабочих гипотез — вполне, разумеется, дилетантских. Одна из них...

Ильин выдержал эффектную паузу и, проведя в воздухе дугу зажатым в руке карандашом, ткнул грифелем точно в центр Городковского района.

— Там, где время замедляется, лучше сохраняется память культуры: устное народное творчество. Может быть, в таких местностях за много поколений доли секунды, набегающие в сутки, превратились в годы, а то и десятилетия... Словом, повсюду определенные предания и сказки уже забылись, а в районах падения крупных небесных тел, живущих как бы вчерашним днем...

— Но у нас-то метеоритов не было, — с ехидцей ввернул председатель.

— А я уверен, что были! Дайте машину до Никольского Погоста. Доберусь и разыщу вам воронку...

Иван Федорович с минуту сидел, неподвижно глядя на карту. Вдруг хлопнул по ней ладонью и сказал:

— Ладно! Все равно мне в том конце давно побывать надо было... — хитро сощурился и добавил: — Но если не обнаружим метеорит...

— Готов понести примерное наказание, — серьезно сказал Ильин, но не выдержал и широко улыбнулся.

II

Дорога оказалась действительно никудышной. Исполкомовский УАЗ то и дело задевал карданом глинистую бровку, и водитель — веснушчатый парнишка в майке «Ну, погоди!» — болезненно морщился, словно ему передавалась боль скрежещущего металла.

Ильин поглядывал в заднее стекло — густая пелена пыли стояла за машиной. «Если пройдет дождь, отсюда и на тракторе не выберешься».

Председатель возобновил разговор о метеоритах, но в непрерывной тряске беседовать было трудно, и после нескольких попыток объяснить что-то Ильин виновато развел руками и умолк.

Заехали в попутный колхоз. Иван Федорович скрылся в правлении и пробыл там четверть часа. Ильин и шофер попробовали тем временем раздобыть молока, но узнали, что на целое село держат только пять коров

и у каждой хозяйки разбирают весь удой до последней кринки. Водитель УАЗа достал из сумки бутылку с холодным чаем, протянул Ильину. Тот отрицательно мотнул головой.

— Меня ведь не жажда мучит. Причаститься хотел — деревенским...

Он прилег на травянистый косогор, стал смотреть в небо. Белые глыбы выплывали из-за леса, беззвучно разрушались в вышине и вновь громоздились в противоположной стороне горизонта снеговыми валами. Одно облако долго сохраняло форму сжатого кулака с вытянутым пальцем. Проплывая над селом, оно медленно поворачивалось так, что в конце концов перст указующий уперся прямо в Ильина и сразу же размазался, распался на рваные клочья...

Услышав голоса, Ильин повернул голову в сторону правления. Иван Федорович шел к машине в сопровождении нескольких мужчин. Увидев фольклориста, махнул ему рукой.

— Обедать зовут!

Отказываться Ильин не стал — сразу было видно, что хозяева настроены непреклонно. Представившись спутникам председателя, он последовал за ними к высокому пятистенному дому с широкими «городскими» окнами.

За столом Ильина снова стали расспрашивать о цели приезда. И ему вновь пришлось повторить свою метеоритную гипотезу — он бы и рад был умолчать о ней, да усмешливый взгляд Ивана Федоровича как бы обязывал к откровенности.

Никто из сотрапезников не слышал о падении метеоритов в этих местах. Впрочем, ни один из них не был уроженцем Никольского Погоста, расположенного в двадцати километрах отсюда.

— А почему, собственно, вы именно туда пробираетесь? — неприязненно спросил главный бухгалтер кол-

хоза, сведя к переносью кустистые седые брови. — В этакую дыру...

— Именно там самые ценные записи сделаны. В том числе несколько вариантов знаменитой былины «Добрыня и Змей». Я по ней кандидатскую защитил.

— Что ж в ней такого знаменитого? — с той же скептической миной продолжал бухгалтер.

— Во-первых, это одно из наиболее совершенных творений русского героического эпоса. А во-вторых, былина о змееборце — во многом загадка. В ней зашифровано какое-то очень важное сообщение, которое было понятно людям, жившим тысячу лет назад, но сегодня ключ к тому, что описано в былине, утерян.

Присутствующие были заинтригованы. Почти все оставили еду, только сидевший в углу конопатый водитель продолжал энергично орудовать ложкой. Председатель колхоза, подперев свой массивный подбородок, выжидательно смотрел на Ильина. Хозяйка, дородная русоволосая женщина в сатиновом платье со среднеазиатским орнаментом, прислонившись к дверной притолоке и сложив на груди большие красные руки, тоже ждала объяснения таинственного произведения.

— Может быть, ознакомите нас с содержанием? — по-чиновному сформулировал общее желание Иван Федорович.

— Ну что ж, — Ильин развел руками. — Я ее — ночью разбудите — прочту.

Поднялся со стула, отошел к стене и, отрешенно глядя в окно, стал декламировать с едва заметной напевностью:

*Породила Добрыню родна матушка,
Возростила до полного до возраста;
Стал молоденькой Добрынюшко Микитинец
На добром коне в чисто поле поезживать,
Стал он малых змеенышей потаптывать...*

Ильин перевел взгляд от окна и встретился глазами с шофером. Тот только что откусил от краюхи хлеба и виновато потупился, перестал жевать. На щеке его замер изрядный желвак. Невнимание конопатого несколько обескуражило Ильина, и он не решился проверить, какое впечатление производит его чтение на других. Продолжал исполнение былины, прикрыв глаза, словно ни к кому в отдельности не обращаясь.

*Приезжал Добрыня из чиста поля,
А сходил-то он с добра коня,
И он шел в свою полату в белокаменну,
Проходил он во столову свою горенку,
Ко своей ко родной ко матушке.
Говорила тут Добрыне родна матушка:
— Ай же, свет, мое чадо любимое,
Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Ты на добром коне в чисто поле поезживашь,
Да ты малых змеенышей потаптывашь,
Не съезжай-ко ты, молоденькой Добрынюшка,
Да ты дáлече далéче во чисто поле,
Ко тем славным горам да к сорочинским,
Да ко тем норам да ко змеиным...*

Когда он умолк, послышалось покашливание, заскрипели стулья. Желвак на щеке шофера вновь ожил, конопатый принялся торопливо дожевывать хлеб.

— М-да, — задумчиво начал Иван Федорович. — Не разбери поймешь... Что за змееныши, что за горы сорочинские? И вот ведь штука — непонятно, а за душу хватает.

— Забирает, — кивнул бухгалтер. — Как песня хорошая.

— Так это и есть песнопение, — сказал Ильин. — Профессиональные исполнители былин сказывали их нараспев, а в древности на гусях аккомпанировали.

— А что вы в диссертации своей писали? — спросил до сих пор молчавший главный зоотехник колхоза, сум-

рачный мужчина средних лет с дочерна загорелым лицом и с белой полосой на лбу от кепки.

— Как вам в нескольких словах сказать, — задумался Ильин. — Дело ведь не только в содержании былины, а в том подтексте, который был понятен для человека древней культуры. Нам же, чтобы добраться до него, приходится привлекать данные истории, языкознания, этнографии или, по-русски говоря, народоведения.

— Знаем-знаем, — перебила хозяйка. — Третьего дня по телевизору Сенкевич рассказывал. Про Миклуху этого...

— Маклая, — авторитетно добавил бухгалтер.

— Ну тогда вам понятно будет, почему я стану ссылаться на предания шведов или греков, — продолжал Ильин. — Дело в том, что у всех народов Европы, у их родственников в Иране, на Памире, в Индии имеются предания о борьбе богов или героев со змеями. Наверное, помните со школы — во всех учебниках по истории была изображена скульптурная группа: Лаокоон и его сыновья, борющиеся со змеями...

— Это голые-то? — спросил шофер. — А один — с бородой?

— Голые, — кивнул Ильин. — У греков так принято было изображать человеческое тело.

— Вот этого я, признаться, никогда не понимал, — сказал председатель райисполкома. — Ведь ходили-то они в одежде. Ну представьте: изобрази кто-нибудь всех нас голыми вот тут, в избе. Ну какая в этом красота?

Хозяйка зябко передернула плечами:

— Ну вы скажете, Иван Федорыч! Да кто же этукую срамоту позволит!

Ильин с улыбкой поднял руку:

— Так что, закругляюсь?

— Просим прощения. — Председатель приложил руку к сердцу. — Больше ни слова.

— Итак, все индоевропейские народы рассказывали

о борьбе своих героев со змеями. Для нас, русских, этот сюжет также не новость — и былина о Добрыне одно из произведений в ряду других. Даже на первых наших монетах — еще во времена Ярослава Мудрого, то есть в XI веке — появился всадник, поражающий змея. Название копейки — от «копейных» монет, то есть тех, где изображен поединок конника-копьемосца со змеем. Кстати сказать, многие считают, что он появился впервые на московских монетах, но на самом деле первыми были не «московки», а «новгородки». Говорю об этом особо, так как ваши места были когда-то владением Новгородской земли. Именно в новгородской иконописи излюбленный сюжет — «Чудо Георгия о змие», то есть подвиг святого Георгия, победившего змея. Ни в одном из русских княжеств не найти такого количества всадников-змееборцев на иконах, как в Новгороде и его владениях. Это тоже одна из исторических загадок.

— Так что же Добрыня? В чем дело в этой былинке? — не утерпел бухгалтер.

— Я в своей диссертации связал эту историю со Змиевыми валами. Есть на Украине, южнее и восточнее Киева, многокилометровые цепи укреплений, построенных во втором — седьмом веках. В общей сложности — около тысячи километров. Так вот, в народе бытовала легенда о богатыре, победившем гигантского Змея-людоеда и запрягшего его в богатырский плуг. Когда победитель пропахал на Змее борозды, отвалы образовали эти знаменитые валы. На мой взгляд, в такой иносказательной форме была передана идея извечной борьбы со степными завоевателями. И Добрыня также участвовал в отражении набегов кочевников-половцев, печенегов. И еще одно обстоятельство, связанное с Киевом: в былинке Добрыня сражается со Змеем на Пучай-реке. Это, по мнению многих ученых, река Почайна в Киеве, в которой производилось крещение жителей города. Таким образом, поединок со Змеем может означать и борьбу христианства с язычеством...

— Похоже, к дождю дело идет, — озабоченно глянув в окно, проговорил Иван Федорович. — Как ни жаль вас прерывать, а надо нам, товарищ фольклорист, побыстрее двигаться. Иначе мне назад не выбраться.

Ильин кивнул и сел за стол. Быстро, с давней солдатской сноровкой сметал крошку и яичницу, запил чаем.

Провожать гостей на крыльцо вышли все, кто был в доме.

— Жалко, уезжаете, — посетовал бухгалтер. — У меня к вам, товарищ ученый, ряд вопросов. Возвращаться будете — непременно зайдите. Мы вам с собой медку, яичек, еще чего-нибудь сгонюшим. В Москве-то, поди, все консервы кушаете?

— Обязательно заеду, — пообещал Ильин.

III

В Никольском Погосте обитало два десятка семей — в основном старики. Большинство изб стояли заколоченными, только некоторые из них содержались в относительном порядке — те, что давали на лето приют дачникам. На краю кладбищенской рощи возвышался остов церкви, основательно обжитый березовой порослью. Одно деревце проросло сквозь стропила купола, корни другого пронизали столетнюю кладку и свисали над папертью.

Когда Ильин бродил как-то вечером возле развалин храма, его окликнули:

— Эй, парень, смотри не провались!

Из высокого бурьяна показалась голова, прикрытая донельзя выцветшей кепкой-восьмиклинкой едва ли не довоенного образца. Светло-голубые глаза, тоже словно бы выцветшие, с едва приметной усмешкой оглядывали Ильина с ног до головы. Ему стало неловко за свои яркие красные кроссовки и майку с эмблемой Йелльского университета.

— Тут можно в подвал угодить, — продолжал обла-

датель антикварной кепки, пытаясь продрасть сквозь заросли сорной травы.

Вырвавшись из цепких объятий бурьяна, он предоставил Ильину возможность полюбоваться длинным рыжим плащом и разбитыми фетровыми ботами «прощай молодость», густо облепленными репьями. Когда незнакомец поднял руку, чтобы вытянуть из зарослей длинный кнут, под мышкой обнаружился первозданный синий цвет дождевика.

— При царе-то, рассказывают, народ заблужденный был, — говорил пастух, наматывая хлыст на локоть. — Вот и верили, что вода святая с-под церкви этой текет. Да и после уж — я помню мальцом был, а видывал — бабы в подвал тот лазили с бутылками.

— А сейчас что же — разуверились? — спросив, Ильин сам удивился своему тону. Словоохотливый старик необъяснимым образом вызвал у него потребность потолковать — в том значении этого слова, в котором оно понимается общительными деревенскими мужиками, охотниками до откровенных бесед с любым встречным.

— Ты садись, он теплый, камешек, — сказал пастух, указав кнутовищем на гранитную плиту с крестом и надписью «Иерей Иоанн, + иулия 12 лета 1878, жития его было 69 лет».

Ильин с сомнением оглядел надгробие. Перехватив его взгляд, старик сочувственно усмехнулся и кивнул на поваленную стелу из белого камня, на которой с грехом пополам можно было прочесть: «Пальтов Флегонт Яковлев, почетный гражданин». Памятник явно находился не на своем месте, поэтому Ильин решил, что не очень шокирует прах Пальтова, если присядет на изваяние.

Поместившись рядом, старик достал из кармана «Беломор», щелкнул по дну пачки.

— Угощайся...

— У меня кубинские. — Ильин показал пачку «Лигерос».

— Термоядерные, — усмехнулся пастух. — Это ес-

ли б отец мой жив был, он бы одобрил... Такой табак курил, что дух заходил, если рядом стоишь. Самбраталическим звал...

В молчании сделали несколько затяжек. Ильин постучал согнутым пальцем по памятнику.

— Что за фамилия такая... нелепая?

— Почему? Все понятно — от пальта фамилия. У нас полдеревни Пальтовы, походи вон по кладбищу, погляди что на крестах написано.

— Да ведь слово «пальто» раньше не употребляли в народе. Господское оно было, из французского языка к нам пришло.

— Видать, барин и наделил фамилийкой. У нас ведь усадьба стояла. Генерал жил. Ох и крутой был! Мне дед сказывал: он еще мальчишкой был, когда у барина дочка пропала. Так он всю деревню переворошил, сколько народу перепороли пристава...

— Нашлась дочь?

— Не-е... Так с концами... Тоже в подвал церковный забралась — мужики-то видали, кричали: не лезь, мол, — и как сквозь землю провалилась... Чего смотришь — вру, думаешь?

— Как-то не верится, — признался Ильин.

— За этими подземельями давно дурная слава идет. Из наших никто туда и не совался. Старики-то все остерегали: пропадете, бывали-де случаи. Будто бы, слышь, дыра там прямо в геенну огненную...

— А дочка генеральская?

— Видать, тоже не поверила: сказки мужицкие. Перерыли тогда все вокруг, а после заложили вход в подземелье, чтоб неповадно было лазить. Источник только вывели наверх... А потом, уж при колхозах, велело начальство и родник тот заклепать. А бабы наши расковыряли дырку в кладке, таскали потихоньку воду святую... Комсомольцы прознали, и совсем источник зацементировали.

Ильин слушал вполуха. Таких таинственных и в то

же время удивительно трафаретных историй наскажут в любой деревне. Его гораздо больше занимал вопрос о метеоритных кратерах. И он решил прервать словоизвержение пастуха.

— Слушай, отец, а у вас в округе ямы большие есть? Такие, знаешь, углубления с пологими краями, вроде воронки?

Пастух немного подумал и решительно потрянул головой:

— Нет. Я который год со стадом таскаюсь, все здесь обошел. Дырок нету, бугров сколь хошь.

Он раздавил окурок о надгробие, встал.

— Пойду... Так гляди, не провались в преисподнюю. — И обнажил в улыбке дочерна прокуренные зубы.

Старик скрылся в кустарнике, а Ильин долго еще сидел на теплом камне, раздумывая о ближайших делах. За расспросами о метеоритных кратерах он совсем забыл о прямой цели командировки. Магнитофон так и пролежал все эти дни в его рюкзаке.

Но теперь Ильин вдруг с холодной ясностью осознал, что научной сенсации не получится, что с мечтами об этом надо покончить и пора приниматься за скучно-методичное просеивание старушечьих разговоров в надежде наткнуться на какие-то интересные фольклорные блестяшки.

«Всегда так, сам себя распалю на какую-нибудь идейку, уверую в нее, как в догму, а потом... Схватишь — а там куча пепла». Ильин привычно хитрил, устраивая в собственной душе экзекуцию. После подобных накачек как-то лучше, злее работалось. И потому многое удавалось. Высечешь себя «с перебором», зато потом приятно убеждаться, что не так уж был плох и бездарен, не только на маниловщину горазд...

Он поднялся и, продолжая мысленно стегать себя по чувствительным местам, вошел внутрь церкви. В стенах зияли бесформенные дыры — здесь, по-видимому, выламывали кирпич. Под сводами заматались несколько

диких голубей-вахирей — где-то рядом были их гнезда. Заметив кованую лесенку, поднимавшуюся к темному проему в верхней части одной из боковых стен храма, Ильин, не раздумывая, стал взбираться по ступенькам, покрытым густым слоем птичьего помета.

Сунувшись в углубление, у которого кончалась лестница, он зажег спичку. Пламя осветило узкий ход, заворачивавший вместе со стеной. Сделав по нему несколько шагов, Ильин увидел впереди правильное отверстие, в котором голубело небо. «Звонница», — догадался фольклорист и, с осторожностью ощупав кладку стены, выбрался наружу.

От колокольни остались только четыре столбика, накрест соединенные полосовым железом. Над ними когда-то, должно быть, находилась небольшая луковица с крестом, а сами кованые балки служили для крепления колоколов.

Ильин взялся за железное перекрестие и, расслабленно повиснув на руках, стал оглядывать окрестности: деревню, выстроившуюся подле речки, гряду огромных валунов на другом берегу, редкую березовую рощу, неведь как уцелевшую среди полей, уходивших к самому горизонту.

Раньше, говорили местные, здесь было много перелесков, но в последние годы их стали сводить: пашут нынче на гигантских тракторах, их невыгодно держать на малых пашнях. «Как дернул один загон верст на пять, потом развернулся — еще пять, разиков десять прошелся — сделал норму». Это сказал Володька Жбанов, единственный мужик моложе сорока, который еще держался в деревне. Хозяйство у него было справное, не то что развалюхи, в которых ютилось старичье. И комната приличная нашлась для приезжего филолога...

Ильин подтянулся на руках и, резко крутнувшись всем телом, повернулся на сто восемьдесят градусов. Снова обмяк и стал отрешенно оглядывать ландшафт. Вдоль поймы реки тянулась кладбищенская роща, за

ней на много верст зеленело мелколесье. «Там корчуют жалкие полоски березняка, а тут оставляют такой сор. Мелиораторы, черт бы вас подрал!» — без злости, а скорее с ленцой подумал он и вдруг напрягся, убрал руки с балки. Край кладбищенского леса на этой стороне реки выгибался ровным полукружьем в полусотне метров от церкви.

Ильин повернулся назад. И здесь точно на таком же расстоянии была различима граница... между чем и чем? Ровный, словно по циркулю очерченный круг. У Ильина даже ладони вспотели. Хоть с этой стороны и не было мелколесья, но характер растительности по ту и другую сторону окружности был иным. Внутри тянулись к церкви кусты боярышника, бурьян, а ближе к деревне росли одичавшие малинники, осины.

Спустившись вниз, Ильин медленно обошел вокруг церкви. Теперь было явственно видно то, чего он не заметил вначале: храм находился точно в центре впадины.

«Ну конечно, — лихорадочно соображал Ильин. — За века, а то и тысячелетия воронку затянуло, она заросла... Но то, что в центре ее поставили церковь, свидетельствует: особое значение этого места понимали в старину. Иначе зачем возводить храм не на возвышении, как обычно, а в яме?.. Да и дурная слава этого места... какие-то неясные образы уцелели в народном сознании... Тем более, что речь идет о подвалах... А это центр воронки — место, где, возможно, лежит метеорит... Еще в древности кем-то было наложено табу: не приближаться, священный камень, что-то вроде Каабы в Мекке. Может быть, кусок магнитного железняка, который притягивал мечи, топоры?.. Было от чего прийти в мистический трепет...»

Ноги сами несли Ильина к деревне. Он шагал так поспешно, словно ему предстояло куда-то немедленно ехать, что-то предпринимать, звонить, телеграфировать. Только упервшись в ворота жбановского дома, он при-

шел в себя. «Что случилось-то?... Ну воронка, ну метеорит... Из командировки не сорвешься, мил-друг. Да и вообще, все это еще доказывать предстоит».

Как бы то ни было, но на следующее утро Ильин вооружился киркой и лопатой, прихватил фонарик с запасной батареей и, никому не сказавшись, вновь отправился к церкви.

Обойдя вокруг храма, он осмотрел кладку фундамента. Нигде не видно было заложенного входа в подземелье. Простукал пол в самой церкви, но звук был везде один и тот же. Ильин пожалел, что не расспросил пастуха подробнее. «Где его теперь найдешь? К вечеру только, когда пригонит стадо... Стоп! Старик говорил: не провались, парень. А я стоял метрах в десяти от церкви. Значит, вход в стороне».

Он принялся с новой энергией обшаривать кусты. И почти сразу же наткнулся на заросшую травой кирпичную пирамидку. Одна из сторон ее была сложена явно из современного кирпича — рыхлого, истрескавшегося, да и раствор был положен небрежно, с потеками.

Оглядевшись по сторонам, Ильин потер руки словно в предвкушении лакомства и схватил кайло. Кладка треснула от первого же удара. Выпавшие кирпичи глухо стукнули где-то в глубине. Доломав хлипкое ограждение, Ильин сунулся внутрь, держа впереди себя зажженный фонарик.

В нос ударило сыростью, тленом, каким-то особым духом подземелья, который теперь вызвал в памяти мимолетное: Ильин и мальчишки из его класса, сбежав с уроков, забрались в погреба Зачатьевского монастыря, что поблизости от Метростроевской... Впрочем, внезапное, никогда не всплывавшее воспоминание сразу погасло. Не до него было.

Вниз вели кирпичные ступени. Пятно света хватывало из черноты покрытые плесенью земляные стены, провисшие под тяжестью мельчайших капель влаги логи паутины.

Луч фонаря упал на ребристое пятно под ногами. Серая масса хранила отпечатки лопаты. Но запечатанный цементом источник не интересовал Ильина, и он последовал дальше, пока не уперся в каменную кладку фундамента.

Подвал был завален какой-то деревянной рухлядью, рассыпавшимися бочками, на земле то и дело поблескивали осколки бутылок, белели обрывки бумаг. Не так-то легко было определить в этом замусоренном пространстве, где находится центр подземелья. Ильин несколько раз промерял шагами расстояние от одной стороны подвала до другой. Но с помощью вешек, воткнутых по ходу движения, ему все же удалось обозначить точку схождения радиусов.

Он не сомневался, что строители церкви соблюдали привязку к центру воронки. Что-то, а магию чисел и пространств древние уважали. В самом дремучем углу не найдешь небрежно поставленной часовни или креста — они всегда точно ориентированы по сторонам света. Ильин даже написать как-то хотел об этом — по его мнению, у человека в доиндустриальную эпоху было очень сильно развито восприятие природы. Предки безошибочно понимали, где север, где юг — кожей или каким-то особым органом определяли направление магнитных полей. Тем же самым органом шестого чувства узнавали целебные травы, отличали ядовитые растения.

Прочтя как-то статью о том, что магия чисел, столь любезная первобытному человеку, отражает то ли характеристику биоритмов, то ли состав хромосом, Ильин даже выписки из нее сделал «в загошник», как он любил говорить, — для той задуманной работы.

Лопата сразу же ткнулась в камень. Поддев его киркой, Ильин увидел под ним новый булыжник. Вытащив и его, обнаружил другой. Можно было предположить, что кто-то нарочно натаскал их сюда. Но, взявшись за работу, надо было доделывать ее до конца.

Вонзив острие кирки в щель между камнями, Ильин

хотел было рвануть древко на себя, но в этот момент его словно ударило по рукам. В ладони впились тысячи игл, а перед глазами пошли огненные круги. «Кислороду не хватает», — озабоченно подумал он и, сделав несколько энергичных движений, чтобы разогнать кровь, вновь взялся за кирку.

Но рукоятка не подавалась, хотя стальное жало едва проникало в щель. Ильин присел на корточки и поднес фонарик к камням. Руку резко повело вниз. «Магнитный железняк!» — мелькнуло в сознании. Отведя фонарик в сторону, Ильин приложил другую руку к шероховатой поверхности камня. И тут же ладонь его снова пронзила жгучая боль. Нестерпимый вой обрушился на барабанные перепонки, а перед глазами с бешеной скоростью замелькали белые и черные полосы, словно перекладины бесконечной лестницы...

IV

Придя в себя, Ильин увидел вокруг несколько злобешего вида личностей, заросших чуть не по самые глаза. Один из странных типов, беззвучно открывая рот, пытался вывернуть из-под руки Ильина серый шершавый камень. Другие, так же странно разевая рты, тянули филолога кто за майку, кто за ремень джинс в другую сторону.

Секунду спустя Ильин сообразил, что нападавшие кричат взаправду — это он сам ничего не слышит из-за тяжелого звона в ушах. Потом он с внезапной дрожью осознал, что над ним нет больше кирпичного свода. Его тащили по черному склону огромной воронки, истоптанному тысячами свежих следов. Когда же он вместе с бородатым воинством взобрался на гребень, то увидел обугленные стволы, веером поваленные на добрых полросты.

Звон слабел, сквозь него стали пробиваться хриплые голоса. Отдельные слова можно было понять, но говор —

странный, носовой — делал речь непонятной. «Бабий какой-то прононс» — так определил его для себя Ильин.

Навстречу, прыгая с одного поваленного дерева на другое, мчались несколько десятков таких же бородачей. Выражение их лиц не предвещало ничего хорошего. Впереди всех двигался плечистый старик в длинной холщовой рубаше, подпоясанной красным кушаком, с ожерельем из каких-то огромных желтых зубов.

Подбежав к Ильину, он с недоумением стал разглядывать его йелльское облачение, потом, ни слова не говоря, сунул за ворот майки свою шершавую длань и стал шарить по груди филолога.

Ильин оцепенело смотрел на старика и, вдруг осознав всю унижительность ситуации, с возмущением оттолкнул руку, крикнул:

— Кто вы такие?! Что за обыск?!

И сам удивился, как визгливо, невнушительно прозвучал его голос.

Но старик словно бы и не слышал. Спросил у людей, державших Ильина за ремень:

— Где крест?

— Не имаше, — ответили ему.

В глазах обладателя ожерелья мелькнула растерянность. Это почему-то окончательно привело Ильина в чувство. Он понял, что положение необычно не только для него. «Чертовщина, конечно, какая-то, но...» Будучи человеком рациональным, он решил, что прежде всего необходимо разобраться в ситуации. И он заговорил, стараясь придать голосу предельно будничным и деловым тон:

— Насколько я понимаю, произошло нечто экстраординарное?

Старик наклонил набок голову, явно прислушиваясь к голосу Ильина. Похоже было, что он уловил в самой перемене тона приглашение к более спокойной манере объяснения. Правда, взгляд его выражал все возмущавшее недоумение.

— Варяг? — вдруг спросил он.

— В каком-то смысле, — усмехнулся Ильин. — Приезжий. Фольклорист, специалист по эпосу.

Окружающие загудели. Кто-то говорил: «Фрязин». Другие кричали: «Франк». Третьи повторяли за стариком: «Варяг».

Хотя в душе у Ильина разлилась и все увеличивалась липкая лужица страха — он прямо-таки физически ощущал это, — все же где-то в нижнем этаже сознания сидело: происходящее — какое-то видение, наваждение, фантаσμαгория. «Кислороду не хватает», — услужливо подсовывал отуманенный разум, не мысль даже, а какое-то успокоительное заклинание.

Ильин перевел взгляд на окрестности, посмотрел на небо. Оно было почти таким же, как в ту минуту, когда он спустился в подвал. И все же что-то изменилось — цвета стали как-то ярче, насыщеннее. И еще: все стало чрезвычайно резким, стереоскопичным. Даже отдаленные предметы, даже зубчатый край дальнего леса виделись в мельчайших деталях. И тут его пронзило: дыра во времени! Как-никак, а он был прилежным читателем фантастики: все, что в издательстве «Мир» выходило, обязательно оказывалось у него на полке. И Саймак, и Шекли, и Пьер Буль — чего он только не перечитал в институтские годы. Наизусть помнил многие ситуации из романов Лема и Гаррисона.

«Проклятье! Неужели все это на самом деле? Галиматья какая-то!.. Антинаучно просто-напросто!» Ведь он тысячу раз читал, что все эти машины времени принципиально невозможны.

Но потные перепуганные лица окружавших его мужиков были настолько реальны, что Ильин не стал даже щипать себя, чтобы убедиться: все взаправду.

— Русский я, славянин! — крикнул Ильин и со злостью почувствовал, что на глаза навернулись слезы.

— От рода словенска? — недоверчиво переспросил старик.

— Да, да! — раздраженно отозвался Ильин. — В каком веке, черт подери, живете?

— Век?.. — Старик явно не мог уразуметь суть вопроса.

— Какой нынче год? От Рождества Христова.

Вслушиваясь в его речь, ожерельеносец удовлетворенно кивал. Даже легкий румянец выступил у него на щеках — он наконец-то начал понимать, что говорит Ильин, и на душу его явно снизошло спокойствие. Услышав про Рождество Христово, он еще раз с доброй улыбкой кивнул и распорядился:

— В узилище ввергнуть.

В Ильина сразу вцепилась еще дюжина рук. Мешая друг другу, толкаясь, потащили филолога в сторону от воронки.

V

В землянке было темно. Но, еще не успев прийти в себя после падения на глиняный пол, Ильин понял, что он здесь не один. В стороне зашуршало, кто-то осторожными шагами стал приближаться к нему. Невидимая рука принялась ощупывать плечи филолога. Прoshелестел шепот:

— Эй, живой?

Ильин отжался на руках и сел на корточки. Сказал, стараясь придать голосу спокойно-ироничный оттенок:

— Вне всякого сомнения. А вы?

— Да вроде...

Выговор какой-то не такой, решил Ильин. Говоривший не произносил слова в нос, не окал, как те бородачи, что тащили его от воронки, а потом впихнули сюда. Но и не так, как произносят (произносили, поправил себя Ильин) нормальные, обыкновенные люди образца тысяча девятьсот восемьдесят третьего года.

Откуда-то из угла раздался еще один голос — самоуверенно-барственный:

— Вы, сударь, уже четвертый. Вот и барышня — часу не прошло, как пожаловали...

— Ах, оставьте меня в покое, — всхлипнул женский голос.

— Ба, да что же это мы все в темноте, — воскликнул Ильин. — Давайте воочию представимся.

С этими словами он включил фонарик. Стоявший рядом инстинктивно вскинул руки к лицу, закрывая глаза от света. Ильин увидел молодого бородатого мужчину. Ветхое рубище туго обтягивало широкие плечи, мощный торс. На ногах его были размочаленные лапти и усеянные репьями холстинные онучи — в точности такие, какие выставлены в этнографическом музее.

Переведя луч фонаря в угол, Ильин осветил сидевшего на охалке соломы малого в малиновом кафтане, в белых чулках, в башмаках с огромными медными пряжками и красными каблуками. На голове его серебрился седой парик с косицей. Станный господин прикрылся растопыренной ладонью и церемонно кивнул:

— Коллежский секретарь Овцын, губернской канцелярии экзекутор.

— Ильин, Виктор Михалыч, — оторопело представился филолог. И, неожиданно для себя самого подхватив речевую манеру Овцына, закончил: — Института русского языка сектора устного народного творчества младший научный сотрудник.

Ильин вдруг осознал, что совершенно успокоился. Происходящее все сильнее занимало его, словно некое театральное действо.

Коллежский секретарь галантно повел рукой в сторону и устремил взор в том же направлении.

— Явите же нам нашу соузницу.

Ильин направил свет фонаря вправо и увидел милостивую девушку в светлой кофте с длинными рукавами и темной юбке до пят. На темно-русых волосах невесть

как держалась крохотная кружевная шляпка. Даже при неверном освещении было видно, что лицо незнакомки стремительно пунцовеет. Длинные тонкие пальцы нервно-чески теребили кисейный платочек.

Из темноты послышалось довольное побрякивание малинового франта. Рядом с Ильиным пробормотал что-то нечленораздельное невидимый бородач, но тон его был явно неодобрительный.

— Прошу пARDону, — сказал Ильин и отвел фонарь в сторону. — Теперь и мне, наверное, пора объявиться.

Осветив себя, он с полминуты молчал, давая товарищам по несчастью время оценить его наряд. Потом выключил фонарик и сказал:

— Насколько я понимаю, общество довольно разношерстное. Однако, надо полагать, совместными усилиями мы разберемся в происходящем.

Бородач шумно вздохнул и прошагал в угол, зашуршал соломой. Щеголь в парике веско добавил:

— Не извольте сомневаться. Разберемся. Как бог свят, полдеревни перепороть велю... Ракалии!

— Фи, какой вы... — Девушка запнулась, явно подыскивая определение: — Плантадор!

Ильина вдруг осенило, с чего надо начинать, и он, не дав Овцыну возразить его соседке, спросил, поперхнувшись с непривычки на обращении:

— М-милостивая государыня, вы бы очень обязали нас, если б сказали, какой сегодня день, месяц и год.

— Если вы всерьез... — В ее голосе послышалось недоумение. — Ах, я так фРАППирована всем этим... Ну хорошо, если вам угодно: 7 июня 1869 года.

— Что? — завопил франт. — Вы, матушка, в своем ли уме? Нынче одна тысяча семьсот пятьдесят пятый год от Рождества Христова. И не седьмое, как вы изволили выразиться, а восьмое иуния...

— Свят-свят-свят еси боже богородицею помилуй нас, — заполошно проревел из угла бородач. — Затмение на вас враг человеческий наслал. Девятый божий изво-

лением день иуния месяца. Лето же от сотворения мира семь тысяч двести шестое.

— То бишь... — на минуту задумался Ильин, — тысяча шестьсот девяносто восьмой год.

— Справедливо глаголешь — от воплощения богаслова год верно назвал. Но тако латины и люторы ереселюбивые лега исчисляют...

— Позвольте, драгоценнейший... как вас звать-величать, — начал Ильин.

— А Ивашкой Онисимовым сыном кличут, из посадских я...

— Какого ж такого посада? — подал голос Овцын. — Где тут у нас посадки?

— С Сумского посада, с Беломорья, милостивцы, от отцов Соловецких пробирахомся, — смиренно сказал бородач.

— Следовательно, Иван Анисимович? — нетерпеливо осведомился Ильин.

— Да бог с тобой, — даже в темноте было понятно, с каким выражением на лице говорил Ивашка. — Нешто мы боярского роду али бо от купецтва приходим...

— Ну-ну, — попечительным тоном произнес Ильин. — Что ж мы тут, происхождением козырять станем?

— А вы, простите за любопытство, из какого сословия будете, Виктор Михалыч? — вмешался Овцын.

— Служащий, — отрезал Ильин.

— О! — с одобрением отозвался франт. — И по какой части?

— По филологической.

— Весьма почтенное поприще, — задумчиво-уважительно пробормотал Овцын и умолк, явно не желая показывать свою неосведомленность.

— Вернемся, однако, к нашим баранам, — продолжал Ильин.

— Каким баранам? — недоуменно спросили в один голос остальные обитатели подземелья.

— Фу, черт, — смутился Ильин. — Поговорка такая...

— Ты, баринок, язык-то сдержи, — неожиданно взъярился Ивашка. — Пошто нечистого призываешь?! Тьфу, тьфу, тьфу, с нами крестная сила.

— Ну... — Ильин утер испарину со лба. — Морoka с вами. Каждое слово наперед обдумывай.

— А как же, — смягчился Ивашка. — Слово-то, оно, знашь, силища... Вначале бе слово и слово бе бог...

— Да знаю-знаю, — взмолился Ильин. — Давайте же ближе к делу... Я хочу вас успокоить — никто из нас не сошел с ума. Все вы назвали, по всей видимости, верные даты. Я, кстати, тоже еще полчаса назад полагал, что сегодня 20 июня 1983 года.

— От воплощения бога-слова? — подозрительно начал Ивашка. — Люторствуешь, ереседей!..

— Да нет, не люторствую. Я, прошу прощения, атеист.

— Атеист?! — радостно взвизгнула девушка. — О как это мило. Я тоже отрицаю всю эту поповщину...

— Вы — афеистка? — изумился Овцын. — Это, знаете ли, барышне совсем не к лицу... Нет, вы разыгрываете нас. Афеизм — это забава мужчин, да и то молодых...

Он радостно хохотнул, будто бы вспомнив что-то.

— Господа! — раздраженно заявил Ильин. — Дайте же наконец до сути добраться. Оставим эмоции на потом.

Ивашка протестующе завозился на соломе, но смолчал.

— Итак... Видимо, все мы правы, называя ту или иную дату... Пока мне приходит в голову только одно объяснение происшедшего: мы с вами ухнули в... ну, как бы это точнее сказать... в воронку времени. Можно предположить, что в месте падения метеорита образовался своего рода канал, через который прошлое засасывает будущее...

— Что еще за метеорит? — изумилась девушка.

Пришлось Ильину разжевывать всю историю падения и исследования небесных тел, наделавших бед в Ма-

рокко и в Тунгусской тайге. Бесконечные пререкания с богобоязненным Ивашкой вконец обессилили филолога, пока он добрался до своей гипотезы. По тягостному молчанию, воцарившемуся в землянке после этой импровизированной лекции, Ильин понял, что его рассказ не очень-то уразумели. С тяжелым вздохом он вновь заговорил:

— Знаете что, давайте коротко расскажем о себе. А детали, то бишь частности, станем разъяснять по ходу дела. Насколько я понимаю, нам придется смириться с непривычным обществом на какое-то, может быть, весьма продолжительное время. Ничего не зная друг о друге, мы постоянно будем вынуждены пускаться в странненькие расспросы и разъяснения.

— Разумно, — поддержал Овцын. — Вот и начните с себя, по ранжиру. Как-никак на сотню-другую лет всякого из нас старше будете...

— Извольте.

Ильин посветил себе фонариком, отыскал подходящую охапку соломы, опустился на нее и с усмешкой заговорил:

— Никогда не думал, что так трудно объяснить до предела кратко главные особенности эпохи, в которую живешь. С чего начать-то, не знаю... Как растолковать, что такое НИИ, научно-исследовательский институт? В ваше время открытия делались одиночками, у каждого ученого по несколько книг выходило к моим тридцати пяти, а я что могу предъявить? Полдюжины рецензий да две статьи. Да еще звание кандидата наук — это своего рода ступень некоей табели о рангах.

— И какому же чину соответствует? — оживился Овцын.

— Черт его... — начал Ильин, но, услышав рокот надвигающегося извержения чувств со стороны Ивашки, поправился: — Бог его ведает.

Везувий благочестия умолк.

— Но все-таки, — настаивал Овцын. — Коллежскому

ассессору? Титулярному советнику? Или, ежели военные чины предпочтительнее, по этому соответствию...

— У нас любят говорить, что наука чинов не терпит. А вот поди ж ты, без степени никуда... Но и с ней я что такое? В лучшем случае капитан.

— Следственно, в партикулярном состоянии — губернский секретарь, — незамедлительно отозвался Овцын. — С чем вас чувствительно поздравляю! Ежели не из дворян будете, то теперь на потомственную к первенствующему сословию принадлежать право получили. Честь имею, ваше высокородие!

Представительница девятнадцатого столетия презрительно фыркнула:

— Глупости какие! Как же это вы умудрились в светлое будущее всю эту рухлядь утащить?

— Господин Овцын истолковывает мои слова в свойственной его веку манере... Но двинемся дальше. Я начал с социального своего статуса. Теперь скажу о личном. Неженат. Развелся.

— У вас разрешены разводы? — спросила девушка.

Получив утвердительный ответ, захлопала в ладоши.

— А у вас какие-то проблемы по этой части? — осведомился Ильин.

— Да нет, просто я давеча битый час спорила с папá, что ежели любовь между супругами иссякает, они обязаны освободить друг друга...

— По Чернышевскому прямо, — заметил Ильин.

— Ой, вы знаете «Что делать?»? — обрадовалась девушка. — Его издают?

— Да, и весьма часто.

— А Федорова-Омулевского, а Иванова-Классика?! Я обожаю их. А как мило пишет о мужицком горе Прыжов.

Ильин понял, что его союзница — натура восторженная, и решил быть поосторожнее, дабы не задеть ее чувства.

— Я, знаете, не большой охотник до народнической

литературы. Имена, вами названные, слышал, учась в университете. Но читать этих писателей не приходилось. По-моему, и книги их теперь, в мое время то есть, не издаются. У нас к Достоевскому интерес, к Лескову...

— Как? — всплеснула руками девушка. — Этих ретроградов, этих... Ведь они пишут по указке Третьего отделения! Лесков — это, если не ошибаюсь, тот господин, что прежде под псевдонимом Стебницкий писал. Пасквильные романы «Некуда», «На ножах»... Да что же это за затмение на вас нашло?..

— Знаете ли, — деликатно пригасив голос, заговорил Ильин. — Злоба дня — штука каверзная. То, что вам казалось главным, оказалось мелочью, а вот действительные ценности современники часто проглядывают...

— Милостивая государыня, — вмешался Овцын. — Что-то вы про мужицкое горе говорить изволили — не уразумел. Ужли сей низкий предмет вас занимать может? По разговору-то вы как будто не из податного сословия...

— Да, я тоже из дворян... к сожалению, к стыду своему. Но я искуплю вину предков перед народом. Долг интеллигенции перед мужиком...

— Позвольте узнать, а батюшка ваш в каких чинах, — перебил шеголь.

— Генерал от инфантерии, — сконфуженно произнесла девушка. — Только это ровным счетом ничего не значит.

— О, напротив, — заволновался Овцын. — Его превосходительство, вероятно, в Петербурге место службы имеют. Или на покое уже, среди верных рабов довольство вкушают?

— Каких рабов? — возмутилась девушка. — Крепостное право восемь лет как отменили! Папá приехал на лето в имение, и я с ним напросилась, надо же, наконец, начинать познание народной жизни. Теоретически я подготовлена, а вот практически...

— Еще вопрос, — подал голос Ильин. — В сумбуре

этом... вы единственная, кто нам свое инкогнито не раскрыл...

— Ах, пардон, — смутилась генеральская дочь. — Анна Аполлоновна Бестужева-Мелецкая...

— Так вы князю Феодору Гавриловичу кем приходитесь? — с умилением в голосе спросил Овцын.

— Правнучка.

— Помилуйте, да ведь сие... — Губернский секретарь захлебнулся от переполнявших его чувств. — Вашего дедушку, Флегонта Феодоровича, не далее как третьего дни изволил нянчить. Прешустрый младенец, в одночасье кафтан мне испачкать изволили... Так выходит, они сынишку своего Аполлоном нарекли? Превосходное имечко, изрядному, стало быть, воителю досталось...

«Ишь мелким бесом рассыпается», — скривившись, подумал Ильин. Ему сразу припомнился Лазуткин из их сектора. Почти с теми же ухватками этот мэнээс кадил всякому членкору, ударял за любой профессорской дочкой — не взирая на ее «статус», лишь бы корни ее уходили в академическую почву достаточно глубоко. Лазуткин был уверен, что рано или поздно зацепится за какую-нибудь семейку и сможет надоить из тестя и докторскую, и авто, и квартиру, и неслабую заграникомандировку — что-нибудь по обмену или на пару лет в совместную экспедицию. Как-то, когда их с Ильиным отправили от сектора на овощебазу, Лазуткин разоткровенничался. То ли полутемный подвал, заваленный гниющими капустными кочанами, то ли промозглая сырость, доносимая сквозняками из вентиляционных шахт, то ли еще что-то породило в душах фольклористов отчаянный релятивизм. Весь день они давили каблуками кирзачей ослизлые кочаны, пинали попадавшие под ноги картофелины, упражнялись в метании тяжелых ножей по арбузам. Так что к концу дня мироощущение их подернулось флером особо утонченного цинизма, и, как бы щеголяя друг перед другом, они выдавали сентенции одна одной хлеще. Тогда-то Лазуткин и сказал: мне, брат, многого

не надо, я из гегемона вышел. Но и на меньшее, чем среднепрофессорский уровень жизни, не соглашусь. Кряхтеть, однако, не намерен, дабы к полтиннику отрапортовать: несмотря на язву и ишиас, прибыл к финишной ленте, дабы откусать причитающуюся мне пайку. Я, мсье, сразу хочу по-человечьи есть и спать, а посему намерен в ближайшие год-два внедриться в качестве зятя в одну из могучих научных фамилий...

Овцын продолжал сюсюкать:

— Именице ваше в целой губернии славно. На тезоименитства Федора Гавриловича не токмо что губернатор с архиереем — столичные сановники, по делам вотчин родовых в наших палестинах пребывающие, съезжаются. Надобно видеть было, какой бал задали их превосходительство по случаю рождения первенца своего Флегонта! А охоты какие — по две дюжины волков борзые давили; медведей, сохатых без счету били. Феатр какой содержали! Французский посланник, кабинет-секретаря в поездке по губернии сопровождавший, решительно в восторг пришли.

Ивашка, хранивший до сих пор молчание, вновь дал о себе знать:

— От позорищ сих, от игрищ диавольских с машкерами, образу божью в человеке поношение, а врагу человеческого радость! Истинно сказано: последние времена настали.

— Позвольте не согласиться с вами, Иван Анисимович, — ответил Ильин. — Смею вас заверить, что вы жили задолго до конца света.

Княжна Бестужева-Мелецкая неожиданно поддержала гражданина семнадцатого века:

— Вы правы, Иван Анисимович. Все это наносное, заемное. Необходимо отыскивать зерна подлинной культуры в народной почве. Наш путь самобытен, истина в крестьянской общине.

— Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная статья, в Россию можно только ве-

рить, — полувопросительно-полуутвердительно продекларировал Ильин.

— Превосходно! — отозвалась княжна. — Чье это?

— Тютчев.

— Это какой-то второстепенный поэт? Из придворных сфер?.. Да-да, вспоминаю, на каком-то из балов папá подводил меня представить... Лысоватый старикашка, похожий на чопорную классную даму. Но несмотря на невзрачную внешность, кругом него все увиваются, передают его mot's. Он изрядный остро слов...

— И великий, а не второстепенный поэт, — назидательно сказал Ильин.

— Ну это вы хватили. Да он еще к тому же славянофил... А ведь это вовсе несовместимо с прогрессивным образом мыслей.

Ильин улыбнулся в темноте и совершенно серьезным тоном спросил:

— А то, что вы сейчас изволили толковать про общину и про особый путь, это не славянофильство?

— Как можно! — Голос Бестужевой зазвенел от возмущения. — Славянофилы пропагандируют Домострой, цепи, они хотели бы, облачась в мурмолку и сафьяновые сапоги, возлечь на лежанку и оттуда обращаться к народу-богоносцу... А мы, социалисты, хотим видеть мужика свободным от всего этого.

— Вы Домострой читали? — с легкой ехидцей спросил Ильин.

— Зачем? Я из статьи Антоновича о нем достаточно узнала...

— Антонович?.. Это какой-то мелкий критик? А, помню-помню по курсу истории журналистики, он прославился тем, что не написал ни одной положительной статьи или рецензии. Джек-Потрошитель отечественной словесности.

— Какой еще Джек? — недоуменно спросила княжна.

— Ах да, совсем забыл... Это лет через двадцать

после того, как вы угодили в воронку времени, в Англии появился знаменитый убийца...

— Ну и сравнения у вас! — полыхнула Бестужева.

— Прошу прощения за невольную резкость тона, — ответил Ильин. — Поверьте, я не хотел бросить тень на ваше поколение.

— Хорошенькое дело, — все не могла успокоиться княжна. — Мы бились, боролись. А вы там, в светлом будущем, чтите каких-то Достоевских да Тютчевых, а наших вождей едва имена помните... Не сомневаюсь, что сладкоголосого Пушкина в великих поэтах числите.

— Разумеется.

— Читайте Писарева, сударь, — ледяным тоном заявила Бестужева. — Или у вас его запретили?

— Напротив, у нас он в большом... как бы точнее сказать... в почете, что ли. Собрания сочинений выходят. А вот фраза его насчет того, что сапоги выше Пушкина, извините, в разряд исторических казусов попала...

Овцыну явно надоел непонятный спор, и он сказал:

— Давайте лучше каждый расскажет, каким образом в церковный подвал забрался, из коего и в это, как вы, ваше высокородие, обозначили, прошедшее время угодил...

— Предложение дельное, — поддержал Ильин. — Что толку в полемике? Лучше говорить о том, что объединяет, чем о том, что разделяет. Вы и начните, господин Овцын.

— Мгм, с чего только? История длинная, если всю от истока до устья излагать... Я розыск о бегунах производил — появился у нас в губернии такой толк раскольничий...

— Сами вы раскольники, — огрызнулся Ивашка. — Не мы веру отчую пошатнули, а вы, никониане...

Овцын только хмыкнул и ровным голосом продолжал:

— Толк означенный в том состоит, что его последователи себя бегствующей церковью именуют. Живут, где придется, перебираясь от одного пристанодержателя

к другому — из богатых староверов. Доложено было консисторией его превосходительству господину губернатору, что под маркой сих бегунов противу властей богопоставленных злоумыслители кроются. Отнеслись с сими фактами в Петербург. И вскорости высочайшее повеление последовало: названных интриганов открыть и, примерному суду предав, во зле изобличить. Засим и я в северный край губернии был отряжен. А в подвал церковный проник, несмотря на отговоры настоятеля: мнилось, что здесь-то, в месте, заколдованным слывающим и оттого народом обходимом, бегунов пристанищу и быть... Едва факел запалил да в сумрак зловонный сошел, как тяжесть великая навалилась. А потом — бородатые эти дикари, кафтан терзают, букли теребят, факел из рук рвут...

— Ясно, — вздохнул филолог. — Может, Анна Аполлоновна нам теперь расскажет?..

Княжна долго молчала. Ильина подмывало включить фонарик, чтобы выяснить, в чем дело, но он боялся усугубить напряженность, возникшую из-за непочтительного отзыва об Антоновиче. Выручил Овцын:

— Анна Аполлоновна, экие вы обидчивые! Бог с нами, с бумагомарателями. Да в наше время за одного армейского — не гвардейского, заметьте, армейского — поручика дюжину пиитов можно выменять.

— Можно было, — уточнил Ильин.

— Было, — уныло согласился Овцын.

— Знаю, — с пренебрежением в голосе отозвалась генеральская дочь. — Ваше время тем и славно, что вы ловлей чинов и звезд жили. А поэзия в загоне была. Тредиаковского бедного царица по щекам хлестала.

— Так ежели за дело, почему не посечь? — искренне удивился Овцын.

Княжна гневно фыркнула и с презрением сказала:

— Вы бы, наверное, и Ломоносова с удовольствием экзекуции подвергли...

— Ну нет, Анна Аполлоновна, я означенного вами

господина академика премного уважаю. Да и версификатор он преизрядный — велелепней штиля, нежели в его одах, не знаю... Вот послушайте:

*Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.*

Ильин не удержался и выхватил из тьмы лучом фонаря фигуру коллежского секретаря. Тот привстал на сене, опершись на одно колено, патетически простер вперед руку, унизанную полыхающими в электрическом свете перстнями.

— Прошу прощения, сударь, хотелось видеть вас в минуту вдохновения...

— Пустое! — Овцын устало махнул дланью и снова повалился на сено. — Анна Аполлоновна, не откажите...

— Да ничего интересного, — тихо начала княжна. — Просто хотелось доказать суеверным мужикам, что никаких чудес в этом подвале нет.

— Эге! — осенило Ильина. — Так это про вас мне говорил деревенский пастух. Пропала-де генеральская дочь, все село перепороли...

— Как?! — воскликнула Анна Аполлоновна. — Узнаю нрав папá. Он так дрожит надо мной, и вот... Но как ему не совестно пороть!.. Фи, плантатор! Но я проучу его, я целый год не стану выезжать в свет! Пускай его донимают расспросами, пускай он рассказывает о своем деспотизме. И бриллиантовое кольцо, то, что он подарил мне по случаю выпуска из института, не стану надевать.

— А какой вы кончали? — машинально спросил Ильин.

— Смольный, — с горьким смешком ответила княжна.

— Пардон, я, может быть, ослышался? — проговорил

Овцын. — Но Смольный — это монастырь. Вы постриглись?

— Это учебное заведение, где преподают полезные знания и хорошие манеры для дворянских девиц, — разъяснил Ильин и обратился за подтверждением к княжне: — Я не ошибаюсь?

— И очень сильно. Это заведение, где девушку нравственно калечат, приуготовляя к служению прихотям мужчины: она должна уметь танцевать, музицировать, сочинять стишки, вышивать и прочие глупости в том же роде.

— Не нахожу, — возразил Ильин. — Если бы в наше время вместо того, чтобы учить сопромат, корпеть над кульманом...

— Что это? — заинтригованно спросила княжна.

— А-а, такие же глупости. — Ильин решил прервать разговор, чреватый новым крупным объяснением.

— Я бы хотела резать лягушек, заниматься физиологией... как Базаров, — мечтательно протянула Анна Аполлоновна. — Но папá, этот ужасный человек, и слышать не хочет ни о чем подобном. Он даже короткую стрижку мне запретил.

— Такие чудесные волосы... — с ужасом в голосе начал Овцын. — Ваш родитель явил истинную мудрость.

— Вот именно, — поддакнул Ильин.

— За укрощение волоса анафема на богохульника, — резюмировал Ивашка. — Не токмо девице и бабе о том думать зазорно, но и мужу грех великий. На плате образ Спасителя нерукотворный запечатлелся — с бородой, с усами. Неужто лепоту сию рабам Божиим дозволено брить?! Тако в латинах богопротивных творят, зане в сеть диавольскую уловлены.

Забрезжил еще один диспут, и филолог решил подать самую возможность его в зародыше. Быстро сказал:

— Иван Анисимович, вы бы лучше про то, как в подвал церковный попали...

— По никониан проискамыся в подземелие вверг.

От отцев Выгорецкой пустыни учительное послание на Москву, в вере крепким, вез. Да настигли в Никольском Погосте государевы люди, некуда бежать было. Шепнул тогда верный человек, у коего на ночлег стал: под церковью попытай счастья укрыться, авось-де крестом святым да крестным знамением от нечистой силы оборонишься. А стрельцы, бог даст, в подвал тот не сунутся... Вот и угодил бесам в лапы...

— Ну нет, это вовсе не бесы, — миролюбиво произнес Ильин. — Они не меньше нашего ошарашены происшествием. Насколько я мог судить по поваленным деревьям, метеорит ухнул совсем недавно. И представьте себе ужас этих людей: из воронки полезли какие-то типы, одетые невесть во что... Да, кстати, не грех бы выяснить все-таки, в какой год по нашему календарю мы угодили.

— Вы полагаете, нас занесло далеко? — встревожился Овцын.

— Да уж на несколько столетий, это как пить дать.

— Что же они с нами сделают? — потерянно спросила княжна.

— Согласно утверждениям ряда исследователей у некоторых народов в языческую эпоху существовал обычай поедать умерших родителей, а также пленников, — сказал Ильин. — Я считаю, что подобные умозаключения чаще всего основываются на выдумках христиан-миссионеров. Но теперь, мне кажется, мы имеем полную возможность проверить это на практике...

— Веселая перспектива, — обреченно отозвалась Анна Аполлоновна. — И потом... почему вы решили, что мы попали к язычникам?

— Что-то в них такое было... Ни разу не перекрестился никто, не поминал имени Христова... И еще, знаете, я сейчас только вспомнил, шарили у меня под рубахой... Теперь понимаю — крест искали...

— Верно, — воскликнул Овцын. — И у меня из-за пазухи шнурок первым делом выдернули.

— И у меня, — сказал Ивашка. — Я-то сразу смики-тил: диаволовы слуги, животворящего креста боятся. Забился, не дал святыню сорвать...

— А вот меня не обыскивали, — сказала княжна. — Выходит, не такие уж они дикари, какое-то воспитание получили...

— Если они обычай пленных есть имеют, нам от их-него воспитания проку мало, — задумчиво произнес Овцын.

— Да я вам только гипотезу, предположение то есть привел. К тому же ее мало кто разделяет, — поспешил успокоить Ильин.

— И все же... — Голос коллежского секретаря звучал по-прежнему озабоченно. — И все же почитаю за лучшее отсюда ретироваться... Надо изыскать возможность бежать.

— Легко сказать, — проворчал филолог и включил фонарик.

Найдя низкую дверь, сбитую из крупных плах, он навалился на нее плечом и принялся раскачивать. Но сработано было на совесть — дверь не шелохнулась.

Ильин сунул фонарь в карман и стал колотить по грубо обструганным плахам.

— Эй, открывайте!

Дверь внезапно подалась, и яркий свет ослепил филолога. На фоне голубого прямоугольника мешковатая фигура отворившего дверь казалась непроницаемо черной. Заслонившись ладонью, Ильин сказал:

— Позовите начальника! Кто тут у вас главный?

Теперь он различил черты лица стража. Из-под светлых кустистых бровей на него внимательно смотрели серые глаза. Крупный нос с горбинкой, облупившийся от солнца, придавал физиономии караульщика горделиво-хищное выражение.

— К волхву хочешь? — со странным носовым клекотом спросил горбоносый и смерил Ильина оценивающим взглядом. — Жди.

И захлопнул дверь.

Филолог принялся было гадать вслух, кто этот волхв. Но успел только проинформировать своих союзников, что так именовали авторы летописей жрецов древнеславянской языческой религии.

— Они совершали жертвоприношения и молитвенные обряды перед изваяниями богов...

— Бесы суть! — загремел было Ивашка.

Но тут стукнул засов, и солнечный луч ворвался в землянку.

— Изыди! — позвал горбоносый и махнул Ильину рукой.

VI

Пока двое бородачей, вооруженных короткими мечами, вели его через нагромождения обугленных стволов, а потом по широкой утопанной тропе вдоль полноводной реки, Ильин пытался сообразить, где согласно памятной ему топографии находились избы Никольского Погоста, но местность казалась совершенно незнакомой.

Дремучие ели стеной стояли над поймой, там, где должны были тянуться огороды села. К тому же, коренной берег поднимался намного круче, чем во времена фольклорной командировки Ильина. «Наверное, оплыл берег — столько раз за сотни лет перепахивали да перекапывали», — размышляя таким образом, филолог с любопытством вертел головой во все стороны.

Трава по обочинам тропы стояла в пояс. Крупные яркие цветы нескольких десятков разновидностей сливались в бесконечный пестрый ковер. Краски в этом мире вообще казались сочнее, первозданнее. На это Ильин обратил внимание еще тогда, когда его тащили из воронки. И цвет неба, и зелень хвои, и желтизна песка, и прозрачность воды — все это было какое-то ненатуральное, с перехлестом, как на рекламных проспектах зарубежных туристских фирм.

«Декорация да и только», — недоумевал Ильин. И все же подсознание работало, ища объяснение феномену. И вот раздался первый звонок — память услужливо подсунула разговор из какого-то рассказа Чехова. Герой сетовал: не то нынче, вот лет пятьдесят назад (то бишь в сороковых годах XIX века!) лебедей на озерах били. А речь-то шла про Брянскую или Тульскую губернию. Вот где собака зарыта! Ильин попал во времена, когда полностью отсутствовало загрязнение окружающей среды. Ни перегрева атмосферы, ни вредных выбросов, ни деградации флоры. Он вспомнил, как бродил за околицей Никольского Погоста и решил нарвать цветов для хозяйки. Набрался довольно однообразный букетик из мать-и-мачехи, васильков да ромашек. То буйство трав и цветов, что он видел теперь, вызывало у него образ званого пира, участники которого веселятся, не зная, что все они со всем своим потомством давно оприходованы в книге судебных по статье «расход». И звенящие на десятки голосов птицы, и стрекошущие на лугу насекомые, и поминутно всплескивающая в реке рыба — все это материал для расходной ведомости истории.

Тропа нырнула под сень елей и пошла вверх. Поднявшись на лесистую гривку, Ильин услышал, что в той стороне, куда уходил новый склон, плещет вода. Это немало озадачило филолога. Он с трудом мог убедить себя, что широкая река, вдоль которой его вели поначалу, это и есть прародительница того замусоренного бигими бутылками и старыми крышками ручья, не по чину носившего имя Быстрицы. Но еще один поток, да к тому же такой шумливый? Неужели та заросшая кустами канава за селом тоже когда-то была рекой?

Вскоре в этом не осталось сомнений. С обеих сторон гривки сквозь стволы елей заблестела вода. Впереди посветлело, стали видны какие-то строения. Когда лес кончился, Ильин увидел городище, вытянутое вдоль высокой стрелки на слиянии двух рек. Частокол из свежее-

обструганных бревен окружал с дюжину приземистых изб и лабазов, установленных на столбах.

Когда вошли внутрь городьбы, первое, что бросилось в глаза Ильину, были вытесанные из толстых стволов изваяния идолов. Они стояли полукругом, обращенные ликом в сторону водного простора. На огромном гранитном валуне, выступавшем из земли перед идолами, полыхали два длинных костра, сложенных из березовых чурок.

Проходя между костров, первый из провожатых вырвал из своего мехового колушка клочок шерсти и бросил его в огонь. Ильин оглянулся на второго — тот тоже принес в жертву какие-то разноцветные нитки. Пока шли по городищу, встречные замирали как вкопанные при виде Ильина. Особенно пристальному осмотру подвергались кроссовки и майка. Филологу стало нестерпимо стыдно за свою крикливую университетскую символику, он шагал, стараясь ни с кем не встречаться глазами, хотя его так и жгло любопытство: кругом были мужчины и женщины, одетые в музейный реквизит. «Височные кольца! — стучало в сознании. — Ведь это как минимум двенадцатый век!» Вот когда пришлось ему пожалеть о том, что не очень-то прилежно слушал курс археологии. Только и запомнилось: у любого племени в каждом княжестве были свои излюбленные украшения.

Ильин не успел как следует отчитать себя за непредусмотрительность — первый бородач остановился перед шатром, сшитым из огромных лоскутов бересты, и сказал:

— Отче Святовиде, нежить чермную приведохом.

«Чермную... красную то бишь: это из-за кроссовок и майки... черт бы их побрал! Но почему нежить, неужели я, по их мнению, так безобразно выгляжу?..»

И опять ему не удалось до конца осмыслить сказанное. Из шатра стремительно вышел высокий бритоголовый старик в длинном одеянии, похожем на монашескую рясу, с тем только отличием, что широкие рукава и по-

дол были расшиты причудливым орнаментом. Ильин с профессиональной зоркостью отметил преобладание солярного мотива: круги и кресты различных форм, олицетворяющие солнце. На груди у старца тихо позвякивали металлические бляхи и звериные клыки, нанизанные на сухожилие.

Святовид остановил на лице филолога взгляд больших серых глаз. Как все увиденные здесь Ильиным люди, он оказался блондином — седина едва угадывалась в густом пучке волос, ниспадавшем с темени на манер оселедца, излюбленного запорожскими казаками. Зато окладистая борода отливала серебром. Высокий узкий лоб, продолговатая форма лица и орлиный нос — таков был непрменный набор родовых черт обитателей этого неизвестно в каком времени затерявшегося мира.

— Змиевой веры? — спросил старик.

— То есть? — не понял Ильин.

— Хрестыанского бога раб? Распятого, позорной смертью казненного, исповедуешь?

— Н-нет, — растерянно ответил филолог. — Я вообще... как бы пояснее выразиться... вообще не признаю существования богов.

Святовид склонил голову набок. В больших серых глазах его застыло тревожно-недоверчивое выражение.

— Не имешь веры? — изумленно спросил он.

— Никакой, — с извиняющейся улыбкой ответил Ильин.

— Нежить, — убежденно сказал кто-то из провожатых.

Филолог обернулся, чтобы разуверить, доказать, что он никакая не нежить, что он такой же, как все. Но,

— При чем здесь... Я считаю, что причина всех столкнувшись с ледяными взглядами, отвел глаза. щей — природа. Законы природы...

Святовид властным жестом указал Ильину следовать за собой и отправился на самую окончечность стрелки, где громоздились облизанные временем гранитные ва-

луны. Усевшись на один из них, показал пленнику место рядом. Коснулся рукой майки.

— Дажь!

Ильин проворно стянул ее через голову, протянул старику. Тот долго мял ее, внимательно разглядывал узор ткани, скреб ногтем буквы. Потом потыкал пальцем мышцы филолога. Озадаченно спросил:

— Оборотень али навий, злыми кудесами с жальника подъятый?

Ильин жадно ловил едва знакомые, но ничего хорошего не предвещающие слова, судорожно пытаюсь вспомнить их значение. Ага, навий — это мертвец, а жальник — кладбище. Эге, да за такое не меньше чем осиновый кол между лопаток полагается...

— Послушайте, уважаемый, я человек. Че-ло-век. Но не из вашего времени, а из будущего. Я прилетел из будущего.

«Прилетел? Тьфу, черт, какие-то научно-фантастические штампы в голову лезут». Ильин показал зачем-то на небо, и старик проследил за его рукой.

— От небес исшед, а из земли взят? — с ядовитостью спросил Святovid.

«А им не чуждо чувство юмора», — помимо воли отметил Ильин. Но тут же содрогнулся — аргументация старика вполне могла убедить любого инквизитора. Только не мог припомнить филолог: был ли в обычае у язычников подобный суд?

— С огненным змием прилетех? — вдруг серьезно спросил Святovid.

И Ильин понял, что он говорит о метеорите. Куда разумнее было обратить этот факт в доказательство своей принадлежности к небесным силам, чем растолковывать, каким образом стало возможно путешествие во времени. И он молча кивнул. А язык сам, помимо воли его, выдал услужливо вынырнувшую откуда-то формулу:

— Иже еси на небесех...

«Как опереточный мастеровой разговариваю, без

смысла и ладу», — остранинно подумал Ильин. Но как ни досадовал он на себя, перед спокойно-всепонимающим взглядом Святовида терялся, не находил сил отвечать с таким же невозмутимым достоинством. Хотя понимание серьезности ситуации уже прочно укоренилось в сознании, какой-то вертлявый бес скептицизма все подсказывал такой стиль поведения, который подходил бы для студенческого капустаника. Давно пора было оставить ерническую манеру, но Ильину, приобретшему в среде своих однокашников и коллег привычку к постоянной бравате, самоиронии и псевдопростонародным словечкам, оказалось труднее всего содрать с себя эту шутовскую маску. Да какая уж там маска, это давно была плоть его, и сдирать личину приходилось с кожей.

Современным человечеством выработано противоядие против любых чудес и патетических поз, против высоких чувств и идеализма — это ирония. Чувство юмора возведено в ранг величайшей добродетели. В любом социологическом опросе читаешь: я ценю в людях чувство юмора, залог счастливой семейной жизни — наличие у супругов чувства юмора... Все снижаем, заземляем, не дай бог навернутся на глаза сентиментальные слезы. Восхитимся чудным пейзажем, но заметим, что кто-то видел нас в минуту умиления, и брякнем что-нибудь ерническое: вот-де, голос предков-землепашцев протрубил и вострепетал, в позу встал. Бывало, бывало такое, горько думал Ильин. По сути дела, к своим тридцати пяти он вообще разучился ярко, эмоционально реагировать на людей и события. Чувства все время пребывали под жесткой цензурой разума. А ведь это, по сути дела, проявление комплекса неполноценности. Комплекса, свойственного целой цивилизации. Она оторвалась от природы, замкнулась в технотронно-урбанистическом коконе, а краткие выезды «на лоно» использует, чтобы глотнуть естества, праны, как говорили древние авторы Вед. А от этой всежигающей иронии, от привычки все время оглядываться на других, рефлексировать берет

начало вторая из фундаментальных особенностей нашего мира — цинизм. Если все время заземлять свои духовные порывы, то в конце концов исчезает представление о высоком и низком, все обретает права гражданства...

Размышления Ильина прервал голос Святовиды. Старик заговорил на непонятном языке — мелодичном и в то же время жестком, чеканном. Обратив глаза к небу, он словно бы советовался с ним. В размеренной речи его часто мелькали одни и те же созвучия. Филолог понял, что слышит молитву или заклинание. Неужели древние славяне пользовались каким-то священным языком для богослужения? Впрочем, в этом не было ничего необычного. Если в новые времена у всех народов такое считалось за правило — католики употребляли латынь, мусульмане — арабский, православные — древнеболгарский.

Непонятные слова молитвы, голубоватый дым ароматических трав, сжигаемых на жертвенном костре, сам отрешенный облик бритоголового волхва вызвали у Ильина целую цепь ассоциаций. Припомнились ему и картинки из школьного учебника, изображавшие Святослава и его воинов — с такими же прядями, свисавшими с темени. Всплыли в памяти кадры какого-то индийского фильма — их Виктор посещал тоже в глубоком детстве — деревенский священник с пучком волос на бритом черепе произносит варны перед изображением Брахмы. И уже более близкое, запечатлевшееся в сознании — прочитанное в университетские годы в одной из священных книг Индии, шаштр: «...У мужчины должно быть столько волос на голове, сколько он может продеть сквозь серебряное кольцо, которое носит на пальце».

Ильин бросил быстрый взгляд на воздетые руки Святовиды. На одном из пальцев тускло блестел поясok из светлого металла. «Черт подери, не многовато ли совпадений для одного разала»

— Паруна... Варуна... Варуна... — размеренно произносил Святovid.

«Да ведь это санскрит! — вдруг осенило Ильина. — Паруна — бог солнца и грома у древних ариев Индии... Но откуда он здесь?.. Неужели... неужели это Перун?» Ильина даже в пот бросило. Он явно держал в руках конец нити, которая сулила целый переворот в науке... в представлениях о культуре славянства... Гипотезы о связи мистических представлений индоариев и славян были ему известны, но чтобы подтверждение их было так наглядно!..

Святovid умолк и устремил на филолога свой пронизывающий взгляд.

— Богов знамение испрашиваю. Еще дадут о тебе знак — здрав будешь, еще от бесов пришел еси — к бесам в землю отыдеси.

Ильину показалось, что речь старика сделалась гораздо понятнее, или это он уже вслушался в архаичный говор, вжился в иное время, надышался воздухом его? Мозг уже не подыскивал современных аналогов, слова впечатывались в сознание без посредства внутреннего переводчика. «Адаптируюсь, — сказал себе филолог. — Остается надеяться, что это надолго. В землю отыдеси! Ничего себе перспективка. А я-то себя лет, по крайней мере, на семьдесят запрограммировал».

Когда его вели назад, он смотрел по сторонам куда приметливее. К нему уже, по всей видимости, несколько привыкли, во всяком случае, не глазели, как прежде. Теперь Ильин мог позволить себе, не скрываясь, разглядывать яркие наряды девиц и женщин, причудливую резьбу на очельях дверей и узеньких, в ладонь, окошек.

Его заинтересовало, что на нескольких высоких постолах, устроенных по окружности городища, несли службу дозорные. Весь их вид говорил, что они постоянно настороже, да и прочие обитатели поселя выглядели встревоженными, короткие мечи на поясах мужчин подчеркивали ощущение опасности, напряженности.

«Кого им здесь опасаться? Если судить по тому, что жрец упоминал христианство, то это девятый-десятый век. Новая религия еще не принята на Руси, но о ней слышали... и почему-то относятся к ней резко отрицательно... Но это уже другой сюжет... Сейчас важно выяснить, кто угрожает городищу. В те времена здесь господствовали славяне, и сильных врагов у них не было. С окрестными финскими племенами жили как будто в мире... Неужели всполошились после падения метеорита?»

Прыгая с одного поваленного ствола на другой, Ильин прикинул площадь поражения. Выходило километра четыре в поперечнике. Заметив среди полегшей жухлой травы несколько обширных прямоугольных ям с обрушившимися стенами, поваленные столбики с поперечинами — вероятно, остатки коновязи, — филолог сделал вывод, что здесь находились какие-то выселки, скорее всего торжище. Теперь ему стало ясно, почему и землянка, выбранная в качестве камеры предварительного заключения, оказалась на таком удалении от места суда и расправы. Видимо, раньше узников наказывали здесь же во время схода соседних селений для торга. Судя по тому, что обитатели этих дебрей еще не определили нового пункта для такого важного заведения, они не успели опомниться от шока, вызванного ударом метеорита. Возможно даже, что Ильина и его товарищей вынули из воронки сразу же после падения небесного тела... Его вдруг осенила мысль, которую он решил проверить сразу по возвращении в землянку.

VII

Едва дверь за ним захлопнулась, Ильин задал вопрос:

— Друзья! Скажите, в какой последовательности вы попали сюда? Кто первый, кто затем?..

— Да меня, многогрешного, угораздило наперед всех... — пробасил Ивашка.

— А я за ним, — сказал Овцын.

— Все ясно, — Ильин возбужденно потер руки. — Третьим номером была Анна Аполлоновна, затем я. Поскольку вслед за мной никто не явился из будущего, канал, возможно, закрылся... Понимаете, такая последовательность событий говорит о том, что после падения метеорита возникло смещение поля, и оно распространялось в ограниченном пространстве — таким лучом — подобно ударной волне, все дальше в будущее... Я, конечно, не спец по таким вещам, но, пользуясь аналогией, могу себе представить такую схему: узкий канал с низким давлением, прошивающий области высокого давления; в него засасывает все живое и вышвыривает на дне воронки в области низкого давления.

— Ничего не понял, — сказал Овцын тоном превосходства, каким говорят в плохих фильмах с чудаками-учеными.

— А вот я кое-что уразумела, — заявила княжна и с легким кокетством, как показалось Ильину, добавила: — Обожаю естественные науки. Вы так интересно объясняете, Виктор Михайлович.

— Что проку от этого канала, — возразил Овцын. — Коли он всех засасывает, то никак уж обратно не выплевывает.

Ильина поразила точность, с которой коллежский секретарь сформулировал суть создавшейся ситуации. Он надолго замолчал, переваривая услышанное, пытался найти изъян в прямолинейном суждении Овцына, но, как ни вертел его, все больше убеждался: мудрые мысли предельно просты.

Ильин вдруг поймал себя на том, что никак не отреагировал на слова княжны, и поспешил исправить эту неловкость.

— Благодарю покорнейше, Анна Аполлоновна, за лестное мнение о моих аналитических способностях. Но вы, право, преувеличили. Как бы то ни было, однако, приятно встретить взаимопонимание в человеке, с кото-

рым тебя разделяет... вы из восемьсот шестьдесят девятого?.. сто четырнадцать лет...

— Эге, — воскликнул Овцын несколько секунд спустя. — Да ведь и нас с вами, милостивая государыня, столько же разделяет...

Ильин быстро вычел в уме тысячу семьсот пятьдесят пять из тысячи восьмисот шестидесяти девяти и пораженно воскликнул:

— Верно! Так может, и Иван Анисим... нет, тут не сходится, тут гораздо меньше. Вы ведь из шестьсот девяносто восьмого?

— Истинно говоришь, — отозвался Ивашка.

— Пятьдесят семь годков, — со смешком сказал Овцын. — В деда мне годишься...

— Погодите! — Ильин хлопнул себя по лбу. — Это ровно половина... Сто четырнадцать — это дважды по пятьдесят семь.

— Что же сие означает? — озадаченно спросил Овцын.

— Если бы я знал. — Ильин потер подбородок. — Давайте вместе думать. Ясно, что это не случайные совпадения. Налицо какой-то четкий цикл... Анна Аполлоновна, вы астрономию знаете?..

— Н-нет. Кое-какие созвездия указать могу.

— Это нам без надобности... Нам бы узнать периодичность вращения Земли и других планет, циклы движения самой Солнечной системы. Тут ведь явная взаимозависимость временных и пространственных перемещений... Помните, мы вначале о днях спорили. И у каждого из вас на один день разница выходила, а у меня с вами, Анна Аполлоновна, на целых тринадцать. Это оттого, что в мое время была проведена коррекция календаря — за много веков набегало тринадцать дней из-за несовершенств григорианского летосчисления, а у вас всех разница по одному дню — как раз столько и набегало за столетие. Выходит, мы с вами попали

сюда в один и тот же день, только с разницей в пятьдесят семь в какой-то кратности лет...

— Опять ничего не понимаю, — сказал Овцын.

— Эх, — Ильин досадливо покусал губу, потом включил фонарик и позвал: — Идите сюда.

Когда из тьмы вынырнули малиновый камзол и белая блузка, он направил луч фонаря на землю, поднял первую попавшуюся щепку и начертил концентрическую окружность, затем пересек ее длинной чертой.

— Представьте себе, что это орбита движения Земли. В данном случае не имеет значения: внутри Солнечной системы или вместе со всей нашей звездной системой внутри Галактики, либо еще какой-то группы космических тел. Дело в том, что мы с вами движемся одновременно во множестве проекций, пересекаем замкнутые пути комет, метеоритных потоков, поля притяжения невидимых звезд и так далее. Поскольку я никогда этими материями как следует не занимался, ни одной цифры я не помню. Знаю только, что вокруг Солнца мы с вами оборачиваемся за триста шестьдесят пять дней... И все же давайте представим, что эта окружность представляет собой схему некоего циклического движения Земли продолжительностью в пятьдесят семь лет. А вот эта черта — наш с вами канал во времени или, как я его фигурально обозначил, свищ низкого давления. Каждые пятьдесят семь лет, когда Земля проходит эту точку, в свищ засасывает... ну хотя бы нас с вами. Если, конечно, на пути этого свища оказывается кто-то...

— Единственное, чего не могу понять, — задумчиво начала княжна, — это связи между воздействием метеорита на здешнюю природу и образованием этого... изменения во времени... Какая зависимость между столь разнородными явлениями?..

— А вот и ошибаетесь, почтеннейшая Анна Аполлоновна, — с превосходством проговорил Ильин. — Лет так через полсотни после вашей... э-э, жизни, нет, вернее, вашей молодости, наука установила взаимосвязь

этих физических категорий — пространства и времени. Я не дока по этой части — и в школе-то кое-как на четверочку вытягивал...

— Что это? — заинтересовалась княжна.

— Ну, оценка такая — «хорошо»... Так вот, несмотря на мои скромные успехи в этой области, я запомнил, что современная физика доказала взаимозависимость пространственно-временных изменений.

Ивашка в голос зевнул и пробормотал молитвословие. Ильин вдруг осознал: то, что он говорит, звучит для его товарищей по несчастью как некая тарабарщина. Но Бестужева-Мелецкая вновь ободрила его:

— То, что вы говорите, просто восхитительно. Хоть я и не совсем понимаю, но успехи естественных наук...

Ильину стало отчего-то неприятно выслушивать восторги княжны. Он еще сам не отдавал себе отчета — то ли причиной было его собственное весьма поверхностное знакомство с физическими теориями, и «срывать аплодисменты» в такой ситуации оказывалось неловко, то ли попросту претил ему захлебывающийся стиль эмансипированной барышни. И потому он сказал, прервав Бестужеву:

— Знаете, вскорости после этого физики объявили об остром кризисе, возникшем в науке, о тупиковой ситуации. Так что я не стал бы столь превозносить естественные науки. В результате успехов той же физики было создано самое страшное средство массового истребления людей, а другие науки, определившие крутой рост технической цивилизации, повинны в том, что не предусмотрели ужасающего загрязнения природной среды обитания человека... Нет, что бы там ни говорили, а я патриот гуманитарного знания. История, археология, философия, да и филология, мне особенно родственная — все они за последнее столетие дали человечеству не меньше благ...

— Какие же, позвольте полюбопытствовать? — заметно посуровевшим голосом спросила княжна.

— Да, знание о своем прошлом — оно бывает иной раз куда нужнее, чем знание о строении вещества. Корни человека, народа — вот что изучают эти науки. Лиши нас знания своей родословной — и опомниться не успеем, как потеряем свободу. Все порабощители начинали свою работу с извращения истины, с фальсификации прошлого...

— Насчет родословия полностью с вами согласен, — подал голос Овцын. — Что бы там ни говорили, а генеалогия — превеликой важности предмет, и вам, Анна Аполлоновна, не след ею небрежь. Для вашей фамилии достославной какая-то там физика — это просто плюнь да разотри, прошу покорнейше простить за резкость выражения...

Княжна презрительно хмыкнула, но ничего не ответила. После продолжительного молчания снова заговорила — с легким оттенком обиды в голосе.

— Хотя вы и полны непонятого мне скепсиса в отношении естественных наук, но прошу вас договорить о взаимозависимости пространства и времени.

Ильин был рад полной темноте — иначе Бестужева заметила бы, как смутили филолога ее слова. «Невежа!» — досадливо сказал он себе и, стараясь сохранить невозмутимость в голосе, принялся за объяснения.

— Дело в том, что оба эти явления имеют материальную природу, и при изменении одного меняется и другое. К примеру, в космической ракете, летящей со скоростью света... — Ильин умолк, вдруг сообразив, как воспринимают его слова в подземелье, но полное молчание заставило его говорить еще быстрее. — Я имею в виду умозрительную возможность полета от одного небесного тела к другому. Так вот, для пассажира такого летательного аппарата — ракеты — пройдет в пути, к примеру, один год, а для жителя Земли, который никуда не летит, — несколько лет.

— Но при чем здесь метеорит? — спросил Овцын.

— Ради бога, не задавайте мне подобных вопросов, —

взмолился Ильин. — Я сам едва кумекаю в этих хитро-сплетениях теории относительности — так именуется учение, которое пытается дать объяснение природы пространства и времени. Единственное, что я могу — вместе с вами предполагать... Так вот, возможно, для метеорита, пришедшего из космоса, время текло иначе, чем для нашей планеты, и при ударе произошло смещение земного времени. Я представляю это себе примерно как удар камня по резиновой преграде.

— Какой? — не понял коллежский секретарь.

— Ах да, в ваше время не было резины. Ну тогда представим себе натянутую ткань, хотя это не совсем наглядный пример. На эту ткань падает камень, и преграда начинает колебаться — то туда, то сюда, пока не затухнет энергия удара. Если представить себе, что колеблется время, то можно вообразить, как на ограниченном участке происходит смешение пластов — прошлое совмещается с будущим. А биологические объекты — то бишь мы с вами, оказавшиеся в точке касания разных времен — как бы проваливаются в иное измерение. В данном случае так и произошло с нами.

В темноте раздался смешок Овцына, и вслед затем коллежский секретарь проговорил:

— Но раз происходит колебание, значит, мы можем попробовать и назад вернуться — стоит прыгнуть снова в эту яму, как нас может бросить в обратную сторону.

— Э, да вы неплохо схватываете, — с удивлением отозвался Ильин. — Не зря, видно, в эпоху Ломоносова жили.

Щеголь самодовольно кашлянул.

— Но ведь не будешь же сидеть в воронке целыми днями, а то и месяцами, — сказал филолог. — Когда оно происходит, это обратное колебание?..

В беседу снова вступила княжна:

— Я полагаю, тут и думать нечего. Если нас всех тащило в прошлое, это значит, что мы попали в воронку, когда происходило возвратное движение времени. Не-

трудно понять, что сначала оно сместилось в нашу сторону, в направлении из этой эпохи в будущую. И произошло это в момент удара метеорита о землю.

— Понял! — непроизвольно воскликнул Ильин. — Амплитуду колебания можно выяснить, узнав, сколько времени прошло от падения небесного тела до нашего появления на дне воронки... Да у вас, Анна Аполлоновна, поистине естественнонаучный склад ума!

Дискуссия была прервана внезапным шумом снаружи. Послышались крики, топот копыт. Откуда-то издалека донеслись размеренные удары по металлу. Ильин высказал догадку, что кто-то колотит в било, виденное им во время посещения городища.

Суматошная беготня и тревожные крики приблизились к самому входу в подземелье. Приникнув к двери, узники ловили звуки схватки — у них уже не было сомнения в том, что происходит наверху.

Что-то тяжело плюхнулось совсем рядом, сиплый вопль покрыл все ближние и дальние голоса, потом после нескольких мгновений отчаянной возни кто-то захрипел и забился на земле.

Дверь резко распахнулась. В ослепительно-голубом прямоугольнике сгрудились несколько фигур. У ног неизвестных конвульсивно вздрагивало тело стражника.

— Грядите вон! — зычно крикнул детина в острокопечном шлеме и кожаных латах.

Шурясь от яркого света, Ильин первым сунулся к выходу. За ним потянулись остальные — опасливо поглядывая на вооруженных людей, на истекающего кровью бородача, продолжавшего биться в пыли. Взгляд княжны будто прирос к окровавленному мечу, которым размахивал шлемоносец.

— Похоже, княжеские дружинники, — пробормотал филолог, повернувшись к Овцыну. — На всех доспехи одинаковые...

Освободители с явным изумлением оглядывали разношерстную компанию, выбравшуюся из подземелья. Когда

появившийся последним Ивашка торопливо перекрестился, один из воинов обрадованно сказал:

— Христьянин!

Другие одобрительно загудели.

Внимание Ильина привлекла кучка людей, сидевших поодаль на земле спиной друг к другу. Вокруг них расхаживали еще несколько дюжих малых в шлемах и панцирях. Именно туда вели филолога и его товарищей по несчастью.

— Даю голову на отсечение, что это наших тюремщиков теперь повязали, — вполголоса заметил Овцын.

— Хотел бы я знать, кто наши избавители, — ото-звался Ильин и тут же воскликнул: — Ба-а, со стороны городища дым повалил. Вон туда смотрите...

Все повернулись как по команде. Над лесом стремительно разрасталось белое облако. Дружинники загорланили что-то воинственное, но слова песни Ильин разоб-рать не смог.

Когда их подвели к группе бородачей, сидевших на земле, филолог увидел, что руки их связаны. В ту же минуту его собственные запястья быстро стянули сыро-мятным ремнем, а потом толкнули к прочим пленным. Он упал на колени, потом сел рядом с другими и тогда увидел, что один из дружинников в раздумье застыл перед княжной, в то время как второй недоуменно мнет парик, сорванный с головы Овцына. Ивашка стоял тут же и с неменьшим изумлением разглядывал коротко остриженную голову щеголя.

— Бес! — убежденно сказал шлемоносец, завладевший седыми буклями современника Ломоносова. — Али бо упырь.

— Я дворянин! — раздраженно выкрикнул Овцын и топнул красным каблуком. — Сами вы упыри, пред-ставить бы вас в тайную канцелярию, живо дознались бы, кто вы есть.

Получив увесистую затрещину, коллежский секретарь полетел на землю рядом с Ильиным.

— Руце подъемли! — рывкнул дружинник и, когда Овцын неохотно воздел длани, принялся вязать его.

— Зря вы с ними спорите, — сказал филолог, подвигаясь к щеголю. — Плетью обуха не перешибешь.

Овцын с унылой миной трогал связанными руками короткие белокурые волосы на темени.

— Да вы не расстраивайтесь. Вам так еще больше идет... И в дорожных условиях удобнее.

— Я за букли сии три целковых отдал! — взорвался коллежский секретарь. — От петербургского фризера выписывал, лавандой да розовой водой спрыскивал, пудрил ежедневно... А этот варвар их смял и за пазуху себе засунул — провоняют теперь мужичьим потом, поди надень в присутствии!

Старообрядца после некоторого размышления тоже связали, а княжну оставили в покое — видно, даже грубому вояке показалось неловко налагать узы на ее хрупкие руки. Анна Аполлоновна присела рядом с группой пленников на поваленном стволе, подобрав подол юбки. Лаковые ботинки с высокой шнуровкой приковали взгляд Ивашки, он несколько раз восторженно прицокнул языком.

— Ты чего, ботинок не видывал? — свысока осведомился Овцын.

— Таких не доводилось, — признался Иван. — А я ведь сам сапожному ремеслу в скиту обучился, для братии обутику тачал.

— Отчего же вы, Иван Анисимович, в лаптях? — спросил Ильин. — Ведь путь-то неближний прошли...

— А вот так оно, барин, и ведется: портной без порток, сапожник без сапог.

— Не называйте меня барином, — попросил филолог.

— Как же это ты, не по-господски... — растерялся Ивашка. — Меня вон отчеством взвеличал...

— Подыма-айтесь! — протяжно прокричал один из дружинников, подходя к пленным.

Ткнул ножами меча сначала Овцына, потом Ильина и распорядился:

— В челе гряди, упырь, а ты, бесово семя, вслед... Чермный цвет зрак радует.

«Ну и угораздило же меня красную майку натянуть, нет чтобы курточку поддеть», — подосадовал на себя филолог и с состраданием взглянул на коллежского секретаря, который заботливо расправлял кружевное жабо: в таком наряде ему долго еще придется служить объектом придинок и насмешек.

VIII

Колонна пленников все время увеличивалась — дружинники пригоняли новые группы людей, по-видимому, беглецов из городища. В одной из них Ильин увидел Святовида. Старец на голову возвышался над другими, отрешенный взгляд его, устремленный вдаль, как бы говорил, что ему нет дела до суеты мира.

Конные и пешие воины подгоняли связанных между собой людей остриями пик, оглушительно щелкали над головами плетью. Только женщинам и детям, свободно шедшим следом за колонной, оказывалось явное снисхождение — то ли они не представляли ценности в глазах дружинников, то ли здесь действовал своего рода кодекс цивилизованности. Когда Ильин оглядывался, он сразу отыскивал глазами белую шляпку княжны, резко выделявшуюся среди разноцветных повязок и кокошников.

Говорили в толпе мало, но и то, что удалось услышать филологу, позволило составить представление о происходящем. Люди князя Ярослава Владимировича громили скрытые в лесах очаги язычества. Теперь всех захваченных последователей древней славянской религии гнали в ближайший погост, чтобы подвергнуть насильственному крещению. Волхвов во главе со Святовидом ждала мучительная казнь на торгу в Новгороде.

Ильин быстро понял, в какую эпоху он угодил. Если идет борьба с язычеством, значит, от момента крещения Киева в девятьсот восемьдесят восьмом году прошло относительно немного времени. А поскольку в Новгороде княжит Ярослав, сын Владимира, это где-то десятые годы одиннадцатого века. Он хорошо помнил дату смерти Владимира Святославича — 1015 год. Как раз обстоятельствам жизни этого государственного мужа Киевской Руси и его дяди Добрыни был посвящен значительный раздел диссертации Ильина о бытине «Добрыня и Змей».

Решив проверить свою догадку, филолог обратился к ближайшему всаднику:

— Какой нынче год по христианскому счету?.. Не разумеешь? Какое лето от начала мира?..

Дружинник нехотя ответил:

— Шесть тысяч пятьсот двадцать второе...

— Следовательно, тысяча четырнадцатый, — привычно прикинул Ильин. — Так-так-так...

Он принялся считать, кратно ли какой-то цифре число лет, разделяющих эту эпоху и его время. Через минуту удовлетворенно присвистнул: выходило пятьдесят семь помноженное на семнадцать.

Сообщив о своем открытии Овцыну, Ильин в нескольких словах постарался обрисовать ему характерные черты исторического периода, куда их забросила судьба.

— Владимир Святославич или, как именовали его иные летописцы, Владимир Святой, умрет пятнадцатого июня следующего года. Мы попали в самое интересное время. Скоро развернется борьба за киевский великокняжеский стол, на который претендуют сыновья Владимира. Здешний новгородский князь Ярослав, один из многочисленных отпрысков Владимира, именно в нынешнем году отказался платить отцу ежегодную дань.

— Однако! — многозначительно промолвил Овцын. — Молодец-то, видно, зубастый.

— Еще какой, — кивнул Ильин. — Он тут таких дел навалает!

— Вы мне, милостивый государь, все по порядку изложите, — попросил коллежский секретарь. — Я, признаться, гистории не учен.

— Да и откуда вам знать ее, — сочувственно сказал Ильин. — В ваши времена почти вся наука в руках иноземцев была, «История» Татищева неизданной лежала в архивах академии... Только во времена Пушкина русское общество о своем прошлом более или менее хорошо узнало.

— А, это тот пиит, что с сапогами равнялся?

— Да что вы в самом деле, это один литературный ухарь пользу Пушкина ставил ниже пользы сапог...

Ильин невольно улыбнулся, представив себе, какая каша должна быть в голове Овцына, наслушавшегося и о космосе, и о теории относительности, и о неведомых писателях, а теперь еще к древней истории приобщившегося.

Ивашка, шагавший рядом, внезапно нарушил молчание:

— Так мы, чай, самого равноапостольного князя Володимира увидим, благодати сподобимся. Слава тебе, боже, ибо твое есть царствие и сила и слава во веки...

Филолог с удивлением отметил, что старообрядец потихоньку сжился с мыслью о путешествии во времени. Выходит, разговоры, слышанные им в подземелье, не прошли для него даром, он не только молился, но кое-что на ус мотал.

IX

Вечерело. Полоски тумана змеились в луговых низинах. В воздухе столбами толклась мошкара. Пение тысяч птиц оглашало окрестные леса.

Ильин жадно впитывал виды, открывавшиеся за каждым поворотом дороги, вслушивался в голоса пернатых. Он готов был голову дать на отсечение, что никогда не встречал такого разнообразия красок и звуков. Среди

высоких сочных трав пестрели десятки, если не сотни различных цветов — не то приходилось ему видеть во время воскресных вылазок за город из Москвы и даже в дальних углах России, куда заносило его в составе фольклорных экспедиций. «Наверное, четыре пятых этих растений давно исчезли, а большая часть остальных занесена в Красную книгу». А птицы! В подмосковном лесу, если пропищит какая-нибудь птаха или кукушка прокукует — это уже праздник. А тут он каких только птичьих силуэтов не увидел на багряном фоне закатного неба — и плавно помахивающие длинными крыльями орланы, и суматошно-стремительные утки, и пропархивающие стайки дроздов, и чертящие воздух стрижи, и ввинчивающиеся в подоблачную вышину голуби.

Только люди, шагавшие рядом с Ильиным, только они ничем не отличались от его соседей по веку — если, конечно, не обращать внимания на одежду и убранство волос. Если поначалу они посматривали на филолога и его товарищей с дикарским любопытством, то теперь их взгляды едва задерживались на йелльской майке и малиновом камзоле, расшитом золотыми позументами...

Впереди блеснула лента реки. Крутая излучина обегала группу изб, обнесенных плетеной изгородью. Передовые всадники прищепили коней и унеслись в сторону селения. Видно было, как они ведут переговоры с людьми, выглядывавшими из-за тына. Через некоторое время в изгороди образовался проход, и дружинники въехали внутрь. Послышался пронзительный звук рожка, и воины, сопровождавшие колонну, стали нетерпеливо покрикивать:

— Борзо! Борзо!

Когда колонна втянулась внутрь изгороди, несколько дюжих селян в посконных рубахах и берестяных лаптях-шептунах навесили на вбитые в землю колья плетеную стенку, и проход в тыне исчез.

Часть дружинников уселась за трапезу на площадке, окруженной избами, другие скрылись в убогих жилищах,

а пленники группами расположились прямо на сухой глине, хранившей бесчисленные следы лаптей и копыт. Увидев, что княжна нерешительно переминается с ноги на ногу в толпе женщин, Ильин призывно помахал ей связанными руками и крикнул:

— Анна Аполлоновна, идите к нам, здесь несколько полешков есть, хоть присядете.

Бестужева помедлила с минуту — ей явно неловко было подойти к кучке бородатых мужиков, окружавших филолога, Овцына и старообрядца. Но перспектива торчать посреди селения, в то время как все повалились в изнеможении наземь, ее тоже не прельстила, и, поправив шляпку, она направилась к своим недавним союзникам.

За все время, прошедшее после вызволения их из подземелья, за всю долгую дорогу им удалось перекинуться с княжной разве что десятком слов. Теперь, когда она села на широкую березовую плаху рядом с Ильиным, на него вдруг нашел стих, и он принялся без умолку говорить — о своих догадках относительно дальнейших планов дружинников, о расстановке политических сил в Киевской Руси, о взаимоотношениях внутри великокняжеской семьи.

Бестужева с внимательно-восторженной улыбкой слушала филолога, изредка восклицая: «Это прелестно!», «Подумать только!» Когда она спросила, каким образом Ильин успел так много узнать за столь короткое время, он рассмеялся.

— Анна Аполлоновна, я ведь как раз об этих временах диссертацию писал. Былины о богатырях складывались именно в героическую эпоху князя Владимира Святославича. Так что я все летописи перешерстил — Ипатьевскую, Новгородскую, Лаврентьевскую. «Повесть временных лет» едва ли не наизусть помню. Да и географию древнерусскую хорошо знаю — могу вам точно сказать, где находится речка Смородина, на которой Илья Муромец Соловья-Разбойника изловил, где великокняжеский замок Вышгород, где Путивль, как из Ное-

города в Смоленск, а потом в Киев пробраться... Ведь в этих местах мой герой Добрыня подвизался, а он — историческое лицо, посадник новгородский, то есть наместник Владимира... Добрыня, кстати, ему дядей приходился по матери, по-древнерусски уй. Жаль только, несколько припозднился я — он в Новгороде в самом конце десятого века правил. То-то забавно было бы повстречаться, я бы ему порассказал...

Из крайней избы вышел рослый дружинник. Он был без шлема, длинные рыжие волосы раздувал легкий ветерок, долетавший от реки. Похлопывая себя загорелыми руками по кожаному панцирю, он с ленцой осмотрел скопище людей, в расслабленных позах расположившихся на земле, и остановил взгляд сначала на красном кафтане Овцына, галантно привставшего на колено рядом с княжной, затем на белой блузке Бестужевой. Медленно, вперевалку зашагал в сторону пришельцев из будущего.

Ильин заметил малого в доспехах, когда тот был уже совсем рядом. Оборвав свою речь, он воззрился на дружинника. Княжна, сидевшая спиной к подошедшему, не сразу поняла, почему замолчал филолог.

— Интересно, что бы вы такое сказали Добрыне, чего он не знал... Боюсь, Виктор Михайлович, вы не нашли бы общего языка...

В этот момент дружинник протянул вперед руку и положил красную обветренную длань на плечо Бестужевой.

Много раз впоследствии Ильин пытался передать на словах то, что произошло в тот момент, а главное — что почувствовал он сам. И всегда убеждался: невозможно сформулировать впечатления, которые, как казалось ему, перевернули все его представления, сложившиеся за годы учения и самостоятельных исследований. Ему, убежденному стороннику материалистического взгляда на приро-

ду и человека, за одну минуту пришлось пережить полное крушение своих взглядов...

Когда рука дружинника легла на плечо княжны, на лице ее в первое мгновение появилось легкое недоумение, потом, когда она перевела взгляд на красные пальцы с нечистыми обломанными ногтями, это выражение сменилось испугом, гадливостью, гневом. В глазах ее полыхнуло холодное голубое пламя. Последовал резкий поворот головы, и в то же мгновение кожаный панцирь расползся на груди малого, а сам он рухнул наземь, сбитый с ног неведомой силой. Сноп голубых искр рассыпался от его тела, синяя молния змейкой соскочила с кованых ножен его меча и ушла в землю.

Княжна повернула лицо к Ильину. Теперь в ее взгляде были только растерянность и ужас. Филолог сидел словно ошпаренный, не в силах вымолвить ни слова.

А дружинник тем временем медленно поднимался с земли, тряся во все стороны головой. Нечесаная рыжая шевелюра стояла дыбом, с нее беззвучно летели голубые искры. Из широко раскрытого рта сначала слышалось хриплое дыхание, но через несколько мгновений оно перешло в утробный рев. Вскочив на ноги, малый стремительно выхватил из ножен меч.

— Ве-е-едьма-а! — разобрал Ильин.

Продолжавший опираться на колено Овцын только теперь осознал случившееся. Резко рванувшись в сторону дружинника, он выбросил вперед связанные руки, и с растопыренных пальцев его с треском сорвались огненные разряды. Остатки кожаных лат мгновенно съежились и запузырились, испуская черный дым, а лезвие меча, словно отрезанное у самой рукояти, прочертило дугу в воздухе и упало где-то за оградой селения.

А из ближайших изб уже высыпали вооруженные люди. Одни на бегу нахлобучивали шлемы, другие выхватывали мечи из ножен. Отшвыривая попадавших

под ноги пленных, дружинники угрожающе орали, ища глазами неведомых врагов. Только увидев рядом с княжной бездыханное тело своего собрата, они поняли, от кого исходит угроза. Дюжина мечей взметнулась над головами нападавших. И в этот миг из толпы полулежавших пленников вскинулась фигура в сером домотканом азыме.

Ильин едва узнал Ивашку — ярость исказила его лицо. Старообрядец воздел кверху руки, сложив пальцы правой для крестного знамения, и возопил:

— Православный, Христом-богом прошу!..

Но едва он ткнул своими двумя перстами воздух, дабы изобразить размашистый крест, как ладони его исторгли в направлении ближайшего воина ветвистую молнию. И сразу же одуряюще запахло озоном.

По инерции Иван еще три раза махнул связанными руками, и каждый раз огненный разряд сшибал с ног кого-нибудь из дружинников.

Ильин нервно облизал пересохшие губы и бросил быстрый взгляд вокруг: на лицах окружавших застыл суеверный ужас, смешанный с восторгом. И тут же слышались истерические вопли, плач, ропот.

А со стороны прибрежных изб — оттуда, где шла трапеза дружинников, мчалась целая орава. Лезвия мечей посылали багровые блики, отражая последние закатные лучи солнца. «Это конец», — понял Ильин. С внезапным иступлением подумал: «За что? Почему? Я не хочу!» Абсурдность происходящего, полная безвыходность ситуации с такой беспощадной ясностью предстали перед ним, что он застонал с отчаянием зверя, угодившего в капкан. Инстинктивно бросил взгляд назад, туда, где проходил тын, ограждавший поселок. И в то же мгновение плетеная изгородь развалилась на огромные рваные куски, словно вспоротая неведомым орудием. Ильин испуганно перевел взгляд в другую сторону — и там тын разлетелся как солома.

— Бежим! — что есть мочи крикнул он, поворачиваясь назад.

И увидел: Овцын размахивает ножнами, сорванными с пояса лежащего дружинника, и голубые стрелы срываются с металлической плоскости, уносясь в сторону надвигающихся воинов. У всех троих — коллежского секретаря, княжны и Ивана — волосы вздыбились и сыпали искрами. То и дело из глаз Бестужевой били огненные разряды.

Услышав вопль Ильина, они разом подались к нему, а в следующее мгновение увидели, что произошло с изгородью. Там и сям с земли поднимались пленники, кое-кто уже успел пересечь линию, по которой только что проходил тын.

— В лес! — призывно махнув руками, Ильин побежал, перепрыгивая через тела людей, в страхе распростершихся на земле.

Только преодолев низменную луговину, он оглянулся. В огромную брешь, образовавшуюся в изгороди, изливался густой поток людей. Впереди толпы мелькали красный кафтан и белая блузка. Среди бегущих Ильин узнал и Святовида.

Когда достигли опушки дремучего бора, под сенью разлапистых елей уже залегла тьма. Перекликаясь, быстро собрались на прогалине все четверо. С минуту молчали, переводя дыхание. И вдруг Бестужева неожиданно залилась веселым смехом. Кое-как справившись с ним, сказала:

— А вы, Иван Анисимович, прямо как Илья Пророк молнии метали... Виктор Михалыч, объясните ради бога, что произошло. Я умру от любопытства.

Ильин улыбнулся и только хотел сказать в ответ что-то шутливо-ободряющее, как из-за густых еловых лап, нависших над полянкой, выглянула обритая голова Святовида. Волхв с минуту настороженно смотрел на четверку недавних узников, затем медленно вышел из своего укрытия.

ГЛАВА II

ТОРПЕДА ВРЕМЕНИ

I

Ильин проснулся под монотонную дробь дождя по берестяной крыше. Было слышно, как хлещут струи по лужам. Порой казалось, что за стенами избы кто-то ходит, с трудом вытаскивая из хляби увязающие ноги — это ветер обрушивал с листвы накопившуюся влагу.

Равномерное дыхание спящих, доносившееся со всех сторон, свидетельствовало о том, что час еще ранний. Да и крохотные окошки, затянутые рыбьим пузырем, совсем не пропускали света. Но сон окончательно отлетел, и, повертевшись с полчаса, филолог решил выйти наружу подышать ночной свежестью.

Под берестяным навесом, где сушились сети, стоял толстый чурбан — его Ильин приметил еще днем и теперь, в полной темноте, отыскал без труда. Проведя ладонью по теплому, слегка шершавому срезу дерева, он ощутил легкую дрожь, словно от неожиданного соприкосновения с живым существом.

Со времени Перехода — так называл про себя Ильин происшедшее перемещение во времени — минуло больше двух месяцев. И все-таки тот первый день в одиннадцатом столетии, который едва не стал последним для всех четверых пришельцев из будущего, до сих пор помнился в мельчайших подробностях. А вот недели, следовавшие за ним, гораздо хуже удержались в памяти, теперь Ильин мог и спутать очередность событий, кое-что и вовсе забылось. Быть может, потому, что жизнь в лесном

урочище, где нашли приют беглецы, текла однообразно, по контрасту с днем Перехода — даже сонно.

Это было время знакомства — с веком, с его обитателями, друг с другом. Все-таки, что ни говори, а первые их беседы в подземелье, а затем в колонне пленников дали только самое общее представление о каждом из них. Настоящее сближение, подлинное взаимопонимание пришли позднее, когда они поведали о своей жизни, о своем мире, не забывая и бытовых мелочей...

Еще в ту первую ночь, когда пробирались через дебри со Святовидом и его людьми, четверка пришла к первому коллективному соглашению — не открывать никому тайны своего появления в этом мире, не рассказывать об известных им событиях будущего, не вмешиваться в происходящее. Поначалу Ильину казалось: его товарищи так и не возьмут в толк, что всякое воздействие на ход событий прошлого чревато изменением будущего, что любое неосторожное деяние может привести к непоправимому — мир изменится настолько, что в нем не окажется места ни путешественникам во времени, ни их родственникам. На выручку пришла литература — «И грянул гром» Брэдбери; пересказанный филологом рассказ произвел угнетающее впечатление даже на самонадеянного Овцына.

— Подумать только! Раздавил бабочку — и начальство поменялось! Вчуже оторопь берет...

— Мы тут, я чай, одних комаров больше тыщи убили, — потерянно сказал Ивашка. — Что ж теперь будет-то?..

Ильин понял, что переборщил, и принялся успокаивать спутников:

— Но ведь то вымысел писателя. Суть этого иносказания — ничего не трогай в прошлом, старайся оставлять как можно меньше следов.

Когда с грехом пополам все же уговорились воздерживаться от участия в происходящих событиях, филолог стал обдумывать, каким образом свести к минимуму то

отрицательное воздействие, которое они успели оказать на историческую среду — так он решил называть окружающую действительность. Прежде всего нужно было пресечь распространение сведений о том, что они — пришельцы из будущего. Он досадовал на себя за проявленную неосмотрительность, когда в ходе первой беседы со Святovidом заявил, что явился из иного времени. Улучив минуту, когда старец оказался один, филолог пристроился шагать рядом и высказал свою просьбу о сохранении тайны. Волхв долго молчал, затем величаво кивнул.

— Нем буду. От злыя смерти мя избавил еси, человеце, даждь ти Перун благо...

Дождь стихал. Во тьме слышалось легкое шуршание капель по листьям, по берестяному навесу, под которым укрылся Ильин. Когда он выглянул наружу, ему показалось, что в вышине кое-где помаргивают звезды. Значит, тучи разносит ветром, и к утру может выглянуть солнце. Как надоел этот пасмурный август!..

В первые дни после Перехода Ильин еще включал своего внутреннего переводчика, когда приходилось вести разговоры с аборигенами одиннадцатого века. Но теперь он совершенно не нуждался в посреднике — речь его собеседников казалась ему настолько же будничной, как и «треп» коллег по институту каких-то три месяца назад. Иногда он ловил себя на употреблении древнеславянских грамматических форм, но это случалось все реже, видимо, период адаптации заканчивался, и вскоре он вообще не сможет оценивать свой словарь как бы со стороны. Да и в отношении других участников Перехода он постепенно утрачивал способность к отстранению.

Сближение между четверкой привело к тому, что уже на второй неделе их знакомства они приняли предложение Ильина перейти на ты и звать друг друга по имени. Только Овцын поначалу упирался, но пример генеральской дочери, с восторгом принявшей демократическую манеру общения, все же убедил его, что впадать

в амбицию не имеет смысла, что это только усилит чашемешливо-пренебрежительное отношение княжны. Став просто Василием, коллежский секретарь почти оставил свои барские замашки, оказалось, он весьма добродушный молодой человек, в меру легкомысленный, как и подобает светскому сыну галантной елизаветинской эпохи.

Иван оказался куда более крепким орешком. Приняв сложившийся стиль поведения, он тем не менее не отказался от обыкновения все на свете объяснять божьей волей. На счет Провидения он отнес в конечном счете и сам Переход.

— Коли богу угодно было нас сюда закинуть, будем здесь его имя святое славить.

То, что он быстрее всех смирился со своим новым положением, внутренне успокоился, говорило о его намерении всерьез обживать далекое столетие. А вот Ильин с княжной и Овцыным первые дни горели желанием как можно быстрее вернуться к метеоритной воронке и попытаться счастья: авось назад забросит. Только после того как Святовид поведал об обстоятельствах падения небесного тела, им стало ясно, что надежда на возвращение ничтожно мала.

Волхв рассказал, что вскоре после удара метеорита к воронке сбежались почти все обитатели селения. Несколько отчаянных голов забрались в обугленную яму. Но стоило им достигнуть ее центра, как все они на глазах толпы растворились в воздухе.

А примерно через час на дне воронки появился Иван, дрожащий, поминутно крестящийся. Изумленные жители таежного поселка, забравшиеся в эти дебри из-за преследований их веры со стороны христианских властей, решили, что темные силы подобрались к ним через недра земные.

Не успели упрятать в узилище отчаянно бившегося старообрядца, из воронки вынырнул малиновый щеголь. Скрутив его, обнаружили на груди крест и окончательно укрепились в своих подозрениях.

Так что когда в яме объявился Ильин, его уже поджидала целая толпа язычников, готовая сразиться с подземными бесами, засланными коварными служителями христианского бога.

Прослушав все это, Ильин понял: заключение, сделанное им и его товарищами о том, что после падения метеорита произошло смещение времени сначала в сторону будущего, а потом обратно, было правильным. И амплитуда этого колебания составила около двух часов. А поскольку в дальнейшем никто больше из воронки не появился, но и не пропал, хотя на дне ее все время копошились люди Святовида, — все это говорило о справедливости второго вывода: следующий цикл, если он вообще возможен, повторится через пятьдесят семь лет...

Тьма вокруг несколько разрядилась. Стали различимы очертания крыш, кроны деревьев черными глыбами мрака выделялись в посветлевшем небе. Хотя дождь и не прекратился совсем, шорох его стал едва слышным, вкрадчивым. Какая-то особая, бодрящая свежесть, приносимая предутренним ветром, свидетельствовала о близком конце ненастья. Если установится ведро, можно будет в путь отправиться, думал Ильин, вглядываясь в небосвод. «Ага, вот как будто ковш Большой Медведицы, значит, юг там. А мы двинемся к юго-западу, если, конечно, Новгород стоит на том же самом месте, что и в мое время... Тыфу, черт, во всем начинаешь сомневаться, даже в географии...»

Решение уходить из лесного поселка, давшего им приют, созрело постепенно. Поначалу, осознав, что рассчитывать на возвращение в свои века не приходится, гости из будущего приуныли. Кроме Ивана, разумеется. Тот нарадоваться не мог, что попал из эпохи богопротивных ересей в светлые времена первых подвижников Христовой веры на Руси. Он даже заявил:

— Да я, хоть озолоти, не уйду из нынешних времен. Вот дайте только от поганых удрать. Ужо я со святыми

отцами Киево-Печерскими встречусь, окормления духовного испрошу...

— Как тебе не совестно, Иван, — стыдила его княжна. — Люди тебе приют дали, от дружинников спасли, а ты их погаными зовешь.

— Паганус по-латыни — значит язычник, — бесстрастно прокомментировал Ильин.

— Но в наше время это ругательное слово, — упрямо говорила Бестужева.

Как бы то ни было, осознав безвыходность ситуации, и остальные путешественники во времени решили выбираться из дебрей. Не будешь же пятьдесят семь лет дожидаться в этом медвежьем углу, пока представится возможность попытаться осуществить обратный Переход.

Вернувшись в избу, Ильин услышал бормотание в углу. Напрягши слух, разобрал отдельные фразы: «услыши глас моления моего», «радуйся за ны смерть приявший», «почитаем вси честныя твояе главы усекновение».

— По какому случаю, Иван? — шепотом окликнул филолог.

— Акафист крестителю Господню Иоанну читаю, — отозвался старообрядец. — У меня сегодня день ангела...

— Ну и память у тебя! — восхитился Ильин. — Ты что ж, на каждого святого акафисты знаешь?

— Где там, — вздохнул Иван.

— Ну как же, вчера Анне-пророчице, чьей-то там дочери читал...

— Не чьей-то, а Фануиловой дочери, той, что Господа нашего в храме Иерусалимском встретила... Не мешай молитву творить...

И он снова размеренно зашелестел губами.

Каждый день начинался для Ивана с многочасовых стояний в углу на коленях. На расспросы товарищей он отвечал охотно, явно наслаждаясь ролью религиозного наставника. Память его хранила сотни молитв, кондаков и тропарей на разные случаи жизни, церковный календарь старообрядец знал как свои пять пальцев,

помнил множество житий. Последнее обстоятельство особенно заинтересовало Ильина, и он часто просил изложить биографию того или иного святого, подвизавшегося в эпоху Владимира и Ярослава.

С особым умилением передавал Ивашка историю умерщвления князей Бориса и Глеба, любил пересказывать житие Антония Печерского, основателя первого русского монастыря. Слушая его, филолог жалел, что прежде почти не интересовался этими повествованиями и даже книгу Ключевского «Жития святых как исторический источник» прочел невнимательно. «Знать бы где упасть, соломки постелил бы», — досадливо думал он. Ведь именно в житиях содержалась самая богатая информация о быте Древней Руси, о мировоззрении русского народа, которая позволила бы теперь лучше ориентироваться в новой исторической среде. Ильин хорошо помнил летописные свидетельства, но в них содержалась по большей части бесстрастная констатация фактов. Единственное произведение, близкое по жанру к житийной литературе, оставшееся в памяти филолога — «Повесть о водворении христианства в Ростове». На нее Виктор обратил особое внимание, еще учась в аспирантуре, когда собирал материалы о верованиях древних славян — Добрыня, герой его диссертации, начал свою деятельность с устройства языческого капища, по образцу того пантеона богов, что соорудил его племянник великий князь Владимир в Киеве.

Под эти мысли Ильин незаметно провалился в сон. А когда проснулся, изба была освещена — столб солнечного света падал из отворенной настежь двери. Никого, кроме Виктора, не было, и эта пустота, этот яркий луч, в котором клубилась пыль, вызвали ощущение тихого праздника — так бывало в детстве, когда родители оставляли его одного и он чувствовал себя властелином целой квартиры, обладателем тысяч книг, повелителем огромных диванов. Стремительно вскочив с широкой лавки, он бросился на пол и принялся отжиматься, потом

выбежал наружу, на травянистую поляну и, широко расставив ноги, начал делать наклоны, легко прогибаясь в пояснице.

II

Из рощи появились несколько обитателей лесного селения, обвешанные охотничьими трофеями — рябчиками, тетерками, глухарями. Увидев Ильина, остановились и, словно позабыв обо всем на свете, с величайшим вниманием стали наблюдать за действиями филолога. До сих пор здесь не могли привыкнуть к его ежедневной зарядке и замирали как вкопанные, стоило ему вскинуть ногу до уровня плеч или начать вращать головой, разминая шейные позвонки.

Сначала Ильина озадачивало такое внимание лесовиков к его утренним процедурам — ведь во всем прочем они проявляли себя весьма неназойливыми людьми, первое удивление при виде необычайных явлений и странных действий чужаков быстро сменялось будничным отношением. Только по прошествии нескольких недель из случайно оброненной кем-то фразы он понял, что его упражнения воспринимали как своего рода магические действия, вроде шаманского камлания.

Иван поначалу так же истолковал утреннюю зарядку: бесам службу творишь. Но когда Ильин разъяснил, зачем нужны эти ежедневные телодвижения, старообрядец с превосходством сказал:

— О телесах радеешь, а душу не блюдешь. Ты бы вот сотни три земных поклонов отбил, так куда лучше вышло бы — и богу лепота, и тебе никогда утина не знать.

— Что за утин? — машинально спросил филолог.

— А хворь такая — в пояснице стрелье, как хватит, так не согнешься.

— Это ишиас, — догадался Ильин. — От него и поклоны не спасут, ежели застудишь спину.

— Молитва ото всего исцеляет, — наставительно заявил Ивашка. — Я сам видал, как родитель мой от этой напасти лечивался. Пришла к нам старлица одна, святой жизни, и велела ему через порог на живот лечь. Положила ему на спину веник-листовик да принялась по нему топором колотить. А папаша по научению ее вопрошает: что сечешь? Утин секу, отвечает. А сама умную молитву творит.

— Умную?

— В уме то есть, одному богу слышимую... Так вот три раза порубила веник да и только — утина как не бывало...

Охотники продолжали наблюдать за Ильиным. Наконец один из них медленно приблизился к филологу и бросил к его ногам огромного черного глухаря и несколько рябчиков.

— Помолись Хорсу о послании богатой добычи в наши силки.

Виктор прервал упражнение, протестуяще замахал руками.

— Ничего не нужно. Заберите. Нас прекрасно кормят. Но охотники уже шли своей прежней дорогой.

Ильин в задумчивости постоял над трофеями. Как растолкуешь им, что такое зарядка, если даже Святovid ничего не понял из его объяснений?

Старый волхв увидел раз Виктора в йоговской позе лотоса и с нескрываемым изумлением спросил:

— Асаны знаешь?

— Да, — с меньшим удивлением отвечал филолог. — А вы... то есть ты откуда про них ведаешь? Ведь это индийское изобретение, от вас до йогов пять лет пути...

Но жрец, не слушая его, опустил на траву и принял позу плуга.

— Знаешь такую?

Ильин повторил его движения.

— И асану «коровья морда» знаешь? — еще больше поразился волхв.

Виктор кивнул и, быстро сцепив руки за спиной, хрустнул позвонками.

Из дальнейшей беседы со Святовидом филолог понял, что его первоначальное предположение о духовной связи древних ариев Индии и славян было верным. Но он едва мог поверить, что сходство обрядов и ритуалов язычников Восточной Европы с культовой практикой далекого Индостана оказалось столь очевидным.

Когда волхв говорил о минувшем, горькая складка кривила углы его губ, а глаза смотрели отрешенно и сумрачно.

— Христианские жрецы рыщут повсюду в поисках старых книг из бересты и дощечек с письменами. Ничего им так не нужно, как священные писания древних мудрецов. Если находят, сразу уничтожают... У народа почти ничего не осталось уже, хотя Христова вера пришла к нам совсем недавно...

— Двадцать шесть лет, — автоматически вычислил Ильин. — Почему же они столь непримиримы именно к старым книгам?

— Они несут Змиеву веру.

— Что за новое понятие?

— Оно старо как наш дряхлый мир. Эта вера уже пыталась поработить наши души, да праотцы русичей отбили натиск Змея.

Ильин слушал со все возрастающим интересом. Тема змееборчества, пронизывающая все древнейшие предания и былины русского народа, вызвала ожесточенные дискуссии в среде его коллег, да и представители смежных наук — истории, археологии, философии — не обошли ее вниманием. Трактовки, выдвигавшиеся при истолковании змееборческого эпоса, бывали диаметрально противоположны — отчасти из-за недостатка конкретного материала, отчасти из-за несходства убеждений

споривших, разной «полярной заряженности» их идейных платформ...

— В какие времена происходил этот натиск? — спросил Ильин. — И почему ты всегда говоришь о Змее, кто это?..

Старые волхвы говорили: двести поколений сменилось... Из-за гор на равнину пришли люди, они несли на своих копьях змеиные кожи, они говорили, что прародитель их Змей, он даровал им знание, научил различать доброе и злое...

— Двести поколений... Это же шесть тысяч лет! Ведь тогда и славян еще не было.

Святовид медленно покачал головой.

— Они жили в иной стране, возле гор. Там было всегда тепло. И был единый язык... Только мы, хранители памяти, знаем его...

— Тот язык, на котором ты возносишь молитвы?

Жрец прикрыл глаза и кивнул.

— Ты понимаешь его, можешь говорить?

— Нет, я только запомнил то, чему учили старые волхвы.

— Да и ты как будто не юнец...

— Я пришел к волхвам, когда мне было больше пятидесяти. Я был воином...

Ильина охватило волнение. Ему казалось, он стоит на пороге какой-то великой тайны. Быстро спросил:

— И когда пришли люди Змея, наши предки ушли в разные стороны, разбились на племена?..

— Одни ушли в страну пустынь и потерялись. Другие поднялись к небесам и познали душу мира. Иные ушли к великому морю, туда, где заходит солнце. Мы пришли в державу лесов.

— Расскажи подробнее, кем ты был до того, как стал волхвом?

Святовид вскинул на Ильина холодные внимательные глаза. Долго молчал, всматриваясь в его лицо. Потом, не говоря ни слова, встал и пошел прочь...

Подняв с травы глухаря, Виктор прикинул его вес — выходило не меньше пяти килограммов. «Тут работы до полудня, — досадливо подумал филолог. — Перо обшипать и то пальцы обломаешь». Собрал рябчиков и, расставив руки с трофеями в стороны, повернулся, чтобы идти в избу.

— Виктор, откуда такая добыча? — Княжна появилась словно из-под земли.

Ильин смутился — такие вроде бы нечаянные встречи происходили в последнее время подозрительно часто. Пробормотав что-то несвязное про силки, про охотников, филолог предложил:

— Заходи, Аня, к нам, заодно поможешь птицу шипать. На дворе ветрено, по всей поляне перо разнесет...

Первое время Бестужева заливалась краской, стоило назвать ее по имени. Заметив это, Ильин предложил вернуться к прежнему обращению по имени-отчеству. Но княжна запротестовала — ее восхищали демократические манеры филолога. Оправдывая свою застенчивость, она говорила, что ее нравственность изуродована словесным воспитанием. Чем скорее выветрится школа Смольного, тем лучше, считала Анна...

Когда они уселись возле закопченной каменки, Ильин показал, как нужно дергать перо, и молча принялся за первого рябчика.

— Где Иван с Василием? — через некоторое время спросила княжна.

— Ходят где-то, — не поднимая глаз от птицы, ответил Ильин.

Прошло еще несколько минут. Затянувшуюся паузу прервала Анна:

— Чем собираешься заниматься сегодня?

— Суп буду варить, — уткнувшись взглядом в изрядно полысевшую тушку рябчика, отозвался Виктор.

Его злило то, что, будучи почти вдвое старше Анны, он теряется в общении с ней как мальчишка. Стоило большого труда заставить себя прямо смотреть ей в ли-

цо, а говорить непринужденно, как в первые недели, и вовсе не получалось.

Вообще в отношениях с прекрасным полом Ильин всегда чувствовал себя уверенно, умел завоевать внимание, умел занять своих избранниц непринужденной беседой. Нынешнюю свою неловкость он объяснял тем, что Овцын обнаружил нешуточный интерес к генеральской дочери и весьма настойчиво старался добиться ее расположения. Василий вызывал симпатию у Ильина, и филологу не хотелось, чтобы отношения в четверке осложнились — ведь всем им нужно было держаться друг за друга в этом чужом и, может быть, враждебном мире. Кто знает, сколько им еще предстоит скитаться в дебрях времени, говорил себе Виктор, я как старший просто обязан блюсти равновесие, дабы никто не почувствовал себя уязвленным...

Княжну поведение Ильина по временам прямо-таки бесило. По целым дням она дулась на него, не подходила со своими обычными вопросами о светлом будущем. Но, конечно, не выдерживала и вновь являлась как ни в чем не бывало. В глубине души Ильин восхищался ее непосредственностью и идеализмом, но все же до поры до времени ему удавалось выдерживать роль сдержанного и даже несколько толстокожего человека.

— Витя, я ничего не пойму, ты так держишь себя со мной, словно я тебя чем-то обидела, — с вызовом сказала Бестужева.

Ильин отложил в сторону рябчика и исподлобья уставился на Анну.

— Знаешь что... у меня просто... просто период адаптации, то бишь приспособления к новой одежде. Я болезненно переношу всякие бытовые изменения, вот и все... Так что прости... Может быть, это признак и плохого воспитания — неумение скрывать, что тебе плохо...

В больших серых глазах княжны появилось участливое выражение, полные губы сложились сердечком.

— Бедный Витенька, прости, я не знала... Ну зачем ты обрядился в этот балахон.

— Ты знаешь, Анюта, если я похожу в своих джинсах и майке еще месяц, то буду выглядеть как оборванец. А я все-таки не потерял надежды вернуться в свое время, и появиться в двадцатом веке мне хотелось бы в человекообразном виде... И тебе советую, пока юбка и блузка не потерлись, прибрать их до лучших времен. Кстати сказать, тебе здорово пойдут платья и поневы здешних девиц, да и кокошник с жемчугом украсит твои чудные светло-русые волосы. Будешь смотреться стопроцентной славянкой.

Анна сначала презрительно наморщила носик, а потом, искоса взглянув на Виктора, с кокетством сказала:

— Да ведь тебе должны нравиться девушки в стиле рюс, ты же фольклорист.

— Нет, в самом деле! — Ильин не принял шутливый тон. — Тебе даже не придется принаравливаться к более тяжелой одежде, как мне...

— То есть?..

— Ты понимаешь, я только теперь понял, насколько сильно переменились условия существования человека в нашу эпоху по сравнению со всеми предшествующими... Вернее, первое ощущение в этом плане у меня возникло после того, как Василий дал мне померить свой камзол. После моей майки, весящей сто граммов, его обшитое позументами сооружение просто веригами мне показалось. А туфли! Я словно бы колодки на ноги надел. Тяжелые, скрипучие. Поверь, вот эти лапти, что на мне сейчас, в десять раз удобнее. До кроссовок им, конечно, далеко, но, по крайней мере, ноги не натрут. Я не представляю, как Вася на этих красных каблуках по лесу тогда бежал, это же все равно что на кабаньих копытах танцевать...

— И из этого опыта ношения чужой одежды ты сделал вывод о характере всей эпохи? — со скептическим смешком сказала Анна.

— Да, представь себе. Еще мои родители жили в одну эру с вами, а мы — граждане иного века. Не по календарю, а по сути. Мы дети синтетического, одноразового времени.

— Как это одноразового?..

— Ну как тебе объяснить... У вас все делалось на целую жизнь человека... Вот мать моя, выросшая в ту эпоху — она по двадцать раз полиэтиленовые пакеты моет, а мы использовали — и в мусор. Наше время таково, что никто почти ботинок в починку не носит. Мода каждый сезон меняется, и в общем новые вещи на свалку выбрасываются...

Перед глазами его возникла картинка из раннего детства — год, может быть, пятьдесят первый. Отец возвращается с работы, заходит в их единственную комнату, единственным украшением которой служат два венских стула. Садится на некрашенный табурет, ставит на колени огромный портфель, на изготовление которого, наверное, пришлось содрать кожу с годовалого теленка, щелкает большими медными замками и достает кипу бумаг. Зычно кричит: «Зина, полюбуйся на первенца!» С кухни влетает мать, одетая в креп-жоржетовое платье с высоко поднятыми плечами. «Автореферат!» — значительно говорит отец. Мать чмокает его в щеку вишневыми от помады губами и берет у него рукопись. Отстранив ее на расстояние вытянутых рук, торжественным тоном читает: «О повышении революционной бдительности советских людей. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Автор Ильин Эм. Эн.». Пока она произносит этот текст, похожий на заклинание, отец снимает с головы тюбетейку, вытирает лысину большим красным платком. Потом кладет портфель на пол возле стены и поднимается во весь свой богатырский рост. Они долго стоят обнявшись с матерью, и Виктор с обожанием взирает на родителей. Как нравится ему каждая деталь отцовского туалета — всегда до блеска начищенные яловые сапоги, широкие

синие галифе, длинный френч, застегнутый на все пуговицы. Отец преподает Краткий курс истории ВКП(б) в педагогическом училище, а также читает лекции в обществе по распространению политических и научных знаний. Когда к матери приходят соседки, она хвастает им, что благодаря отцу было разоблачено много шпионов, диверсантов и ротозеев. Виктор внимательно слушает ее рассказы, а потом сам хвастает мальчишкам: отец учит на лекциях соблюдать государственную и военную тайну, не трепать языком на курортах и в трамваях, не бросать в мусорные корзины копирку от пишущих машинок. Отсвет славы Ильина-старшего падает и на Виктора — мальчишки безоговорочно принимают его указания по изобличению вражеских агентов. Увидев на помойке какого-то типа, который рылся в железных бачках, сразу поняли, в чем дело, и, налетев толпой, повалили подозрительного оборванца. Пока один из ребят бегал звонить в милицию, другие, вцепившись в шпиона, не давали ему подняться с земли...

— Черт знает куда заводят воспоминания, — невесело усмехнулся Ильин. — Начал про философию одежды, а забрался в общественную психологию.

— Это все безумно интересно! — воскликнула княжна, с обожанием глядя на Виктора. — Так что же стало с этим шпионом? Его повесили?

Ильин помрачнел и нехотя ответил:

— Нет, конечно. В то время уже не вешали... Дураки мы были... Давай лучше про одежду говорить... Я о галифе и сапогах начал — их по десять-пятнадцать лет носили. Помню разговоры в доме о китайских костюмах с двумя брюками в комплекте. Пиджак еще новый, а штаны протерлись — вот тогда вторые извлекаются. Это же апофеоз бережливости! А пальто какие шили — на каждый карман шло материала, сколько сейчас на пиджак. Но и носились они от одной мировой войны до другой...

— У нас в Никольском Погосте тоже один пальто-

носец был, — с улыбкой заговорила Анна. — Еще до моего появления на свет дедушка из Парижа небывалое одеяние привез — то ли кафтан, то ли плащ песочного цвета, и название чудное, кое-как выговоришь: пальто. Так одна наша соседка, старушка из мелкопоместных рассказывала. Можно представить, что мужики про это приобретение говорили. Соседи-помещики нарочно приезжали, чтобы на диковинку посмотреть. Несколько лет уездные франты дедушке подражали, пока пальто среди дворян в широкий обиход не вошло... Когда же парижское диво основательно износилось, дед подарил его писарю из станowego правления, первому щеголю среди окрестных поселян. Тот за такое благодеяние по гроб жизни благодарен был — шутка сказать, не каждый из господ подобную вещь имел. Во всякую стужу, в любой зной этот малый с пальто не расставался. До дыр его вытер...

— А ведь мне старик пастух говорил, что в Никольском Погосте — половина жителей Пальтовы, — вдруг вспомнил Ильин. — Не от этого ли многострадального одеяния и фамилия пошла?

— Косвенным образом, — кивнула Анна. — Того писаря так и прозвали: Пальто. А считался он большим сердцеедом — как у одинокой солдатки или у вдовы ребенок родится, всем ясно становится: без Пальто не обошлось. И детей таких звали — а, кучерявенький, значит, Пальтов. Когда же эти потомки писаря подрастать стали, им и фамилии по уличному прозвищу записали.

— Однако! — покрутил головой Виктор. — Могуч мужик! Полдеревни от него пошли... Слушай, а как сыновей его звали? Не было среди них Феофилакты... или что-то в этом роде?

— Флегонт, может быть?

— Точно — Флегонт! Я ведь на его могиле, вернее, на его надгробии сидел. Там еще «почетный гражданин» значилось.

— Смотри-ка, в люди выбился, — удивилась княжна. — Он незадолго перед тем, как я... исчезла... в соседний уездный город перебрался, торговлю хотел открыть...

На мгновение Ильин с поразительной ясностью снова увидел залитое солнцем кладбище, буйно разросшиеся кусты боярышника, порыжелый плащ пастуха, услышал его надтреснутый голос...

Виктор с силой потер виски. Виновато произнес:

— Знаешь, Аня, я до сих пор иной раз не верю в происшедшее с нами. Абсурдом, чертовщиной все кажется. Как тогда, после метания молний...

Княжна с признательностью прикоснулась к его руке точеными пальцами.

— Если б не твои объяснения, я бы, чего доброго, от материализма отеклась, в бога и бесов, как Ивашка, поверила...

— Да ведь это все мои гипотезы, предположения. Знать бы, что предстоит, я бы физику попривлекней штудировал. Теперь вот и приходится выдумывать теории одну другой причудливее. А в современной науке наверняка все имеет ясные обоснования. Хотя бы историю с этими частицами взять: читал где-то, что экспериментально обнаружены некие тахионы — вроде бы так они в статье именовались — и движутся будто бы эти частицы в направлении, обратном течению времени. Знать бы поточнее, может быть, и механизм Перехода можно было понять.

— А меня твоя затея захвата энергии убедила, — непреклонно сказала Анна.

После происшедшего в поселке у излучины реки Ильин несколько дней раздумывал о явленных им и его товарищами сверхъестественных способностях. То, что все четверо оказались наделены ими, сразу же определило ход мыслей филолога — он сделал вывод, что перемещение во времени каким-то образом усилило их естественное биологическое излучение. Проанализи-

ровав ситуацию, стремительно развивавшуюся после того, как дружинник развязно положил руку на плечо княжны, Ильин пришел к заключению: сильная эмоциональная встряска привела к концентрированному выбросу энергии. В момент смертельной опасности у всех четверых пришли в движение такие экстрасенсорные способности, которые сотворили «чудо».

Друзья по-разному отнеслись к рассуждениям Виктора. Иван сразу же отверг его гипотезу, сославшись на то, что если богу было угодно забросить их всех в прошлое, значит, он же наделил их неземной силой. Овцын и княжна проявили большую склонность к восприятию рациональных построений. Однако потребовали объяснить физическую природу явления.

— В который раз вам говорю — я гуманитарий, — втолковывал им Ильин. — Я знаю только обрывки научных идей — то, что носится в воздухе, что пересказывается газетами и журналами на уровне сенсаций...

— Виктор Михайлович, — взмолилась княжна, — я уже начинаю испытывать раздражение от этих постоянных самоуничижений. Да вы в тысячу раз просвещеннее любого ученого из нашей эпохи...

— Ну хорошо, хорошо, не буду, — согласился Ильин. — Слушайте мои соображения... Со времен школы помню, что Ломоносов сформулировал закон сохранения материи. Не знаю только, до или после того, как вы, Василий Тимофеевич, отправились ловить бегунов в Никольский Погост...

— Я об этом ничего не слышал, — отозвался Овцын. — Хотя о самом господине Ломоносове... Знатный стихотворец, и муж весьма ученый.

— Закон, им открытый, гласит: количество вещества в природе неизменно, если у одного тела отнимется какая-то часть материи, точно такая же часть прибавится к другому. Примерно так звучало определение Ломоносова. Причем далее уточнялось, что закон распространяется и на движение, то есть энергию: сколько отни-

мется у одного тела, столько же прибавится к другому.

— Уразумел, — закивал Овцын.

— А раз так, то наше появление в прошлом является нарушением мирового закона: мы материально принадлежим одному времени, но, будучи вырваны из него, оказываемся в ином времени чем-то вроде антивещества, инородными телами. Отсюда, наверное, и избыточная энергия, которую мы в состоянии излучать. Стоит нашему биологическому полю возбудиться, как мы становимся источником мощных разрядов. Мы заряжены отрицательно по отношению к энергетическому полю этого времени.

— Понимаю с трудом, но смысл улавливаю, — сказала княжна. — Все это просто восхитительно...

За несколько недель, минувших с той поры, Анна усвоила не только манеру общения по имени и на «ты», но и многие понятия, бывшие обиходными для любого гражданина двадцатого века. Она достигла бы несомненных успехов в науке, доведись ей жить в иное, будущее, время, считал Ильин. Даже отрывочных познаний его оказалось достаточно, чтобы стимулировать самостоятельный поиск ею первопричин тех или иных загадочных явлений, с которыми сталкивалась четверка.

Когда Виктор рассказал о распространенных в его время научных сенсациях вроде проблемы Бермудского треугольника, телепортации, о Лох-Несском чудовище, Бестужева надолго задумалась, а потом сказала:

— А ведь такие факты, как исчезновение самолетов и судов в Бермудском треугольнике, говорят о том, что и там существует дыра во времени, подобная той, в которую угодили мы с вами.

Ильин несколько мгновений озадаченно смотрел на нее и вдруг завопил:

— Гений! Ты гений!..

— Что стряслось? — примчавшийся на крик Овцын тяжело дышал.

Коротко остриженные волосы коллежского секретаря торчали дыбом, роняя искры.

— Успокойся, все в порядке, — с улыбкой сказал Ильин.

Шевелюра Овцына покорно улеглась.

— Анна только что сделала великое открытие, — пояснил филолог, с восхищением глядя на княжну. — Оно дает возможность объяснить многие разрозненные и на первый взгляд несвязанные между собой явления.

— В чем же состоит это открытие? — ревниво переводя взгляд с Ильина на Бестужева, спросил Василий.

— Таких дыр во времени много. Нельзя, конечно, утверждать, что после каждого падения метеорита образуется подобный канал, важно ведь понять -- какого происхождения было то небесное тело, которому мы обязаны своим появлением здесь... Знаете, мне вдруг пришла в голову мысль: не являются ли некоторые метеориты сами путешественниками во времени? И соприкосновение с ними вызывает смещения энергетического поля, искривление пространства и прочие аномалии...

Этот разговор произошел на днях, и теперь, когда Анна вновь вспомнила об идее захвата и переноса энергии, по-дилетантски сформулированной Ильиным, он с внезапной ясностью осознал причину своего томления, невыносимого желания поскорее уйти из таежного убежища.

На самом дне сознания уже брезжило нечто такое, что властно звало куда-то вдаль, словно там, на просторе, среди бесконечной дороги должно было произойти освобождение из плена времени. И вот теперь, в эту минуту, то, что таилось на глубине, вдруг стремительно стало всплывать, наполняя душу восторгом знания.

— Понял! — закричал Ильин. — Я понял, как нам выбраться отсюда.

Анна от неожиданности уронила недошипанного рябчика и непонимающе уставилась на Виктора.

— Ну что ты глядишь как на полоумного? Я действительно знаю, как вырваться... Не из урочища, а из этого времени!

Он отодвинул тушку птицы и бросился к выходу, не замечая, как с пальцев его сыплются искры. Выбежав на солнечный припек, остановился, оглядел поляну. Ах как хотелось ему, чтобы вокруг толпилось много людей, чтобы можно было бросить в толпу свое знание. Никогда у него не бывало такого тщеславного чувства, и вот теперь... Может быть, потому что никогда ему не приходилось совершать такое. Утерев испарину со лба, Ильин улыбнулся и подумал: так, наверное, чувствовали себя древние пророки, вдруг ощутившие касание истины. Действительно, в этом чувстве внезапного прозрения было что-то мистическое, казалось, будто чей-то чужой голос произнес в тайниках подсознания искомое слово и оно взмыло оттуда как спасательный буй...

— Говори же! — Анна стояла у выхода из избы, вцепившись руками в дверной косяк так, что побелели пальцы.

— Раз дыры времени многочисленны, раз они образованы в результате метеоритного воздействия, значит и другие временные каналы, подобные нашему, действуют с такой же периодичностью. Земля-то движется по одной и той же орбите! Выходит, чтобы попасть в будущее, надо узнать, когда в последний раз действовал тот или иной свищ, пробитый метеоритом.

— Но почему ты должен вернуться в то самое время, из которого попал сюда?

— А помнишь, я говорил, что мы являемся частицей материи, похищенной из своего конкретного пространства? Здесь мы как бы антивещество, поскольку превышаем неизменную массу материи, но в нашем времени, в нашем, так сказать, домашнем измерении образовалась дырка. Почему бы не предположить: когда мы будем проноситься по каналу времени через все слои простран-

ственных измерений, нас просто втянет та материальная среда, из которой мы выпали...

— И на этом ты строишь свой расчет на возвращение?

— Знаешь, интуиция подсказывает мне, что я попал в точку.

— Итак, ты хочешь сказать, что остается только найти какую-нибудь метеоритную воронку и...

— И, — сказал Виктор.

— А что, собственно, и? Заберешься в нее и будешь поджидать — может, через минуту тебя втянет будущее, а может, в почтенном возрасте?..

— М-да, — Ильин почесал затылок. — Это верно.

Смутное ощущение подсказывало, что он не до конца разобрал подсказку таинственного гостя подсознания. Какого-то звена еще не доставало до полного овладения истиной, но Виктор чувствовал: еще усилие, и озарение придет.

В этот момент на поляне показались коллежский секретарь и старообрядец. Оба были в тех же самых одеяниях, в которых появились из метеоритной воронки. Последовать примеру Виктора, облачившегося в порты и долгополую рубаху с тканым пояском, они пока не решались, хотя и смирились уже с тем, что когда-нибудь это сделать придется. Особенно держался за свои кафтан и туфли Овцын — сама мысль о мужицком платье вызывала у него брезгливую гримасу.

— Чего это ты тут раскукарекался? — спросил Василий. — Мы еще издали услышали.

— Не мешай. Я думаю, — повернувшись к нему спиной, Ильин обхватил себя руками за плечи и закрыл глаза.

Какая-то ускользающая догадка то вспыхивала, то погасала в мозгу. Пульсация все усиливалась, но Ильин никак не мог разобрать загадочные письмена. В висках стучало, лоб снова покрылся испариной.

Друзья с опаской смотрели, как волосы Виктора

медленно поднялись, как голубыми змейками заструились по всему его телу электрические разряды.

Никто не произнес ни слова — все уже привыкли к тому, что в моменты сознательного напряжения душевных сил или внезапного волнения с ними происходят необыкновенные вещи.

Однажды Ивашка, помогая хозяину соседней избы, поднатужился и поднял с земли дубовый кряж таких размеров, что поселяне остолбенели от изумления. Потом приводили других, чтобы показать глубокие — сантиметров в десять — следы, оставленные Иваном на матером дерне, когда он нес чудовищную тяжесть.

В другой раз Овцын, распалившись на укусившую его пчелу, вылетевшую из деревянной борти, подвешенной неподалеку от поселка, неосторожно испепелил весь рой вместе с сотами.

Ильин отнял руки от плеч и повернулся лицом к подошедшим.

— Знаете, почему богатыри русских былин с корнем выворачивали столетние дубы? Знаете, почему во многих житиях говорится, что святые предсказывали день своей смерти?

В глазах его светилось торжество.

— Почему? — в один голос спросили Василий и Иван.

— Потому что они, как мы с вами, были пленниками времени! И обладали сверхъестественными способностями! А кое-кто знал будущее развитие событий — те, скажем, кто хорошо вызубрил соответствующие жития, вроде тебя, Иван...

Анна недоуменно начала:

— Так ты хочешь сказать, что они тоже провалились в воронку времени?

— Именно так. Больше того: во всякой эпохе есть мигранты из прошлого и будущего. Вот вам объяснение загадочных субъектов вроде Калиостро и творимых ими чудес.

— Миграны? — переспросил Ивашка.

— Мигранты, то есть пришельцы... Вы понимаете, какой вывод из этого следует?

— Полное и окончательное опровержение поповских бредней! — восторженно крикнула княжна и захлопала в ладоши. — Виват материализму!

Иван резко повернулся к Анне и хотел было что-то сказать, но Ильин остановил его жестом.

— Да не в этом дело, Аня! Нет у нас иной заботы, кроме прославления материализма? Я к другому вас подвожу... Надо искать в этой эпохе людей, наделенных сверхъестественными способностями, как мы с вами. Если сумеем встретиться с подобными субъектами, можем узнать и про другие временные каналы...

— Мать честная! — Овцын даже хлопнул себя ладонями по ляжкам. — Да ведь ты и впрямь голова!.. Если такой... как ты говорил — мигрант?.. если он нам доложит о времени и месте своего явления, то мы можем..

— Прибавить к этой дате пятьдесят семь лет! — Анна даже подпрыгнула от нетерпения. — Ура! Немедленно отправляемся в путь. Надо скорее разыскать пришельцев и выбрать наиболее подходящую воронку... Хорошо бы до зимы успеть домой... Я хоть и сержусь на папá, но ужасно по нем соскучилась.

Она тараторила так без умолку, пока Ильин не расхохотался. Прикусив губу, Анна обиженно умолкла.

— Ну что ты сразу и надулась, как мышь на крупу. Меня в восторг приводит твой оптимизм, я бы тоже хотел до холодов в свой век попасть.

— Но какие же препятствия для этого? — через силу спросила княжна.

— Да ведь пришельцы на дороге не валяются. Они, если и есть в этих краях, таятся от посторонних, скрывают свое происхождение. Ты подумай, куда мы попали — начни ты объяснять, откуда взялась здесь, тебя живо как оборотня порешат.

Восторг немедленно сменился унынием. Глаза Бес-
тужевой подозрительно заблестели.

— Но ты же сам говорил... Как это жестоко...

— Анюта, успокойся, ради бога. Я сейчас скажу все
по порядку. Обменяемся мыслями, может, к чему пут-
ному придем.

— Да ты никак и чудодейственную силу святых мо-
щей под сомнение берешь? — набычившись, спросил
Иван. — Подвижники веры не от бога, а от какой-то
там энергии дух укрепляют, великие знамения не от
молитвенных бдений, а от простого напряжения бы-
вают?.. Разуй глаза, еретик, за спиной твоей бесы от
рады пляшут.

Но Ильин выловил из его тирады только фразу о
мощах, пропустив остальное мимо ушей.

— Э-э, да ведь ты даешь еще одно подтверждение
моей гипотезы. Именно останки умерших мигрантов
должны оставаться как бы вне действия физических за-
конов. Отсюда и рассказы о сиянии, исходящем от му-
мий, о чудесных исцелениях. Возможно, энергетическое
поле, сохраняющееся вокруг этого, с позволения ска-
зать, антивещества, действительно обладает определен-
ным лечебным действием.

Иван поспешно перекрестился и ушел в избу, всем
своим видом показывая, что не желает слушать бого-
мерзкие рассуждения.

— Ну что ты с ним поделаешь, — развел руками
Ильин. — Не могу же я ради сохранения добрых отно-
шений отступать от своих естественнонаучных убеж-
дений...

— Перетерпит, — сказал Овцын. — Не обращай
внимания. Скажи лучше, как же нам этих пришельцев
отыскать — коли они таятся от всех...

— Надо расспрашивать людей о необычных явле-
ниях, о чудаках, силачах, вообще необыкновенных лич-
ностях.

— Этак мы заурядным странникам-богомольцам упо-

добимся, кои всяческие рассказы собирают, — скептически скривив рот, отозвался коллежский секретарь.

— Да, как это ни хлопотно, а придется любые слухи ловить и достоверность их проверять. Хочешь домой?

В ответ Овцын только плечами передернул: спрашиваешь!

Наступившую паузу нарушила Анна:

— Не угодить бы нам самим в злые кудесники — приметит кто-нибудь, как мы искрами сыплем...

— Тренироваться надо, чтобы сдерживать свои эмоции. Мы ведь уже способны в определенной степени направлять свою энергию... Кстати сказать, ты меня еще на одну мысль натолкнула: не связано ли монашеское учение о воздержании, о смирении, о покаянии с необходимостью подавлять энергетические выбросы? Ведь во многих житиях говорилось о том, что отшельники обладали сказочным могуществом, но вели весьма миролюбивый образ жизни. Помню из «Повести о водворении христианства в Ростове», что некий старец Аврамий каменное изваяние Велеса сокрушил, прикоснувшись к нему посохом. А идол, судя по описанию, напоминал колоссов острова Пасхи, помните, я вам о них рассказывал?

— Конечно, — отозвалась Анна. — Если принять твою гипотезу, можно легко объяснить, как их перемещали на несколько верст — допустим на минуту, что на острове действовали пришельцы из иного времени...

— Да, наш Иван доказал бы маловерам, как можно перетащить статую без всяких катков, — со смешком заметил Овцын.

— Знаете что? — вдруг воскликнула княжна. — Ведь с помощью теории мигрантов — давайте будем так ее называть — можно и многие другие непонятные вещи объяснить. Например, открытия, опередившие свою эпоху, религиозные откровения. Откуда, скажем, Леонардо да Винчи про вертолет знал да еще подробное его устройство начертил?

— Верно! — У Ильина даже дыхание перехватило, когда он представил, какую бездну мировых загадок можно решить с помощью его гипотезы. — И не только пришельцы из будущего... Ой, братцы, я ведь, кажется, доказательство нашел, что люди, попавшие в канал времени, назад возвращались. Значит, находили иные воронки. .

Овцын и Анна инстинктивно подались к Ильину, словно от него должно было прийти немедленное спасение.

— Все основатели мировых религий надолго скрывались из мира, а появившись перед людьми через многие годы, выступали с проповедью, переворачивавшей их сознание. Пример: Будда шесть лет провел в уединении, а потом потряс своих соотечественников изложением истин, которые на века опережали духовное развитие тогдашнего общества. И тем самым обеспечил могучий расцвет человека. А Христос — он ведь тоже долгое время провел в некой пустыне, а когда вернулся к гражданской жизни, стал провозвестником небывалой морали.

Из избушки послышалось недоброе ворчание, с тихим потрескиванием у ног Ильина рассыпался огненный шар.

— Иван, будет тебе злиться! — умоляюще произнесла Анна. — Ну просто слово сказать невозможно, того и гляди тебе на мозоль наступишь. А еще старообрядец! Ты бы хоть то в соображение принял, что вас Герцен стихийными революционерами считает.

— Считал, — уточнил Ильин.

III

Ильин пришел к Святовиду, чтобы поставить его в известность о решении четверки уйти в Новгород. Старик молча слушал его, сидя у каменки, постреливавшей угольками.

Под сводами избы клубился непроницаемый полог дыма. Только присев на корточки, можно было спокойно говорить. Но Виктор волновался, поэтому то и дело вскакивал, и тогда глаза его наполнялись слезами, в горле начинало першить.

Справившись с кашлем в очередной раз, Ильин закончил свою довольно несвязную речь риторическим вопросом:

— Разве мы не правы, что хотим отыскать свое место в этой жизни?

Волхв поднял на него глаза. Из-за кустистых бровей, из-за полумрака Виктор не мог понять, с каким выражением смотрит старик. Молчание становилось нестерпимым, и Ильин почти крикнул:

— Ну что ты меня разглядываешь, скажи, как ты относишься к нашему решению.

— Ты лукавишь, — сказал волхв и отвернулся к бордовой россыпи углей, уже подернувшихся пеплом.

Виктор не сразу нашелся, что ответить. Прямая:

— Нет, в самом деле...

— Ты мечтаешь вернуться в свое будущее, — жестко произнес волхв. — И хочешь отыскать дорогу туда.

— Откуда ты... черт возьми... от тебя ничего не утаишь...

— Черта не поминай. — Волхв резко повернул лицо к Ильину. — Не желаешь правду говорить, не неволю. Идите с миром.

— Святovid, право, я и не думал лгать... Мы действительно хотели бы вернуться назад. Но ведь это, сам понимаешь, почти невозможно. Так что нам взаправду придется искать себе место в вашем мире.

— К христианам жить уйдешь, — то ли вопросительно, то ли утвердительно изрек Святovid. — Змиеву веру примешь.

— Ну почему, — запротестовал Ильин.

— Примешь, — жестко сказал волхв. — Они другой веры не терпят. Мечом и огнем крестят.

— А, даже пословица такая была, до нашего века дожила — Путята крестил мечом, а Добрыня огнем...

— Не-ет! — неожиданно вскочив с места, взревел волхв.

Ильин инстинктивно вскинул голову, чтобы увидеть лицо Святовида. Но седая борода старика слилась с дымным облаком, так что казалось: перед филологом размахивает руками обезглавленное туловище.

— Добрыня не крестил! Добрыня славянским богам верен остался!

После этого выкрика раздался судорожный кашель, и Святовид повалился на бревно рядом с Виктором. Утирая глаза рукавом, старик задушенным голосом говорил:

— Добрыня веру отцов не отдал на поругание... Добрыня Перуново изваяние у христиан отбил и в глухом месте схоронил, а потом капище устроил...

— Не совсем точно, — сказал Ильин. — Согласно летописям, он сначала был ревностным поборником язычества. А потом, когда Владимир крестил киевлян, Добрыня, бывший посадником новгородским, последовал примеру своего племянника.

Святовид заскрежетал зубами и, схватив Ильина за плечи, сжал их своими железными пальцами так, что филолог скривился от боли.

— Полегче! Что я такого сказал...

— Ложь это! Владимир по наущению греков и змиевых слуг из хазар от богов славянских отшатнулся, а Добрыня его за то проклял!

— Да ведь летопись говорит... — начал Ильин.

— Я Добрыня! — возвысил голос волхв. — Я бывший посадник новгородский, от христианского мора в лесную дебрь скрылся... Я за Перуна и Хорса и Велеса бился... Пока жив буду, от веры не отступлюсь. Святовидом нарекли меня старые волхвы в честь бога Света...

Ильин был оглушен услышанным. Добрыня! Здесь, в дальней глуши, за сотни верст от Новгорода? Нет, тут что-то не то! Как же там в летописях о нем говорилось?.. Правда, год смерти его не назывался.. И вообще упоминания о нем пропадали после сообщения об устройстве им христианской церкви и уничтожении языческих идолов.

Волхв потащил Виктора наружу, на ярком солнечном свете распахнул свое рубище. Все еще мускулистая грудь и плоский живот были покрыты многочисленными рубцами.

— Видишь? Я воин. С половцами рубился, с ромеями, с варягами. В полюдь с Владимиром ходил, дань собирал, непокорных смирял...

Виктору все еще трудно было поверить, что он стоит лицом к лицу с героем своей диссертации. Наконец он сказал себе: черт побери, после всего, что случилось, это, пожалуй, не самое невероятное. И он несмело, как бы пробуя слова на вкус, обратился к волхву:

— Д-добрыня Никитич, у меня есть несколько вопросов.

— Что еще за Никитич? — изумился старик. — Мой отец — древлянский князь Мал, он был убит по приказу княгини Ольги, мстившей за своего мужа князя Игоря. А прадед мой — Нискиня, основатель нашего княжеского рода.

— Выходит, ты — Нискинич, как все князья, от Рюрика род ведущие, Рюриковичи?

Добрыня молча кивнул.

— Вот так новость, — растерянно бормотал Ильин. — Чего только нет в летописях, а такие важные сведения почему-то утаиваются...

Он на минуту умолк, переваривая услышанное, потом спросил:

— Ну а рассказы о том, как древляне истребили князя с дружиной, захотевших собрать дань в двойном размере и тем самым нарушивших неписаный закон,

о том, как Ольга спалила город Искоростень, привязав к лапкам голубей горящую паклю — все это правда?..

— Я еще малолетним был, — задумчиво заговорил волхв. — Но помню, как сейчас помню это гудение огня, стеной шедшего на нас. Только голуби тут ни при чем — байка это, про голубей. Стрелами с промасленной паклей подожгли кровли домов... А про Игоря-волка и дружину его — истина святая...

— А потом вас в рабство отдали?

— Да, — не глядя на него, отозвался Добрыня. — Если бы не красота моей сестры, я бы, может, и сегодня воду таскал для княжеской поварни...

— Если не ошибаюсь, она, когда подросла, стала ключницей у великой княгини?..

— Правильно. Тогда и Святослав в нее влюбился. Родила она ему Владимира. Оттого его до сих пор втихомолку робичичем зовут.

— То есть сыном рабыни?..

— Да ведь она княжеского рода, в нас благородная кровь течет! — яростно выкрикнул старик.

— Добрыня... — с виноватым видом начал Ильин, но волхв снова прервал его:

— По-прежнему называй меня Святовидом. Никто не должен знать, кто я. Люди Владимира ищут меня по всей земле Русской. Я теперь один из главных хранителей славянских преданий. Все старые волхвы стали добычей меча или сожжены на кострах. Найдут меня да еще несколько уцелевших от погрома служителей отчей веры — и Знание будет утрачено...

Он внезапно замолчал и вперился своими стальными глазами в лицо Ильина, словно пораженный какой-то догадкой.

— Скажи... ты знаешь будущее... скажи, что станет с моей верой, с моей землей? Кто победит — Змей или Всадник?

Всадник и Конь были основными атрибутами языческого культа, как заметил Ильин. На ожерельях жрецов,

на женских украшениях часто встречалось изображение конской головы, оно же венчало охлупень каждой избы — бревно, держащее скаты кровли. Всадник, попирающий змея, был вырезан на дощечке, висевшей на шее у Святовиды. Когда Виктор однажды спросил, не икона ли это Георгия Победоносца, старик отрицательно покачал головой и сказал: это праотец славян, победивший Змея, это и сам он, хранитель древней веры. Филолог сделал вывод: тотемический знак не только напоминает о тех временах, когда шесть тысячелетий назад произошла битва народов, но и в символической форме показывает противоборство двух мировоззрений.

— Мне трудно отвечать на твой вопрос, Добрыня, — со вздохом сказал Ильин после продолжительного молчания. — Дело в том, что я не совсем понимаю, почему вы упорно именуете христианство змиевой верой. Разве оно имеет отношение к той схватке... двести поколений тому назад?

Волхв молча кивнул и, жестом велел филологу подождать его, скрылся в избе. Вернулся с массивным фолиантом под мышкой. Положив книгу на пень, откинул бронзовые застёжки и открыл текст, пестревший киноварью зачал. Принялся сосредоточенно листать.

Ильин приблизился к Добрыне и стал следить за его разысканиями. Слова шли сплошной цепочкой, без пауз и знаков препинания, поэтому поначалу уразуметь значение написанного оказалось нелегко. Но вот наконец Виктор выхватил из текста несколько знакомых фраз. «Евангелие!» — осенило его.

Толстые непослушные пальцы Добрыни явно привыкли иметь дело больше с рукоятью меча или древком боевого топора, чем с пергаментом — он то и дело пролистывал по нескольку страниц, возвращался назад, со вздохами водил длинным обломанным ногтем по строкам.

— Вот! — наконец с торжеством сказал волхв. — Смотри сюда.

Ильин с трудом прочел текст о том, что Христос уподобил свое вознесение на небеса, несущее верующим в него вечную жизнь, вознесению Моисеем медного змея в пустыне.

Он просмотрел листы книги в обратном порядке. Нашел богато украшенную заставку: «Евангелие от Иоанна». И почти сразу же в памяти возникло полотно, виденное в Русском музее. Грозовое небо, дикие голые утесы, толпа людей, собравшихся вокруг лежащего на земле. И над всеми возносится каменная колонна, увенчанная волнистым изображением змея в короне. Кажется, это была картина Бруни, а вот название... что-то вроде «Поклонения змею». Да, еще одну деталь он забыл — в стороне от толпы стоял старец с двумя лучами над головой, подобными рогам, — сам Моисей...

— Ты знаешь. Добрыня, я не думал, что ты так искушен в богословии, — с уважением произнес Ильин.

— Старые волхвы показали... Сам-то я не сильно учен... Однако ты говорил, что тебе трудно отвечать мне. Теперь у тебя нет сомнений?

— Да-да, ты убедил меня. Но дело не только в этом...

Вопрос Добрыни относительно будущих судеб христианства и язычества действительно поставил Ильина в тупик. Он мог бы однозначно сказать, что вероучение последователей палестинского проповедника безраздельно воцарится в России, но как ученый он понимал: все гораздо сложнее. Его собственные фольклорные изыскания много раз подтверждали мысль о поверхностном проникновении новой религии в массу народа. В быту и искусстве русского крестьянства языческие идеалы сохранились почти нетронутыми до самого двадцатого века. Да и обязательство, взятое на себя Ильиным — воздерживаться от воздействия на историческую среду, — делало его положение затруднительным.

— Что молчишь? — Взгляд Добрыни стал яростным, тонкие губы побелели. — Я любую правду вынесу.

— Пойми меня правильно, Добр... Святovid, я не могу дать простой ответ, что случится в будущем. Возможно, оттого, что мы попали сюда и как-то вмешались в вашу жизнь, ход событий изменится, и будущее станет другим, нежели то, из которого мы явились...

Добрыня задумался. Потом хмуро спросил:

— А как было у вас?

— Христианство то побеждало, то проигрывало. Сломив внешнее сопротивление, оно оказывалось перед необходимостью уживаться с иными представлениями о мире. В конечном итоге власть над душой человека оно так и не смогло завоевать.

Святovid с сомнением покачал головой:

— Не хочешь говорить... Запомни: что бы ни ждало нас в грядущем, я не сдамся Змею. Пусть один останусь из Перунова воинства, но не сдамся...

— Знаешь что, -- быстро сказал Ильин. — Я вдруг вспомнил стихи старинного поэта... Жил он в одно время с великим кудесником слова Пушкиным, через восемь веков после нашего сегодняшнего разговора. Был он чиновником, по-вашему — тиуном, толстым и плешивым, над ним смеялись разные зубастые людишки из пишущей братии. Даже имя его — Бенедиктов — чем-то вроде бранной клички стало. Но кое-какие строчки его застревают в памяти. Вот послушай:

*Не унывай, о малодушный род!
Не падайте, о племена земные!
Бог не устал: бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой змия.*

Когда Ильин умолк, Добрыня еще долго сосредоточенно раздумывал над услышанным. Потом растерянно развел руками.

— Значит, и восьми веков человеку не хватило, чтобы понять, где истина? Выходит, эта борьба конца не имеет? В чем же тогда ее смысл?

— Ты же сам говорил — двести поколений смени-

лось с тех пор, как столкнулись Змей и Всадник. И борьба между ними не прекратилась... А ваше время и наше разделяют около тридцати поколений...

Добрыня повернулся и побрел к своей избе, курившейся дымом — белые пряди струились над оконцем, над дверным проемом, то и дело заволакивая мудро-отрешенную деревянную морду коня, венчавшую охлупень. Ильин смотрел вслед волхву, на его разом ссутулившиеся плечи и с внезапной ясностью осознавал: оба они только что прикоснулись к цепи, связующей прошлое и будущее. Беседа двух людей в глухом углу Новгородской земли набатом отзовется в будущем, каждое слово, сказанное ими сегодня, громовым эхом прокатится через грозные ущелья времени.

Потому что сейчас на его глазах Добрыня принял решение. Один из последних хранителей Знания выбрал свой жребий.

Но с кем ты, спросил себя Ильин. На стороне тех, кому суждено погибнуть? В стане тех, кто выйдет победителем? Или ты останешься вне схватки?..

IV

То, что Виктор узнал за несколько недель пребывания среди язычников, коренным образом изменило его представления о прошлом. Он много раздумывал над сообщениями летописцев, противоречившими истинному ходу событий. Особенно занимала его история с «обращением» Добрыни.

В конце концов он пришел к выводу, что монахи православных монастырей, создававшие летописные своды, пошли на сознательное искажение истины: Добрыня был настолько популярен в народе, что изобразить его активным борцом за христианскую веру значило косвенным образом повысить престиж новой религии. Конечно, произошло это десятилетия, если не столетия спустя, когда ушли в мир иной люди, знав-

шие обстоятельства исчезновения новгородского посадника.

Фальсификация, вероятно, внедрялась в летописи постепенно. Ведь они переписывались, подправлялись, редактировались каждым последующим поколением хронистов, что находило отражение в самом стиле описаний. Именно это обстоятельство позволило в свое время академику Шахматову отделить наслоения позднейших эпох и реконструировать первоначальную летопись. Но ему, разумеется, не удалось восстановить сведения, попросту выброшенные редакторами. О тех или иных событиях можно догадываться, сопоставляя противоречивые тексты разных сводов.

Прошлое не менее загадочно, чем будущее. И эти тайны времени возникают по воле людей, заинтересованных в сокрытии истины. Приходя к власти, узурпатор стремится к воздействию на память подданных, ибо сопоставление прошлого и настоящего не всегда бывает в пользу последнего. К тому же знание минувшего может дать каждому философскую опору для противостояния власти — оно учит, что любой правитель бессилен перед естественным ходом жизни.

События эпохи Владимира Святославича, крестившего киевлян и начавшего насильственную христианизацию всех земель, входивших в его державу, с особенной наглядностью подтверждали для Ильина умозрительно выведенный тезис. Уничтожение письменных памятников, преследование старых обычаев, физическое истребление носителей духовной традиции язычества приобрело характер культурного геноцида. Виктору пришлось долго растолковывать Анне и Овцыну значение этого термина, хорошо известного любому читателю газет в двадцатом веке. Ивана он не решился просвещать на этот счет — выплеск благочестивых чувств мог привести к изрядным разрушениям.

— Выходит, мы, жители будущего, являемся как бы пленниками тех, кто сегодня устанавливает контроль

над прошлым? — с оторопью в голосе спросила княжна.

— В духовном смысле это так и есть. Тот, кто контролирует прошлое, владеет и будущим, — сказал Ильин.

— Прошлое чревато будущим, — глубокомысленно заметил Овцын. — Изменяя представление о нем, я приобретаю господство над еще не родившимся. Это же самая страшная власть — власть над временем!

— Необходимо что-то сделать, чтобы разрушить этот заговор! — воскликнула княжна. — Если мы обладаем знанием, мы должны предупредить наши века на языке, понятном им. Ведь подобное же послание, написанное Святовидом, там попросту не примут на веру — те же церковники скомпрометируют его, а ученые истолкуют как пристрастное мнение...

— Да Святовиду и не придет в голову предупреждать будущее. Он с настоящим-то не в ладах, самому быть бы живу, — возразил Овцын.

Мысль о послании в будущее не оставляла их все последние дни перед уходом из лесного поселка. Но идея, казавшаяся поначалу простой и легко осуществимой, представилась невысказанно сложной, когда Виктор постарался охладить благородное негодование друзей, показав, как непросто перевести замысел в практическую плоскость.

Написать на бересте от своего имени, а затем запечатать в глиняном горшке и зарыть там, где, как он знает, будут производиться раскопки? Но такую находку попросту выбросят, да еще выругают автора неуместной шутки, подсунувшего сосуд археологам. Написать на какой-нибудь скале или в укромном месте православного храма от имени жертвы преследователей? Да такое сообщение тысячу раз уничтожат... Нет, любая форма письменного послания, если поразмыслить, — ненадежный способ передачи Знания. В почти сплошь неграмотном обществе Древней Руси только устное сообщение может стать своего рода палочкой эстафеты

времени. Но имеет ли шансы на успех у людей, подвергшихся христианизации, а тем более у их потомков, устная информация об истинных намерениях священников и миссионеров? Она покажется им клеветой, своеобразной формой мести со стороны проигравших...

Не усматривая в каверзных вопросах Виктора попытку отвратить их от намерения вмешаться в ход истории, Анна и Василий продолжали обсуждать самые нелепые проекты.

— Если нам не дано вернуться назад и рассказать о происходившем, мы просто обязаны придумать форму передачи Знания, — заявила Анна, выслушав соображения Виктора. — Только искусство может победить власть времени.

Овцыну запомнился рассказ Ильина об одном из эпизодов второй мировой войны, когда крохотная подводная лодка смогла торпедировать линкор. Торпеда казалась ему одним из лучших созданий человеческого ума. Образ ее постоянно присутствовал в его построениях. Что может сыграть роль торпеды, неостановимо прошивающей толщу времени и производящей взрыв в точно обозначенном веке? Как запустить из глубины столетий снаряд, который поразит устои исторической лжи через много столетий после того, как Истина будет похоронена?

Овцын размышлял вслух: ясно, что сообщение должно быть передано некоей тайнописью, но по внешности не вызывать подозрений. В то же время в нем должно содержаться нечто такое, что вызывало бы у людей желание делиться полученными сведениями с другими, и таким образом складывалась как бы живая цепочка.

— Ты хочешь сказать... может быть, это должно быть какое-то изображение? — спросила Анна.

— Я думаю, необходимо запустить несколько сообщений в разной форме. Тогда само обилие их натолкнет потомков на мысль, что это не простое совпадение...

— Я не умею рисовать, — вздохнул Ильин. — И вы-

резать из дерева не могу. Не талантлив, к сожалению. Может быть, ты, Василий, карандашом или кистью владеешь?

Овцын отрицательно покачал головой и сказал:

— Шагой, эспадроном, саблей могу вензеля по воздуху выписывать, а на бумаге — увольте... Это вот Иван у нас богомаз — говорил мне как-то, что приходилось ему иконы малевать.

— А ты, Анюта? — спросил Ильин.

— Я рисую, но не очень, — сникла княжна. — Женские головки больше.

V

Накануне их ухода Виктор пришел проститься с Добрыней.

Старик с непроницаемым лицом выслушал слова благодарности за кров и пищу, потом предложил филологу следовать за ним.

Привыкнув к сдержанности волхва, Ильин не стал задавать вопросов и двинулся за Добрыней в глубь леса. Обойдя небольшое озеро, кормившее поселок рыбой, они взобрались на лесистую гривку, полого поднимающуюся по направлению к скалистым обрывам водораздела, хорошо видимым от воды. Виктор слышал, что в той стороне находилось языческое святилище, но никогда не был там.

Когда достигли первого утеса, волхв раздвинул руками кусты у его подножия и, призывно кивнув головой Ильину, скрылся в зарослях.

Пробравшись по узкой тропке через густой малинник, Виктор заметил узкий лаз, где исчез Добрыня. Протиснувшись за ним, филолог оказался в пещере, стены которой круто уходили в темноту. В нос ударил острый запах навоза. Напротив входа переливалась овальная гирлянда огней.

Подойдя ближе, Ильин увидел, что это деревянные

плошки с каким-то маслом, поставленные крутом продолговатого камня с углублением. Язычки пламени непрерывно трепетали — понизу тянул слабый сквозняк.

В темном углу пещеры, куда отошел Добрыня, кто-то шумно вздыхал и возился. Неожиданно голос волхва раскатился под сводами:

— Помоги!

Виктор двинулся вперед, выставив руки перед собой. Наткнувшись на стену, сказал:

— Ничего не вижу.

— Сюда! — Добрыня был совсем рядом.

Ильин сделал еще два шага и натолкнулся на что-то живое. По телу прошел внезапный озноб.

— Что это?!

— Козел. Возьми его за рога и вали набок. Надо связать ноги.

Нащупав толстые костяные завитки на голове животного, Виктор вцепился в них и рванул в сторону. Шерстистая туша дернулась на месте, но козел удержался на ногах.

Только с помощью волхва Ильину удалось побороть тяжело дышавшего противника. Усевшись на его крутой бок, судорожно вздымавшийся и опадавший под ним, Виктор ждал, пока Добрыня возился с сыромятным ремнем.

— Понесли, — наконец сказал старик, и Ильин, продолжая держаться одной рукой за рог, схватил другой связанные ноги козла.

Добрыня показал, как уложить жертву в углубление продолговатого камня. Козел несколько раз дернулся и затих, словно осознав значительность минуты.

— Испрошу у богов помощи тебе, пришедший с небес, — сказал Добрыня. — Верю тебе, что не Змеем послан. А те трое — они от него. Берегись их.

Ильин не стал на этот раз оспаривать мнение жреца, таинственная обстановка святилища как бы обязывала к немногословности.

Воздев руки к своду, Добрыня принялся нараспев произносить молитву на санскрите. Глаза Виктора, привыкшие к темноте, различали теперь изваяния, к которым обращался жрец. Это были несколько фаллических столбиков из дерева и камня, испещренные какими-то письменами, наверхие одного из них украшала воинственная усатая физиономия, под ней было изображено несколько пар рук.

«Да ведь это лингам. А персонаж этот — какое-то подобие многорукого Шивы!» — внезапно озарило Ильина. У кого-то из путешественников по Индии он читал об этих изображениях, воплощающих представление о мужском начале мира — их устанавливают на перекрестках дорог, на деревенских торжищах.

Мелодичный речитатив на санскрите усиливал впечатление, будто происходящее совершается где-то в индуистском храме. Когда Добрыня повернулся в профиль, в слабом мерцании огней его отрешенное лицо напомнило Ильину облик аскета-отшельника из Гималаев, виденного как-то в телевизионном «Клубе путешественников».

В полутьме сверкнуло широкое лезвие. Быстрым движением перерезав глотку козла, волхв навалился на него всем телом. Ноги животного судорожно дергались, из горла с бульканьем била черная струя.

По узкой канавке, выбитой в камне-жертвеннике, кровь устремилась к глиняному сосуду, стоявшему на земле, глухо ударила в его дно. Теплый, удушливый запах — запах самой жизни — помутил сознание Виктора. Он едва не упал, ощутив свинцовую тяжесть, разлившуюся по телу.

— Запали хворост, — продолжая удерживать агонизирующую жертву, велел волхв.

Ильин огромным усилием воли заставил себя преодолеть охватившую его немощь. Заметив кучу сухого валежника у алтаря, вытащил из нее веточку и зажег от масляного светильника. Прикрыв огонек ладонями,

дал ему разгореться и с нескольких сторон подпалил сучья.

Минуты не прошло, как стены пещеры вынырнули из темноты. Даже высокий свод, и тот стал различим в игре красноватых бликов.

Оставив отрезанную голову козла на жертвеннике, Добрыня ловко вскинул на руки тяжелую тушу и отнес к стене, где свисал ремень, перекинутый через деревянный костыль, торчавший из щели между камнями. Вставив пальцы между задними ногами туши, волхв обмотал их ремнем и поднял козла на воздух. Захлестнув ремень вокруг костыля, принялся ловко орудовать ножом, снимая шкуру. Содрав ее, бросил в сторону и одним движением выпустил наружу внутренности жертвы.

Схватив окровавленными руками расползающиеся скользкие кишки, Добрыня принес их к костру и швырнул в огонь. Шипение и треск наполнили пещеру. Едкий дым повалил кверху, пламя село, и все вокруг погрузилось в полутьму. Не дожидаясь, пока костер разгорится, жрец принялся поливать сучья кровью из глиняного сосуда, громко восклицая что-то на санскрите. Но время от времени он переходил на родной язык, и тогда Ильин разбирал одно и то же заклинание: «Огонь! Огонь! Возьми свой огник!»

Дым уходил вверх белым столбом. Редкие языки пламени вырывались из костра, высвечивая худощавую фигуру старика. Ильину уже порядком надоел этот спектакль, и он тоскливо думал о том, что ничего нет утомительнее, чем присутствовать на церемониях, не задевающих сердце. Никакого мистического трепета он не ощущал, было неловко за Добрыню и немного противно — пузырящиеся и лопающиеся на костре кишки, считал Ильин, могут разве что раздосадовать богов. Небожители явно предпочли бы тушу, подвешенную на пальцах.

Однако волхв рассудил по-другому. Когда пламя справилось с требухой, он вытер руки о козлиную шку-

ру, разрезал на дощечке печень жертвенного животного и кивком пригласил Ильина присесть рядом.

— Сырое? Я не могу...

— Богов оскорбишь. Удачи не будет.

Виктор осторожно взял податливый кусок двумя пальцами и откусил от него. Слегка солоноватый вкус теплой печени вызвал легкую тошноту, но с ней удалось справиться. Ильин понимал, что Добрыня притащил его сюда вовсе не для того, чтобы угостить субпродуктами. Если он сейчас оскорбит благочестивые чувства волхва, тот вряд ли скажет, ради чего затеяно это действие.

Подтверждение его мыслей пришло почти сразу же. Дожевав печень, старик медленно заговорил:

— Идешь в мир, много зла в нем. Вот уже двадцать шесть весен, как зашаталась вера русичей, хитрые иноземцы полонили душу Владимира...

— Как же это могло произойти? Ведь ты был его близким человеком, имел влияние на него...

— Он слушал меня во всем. Когда я сказал: заключи мир с Болгарией Волжской, он исполнил совет. Когда я говорил: построй для наших богов достойные их святилища, он строил. Когда говорил: не крестись, станешь подвластен цесарю, он тоже слушал.

— А в результате великий князь принял иноземных епископов и позволил им сокрушить Перуна и Сварога?

— Не знаю, может, похоть его погубила... Было у него много наложниц, несколько сотен. И среди них много гречанок, хазарских пленниц. Не через них ли пробрались к его сердцу греческие попы? Да еще могли запугать его опасностью, от многих сынов исходящей — будут-де искать твоего великого стола Киевского и не найдешь нигде опоры. Ежели примешь веру Христову — цесарь тебе братом будет, любую помощь подаст.

Раз у тебя были такие подозрения, почему же ты не отговорил его?

— Он на меня за Святополка, сына своего, взъярился. Отрок и умом, и красотой взял, но не люб он Влади-

миру, ибо родил он его от вдовы старшего брата своего Ярополка, им убитого... А я княжича привечал, баловал...

— Святополк тоже, надо полагать, не очень-то расположен к своему отцу, если мать его Владимир взял за себя силой...

Добрыня долго молчал, вздыхая, потом, явно перебавляя себя, заговорил:

— На мне грех лежит... Я во всем виноват...

И снова умолк, как бы не в силах говорить дальше.

— Как же, ты ведь был ревностным сторонником славянской веры, насколько мне известно...

Ильин прикусил язык. Такие оговорки, как не раз уже бывало, могли вызвать только подозрительность Добрыни: слишком хорошо знает пришелец подробности его жизни. Но старик был погружен в собственные мысли и не заметил оплошности Виктора.

— Я стоял крепко за наших богов — еще покойный князь Святослав, родитель нынешнего великого князя, привил нам, своим дружинникам, презрение к религии греков. Мы смеялись над тем, что им положено всю жизнь довольствоваться одной женщиной, что надо по урочным дням не есть мяса, дабы не прогневить бога — как будто ему есть дело до того, что у тебя в кишках... Но пока великий воитель проводил время в походах, дети его оставались на воспитании у бабки своей — княгини Ольги, которая приняла христианство. Дома христиан давным-давно стояли в Киеве, да и в других городах русских их было немало. Народ не любил их за ханжество, но зла им не творил. Знать бы, к чему приведет эта терпимость... — Добрыня проскрежетал зубами и опять умолк.

Ильин не решился нарушить молчание, хотя на языке у него вертелось много вопросов. Он боялся спугнуть откровенное настроение Добрыни.

— Итак, Ольга занималась воспитанием внуков. Особым попечением окружила она старшего — Ярополка, которому предстояло занять Киевский стол. Был он мяг-

косердечен и милостив, и к христианам благоволил... Когда же Святослав погиб в Днепровских порогах от стрелы печенега, принял Ярополк власть. Дружина роптала, боялись, что поддастся он на увещевания греков, давно мечтавших подчинить души русичей. И народ не жаловал нового князя. Глупцы мы были! Принимали кроткий нрав его за хитрость. И я первый повинен в том, что случилось... Второй сын Святослава от сестры моей Малуши, то бишь племянник мой Владимир, сидел на княжении в Новгороде. И восхотел стола Киевского, и стал говорить нам, что возвеличит богов славянских, а лъстивых греков изгонит. А летами был он совсем еще мальчик, да и Ярополк всего на год старше его. Посути дела, братьев стравили те бояре, которые к ним приближены были. У Ярополка — Свенельд, а у Владимира — я... Не думал я, что отрок мой единокровный меня обманет... Когда междоусобица возгорелась, изгнал Ярополк Владимира с новгородского княжения. Бежали мы за море к варягам. Три года у них обретались, наконец, собрали охочих людей на Русь идти. Отбили с их помощью Новгород и на Киев пошли. А потом... — Добрыня схватил себя жилистыми руками за волосы и стал раскачивать головой из стороны в сторону, словно надеясь избавиться от воспоминаний. — Убили варяги Ярополка, когда пришел он безоружный в стан Владимирова на переговоры.

— М-да, — не выдержал Ильин. — Хороши нравы у вас. А еще на христиан киваете.

Добрыня тяжело вздохнул и, виновато глядя в сторону, заговорил:

— Мы их не трогали, не гнали, так как они нас сейчас... Единственный раз, когда церковь ихнюю порушили — после того, как Киев взяли.. Дружина сильно ярилась против Ярополка, а заодно и против попов греческих, коих он привечал. Вот и сожгли мы церковь ихнюю, что у речки Почайны стояла, а на месте их требище устроили Перуново...

— Так вот с каким змеем ты на Пучай-реке бился... — вырвалось у Ильина.

— А ты что, слышал про тот случай? — недоверчиво спросил Добрыня. — Местные болтают? Это по-здешнему, по-новгородскому переименовано: Почайна в Пучайну...

— Да, слышал краем уха, — безразлично ответил Виктор и тут же поспешил увести разговор от щекотливой темы: — Так ты о Святополке начал было...

Старик кивнул.

— Помню... Когда погиб Ярополк, было ему девятнадцать лет. Жenu его гречанку взял Владимир себе в наложницы.

— А Святополк точно сын Владимиров? — прервал Ильин.

— Слушай, чему сам я был свидетелем... В Вышгороде дело было, где замок великокняжеский. Сыновья Владимира, молодые князья, на совет к отцу съехались. Затеяли в Днепре купаться, а отец на тот час с боярами на берегу сидел, смотрел, как дети в ловкости между собой и дружинниками состязаются. В одночасье подвода с припасами из ближнего села едет — за съестным для пира было послано, — а среди бочонков и туесов древняя старуха сидит. Увидела великого князя, слезает с телеги и со слезами к нему кидается. Он тоже признал ее, дозволил в плечо себя поцеловать, говорит: моя кормилица пожаловала, сколько лет не бывала. А старуха со слезой да со всхлипом причитает: как нянчилась-де с двумя братишками — Ярополком да Владимиром. Гладит великого князя по руке и говорит: уж каким ты забиякой был, все старшенького стукнуть норовил. Владимир в лице переменился, но не станешь же выжившей из ума бабке рот затыкать. А тут подбегают к нему несколько сыновей, и Святополк-отрок среди них, по пояс голый. Старуха глядь: а у него на спине под лопаткой пятно родимое. Всплеснула руками и говорит:

никак чадо Ярополково, по отцовской отметине признаю — у него маленького точь-в-точь такая была...

Ильин помолчал, осмысливая услышанное, затем уверенно начал:

— Так выходит... на престол Киевский Святополк законное право имеет — он сын истинного великого князя.

— В любом случае — он первый наследник. Ведь старший сын Владимира Вышеслав недавно умер от неизвестной причины.

— Не Святополк ли...

— Нет-нет, — быстро возразил Добрыня. — Святополк все время под приглядом у отца, до Турова-то от Киева рукой подать, да и соглядатаев хватает... К тому же слух до меня дошел, будто недавно его вместе с женой в темницу ввергли по Владимирову указу. А престол похотел он Борису передать, который сейчас в Ростове княжит.

— Ладно, будущее покажет. Вернемся теперь к матери Святополка. Ты говоришь, она была гречанкой, значит, и веру исповедовала христианскую.

— Конечно.

— Выходит, Святополк, которого она наверняка воспитала в ненависти к Владимиру...

— Тут все перепутано. Слушай внимательно. Буду говорить по порядку... Я сказал уже: стоило Владимиру сесть на Киевский стол, как он по моему совету воздвиг новое капище, куда собрал все изваяния богов, а над прочими вознес Перуна, бога воинов, вызолотил ему усы. И стали совершаться в святилище богатые требы... Но что потом произошло, не ведаю — сразу после захвата Киева Владимир меня посадником в Новгород поставил. Когда же через восемь лет он прислал ко мне греков-попов и повелел крестить народ, я их выгнал. Новгородцы как один поднялись, пожгли дома христиан... Тогда Владимир послал тысяцкого Путяту с дру-

жиной — дабы крестила она мечом и огнем. Долго мы бились...

— Но летопись... — не утерпел Ильин и тут же прикусил язык. Ведь совсем недавно он размышлял об этом и пришел к выводу, что сообщения летописцев могли быть сфальсифицированы впоследствии, чтобы изобразить любимого героя народных преданий проводником новой религии.

— Какая летопись? — подозрительно уставился на него волхв.

— Да понимаешь, мне встречались сведения о том, что ты сначала ставил над Волховом идолов, а потом порубил их.

— Я?! — Добрыня рванул на груди ожерелье, и медвежьи зубы посыпались на земляной пол пещеры. — Я воин! Я любил битвы и пожары, я любил пиры и дружину! У меня столько жен и наложниц было!..

— Успокойся, почтеннейший. — Ильин был не рад, что опять задел любимую болячку старика. — Прости, что я не даю тебе договорить о причинах перемены Владимира.

— Не знаю! Сам хотел бы доискаться! — хрипло выкрикнул Добрыня. — Обманул племянник! Это мне наказание за тот грех — за Ярополка...

— Давай вернемся к разговору о Святополке. Ты хотел что-то сказать о нем.

— За Святополка народ, потому что молодой князь хочет возродить нашу веру, он тайно сносился со старыми волхвами, а когда сидел на княжении в Турове, то открыто участвовал в жертвоприношениях Перуну. Я думаю, по чьему-то доносу Владимир и повелел схватить его. Великий князь знает, что людям ненавистны чужеземные попы, что никто не ходит в выстроенные им церкви. Но он почему-то с удивительной настойчивостью каждый год велит дружинникам избивать праздничные толпы в день Купалы, в Перунов день, рубить украшенное

лентами майское дерево, разгонять русалии... Но среди воинов тоже много людей, верных старине.

— Ты хочешь сказать, что Святополк опирается на большие силы, подспудно зреющие повсюду?.. — задумчиво проговорил Ильин. — Новый Юлиан Отступник?.. Знаешь, был такой император?

— Знаю, — сказал Добрыня.

Виктор в который раз с удивлением отметил, что познания волхва намного превосходят его прежние представления о мировоззренческом уровне языческих жрецов Древней Руси.

— Его церковники называют по-гречески Апостатом... Наши мудрецы говорили, что с этого великого цесаря могло бы начаться восстановление древней Истины. Но он погиб, процарствовав всего два года, совсем молодым. Случайное копьё поразило его в мелкой стычке с персами.

— Не слишком ли много странных случайностей? — риторически спросил Ильин. — Впрочем, не будем пытаться разрешить неразрешимое. Меня куда больше интересует судьба Святополка. Что-то тут не так. Вряд ли он поддерживает язык... прошу прощения, славянскую веру только из ненависти к Владимиру. Если мать его христианка, да еще жертва его, с позволения сказать, отца, он вряд ли отошел от того, что закладывалось в его душе с детства.

— Он просто понял, где правда, — убежденно сказал Добрыня.

— Что ж, может быть, это самое разумное объяснение. Но мне кажется, должна существовать еще какая-то причина. Был какой-то толчок...

— Я Святополка видел последний раз, когда ему было десять лет. Подарил я ему тогда жеребенка вороного... Какой он ныне, князь Туровский? Что пережил, передумал за свои тридцать четыре года? Не ведаю.

— Знаешь, — осторожно, боясь расплескать забрезжившую догадку, заговорил Ильин. — Я, кажется, по-

нял, в чем дело... Святополк знает тайну того, почему было принято решение о христианизации Руси. И Владимир догадался об этом — поэтому и засадил его в тюрьму. Произошло это недавно, иначе вряд ли великий князь отпустил бы сына на княжение даже в Туров. Да-да, я думаю, Святополк обладает неким знанием, которое способно поколебать престол отца...

— Значит, его убьют! — Добрыня вскочил на ноги. Взволнованно заговорил, схватив Ильина за плечи. — Ты мудр, о пришелец! Боги открыли тебе Знание... Воистину, ты говоришь правду — решение Владимира заточить Святополка и его жену было внезапным, выходит, что-то произошло, выходит, есть какая-то тайна.

Он бросился к догоравшему костру, плеснул в него остатки крови из сосуда и, воздев руки, воскликнул:

— Благодарю тебя, Сварог, ты послал нам премудрого. Ум его пронизает скрытое, слова его обличают неправду. Слава тебе, дарующий огонь!..

Ильин смущенно ковырял веточкой утоптанную землю. Как легко прослыть здесь провидцем, обладая элементарными навыками логического анализа. Ему было неловко слушать вдохновенные возгласы Добрыни, но и возражать не имело смысла.

— Ты идешь в мир! — приподнятым тоном заговорил волхв. — Возьми святыню, она поведет путем правды.

С этими словами Добрыня протянул Ильину дощечку с резным изображением всадника, попирающего змею. Затем схватил его за скулы окровавленными руками, привлек к себе и поцеловал в лоб.

VI

Сидя в повозке, погромыхивавшей неуклюжими дубовыми колесами по каменистой лесной дороге, Ильин раздумывал о последней беседе с Добрыней. Чего хотел от него волхв, рассказывая о взаимоотношениях внутри княжеского дома? Почему с такой настойчивостью под-

черкивал свою непричастность к христианизации Новгорода? Складывалось впечатление: старик убежден в том, что Виктор имеет какую-то власть над будущим, что он общается с ним и может воздействовать на ход событий.

Наклонившись к Анне, сидевшей рядом с ним в льняной накидке — вотоле, расшитой по вороту и по краям красными узорами, Ильин вполголоса сказал:

— Знаешь, кто такой Святovid? Это Добрыня Никитич из русских былин и сказок.

— Как так? — не поняла княжна.

— Он возглавил сопротивление христианским миссионерам, а когда его силы были разбиты, бежал к волхам, укрывавшимся в лесах. Они его посвятили, по-нашему говоря, в жреческий сан.

— И кем же он в их иерархии числится?

— Да нету никакой иерархии. Почти всех перебили. Он теперь вроде патриарха, хотя сам жалуется — кое-как зазубрил несколько молитв на санскрите, а одолеть священный язык не смог, стар стал, мозг одеревенел.

— О чем он тебе вчера толковал, когда вы с ним в лес ходили?.. Я думала, вы подрались там — когда ты пришел, у тебя все лицо в засохшей крови было.

— Да нет, просто перекусили... Разговор о том о сем был, ничего особенного. На память он мне оберег подарил — вот погляди, змеборческий сюжет.

Ильин вытянул из-за пазухи шнурок с образком. Анна взяла его в руки, всмотрелась.

— Что-то на самого Святovidа... то есть Добрыню этот господин с копьём смахивает.

Виктор с недоверчивой улыбкой взял амулет. В лице всадника действительно было что-то от Добрыни — тот же орлиный профиль, те же нависшие брови, да и оселедец, намотанный на ухо, можно было разобрать.

Продолжая изучать изображение, Ильин заметил под копытами коня рядом с чешуйчатыми кольцами змееного тела маленькие извилистые черточки, нечто похожее

на крохотных рыбок. И тут Виктора прошиб пот. «Да ведь это сюжет былины!» В памяти его зазвучало: «Стал молоденький Добрынюшко Микитинец на добром коне в чисто поле поезживать, стал он малых змеенышей потаптывать...» И еще одна догадка сверкнула в мозгу... Ильин быстро пересчитал «рыбок»: все точно — двенадцать. Не в силах больше молчать, он сбивчиво заговорил:

— Знаешь, что это такое? Это символическое изображение борьбы с христианством... В былине поется: «А там во пещерах во змеиных а немного, немало да двенадцать змеенышей». Я все не мог понять, почему именно это число варьируется на разные лады. Но меня сбивало с толку летописное известие о том, что Добрыня утверждал христианство. На самом деле в былине зашифровано сообщение о борьбе с религией двенадцати апостолов! Только христианство обязано своим насаждением этому числу первоначальных адептов.

— Слушай, так ведь эта былина, выходит, кем-то сознательно была закодирована и пущена в обращение! — воскликнула Анна.

Ее услышали и другие седоки. Задремавший было Иван вскинулся и очумело спросил:

— А? Чего?

Овцын, сидевший спиной к Виктору, тоже повернулся и ревниво сказал:

— Шепчутся и шепчутся... Хватит тебе с Анной сидеть, договорились же — час ты, час я, — и, как бы оправдываясь за свою невыдержанность, добавил: — С этим фанатиком не поговоришь ни об чем деликатном...

— Ладно, давай пересаживаться, — Ильин соскочил с телеги и пошел обочь.

Когда Василий занял его место, Виктор немного отстал от возка и пошел следом, чтобы поразмять ноги.

То, что сказала Анна, поразило его своей очевидностью. Они только рассуждали, каким способом отпра-

вить послание в будущее, а неизвестный уже сделал это, избрав единственно верный способ. Конечно, только передаваемое из уст в уста песнопение может преодолеть толщу веков. Сгорает бумага и пергамент, уничтожаются памятники архитектуры, разоряются могилы вождей, самые имена народов как пепел развеивает жестокий ветер истории. Но предание неуничтожимо. Переходя из рода в род, из племени в племя, из языка в язык, оно становится неподвластно времени. Если, конечно, автором послания был истинный гений, сумевший вечное передать в формах повседневного, за привычным и примелькавшимся современникам спрятать то, что они хотели бы похоронить навсегда.

Если такое послание прорвалось в двадцатый век и вызвало к жизни целый ряд переложений и исследований, то можно говорить и о его воздействии на будущее, пусть и в небольших размерах. Впрочем, напоминая себе Ильин, в его время изучение темы змееборчества только делало первые шаги, неизвестно, к каким результатам оно приведет впоследствии; возможно, былина о «Добрыне и Змее» станет отправной точкой для какого-то идейного направления...

Мы все время толкуем о том, что будущее непредсказуемо, что оно вне нашей власти. И все же каждый может сказать, что его духовное становление определил какой-то поэт или мыслитель прошлого. Значит, можно говорить о другом: гений, посылая слово в мир, программирует свое воздействие на людей иного времени. Выходит, мы вправе утверждать: гений — творец будущего или, говоря высоким слогом, его демиург... Достаточно Достоевского вспомнить. Его мысли, высказанные на переломе русской истории, не были поняты современниками во всем их масштабе. Только тогда, когда пророчества его подтвердила сама жизнь, истинное значение сочинений писателя стало ясно потомкам, и с этого времени воздействие их на сознание людей, на формирование новых идей, на духовный климат эпохи стало

стремительно расширяться... Это подлинная торпéда времени, все ускоряющая свой неслышный бег по мере приближения к цели...

Занятый этими мыслями, Ильин тем не менее не сильно отставал от тарыхтящей телеги, хотя по временам вовсе забывал о ее существовании. Сознание автоматически контролировало ситуацию, отметил Виктор, выйдя из состояния созерцательности. Он вообще стал приметливее к происходившему с ним, больше стал тяготеть к анализу окружающего и своей роли в нем — то ли в момент Перехода обострилась способность к остранным восприятию себя и мира, то ли само бытие на грани времен не позволяло жить одним измерением, вызывало потребность в стереоскопическом видении.

«С этой рефлексией свихнуться можно, — досадливо думал Ильин. — Попал в царство первозданной свежести, в экологический рай, живи, как трава растет. Люди здесь не размышляют, прежде чем решиться на поступок — просто интуичат». Институтские словечки вроде «интуичить» мирно уживались в его речи с грамматическим строем северно-русского говора одиннадцатого века, и сам он — несмотря на болезненно обострившуюся тягу к самоанализу — не замечал этого.

Догнав телегу, Виктор сел рядом с Иваном, свесив ноги в лаптях над дорогой. Старообрядец снова клевал носом, Овцын в который раз с восторгом рассказывал княжне, какие усилия и средства потратил ее прадедушка на благоустройство усадьбы. Особенно восхищало его то, что он первым в губернии завел у себя хор из крестьянских отроков и каждое утро пробуждался под ангельский распев, долго нежился под пуховиком, пока звучали торжественные евангельские стихиры. Анна слушала с гримаской отвращения.

— Ну как ты можешь любоваться такими феодальными глупостями! Ведь по своему сознанию ты стоишь теперь намного выше своей эпохи. Давеча восторгался, что дедушка мой с конфетой за щекой засыпал — экая

роскошь! — теперь вот азиатскую эту пышность живописуешь. Когда ты поймешь наконец, что мы, дворяне, в неоплатном долгу перед мужиком, что мы должны в его среду историческое сознание вносить, таланты его пробуждать...

— Ах оставь, ради бога. Нашла таланты — напьются как звери дикие да неподобные песни кричат всю ночь...

— Мужик — он точно подлец, — поддержал очнувшийся от дремоты Иван. — Срамословить горазд.

— Я ничего подобного не слышала, — капризно возразила Анна. — Наши мужички очень добрые и ужасно милые... Всегда на пасху приходили в усадьбу, а как кормилица меня на крылечко вынесет — кланяются, красное яичко мне в ручонку суют... Нет-нет-нет, слушать ничего не хочу. Крестьяне просто чудо что такое. Милейшие и талантливейшие люди... Виктор, запрети ему!..

— Да ты сама его так запугала, что он другой раз поостережется твоих пейзажей задевать, — отозвался Ильин.

Дорога пошла заметно под уклон, и Виктор сказал, что если верить описаниям Святовида, скоро будет первый погост. В этом селении волхв советовал заночевать, ибо следующее поселение отстояло от него на целый день пути.

И точно, вскорости в просвете просеки блеснуло речное зеркало, стали видны крыши, сгрудившиеся вокруг островерхой башенки.

Едва успели расположиться на ночлег, как стемнело. В длинную закопченную избу набилось несколько десятков людей — седобородые старики и ветхие старухи, мужики-большаки, главы семей, молодые ребята и девки, русоголовая мелюзга. Только баб-большух не было видно — время шло к ужину, и они возились у печей.

Обитатели селения сбежались послушать заходящих

людей — они тут нечасто случаются, объяснил хозяин избы. А в тот день так совпало, что, кроме Ильина и его товарищей, в погост прибрели калики перехожие — слепые певцы с мальчиком-поводырем.

На широких лавках вдоль бревенчатых стен уселись самые уважаемые — старики, семейные мужики. Молодежь толпилась у входа. Многие заглядывали через открытую дверь. С полатей свешивались вихрастые головы мальчишек.

Несколько лучин, воткнутых в светцы, освещали красный кут, где поместились трое старцев-странников. Их осеняло тябло — угловая полка для «богов», деревянных фигурок Перуна, Хорса, Мокоши. Тут же виднелся вырезанный из дерева образок с благословляющим Христом. Обитатели избы, видимо, демонстрировали таким способом свою лояльность господствующей церкви.

Ильин уже знал из рассказов язычников, прятавшихся в лесу, что церковники мирились с показным двоеверием, царившим повсюду. На этом этапе им и такого признания верховенства Христовой веры было достаточно — слишком много еще было открытых ее противников, ни под каким видом не соглашавшихся держать в доме священные изображения нового культа.

Хозяин встал со своего места, поклонился в пояс каликам-перехожим, коснувшись рукой пола, и с достоинством сказал:

— Гости богоданные, благодарим вас за честь великую, за то, что не миновали нашу весь глухую. Не побрезгуйте угощением.

По его знаку молодуха в расшитой длинной рубаше и рогатой кике, обрамлявшей высокий лоб, поднесла певцам ковш пенного меду. Калики по очереди приложились к нему, поблагодарив хозяина величавыми кивками. Затем один из них что-то сказал вполголоса мальчику-поводырю; тот сноровисто достал из мешка гусли, тамбурин и свирель.

Широкогрудый плечистый старец с узким лицом, с длинными волнистыми волосами, схваченными ремешком, положил на струны узловатые пальцы, похожие на древесные корни, стал неспешно перебирать лады. Чуть позднее запела свирель, белокурый поводырь зазвенел колокольцами. И когда полились слова песнопения, Ильин внезапно понял то, о чем никогда даже не думалось прежде: былина — это осколок древнего языческого богослужения.

Теперь, находясь у полноводной реки этого древнего искусства, слушая репертуар певцов в законченной последовательности, он постиг и структуру мистерии. Но главное — он понял, почему столь велико было в народе почтение к путешествующим сказителям — они были как бы бродячими священнослужителями, странствующей языческой церковью...

Сами облачения калик существенно отличались от рубах и портов мужиков, собравшихся в избе. Одевания с расшитыми подолами походили скорее на туники, да и орнамент резко разнился с обычными для одежды поселян узорами — опытный глаз Ильина вычленил из причудливой вязи красного и синего шитья символы солнца и его олицетворения — Хорса — круги с перекрестьями и свастические символы, громовые знаки Перуна — розетки с расходящимися лучами, стилизованные изображения коня.

Догадка осветила ярким светом все, что Ильину пришлось узнать о сказителях былин за годы учения в университете и во время самостоятельной исследовательской работы. Разбросанные в беспорядке тексты, к тому же лишённые музыкального сопровождения, не позволяли понять священного характера этой поэзии. Теперь, слушая знакомые песнопения — конечно, в чем-то они были неуловимо отличны, и сами их герои носили иные имена, — Виктор воспринимал не сюжеты отдельных произведений, но великое целое, миф о творящих силах мира, о вечной битве добра и зла.

Как же он раньше не понимал, за что церковь преследовала народное искусство?! Ведь даже по осколкам этой славянской мистерии, дошедшим до девятнадцатого-двадцатого веков, можно было догадаться, что это фрагменты языческого богослужения!

Слепые певцы несли народу слово той веры, которая была изгнана чужеземными епископами с помощью мечей и копий в лесные дебри и безлюдные пустыни. Вот почему текстам, сказываемым ими под аккомпанемент гуслей и гудков, была обеспечена преемственность. Как в молитве верующий не посмеет изменить хотя бы слово, так ничего не переиначит и в священном мифе. Много веков прошло, прежде чем было утрачено понимание религиозной значимости текстов былин, но сам стереотип невмешательства в текст, как определил бы это Ильин, сам поведенческий образец приобрел нерушимость ритуала.

Он подумал, что церковникам должно быть невероятно трудно духовно перебороть этих вот стариков с гусями — при всей изощренности организованного богословия, подавляющей пышности византийского искусства и мощи государства, стоящей за миссионерами. Попробуй заставить простого русича часами выслушивать в храме повествования из еврейской истории, вникать в тонкости споров между правоверными иудаистами и ревизионистами, пошедшими за Христом. У народа, имеющего великий эпос, в котором даются — на уровне мифологического сознания — ответы на главные вопросы бытия, ответы, исходящие из опыта его собственной истории, отражающие его нравственный идеал, — у такого народа проповедь морали, адресованной чувственному и развращенному жителю античного захолустья, просто не найдет ответа в душе.

Оттого и стоят пустыми храмы с крестами. Оттого, несмотря на обещания загробных мук, несущиеся с амвонов, молодые и старые валом валят на языческие иг-

рища, сбегаются слушать бродячих певцов, приносят жертвы на уцелевших по глухим местам святилищах. В открытом споре новой религии победы не видать.

Поэтому «греческому исповеданию» ничего не остается другого, как силой давить противника, рушить его опорные пункты, истреблять культуру и ее носителей. Впрочем, и в самой Греции эта вера утверждалась теми же методами...

Пение между тем закончилось, калики поднялись и поклонились собравшимся. Ильин отметил про себя, что в репертуар сказителей не входит история о Добрыне и змее, хотя почти все остальные известные ему сюжеты были включены в состав поэтического действа. Ему показалось странным, что мотив змееборчества не отражен в этих ритуальных песнопениях.

Когда большинство слушателей покинуло избу и хозяйка с двумя дочерьми принялись накрывать на стол, Виктор подсел к каликам и завел разговор об их странствиях, стал расспрашивать, как и где они обучились своему искусству. Из довольно-таки сдержанных ответов он составил представление о вполне профессиональном характере сказительства. Где-то в дальних краях еще остались своего рода семинарии, где под руководством жрецов осваивали искусство поэтической проповеди. Слепцов предпочитали, вероятно, потому, что их воображение было целиком ориентировано на слово, а не на зрительный образ — это обеспечивало особую прочность запоминания и точность воспроизведения священного текста.

На столе появились вареная дичь, моченая брусника, жареные грибы, печеная репа. Большак поднес каликам ржаной каравай, чтобы они благословили его. Старцы возложили на него руки и возблагодарили Дажьбога, подателя благ земных. После этого хозяин прижал хлеб к животу и принялся рушать его большим ножом.

Братина с медом несколько раз обошла стол за время ужина. Все заметно повеселели и в конце концов даже нарушили неписанный закон славянского застолья — не произносить за едой ничего, кроме хвалы богам.

Виктор решился, наконец, задать каликам главный вопрос, мучивший его весь вечер: известна ли им была о Добрыне.

Старший из сказителей — Разумник — ответил отрицательно и, в свою очередь, спросил:

— Ты знаешь?

— Да, — вырвалось у Виктора.

И не успел он сообразить, чем чревато это заявление, как Разумник дал знак поводырю, чтобы тот принес гусли.

— Я не умею, — запротестовал Ильин.

Разумник положил инструмент себе на колени и провел по струнам своими узловатыми пальцами.

— Пой!

Ильин оглянулся по сторонам. Встретился глазами с Анной — она смотрела на него с нескрываемым обожанием. Отвел взгляд. Вдохнул и начал размеренным речитативом:

*Породила Добрыню родна матушка,
Возросила до полного до возраста...*

По мере того, как он приближался к концу, рокот гуслей становился мощнее. Вдохновенное сияние незрячих глаз Разумника, устремленных на Виктора, говорило о том, что он захвачен былиной.

Произнеся последнюю строку, Ильин долго не решался смотреть на окружающих. Благоговейная тишина стояла в избе, словно вокруг не было ни души. И Виктор осознал: все до единого поняли смысл поэтического рассказа, не умом, не рассуждением поняли, но сердцем, бьющимся в ритме тех веков, что теряются в темных глубинах начальной истории.

Уже зная заранее ответ, Ильин спросил, с трудом ворочая языком:

— Так слышали вы эту песнь?

— Нет, — сказал Разумник.

— Нет, — как эхо повторили старцы-сказители.

— Нет, — отозвались люди.

— И т-ты с-сможешь п-повторить ее? — задыхаясь от охватившего его безотчетного страха, спросил Ильин.

— Учен для этого... Я запомнил все до последнего слова...

Хмель разом вылетел из головы Виктора.

Полночи он не спал, то и дело с завистью прислушиваясь к богатырскому храпу Ивашки, к спокойному дыханию Василия. Всех в избе свалил сон, а его не брала усталость.

Они так никогда и не узнают, что натворил он сегодня. И никто не узнает: кандидат филологических наук Ильин совершил преступление — по легкомыслию вторгся в историческую среду, пустив в оборот новую и чрезвычайно живучую в силу своей привлекательности вариацию змееборческого мифа. Все время талдычил о невмешательстве — и вот одним махом создал целое направление в былинном творчестве. По своему значению для неофициальной народной культуры песнопения о Добрыне и змее значили то же, что наследие крупного поэта эпохи печатного станка и всеобщей грамотности...

«Ты запустил торпеду времени!»

Когда он сказал себе это, его снова в пот бросило. Так кто же автор былины о Добрыне? Ведь он не сочинял ее, а принес из двадцатого века. А здесь ее не знали. Выходит, для того, чтобы она пришла в будущее, он сам должен был попасть сюда по некоему замыслу истории? Выходит, и вся его жизнь была лишь подготовкой к броску в прошлое, к осуществлению некой миссии, замысленной неведомой высшей силой еще до его

рождения? А как же его свободная воля, его мечты, поиски призвания? Неужели все это давным-давно было запрограммировано каким-то холодным разумом? Нет, невозможно поверить, что твоя жизнь, твое драгоценное и неповторимое «я» — плод досужей игры ума неведомого Гроссмейстера!..

Парадоксальность ситуации настолько потрясла его, что в голове воцарился полный хаос. Наверное, поэтому он наконец уснул.

ГЛАВА III

ВИКИНГИ,
БУНТОВЩИКИ,
УТЬИРИ

В Южном Приладожье царила чересполосица племен и верований. Редкие очаги славянской колонизации на десятки, а то и сотни верст были окружены финским населением. В отличие от соседей-лесовиков, в основном державшихся отдельными семьями, русичи жили большими укрепленными деревнями, вокруг которых во все стороны тянулись полосы низкорослого жита с торчащими там и сям обгорелыми пнями. Сваливая и выжигая все новые участки леса, переселенцы двигались дальше к северу, расширяя пределы Обонежской пятины — так именовали этот край новгородцы.

Если славяне убирали урожай и обрабатывали снятый хлеб все вместе — мужики, бабы, дети и старики, то на убогих кулигах финнов, засеянных ячменем, Ильин видел только женщин — они и жали, и молотили кое-как просушенные снопы.

Когда в первый раз остановились на ночлег у велса Вармы, Виктор спросил хозяина:

— Я заметил, на дворе у тебя одни женщины работают. Даже дрова и то старуха рубит.

— А! — презрительно махнул рукой Варма. — Мужик — рыба ловит, на зверь петли ставит. Баба печка топит, земля копает.

И умолк, всем своим видом выказав презрение к женской доле. Он возлежал на низких нарах, подперев голову рукой. На коротком широком чурбаке у его изголовья стоял туес с крупной черемухой. Почерневшие от

ягод губы Вармы сложились трубкой, издав долгий пронзительный свист.

В землянку сунулся невероятно грязный белобрысый мальчишка в ветхой рубахе. Хозяин что-то вполголоса сказал ему на своем языке, и отрок исчез с той же быстротой.

Ильин и Овцын сидели на нарах у противоположной стены и прислушивались к звонкому голосу княжны, убеждавшей Ивана помочь дамам.

— Мужик все может, — после долгого раздумья сказал вепс.

Ильин воззрился на него, выразив на лице вежливое внимание, но Варма снова умолк и молчал добрых две минуты. Когда Виктор потерял было интерес к высказанному обобщению, тот развил свою мысль:

— Сани делает, лодка долбит. Меч кует, серьги бабе кует, если захочет — бабу себе скует.

— Ты что, кузнец? — спросил Овцын. — У нас как раз обод надо заклепать...

Варма махнул рукой в сторону дыمارя, кутившегося перед выходом:

— Там кузня, черная...

— А я думал, баня, — сказал Овцын.

— Баня другой сторона. Сей день мыться будем.

Через дымарь перешагнула миниатюрная девушка в белом льняном платье, расшитом по подолу огромными красными свастиками. В руках у нее дымилась большая деревянная миска.

Ни на кого не глядя, она быстро присела на корточки, поставила на землю посудину, выкатила из угла два чурбака и утвердила на них широкую тесаную доску. Потом водрузила на нее принесенную миску.

Пока она сноровисто устраивала этот импровизированный стол, Ильин внимательно разглядывал ее многочисленные украшения. Шея была схвачена берестяной лентой с серебряными бляхами, тяжелые кованые цепи из бронзы и железа, заменявшие бусы, служили для

крепления многочисленных предметов — тут был нож в деревянных ножнах, подвески с висюльками, несколько арабских серебряных монет, на длинной тонкой цепочке болтался искусно выкованный предмет, напоминавший длинный палец.

— Это что? — указывая на заинтересовавшую его поделку, спросил Ильин.

Лицо девушки разом вспыхнуло до корней волос. Она словно бы еще больше съежилась на корточках.

— Копоушка, — сказал за нее отец. — Ее не спрашивай. Наши девка сильно скромный.

— Смотри, какое внимание к гигиене, — хмыкнул Виктор. — Не удивлюсь, если у кого-нибудь зубную щетку увижу.

— Это что за орудие? — удивился Овцын.

— Ах да, в ваше время их не было. Как же вы из положения выходили?

— Кто углем древесным советовал чистить. А я по примеру нашего секунд-майора водкой рот полоскал. Изумительная вещь!

— Хм, вполне стерильно.

— Не понял.

— Очень хорошо очищает, значит. Но тут тебе от своей привычки отказаться придется — водку веке в четырнадцатом на Русь занесут.

Переговариваясь с Овцыным, Ильин не опасался, что вепс поймет, что к чему — судя по его манере говорить, хозяин не очень-то силен был в русском языке. Но он ошибся — Варма, оказалось, внимательно прислушивался к их разговору и сделал из него свои выводы.

— Если шева в рот заберется — щетка толк нет. Надо колдун идти.

— Какая шева? — не понял Овцын.

— Нечистый дух. Люди видел: маленький, длинный — как волос. Так делает... — Вепс показал ладонью, как извивается шева.

— Но мы не о злом духе толковали, а о том, как поддерживать чистоту зубов, — сказал Ильин.

— Э, тогда совсем щетка не надо. Сера от дерева жевать хорошо.

Тем временем дочь и сын Вармы продолжали подносить все новые блюда. На доске, заменявшей стол, уже стояли посудыны с квашеной рыбой, с вареной дичью и отборной черникой. Наконец, появился и приземистый каравай, источавший соблазнительный дух горячего хлеба.

Варма убрал руку из-под щеки и со вздохом принял вертикальное положение.

— Зови девка свой да мужик.

Ильин выглянул наружу. Старообрядец, деловито хыкнув, ударил колуном по березовой чурке и развалил ее. Анна зааплодировала, воскликнув:

— Опять с первого раза!

Вепские старухи понуро стояли рядом, видимо, ожидая, когда гости натешатся вдоволь.

Ильину стало нестерпимо стыдно за Анну. «Все со своими пейзажами носится, не понимает, что ли: смешно это?!» И он раздраженно крикнул:

— Ну долго вы там, обедать зовут!

Никто из вепсок в землянке не появился — Ильин понял, что при гостях у них не принято садиться за трапезу.

Уплетая дичь и рыбу, Варма ловко орудовал ножом, отхватывая куски перед самыми губами. Ел причмокивая, жмурясь от удовольствия. Особенным вниманием его пользовалась квашеная рыба — сероватая масса с выглядывающими кое-где голыми хребтами. Из гостей только Ильин да Ивашка попробовали это блюдо.

Старообрядец даже похвалил:

— Я у корел на Беломорье не раз едал. Знатная снесь!

Виктор подержал во рту отдающую затхлостью сладковатую пасту и кое-как заставил себя проглотить ее.

Насытившись, Варма вытер руки о штаны и занял исходную позицию на нарах. Снова издал протяжный свист, после чего в землянку сунулся его белобрысый отпрыск. Последовало какое-то указание вполголоса.

— Кантеле играть стану. Парень лудду дудеть будет.

То ли сытный обед привел вепса в хорошее настроение, то ли желание развлечь гостей было тому причиной — Ильин не успел ответить себе на этот вопрос. Варма, как бы угадав его мысли, сказал:

— Я веселый. Песня люблю. Поговорить люблю.

«Представляю себе, каковы другие вепсы, если этот себя разговорчивым считает», — подумал Виктор и сказал:

— Да, по сравнению с твоими женщинами...

Хозяин вновь презрительно махнул дланью.

— Чего баба сказать? Мужик — ох какой умный...

Анна попыталась было опротестовать его слова, но Ильин с укоризной посмотрел на нее, и она замолчала.

Мальчишка принес кантеле — гусли с натянутыми наискось сухожилиями, вооружился берестяной дудкой и сел на пороге.

Варма поджал под себя ноги, положил на колени инструмент и стал перебирать струны. Сын вторил ему на лудду.

— Миленькая мелодия, — сказал Овцын.

И тут же, словно для того, чтобы опровергнуть его, Варма пронзительным голосом запричитал по-вепски, завершая каждый речевой период странным повизгиванием.

— Заёйгал, — вполголоса прокомментировал Ивашка. — Вот так-то у всех у них, — что корела, что чудь, что весь... Не-е, наши песни повеселее будут...

— Темнота ты, — укоризненно заговорил Ильин. — Эти финские племена — наши с тобой предки. Ведь в ходе движения славян к северу и востоку почти все они будут ассимилированы, то есть поглощены. Так что и в

тебе и во мне хоть и небольшая примесь финской крови, но имеется.

— Эк ты загнул! — возмущился Иван. — Да у нас по всей округе наперечет случаи, когда кореляк русскую девку за себя брал али наоборот.

— В период колонизации смещение всегда сильнее... Да что спорить, в нашем веке крупный поэт был — Блок; он так писал, обращаясь к Руси: «Что там услышишь из песен твоих? Чудь начудила, и мера намерила гатей, дорог да столбов верстовых».

Сказав это, Виктор с досадой подумал: «Черт побери, Иван определенно воздействует на меня отрицательно. Изъясняюсь как классная дама...»

Вепс продолжал самозабвенно петь, склонив голову набок. На его широкоскулом лице можно было прочесть если не точное содержание песнопений, то уж, во всяком случае, понять, когда речь шла об опасностях, подстерегавших его героев, об одержанных ими победах, о счастливом завершении их деяний.

«Вярюйнен небось десять лет жизни отдал бы за такой концерт», — подумал Ильин, вспомнив симпатичного бородача, приезжавшего к ним в институт из Хельсинки. Был он немногословен, хотя, пожалуй, на взгляд Вармы, мог сойти за балагура, целыми днями просиживал в архиве, разбирая полевые записи экспедиций, работавших в Карелии и на архангельском Севере. За все время, что они встречались в курилке — а в общей сложности набралось бы несколько часов — Виктор обменялся с ним дюжиной фраз. Но когда Вярюйнен уезжал, он почему-то разыскал Ильина и, с чувством пожав ему руку, вручил свою визитную карточку: «Очень приятно было беседовать с вами. Если будете в Хельсинки, обязательно зайдите». «Хельсинки! — мысленно хмыкнул Ильин. — Сейчас бы я рад в самой дикой дыре оказаться — лишь бы это было в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году...»

В баню позвали, когда начало смеркаться. Выбрав-

шись из землянки следом за Вармой, гости увидели, что поляна, на которой только что кипела многообразная хозяйственная жизнь, пуста.

— Где семья? — спросил Ильин.

— Все баня, — ответил вепс.

— Так мы что... с женщинами? — приостановился Виктор.

— Все баня, — кивнул Варма.

Анна, слышавшая этот диалог, решительно заявила:

— Я пойду позже.

— Чего девка дуровать стал? — Вепс озадаченно посмотрел на Ильина, когда княжна скрылась в землянке. — Зачем обижает?

— А! — Виктор решил не развивать тему. Недоставало только нарушить обычай гостевания.

По-видимому, Варма истолковал близкое его сердцу междометие как выражение презрения к взбалмошной женской природе. Не говоря больше ни слова, зашагал первым по тропе, тянувшейся среди сосен.

Через несколько минут вышли к излучке небольшой реки. На травянистом берегу чернел одинокий сруб. На пряслах возле бани была развешена одежда. Ильин узнал белое платье с красными свастиками.

Вепс сразу принялся раздеваться, то и дело охлопывая себя по плечам, по груди, по ляжкам — комары тучей ринулись на его молочно-белое незагорелое тело.

Старообрядец, не раздумывая, последовал его примеру. Да и Овцын колебался совсем недолго. Подтолкнув Виктора под бок, когда в бане разом заголосили веселые девичьи голоса, он решительно скинул с себя пропыленную сермяжину.

Когда за ними закрылась дверь, Ильина разом охватил крепкий духовитый жар. Прицокнув языком от удовольствия — парильщиком он был изрядным — Виктор огляделся: в полутьме можно было различить согбенные фигуры под ногами — это в больших деревянных

шайках устроились старухи и дети. На полке смутно белели несколько фигур.

— Сюда! — голосом Ивашки крикнул один из обитателей полка.

Виктор с Василием пробрались между шаяк в дальний от двери угол и вскарабкались на широкий помост, сложенный из толстых березовых плах. Затиснувшись между Вармой и его сыном, Ильин целиком отдался телесным ощущениям.

Подобно всем уважающим себя людям его поколения, он принадлежал к команде завзятых парильщиков, сложившейся еще во времена учения в аспирантуре. За годы совместных «помывочных мероприятий» у них выработались строгие ритуалы поведения в бане.

— Первый пар, отцы, надо в глубоком молчании воспринимать, — поучал их главный идеолог, толстяк Марфин. — Пушай душа к небесам отлетает, тогда телеса вполне во власть пара отойдут...

И действительно, когда они делали первый заход, можно было принять их за некую мистическую секту — с такой отрешенностью они сидели на полке.

...Дружный смех вывел Виктора из состояния блаженной прострации. Оказалось, кто-то из дочерей Вармы дунул Овцыну на спину, и тот, словно ужаленный, слетел вниз.

— Как огнем опалило, — почесывая пострадавшее место, оправдывался Василий. — Я и так-то с грехом пополам жар этакий сношу...

— А у вас что, не было подобных заведений? — спросил Виктор.

— Хаживал я в торговые бани — да разве там такое пекло! А к деревенщине в эти избенки курные — ни-ни, как погляжу на копоть, с души воротит. Это уж здесь, деваться некуда...

— Ничего, мы еще из тебя демократа выпестуем, — со смехом сказал Ильин.

И тут же, заметив рядом с собой распаренный веник, с маху опустил его на розовый зад Василия.

Новый обвал смеха вознаградил Виктора за проявленное остроумие.

Иван слез с полка.

— Я в речку. Пойдем?

Виктор, а за ним и Василий выскочили наружу. Комары словно ждали их за дверью. Колотя друг друга по спинам, троица бросилась к воде.

Вынырнув, Ильин увидел, что из бани повалил стар и млад. Впереди всех бежала дочь Вармы — та, что накрывала на стол во время обеда. Ее небольшая, ладно скроенная фигура, маленькие, упруго подпрыгивающие груди произвели впечатление не только на Ильина. Овцын довольно захмыкал рядом:

— Надо бы спросить, как зовут... А то вроде и обратиться не знаешь как...

— Плыви, чертяка, — Виктор ударил ладонью по воде, подняв веер брызг в сторону Василия. — Ишь вылупил глаза. Мы же в гостях...

— А сам-то, — буркнул Овцын и рванул вразмашку на середину речки.

Ильин повернул вниз по течению. И тут же из глубины к нему метнулась светлая тень. Над водой возникло лицо, облепленное льняными волосами. Откинув мокрую прядь, дочь Вармы прямо взглянула в лицо Виктору. В ярко-голубых глазах прыгали искорки смеха. С размаху хлопнув Ильина ладонью по плечу, девушка нырнула снова.

— Ч-черт! — невольно ругнулся Виктор, скривившись от боли. — Юмористка!

В голове у него промелькнуло: «Однако здесь своеобразное понимание скромности и нескромности».

Льняная макушка появилась из воды в десятке метров ниже. Ильин улыбнулся и нырнул в ее сторону.

Но девушка оказалась неплохой пловчихой. То и дело погружаясь в воду, она всплывала каждый раз в дру-

гом месте и радостно визжала, видя, что Виктор снова потерял ее.

Так мало-помалу они сплыли метров на двести ниже бани. Черная крыша ее скрылась за поворотом. Крики купающихся сразу стали глуше.

Девушка опять ушла под воду, но на сей раз всплыла так близко, что скользнула по его спине своим телом. Обхватив Ильина сильными руками, на мгновение прижалась к нему и вдруг, упершись в его плечи, подпрыгнула вверх, словно собиралась утопить.

Это было так неожиданно, что Виктор изрядно нахлебался воды. Вынырнув, услышал громкий смех. Через секунду шутница что есть силы колотила руками по воде, удирая к берегу. Ильин приударил следом.

Схватившись за нависшие над водой ветви тальника, девушка рывком бросила тело на зеленый травянистый берег, быстро вскарабкалась по отлогому склону.

Войдя в азарт погони, Виктор сразу заплутался среди светлого березняка. Остановившись, услышал в безмолвии только свое колотящееся сердце. За спиной хрустнула ветка. Он обернулся — дочь Вармы стояла в десятке шагов. В голубых глазах прыгали бесовские искры.

Он медленно пошел к ней. Она оставалась на месте, все с той же лукавой улыбкой глядя прямо в глаза ему.

Сжав руками сильные плечи девушки, Виктор привлек ее к себе, всмотрелся в чистое полудетское личико, в пухлые влажные губы, в подбородок, разделенный слабой ложбинкой. Руки его медленно скользили вдоль ребер, по упругим бедрам. Он чувствовал, как ее тело становится все более упругим, как ее начинает колотить озноб...

Когда Ильин в изнеможении лежал, уткнувшись в прохладный мох, ему вдруг представилось, как Анна сидит в полутемной землянке и смотрит на клубы дыма, поднимающегося над площадкой, в которой курится трутовик. Он резко поднялся и быстро пошел к реке.

Не оборачиваясь назад, нырнул и, разрезая воду мощными гребками, пошел вверх по течению.

Когда подплыл к бане, с противоположного берега плюхнулись Овцын и другая дочь Вармы. Старый встал по колено в воде, поглаживал себя по животу и, посмеиваясь, глядел на гостей.

— Мало парился. Однако, еще баня надо.

Сидя на полке, Ильин старался не смотреть на забившуюся в угол шутницу. В голове у него прокручивалось одно и то же: «Неужели в самом деле втюрился?.. Вот, оказывается, как это бывает... Ей-богу втюрился — по-черному...»

II

Идея с переодеванием родилась у Виктора, когда до Новгорода было еще полтысячи верст пути по никудышным дорогам и разбитым гатям. Благодаря его затее им пришлось сделать крюк еще в добрую сотню верст, чтобы попасть к началу торгового пути из варяг в греки.

Ход его мыслей был таков: поскольку мы плохо ориентируемся в местных условиях, лучше всего выдать себя за иностранцев. Тем более что все, кроме Ивана, владели немецким языком. В разной степени, конечно. Анна великолепно — ибо росла под присмотром немки-гувернантки, потом постоянно общалась в Смольном с классными дамами да и с отцом не раз проводила по несколько месяцев в Баден-Бадене и Киссингене. Овцын побывал в Саксонии во время Семилетней войны и вполне сносно объяснялся с княжной, желая продемонстрировать свою светскость. Познания Ильина были основательнее — в университете он занимался не только современным немецким, но и старонемецким, ибо дипломная работа его была посвящена фольклорным параллелям у славян Поморья и их соседей. Целыми днями он растолковывал спутникам особенности грамматики и архаичную лексику, сохранившуюся в его па-

мяти. Ивашка обнаружил полную неспособность к языкам, поэтому его решили держать за конюха при «иностранцах».

Но для того, чтобы воплотить идею в жизнь, необходимо было материальное ее обеспечение — одежда, различные лошади. Не являться же заморским купцам на убогой телеге, в которую была запряжена вислобрюхая клячка, подаренная Добрыней. Да и средства нужны были, чтобы хотя бы на первых порах платить за питание и жилье.

Виктор предложил сложить в общий котел все их имущество и подумать, что можно пустить в обмен с иностранцами на необходимые четверке товары.

Распорядителем решили избрать Ильина, поскольку ему, по общему мнению, принадлежал главный вклад: исправно действующий фонарик, щипчики для срезания ногтей, олимпийский рубль, брелок для ключей с изображением Эйфелевой башни. В порыве благородства Виктор даже согласился на предложение Овцына спороть с ширинки джинсов медную «молнию». Замок давно приводил в восторг коллежского секретаря, хотя в то же время он недоумевал, как такая дорогая вещь могла оказаться на безобразных вытертых до белизны штанах, достойных какого-нибудь оборванца. Ильин сознательно дал уговорить себя пойти на жертву — во-первых, думал он, в двадцатый век можно вернуться и с расстегнутой прорехой или на худой конец снабдить ее пуговицей, а во-вторых, он замыслил убедить самого Овцына в необходимости отдать в обменный фонд малиновый камзол и парик.

Коллежский секретарь, конечно, встал на дыбы, услышав такое предложение. Он потратил на свое одеяние трехмесячное жалованье, одни галуны серебряного шитья чего стоили! А парик — это же настоящий шедевр — как ни мяти его язычники, как ни мок он под дождями, все равно сохранял свой щегольской вид.

Вот именно поэтому Василий и должен отдать свое

достояние, настаивал Ильин. Пусть заберет себе полдюжины золотых, оказавшихся у него в поясе, это все равно не деньги, но камзол — целое состояние, надо только умело им распорядиться. Если какому-нибудь заезжему викингу лапшу на уши повесить, то бишь рассказать, что роскошное облачение с огромными орлеными пуговицами привезено из Персии или из Индии, он за него десять гривен золота не пожалеет.

Анна недоверчиво подняла брови, а Овцын посоветовал поменьше фантазировать. Тогда Ильин привел вычитанную им как-то в исландских сагах историю о крестившем Норвегию конунге Олафе Трюгвассоне, мальчиком, попавшем в плен к викингам. Лицо царской крови было обменено на хороший плащ! В другом источнике рассказывалось о знатной норманке Стейнвер Старой, которая, прибыв в Исландию, расплатилась за земельное владение опять-таки расшитым плащом.

— Так это когда было, — хмыкнул Овцын.

— Именно теперь, сударь, в нашем с вами одиннадцатом веке или каких-нибудь лет тридцать назад... — с меньшей иронией ответил Ильин.

Анна без колебаний внесла в банк ценностей нитку жемчуга и коралловую брошь.

Иван долго вздыхал, потом достал из-за пазухи кипарисный образок с изображением какого-то святого. Благоговейным тоном пояснил:

— С горы Афон странники, дай им бог здоровья, принесли. Пантелеимон-целитель, от всех болезней помогает.

— А в каком веке он жил? — с подозрением спросил Ильин.

Иван пожал плечами и ответил:

— Знаю только из жития его, что рожден он от знатных родителей в граде Никомидии, отец был язычником, а мать...

— Спасибо, все ясно, — прервал его Ильин. — Это нам подходит, остается выяснить, с какого века у нас на Руси его почитать стали.

— У нас святого Пантелеимона весьма и весьма уважают, — солидно сказал Овцын. — В день памяти его русский флот шведов дважды бил — при Гангуте и при Гренгаме.

— Не вздумай сделать ему такую рекламу при норманнах, — предупредил Ильин.

— А они что, тоже шведы? — простодушно спросил Василий.

— Да, и при этом далеко не столь воспитанные, какими стали при Карле XII...

Дорога вывела их на берег озера Нево в нескольких верстах от крепости Ладога — об этом сказал встретившийся им горшечник, возвращавшийся с базара на подводе, на добрую половину заставленной нераспроданным товаром.

— Худо торговля идет? — любопытствовал Ивашка.

Возница почесал спину кнутовищем и сплюнул. Неохотно отозвался:

— Чтоб их лешак всех подавил! От немца продыху нет — завалил дешевой посудой.

А вскоре путники увидели и первых гостей из-за моря — разрезая высоким выгнутым форштевнем рябь озера, летела ладья под огромным красным парусом, расшитым оскаленными мордами чудовищ. Борты были обвешаны желтыми щитами.

Иван перекрестился, увидев богоненавистные изображения.

— Не иначе язычники!

Затем показалась другая ладья, двигавшаяся навстречу первой. Эта шла на веслах — издали казалось, что над бортами мерно поднимаются и падают в воду десятки длинных хрупких на вид спиц.

Потом дорога повернула от озера в бор. А когда он расступился, открылась широкая лента реки. На проти-

воположном берегу высился город, обнесенный земляным валом. Лес мачт выстроился под стеной крепости.

— Все флаги в гости, — машинально заметил Ильин.

— Чего? — не понял Ивашка.

— Да так, стихи вспомнил.

— Пушкин? — спросила княжна. — Мы, кажется, учили.

— Он, — подтвердил Виктор. — Причем почти об этих самых местах писано. В нескольких десятках верст отсюда из Ладожского озера — по-нынешнему Нево — вытекает Нева, а еще сотню верст проплывешь и попадешь на то болото, где через семь столетий Петербург возникнет.

Паромщик переправил путников через Волхов прямо под стены крепости. Чтобы попасть к городским воротам, пришлось объехать половину окружности укреплений. Дорога шла вдоль рва, наполненного непроглядно-черной водой.

— Крепость знатная, — похвалил Овцын. — И в мое время с ней немало повозиться пришлось бы. А те каменные фассебреи по углам и нашим осадным орудиям не по зубам.

У надвратной башни несли службу два рослых воина в кольчугах со щитами и боевыми топорами. Ильина удивило то, что их ресницы и брови были густо накрашены, а на шее и на запястьях сияли массивные золотые гривны и браслеты.

Остановив знаком повозку, стражники бегло осмотрели ее содержимое. Ткнув топором в ветхий мешок, в котором хранились все сокровища четверки, один из них спросил на ломаном русском:

— Зачем едете в Альдейгьюборг?

— Как-как? — не понял Ильин.

— Альдейгьюборг. По-вашему Ладога, — с презрением оглядев убогое одеяние филолога, пояснил воин.

Ильин понял, что перед ним варяги. Он еще не нашелся с ответом, как Иван сказал:

— Извозом думаю промыслить. А земляки мои в Новгород хотят пробираться, переночуем у вас — и дальше. — С этими словами он протянул стражу мелкую монету.

— Проезжай. — Варяг небрежно мотнул головой в сторону ворот.

— А ты находчивей меня оказался, — похвалил Ильин. — Я ведь грешным делом сказать хотел, что мы купить кое-чего желаем, а не сообразил, что тогда эти молодцы точно пожитки наши перетрясли бы в поисках денег.

— Я ведь, Витюша, стреляный воробей. Думаешь, в наше время таких ухарей не было? Только зазевайся — враз обчистят.

Спросили у прохожего, где можно остановиться на почлег. Он махнул рукой в сторону низкого строения с дерновой крышей.

— А вон к Толстопяту Куриной Голове толкнитесь.

Анна прыснула в кулак. Ильин вопросительно посмотрел на нее.

— Ну и имена у здешних обитателей.

— Ничего в этом смешного, — наставительно сказал Виктор. — Не вздумай в дальнейшем показывать свою невоспитанность. В Древней Руси у каждого человека было прозвище, тогда не приглаживали правду в угоду ложно понятым приличиям — определяли характерную черту или очевидную примету с предельной откровенностью. И никто не обижался... Помню, когда учился в университете, встретил в каких-то старых летописях целую пригоршню кличек одну другой краше. Например: князь Семен Заболоцкий Угреватая Харя.

— С прозвищами дело ясное, — вмешался Овцын. — А имена? Что это еще за Толстопят? Я в святах такого не видал.

— Язычники, одно слово, — сморщился Иван.

— Да дело в том, что в эти годы еще ни одного русского святого не было... То есть нет — в настоящем времени. А греческие имена ох с каким трудом пробивались. Даже если и нарекут кого-то при крещении по церковному установлению в честь святого, обязательно второе имя дают, русское. Этот обычай, кстати сказать, до твоих времен дожил, Ивашка...

— Что было, то было, — согласился старообрядец. — И Нехороший, и Рыло, и Неплюй, и еще бог весть какие языческие имена водились.

На постоялом дворе Иван также проявил завидную находчивость — за считанные минуты договорился с хозяином о ночлеге, сумев обойти в разговоре с ним скользкие темы, поставил лошадь на конюшню, нахлобучив ей на морду торбу с овсом, сбегал к кухарке и разжился у ней снедью на ужин.

Весь вечер, бродя по улицам Ладоги, Ильин прислушивался к разноголосому говору — гортанные выкрики арабов и персов, отрывистые фразы скандинавов и немцев, быстрая грассирующая речь франков.

Зайдя к корчму, Виктор спросил братину ставленого меда и, присев на лавку в углу, стал наблюдать за разношерстной толпой. Большинство и здесь занималось делами — один показывал на пальцах требуемую плату, другой загибал несколько пальцев, продавец непримиримо тряс головой, и торг начинался снова. Иные объяснялись с помощью деревяшки — владелец товара делал ножом несколько нарезок, покупатель срезал, первый купец снова добавлял зарубки, второй снова убирал их. Когда приходили к соглашению, выкладывали на стол монеты, связки мордок — кусочки беличьей шкурки, срезанные со лба, — или гривны кун — нанизанные на сухожилия дюжины куньих шкурок. меховые деньги, бывшие в ходу в стране славян, принимались к оплате наравне с серебром и золотом, но, насколько мог приме-

тить Ильин, их брали в основном здешние купцы. Иноземцы больше доверяли презренному металлу.

— Тут просто вавилонское столпотворение, — сказала Анна, когда Ильин вернулся с прогулки.

Оказывается, никуда не отлучаясь с постоянного двора, она увидела представителей полудюжины национальностей.

— Я ведь сюда как-то на пароходе из Петербурга до Шлюшина плавала на пикник. Где-то совсем неподалеку от Ладоги мы на берегу расположились. И за все три дня нашей экскурсии разве что десяток-другой барок с хлебом увидели.

— Теперь ты поняла, насколько тесно была связана Русь со всем миром? По ее территории проходили самые важные — в силу их безопасности — торговые пути. Ведь вокруг Европы викинги пиратствовали, а у нас купцов княжеские дружины охраняли...

— Так почему же потом такое захолустье воцарилось? — спросил Овцын.

— Татары, — вздохнув, сказал Ильин. — Они не только Русь придавили, но и международную торговлю порушили.

С иноземными купцами в Ладоге решили не общаться — если бы вышел какой-нибудь конфуз при обмене, здесь это могло бы привести к непредсказуемым последствиям.

— Знаете, где-нибудь вдалеке от населенных пунктов, от варягов княжеских, предлагаемые нами товары вызовут меньше вопросов, да и происхождение наше не так легко будет проверить. А здесь ведь — кем ни назовись, обязательно тебе земляка подыщут, поди тогда отвертись. За одно произношение, за словечки непривычного облика в колодки забьют, да еще и пытаться станут, дабы вызнать, откуда такие подозрительные типы взялись...

Расчеты Ильина оправдались. В одном дне пути от Ладоги они набрали на берегу Волхова на стоянку лю-

бекских купцов, сплавлявших из Новгорода караван ладей с медом, поташем и кожами. Користолюбивые гости из-за моря с удовольствием согласились проверить еще одну операцию, хотя, как и ожидал Ильин, немецкая речь одетых в славянскую одежду путников вызвала у купцов недоумение. Они с явным недоверием выслушали рассказ Анны о разбойниках, якобы ограбивших их.

— Ваше произношение мне незнакомо, — сказал один из граждан вольного города Любека. — Из каких краев вы?

— Из Кенигсберга, — ляпнул Овцын.

Купец недоуменно покрутил головой и сказал, что не слышал о таком городе. Ильин исподтишка показал кулак Василию — лезет с объяснениями, не зная элементарных вещей. Тевтонский орден обоснуется в Прибалтике лет через двести, на месте столицы Прусского королевства теперь, наверное, одни медведи обитают.

Но как бы ни были велики сомнения любекских негоциантов, когда они увидели то, что предлагали приобрести странные соплеменники, их обуял настоящий азарт. Стараясь перекричать друг друга, толкаясь и даже берясь то и дело за эфесы коротких мечей, купцы устроили нечто вроде аукциона.

Фонарик ушел за цену средней ладьи — по указанию хозяина купцы тотчас же принялись переваливать ее груз на другие суда.

Щипчики для ногтей Ильин представил как личную собственность персидского шаха, взяв за образец рекламную операцию Бендера, всучившего людоедке Эллочке ситечко для чая. За свою безделушку он получил нечто гораздо более существенное, чем гамбсовский стул — целый гардероб мужского и женского платья.

Брелок с Эйфелевой башней оказался ритуальным символом самого первосвященника Канафы, отправившего на смерть Иисуса Христа. Правда, с этой драгоценностью чуть было не вышел конфуз, когда Ильин

сказал, что на брелоке его первый владелец носил ключ от ковчега Завета. Один из купцов тут же решил прикинуть брелок к своим ключам, но от их массивных кованых колец хилая дюралева безделушка сразу же погнулась. Кое-как удалось убедить покупателей, что ковчег открывался золотой отмычкой величиной с мизинец. Людям, привыкшим к огромным кованым замкам, охранявшим любой амбар, казалось невероятным, чтобы столь великая ценность, как свитки Моисеева закона, могла запирались маловнушительным ключиком.

Потом купцам предложили парик, но он вызвал у них только недоумение. Никто даже не спросил о его цене.

Как бы то ни было, и без того целый кошель серебряных талеров перекочевал к Ильину. Поэтому он по праву казначея решил, что остальные товары стоит придержать. Таким образом, кафтан, жемчуг, брошь и «молния» с джинсов составили стратегический резерв четверки. Пантелеимона-целителя решили вернуть Ивашке, ибо уверенности в том, что его уже начали почитать на Руси, не было. «Лучше не прокалываться, — сказал Ильин. — Хватит с нас Кенигсберга».

Овцын заметно повеселел оттого, что парик вернулся к нему, к тому же, Василий, видимо, надеялся, что до кафтана очередь может и не дойти. Надев немецкое платье — льняную рубашку камизу, короткие штаны брэ, плотные суконные чулки шосс, блио с длинными широкими рукавами, — он вертелся перед поставленным на ребро медным тазом, который вместе с прочей утварью остался на ладье от немцев. Анна пристыдила щеголя.

Денег хватило и на то, чтобы нанять гребцов, и на то, чтобы заплатить за целые палаты на Готском дворе Новгорода. При дешевизне съестных припасов в осеннюю пору четверка могла позволять себе каждый день весьма обильные трапезы, не боясь быстрого истощения любекского кошель.

Вообще им многое было на руку. Дождливый ок-

тябрь позволил, не вызывая подозрений, осесть в городе будто бы до тех пор, пока погода станет более благоприятной для подъема по Волхову и Ловати к днепровскому волоку. А ударившие затем ранние морозы сделали возможной зимовку в Новгороде. Поскольку немногочисленные постоянные жители Готского двора знали, что Иоганн Шмальгаузен — так теперь именовал себя Ильин — попал в Новгород проездом в Царьград, ему не нужно было регулярно торчать на городском торгу, не было необходимости демонстрировать свои товары. Он просто ждал, когда по весне можно будет продолжить путь к югу...

Анна выступала теперь в амплуа дочери Шмальгаузена, причем имя ее решили не менять, ибо оно имело широкое распространение и в Европе. А вот Василию, который числился приказчиком купца, пришлось привыкать отзываться на Вольфганга — его природное имя было не в ходу у немцев.

Лучше всех жилось Ивану — ему не приходилось прикидываться кем-то другим, он по целым дням проводил в церквах, наслаждаясь древним богослужением. Скоро его заметил сам епископ грек Иоаким Корсунянин — среди недавно обращенных в Христову веру новгородцев немного было таких ревностных прихожан. Ивану стали поручать сбор пожертвований во время служб, затем как-то доверили читать псалтырь, что он исполнил с подлинным блеском.

Началось стремительное возвышение старообрядца — духовник князя Ярослава Лука Жидята, бывший настоятелем одного из храмов, призвал его прислуживать в алтаре, доверял ему помогать при своем облачении в ризу, завязывать на запястьях поручи, надевать фелонь. Иван поразил его своими познаниями в житийной литературе — потомок киевского менялы считал свою паству варварами, для которых имена близких его сердцу ветхозаветных пророков — пустой звук. Как-то в хорошую минуту, возложив на голову Ивана омофор, Лука

объявил, что ему предстоит прославить христианскую веру великими подвигами. Это произвело на последователя протопопа Аввакума такое впечатление, что он неосторожно наградил иерея небольшой молнией. Кое-как крестясь онемевшими перстами, тот повалился на колени перед иконой Спаса Нерукотворного, благодаря за знамение.

На Иоганна Шмальгаузена и его спутников новгородцы обращали мало внимания, не до них было. Город жил мрачными предчувствиями: после того, как князь Ярослав отказался платить ежегодную дань отцу, великий князь Владимир прислал гонца с грамотой к вкчу. Послание оказалось предельно кратким: «Расчищайте пути и мостите мосты». Все поняли, что скоро родитель Ярослава нагрянет сюда с дружиной, и тогда всем придется несладко.

Позднее, правда, пришло известие о болезни Владимира. Это значило: на какое-то время новгородцы получили передышку. Но сознание того, что мщение неизбежно, отравляло жизнь горожан. Во всех концах — Неревском, Плотницком, Славенском, Загородском, Людине — то и дело собирались вечевые сходы; толпы ремесленников и купцов по целым дням галдели на площадях, обсуждая возможное развитие событий.

Ильин часто бывал в местах скопления народа — в харчевнях, на торгу, — чтобы послушать, о чем говорят люди, сам вступал в разговоры, не боясь вызвать настороженность собеседников. Новгородцы давно привыкли к иноземцам, хорошо владеющим русским языком, — кроме купцов и их приказчиков, город был вечно переполнен наемными воинами-скандинавами.

Иоганн Шмальгаузен не выводывал настроения горожан, не интересовался делами княжеского дома, — он расспрашивал все больше о чудесах и необычных явлениях, о подвижниках веры и колдунах. Каждому ясно было, что он просто добрый малый, немного свихнувшийся на сверхъестественном.

Да и вся его небольшая свита — приказчик Вольфганг, дочь Анна, богомольный служитель Ивашка — постоянно выводывали у окружающих о любых проявлениях нечистой силы, о знамениях богов, о предсказаниях гадалок, с величайшим вниманием выслушивали любые небылицы.

К весне 1015 года Ильин уже набросал небольшую карту чудесных явлений, на которой нашли отражение как явно фантастические сведения, так и те, что поддавались рациональному объяснению. Он знал, например, где чаще всего встречаются оборотни, где живут упыри, регулярно лакомящиеся кровью неосторожных юниц, отправляющихся по ягоды. Стмечено было, в какой деревне родился ягненок с человеческой головой, пророчествующий о наступлении последних времен. Известны были Ильину и кладбища, на которых многие очевидцы встречали прогуливавшихся лунной ночью мертвяков, даже могилы, над коими по большим праздникам возникает сияние и слышится пение псалмов, он прилежно заносил на карту.

После ужина они подолгу сидели втроем — Ивашка обычно уходил к вечерне — и каждый рассказывал об услышанном за день. Обсудив новую информацию, вносили дополнения в карту чудес.

По мере накопления сведений понадобилось ввести условные обозначения: капли крови указывали места обитания упырей, выходы русалок на берег помечались стилизованным изображением рыбьих хвостов, язычками пламени — деревни, в которых одинокие бабы сожительствовали с огненными змеями, регулярно забиравшимися к ним через дымоволок. Красными чернилами Виктор обвел район, славившийся ведьмами и знахарями. Восклицательными знаками обозначил места подвигов некоего отшельника, в один день воздвигавшего часовни, а затем надолго ушедшего в земные недра.

Словом, вся земля Русская была наполнена

чудищами и чудесами. Оставалось только разработать маршрут и отправляться в путь, когда просохнут дороги...

III

Новгородского князя Ярослава Владимировича Ильин впервые увидел в теплый мартовский денек, когда тысячеголосая капель наполнила город весной и весельем. По улицам валили толпы празднично одетых новгородцев. Молодые бабы и девки шли в расстегнутых шубейках, чтобы всем были видны затейливые вышивки на вороте, богатые ожерелья из беломорского жемчуга и монисто из серебряных «арабчиков» и «златниц» — греческих монет с профилями императоров. Главы семей шествовали степенно, снимали шапки и кланялись при встрече с равными, с достоинством кивали низшим. Молодые люди заодно поглядывали на девок, провожая каждую игривыми замечаниями. Бойкие новгородки в долгу не оставались и возвращали всякое слово «с привесом».

Хаотическое коловращение народа сменилось целенаправленным движением в одну сторону, едва над Новгородом разнеслись звонкие удары. На Торговой стороне размеренно колотили в медное било.

— Пойдем на Ярославово дворище, Иоганн, — предложил Ильину знакомый гость с Великой улицы. — Сегодня сам князь суд и расправу чинить будет.

— Сходим, пожалуй, — ответил Виктор и вопросительно посмотрел на своих спутников — Овцына и Анну.

— С большим удовольствием, — на немецком сказал Василий.

— Я давно уже мечтала об этом, — также на немецком поддержала княжна.

На просторную площадь, обнесенную бревенчатыми стенами, выходили каменные палаты князя и недавно отстроенный деревянный собор. Почти все это простран-

ство было заполнено людьми. Только небольшой пятак перед крыльцом резиденции Ярослава, окруженный дружинниками, оставался свободен.

Массивное кресло с высокой резной спинкой и подлокотниками, украшенными львиными головами, стояло посреди крыльца на богатом ковре персидской работы. Позади него неподвижно застыли гридни в кольчугах, вооруженные боевыми топорами.

Ярослав появился из приотворенной двери так, словно был он не князем, а мелким служкой. Не было величавости в его манере держаться. Небольшой рост, мелкие черты лица, опушенного редкой рыжеватой бородкой, темные, чуть сощуренные глаза, постреливавшие по сторонам, — все это не вязалось с роскошными одеждами: собольей шубой, крытой византийской поволокой, собольей же шапкой, осыпанной самоцветами, расшитыми бисером и жемчугом красными сафьяновыми сапогами. Ступая неторопливо, явно стараясь скрыть сильную хромоту, князь прошел к креслу, опустился в него и с минуту сидел, водя по толпе своими лукавыми очами. Потом махнул меховой рукавицей тиуну и велел докладывать о тяжбах.

Первыми вытолкнули из толпы на пятак двух коренастых молодцов. Один из них объявил князю, что его избил кожевенник Жихарь Кривая Щека. При взгляде на физиономию того, что стоял рядом с ним, сразу становилось ясно, кто здесь ответчик. Истец, назвавшийся Неустроен Толстые Пальцы, распахнул полушубок и задрал на груди рубаху. Стали видны запекшиеся ссадины и обширные кровоподтеки.

— Видоков тут не надо, итак все ясно, — рассудил Ярослав, с заметным отвращением рассмотрев следы побоев. — Кривая Щека пусть уплатит три гривны серебра.

— Да он сам надрался! — разом взъярясь, рывкнул Жихарь. — У меня послухи есть: в кружале Толстые Пальцы все бахвалился, что бока мне намнет.

— Давай послухов, — распорядился князь.

Из толпы протиснулось несколько мужиков. Дружинники расступились, пропуская их на пяточок.

— Истинно говорит!.. Правду сказал!.. — разом закричали свидетели.

— По порядку, — поморщился Ярослав.

Опросив всех, он пришел к выводу, что Неустрой и впрямь сам выпросил себе тумачов. А посему приговорил: вменить истцу в платеж то, что его побили, ибо сам этого испрашивал.

Толпа одобрительно загудела. А Ильин подумал, что князь неплохо разбирается в психологии людей. Решение было явно рассчитано на снискание популярности, Ярослав сказал то, чего от него ждали, ему вовсе не было дела до синяков и ссадин пострадавшего.

Потом началась тяжба из-за похищенной лошади. Дело сразу осложнилось тем, что оба — истец и ответчик — поклялись и на Евангелии и призвали в помощь себе Перуна и Ярилу. Князь постановил прибегнуть к божьему суду и велел дать обоим мечи, дабы в поединке решилось, кто прав.

Оттеснив толпу, дружинники раздвинули пределы свободного пространства, и тяжущиеся принялись яростно махать мечами, выкрикивая угрозы. После нескольких неловких ударов один из них изловчился рубануть противника по бедру. Кровь из поврежденной артерии веером брызнула на белый снег.

Ярослав поднял рукавицу, прекращая поединок. Раненого подхватили под руки и подтащили к ступеням крыльца.

— Поскольку бог указал на тебя, тебе и платить за покражу. Мне продажу — две гривны, а ему — урок в шестьдесят кун.

Побежденный выслушал приговор, повесив голову, и не издал ни слова протеста.

«Неужели он действительно украл? — подумал Ильин. — Или такова всеобщая вера в справедливость

божьего суда, что он и пикнуть в свою защиту не смеет?»

Потом перед князем предстали еще несколько пар — один обвинял соседку в чародействе и «напуске» лихих болестей, другой жаловался на оскорбление холопом, принадлежавшим знатному человеку, третий требовал наказания несостоятельного должника.

И другие решения Ярослава также были основаны на обычаях, близких душе новгородцев. Во всех случаях он демонстрировал свое уважение к преданию, заявлял себя отцом народа. При этом взгляд его прищуренных глаз оценивающе перебегал по лицам стоявших перед ним. Прежде чем вынести приговор, он присматривался к настроениям толпы и решал, как приметил Ильин, обычно в пользу того, за кем было сочувствие большинства.

Старуху, обвиненную в колдовстве, но решительно отрицавшую связь с нечистой силой, и ее противника — толстого купца, — также заставили клясться на Евангелии, а затем принесли из княжеской поварни котел с кипящей водой.

Ответчице первой велели достать камень из кипящей посуды. Бабка скинула душегрейку, закатала рукав, зажмурилась и запустила в котел морщинистую конечность. Выхватив круглый окатыш, она несколько раз подкинула его на ладони и, скривясь от боли, подала тиуну. Потом присела и стала посыпать покрасневшую руку снегом.

Когда пришла очередь истца подвергнуться божьему суду, он с явной робостью подошел к котлу, неся на отлете обнаженную руку. Долго вздыхал, возводя очи к небу, крестился, наконец, резко сунулся к кипятку, но едва погрузил в него ладонь, как огласил площадь нечеловеческим рыком и, иступленно тряся рукой, кинулся к сугробу за крыльцом. Дружный хохот толпы лучше всяких слов засвидетельствовал ее симпатии. Ярослав картинно посмеялся вместе со всеми, затем

смахнул с глаз несуществующие слезы меховой оторочкой рукавицы и вынес решение: за оговор взыскать в пользу старухи одну куну.

Холопа, оскорбившего свободного человека, передали в распоряжение последнего, чтобы он мог выместить обиду на его спине. Несостоятельного должника отдали кредитору для продажи на рынке, дабы возместить потерянную ссуду.

Ильин, наблюдавший за действиями Ярослава, отметил быстроту его реакции, осторожность и расчетливость.

— Это качества политика. Но в нравственном смысле... Что-то я не вижу твердости в князе, не вижу его собственной линии. Кажется, у него чересчур гибкий хребет.

— Но это тоже качество политика, — ответила Анна. — И люди таких нередко любят.

В этот день она рассуждала много трезвее, чем обычно, не в духе своего постоянного максимализма. А может быть, это был полемический намек на позицию самого Ильина, неизменно заклинавшего поступать так, как принято в этом мире, не вызывая вопросов у окружающих?

В тот же день Ильин и его спутники встретили в разных концах Новгорода изрядные толпы молодых людей, грудившиеся вокруг странных ораторов. Выступавшие были одеты в богатые меховые дохи, из-под полы у них торчали ножны широких мечей. Размахивая сорванной с головы шапкой, они говорили с большим жаром, и слушатели то и дело одобрительно шумели.

Виктор долго наблюдал подобную сцену с крыльца своих палат, гадая, что бы все это могло значить. Наконец не вытерпел, замешался в толпу, сбежавшую послушать златоуста в куней шубе.

— А поведет нас промышленный человек Неустрой

Волкохищная Собака! — выкрикнул малый, махнув шапкой.

По рядам собравшихся пробежал ропот одобрения. По соседству с Ильиным какой-то детина заметил: «За ним не пропадешь. Кто с ним хаживал, в обиде не был».

— Пройдем по Волге до самого моря Хвалынского, доберемся до Персидского царства. Где поторгнем, а где и погуляем на вольной волюшке. Охочим людям даем оружие доброе, да холстины на порты, а остальное сами добудете.

— Эй, Удача! — крикнули из толпы. — А сам-то шубейкой доброй в каком краю разжился?

— С посадниковым сыном Гюрятой в Югру ходили, к самоеди. Там этого зверя, как у нас мышей в подызбице.

— Чего ж вдругорядь туда не идешь, да и нас на Волгу сманиваешь?

— Шуба у меня есть, теперь хочу сапоги расшитые, да штаны атласные, да халат парчовый добыть! — лихо оглядев слушателей, прокричал Удача. — А повезет — и персиянку. Они, робята, знаете какие — волос, как крыло вороново, не то что наши девки соломенные. А глаза — с блюдце, да черные как уголь. Губы вишневые, а рот маленький, вот такусенький...

Он показал толпе небольшую монетку. Мужики и парни восхищенно загудели. Один верзила пробрался к Удаче и швырнул шапку на снег.

— Иду с вами, коли такая дичь пошла!

За ним вызвались еще несколько охотников. И тут как прорвало — народ повалил к обладателю куньей шубы.

Увидев знакомого купца, Ильин протолкался к нему и спросил:

— Что за молодец? Я уже не первого такого зазываю вижу.

— Ушкуйник. Каждую весну набирает кто-нибудь

из состоятельных людей сотню-другую отчаянных удалцов, снаряжает их, сажает на ушкуи — речные лодки вроде ладей — и отправляет на промысел. Нужны ему эти сорвиголовы для того вроде бы, чтоб товары охранять, — сам знаешь, сколько лихих людей на реках шалят, — но при случае и чужой караван разобьют. А то и город пограбят. Много от этих торговцев кровушки пролилось.

— Так это настоящие варяги. Те же приемы, то же устройство ватаг.

— А они и сами это знают. Недаром вместе с гостями из-за моря часто разбойничают. Этот вот Удача, он один не пойдет, обязательно и варяг с собой сманит, они тоже до персиянок охочи. А коли подберутся несколько сотен ушкуйников да викингов — земля в страхе вострепещет. Они ведь и до самого Халифата хаживали, славный град Багдад чуть было не разорили.

— И долго их походы длятся?

— А вот вскрыются реки, уйдут они по вешней воде к волокам, а потом и покатаются вниз по течению. Если будет им везение, к холодам могут возвратиться. Не то зазимуют где-нибудь, а в Новгород к следующему лету доберутся...

Люди Ярослава старались отговорить молодежь от ухода с ушкуйниками. Выступая перед толпами искателей удачи, они обещали вознаградить остающихся щедрыми дарами из княжеской казны. Всем было ясно, что Ярославу нужны силы для отпора войску отца — никто не сомневался, что Владимир появится под стенами Новгорода, едва оправится от болезни.

Толки о скором приходе великого князя становились все упорнее, поэтому люди, знавшие любекского купца, советовали ему подождать немного, и ежели запахнет войной, поворачивать назад.

Едва сошел лед на Волхове, князь Ярослав отбыл на ладье в Швецию, к своему тестю Олафу Скотконунгу,

чтобы пригласить к себе на службу варягов. Видно, не верил он в решимость новгородцев защищать его в споре с отцом. Люди поговаривали, что недаром женился он на дочери заморского конунга незадолго перед тем, как отказался платить дань отцу — уже тогда вынашивал свой замысел, искал, на кого опереться в будущем споре с Киевом.

Вскорости после этого Ивашка стал намекать, что намерен целиком отдаться богоугодной деятельности. Епископ и Лука Жидята укрепляли его в благих мыслях. Но друзья Ивана узнали об этих душеспасительных беседах с церковниками лишь в тот день, когда он объявил, что отныне его надлежит именовать недостойным Антонием, а Ивана сына Онисимова почитать умершим для мира.

— Ты монах? — с изумлением спросила Анна. — В двадцать шесть лет похоронить себя заживо?..

Старообрядец с сожалением посмотрел на княжну и пообещал молиться за нее, хотя перспектива ее спасения казалась ему весьма сомнительной — уж очень много богохульных речей слышал он от нее. Затем Иван сообщил, что уходит из мира не только в иносказательном смысле.

— Постом и молитвою хочу спастись в пустыни.

— Так ведь на Руси еще и монастырей нет, — сказал Ильин. — Да и народ о монахах ничего не знает. Это в ваше время стоило в лесу какому-нибудь старцу обосноваться, как к нему ближние поселяне с подношениями начинали стекаться...

— Буду акридами и кореньями питаться, — непреклонно заявил Иван.

— Акриды — это, кажется, саранча, — заметила Анна. — Я помню, нам на уроках закона божьего рассказывали... Но ведь у нас этих насекомых нет.

— Взгляните на птиц небесных, — воздев руки к потолку, патетически проговорил новоявленный пустыжник. — Они не сеют и не жнут...

— Знаем, знаем эту цитату, — перебил Ильин. — Посмотрю я на тебя через несколько месяцев такой птичьей жизни.

Иван неожиданно поклонился ему в пояс и попросил:

— Прости меня, Христа ради. А я о тебе молиться буду.

Виктор понял, что дальнейшее обсуждение бесполезно.

В тот же день Иван собрал свои пожитки в котомку, вооружился массивным посохом и, благословив друзей, отправился к южным городским воротам...

Уход Ивана болезненно отозвался в душах его друзей. Им казалось, что, несмотря на все различия во взглядах, они все же ближе старообрядцу, чем люди одиннадцатого века. Его выбор доказывал обратное.

Всех троих охватило желание поскорее уехать из Новгорода. Ильин давно заметил — стоит кому-то отправиться в путешествие или даже в короткую деловую поездку, как у остающихся возникает ощущение пустоты, их начинает томить жажда странствий.

Если бы не стойкие слухи о скором приходе киевской дружины, Виктор и его товарищи снялись бы с места, едва по Волхову вверх прошла первая ладья. Но самое благоразумное в этой ситуации было повременить. Да и поиски мигрантов, скрывающихся под личиной нечистой силы, стоило начинать, когда придет настоящее тепло; колесить по незнакомым местам в дождь и ветер никому не хотелось.

IV

После вепской бани, когда Виктор осознал, что его отношение к Анне не укладывается в определение «влечение», «симпатия», он стал приглядывать за собой, даже придумал термин — «давать окорот», — коим определил своему внутреннему цензору задачу: следить за

тем, чтобы «нечаянные» встречи с княжной случались пореже. Проанализировав свое поведение за все дни вынужденного сидения в дебрях, он со стыдом осознал, что постоянно оказывался рядом с ней, начинал беспокойно отыскивать ее взглядом, если она исчезала из поля зрения. Как ребенок, инстинктивно следующий за матерью, куда бы она ни шла, так и он неизменно торчал возле Анны.

«Фу черт, у Василия, должно быть, сердце кровью обливалось, когда я...» — ему даже в мыслях не хотелось называть своим именем эту мальчишескую влюбленность. «Все, наступаю на горло собственной песне! Надо друг за друга держаться... Это в своем веке я мог сказать: нам с Анной направо, тебе налево, адью...»

Но, приняв твердое решение задушить неожиданно разгоревшуюся страсть, Виктор обрек себя на ежечасные муки. Постоянно борясь с желанием увидеть княжну, услышать ее голос, он становился все более раздражительным. Давая окорот себе, он одновременно портил жизнь окружающим. Заводясь из-за каких-то мелочей, пикировался с Овцыным, ядовито подтрунивал над Ивашкой, да и самому предмету его обожания доставалось на орехи.

Он видел, что Анна в недоумении от происшедшей с ним перемены. Глаза ее часто наполнялись слезами, и тогда он готов был на колени повалиться перед ней, все рассказать, молить о прощении.

Собственно говоря, будь Анна его современницей, он не затруднился бы перевести их отношения в «практическую плоскость» (так выражался его приятель Ковригин, большой спец по дамской части). Даже если бы дело происходило теперь, в этом далеком столетии, он не сомневался, что со своей соседкой по эпохе сумел бы устроить все так, что никто ничего не приметил бы. Но потрясающая способность к маскировке, выработанная дочерью века эмансипации, века коммунальных квартир и всеобщей женской занятости, была явно чуж-

да княжне. Любую мысль, любое душевное движение можно было прочесть на ее лице еще до того, как она успевала выразить их в словах.

Больше всего мучило Виктора то, что Анна и сама равнодушна к нему — об этом свидетельствовало восторженное внимание, с каким она выслушивала всякий его рассказ о своем времени, это проявлялось и в переимчивости к его излюбленным словечкам, и в том, как она на мгновение замирала, встречаясь с ним взглядом.

И все же Ильин держался — один мучительный день сменялся другим, пытка растянулась на долгие недели, на бесконечные месяцы. Но весеннее солнце, голубые веселые небеса, неумолчная капель превратили его жизнь в изощренную казнь. Это злодейская весна не давала ему спать по ночам, она заставляла его часами бесцельно бродить вдоль Волхова, уходить за несколько верст от города и блуждать по проталинам, расцвеченным редкими подснежниками.

В один из таких апрельских дней он вернулся под вечер с букетом нежно-голубых цветов. Когда он устанавливал их в кувшин, стоявший на столе гостиной, в комнату вошла княжна.

— Чудо какое! — всплеснула руками Анна.

— Это тебе, — вырвалось у Ильина.

Она подошла к нему так близко, что он услышал пряно-волнующий аромат ее кожи. Дыхание у него перехватило, он судорожно глотнул и вдруг ткнулся лицом в ее волосы.

— Не могу больше, Анютка...

— Т-ты что?.. — начала она и, тут же все поняв, робко провела холодными пальчиками по его щеке.

— Я всех измучил... Я люблю тебя...

Эти слова дались ему с таким трудом, что он почувствовал себя совершенно без сил. Обхватив Анну за плечи, Виктор едва ощутимо коснулся губами ее виска.

— Витя, я очень счастлива, — просто сказала

она. — Я буду любить тебя до конца жизни, я давно уже решила.

И, чуть отстранившись, обезоруживающе засмеялась. Ильин почувствовал, что огромная тяжесть, давившая его все эти месяцы, разом растаяла, улетучилась. Не помня себя, он принялся жадно целовать ладони княжны, шею, губы, волосы.

Они сели к столу, сплетя пальцы рук, и долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Наконец чувство реальности вернулось к Ильину, и он с жалкой улыбкой заговорил:

— Это так здорово... Теперь мне будет легко, я буду добрым со всеми, я буду выполнять любые ваши прихоти... Но знаешь... пусть только мы знаем... это будет тайна для всех...

— Мне трудно скрывать, я не люблю этого, — Анна сдвинула брови.

— Ну пойми, любимый ты мой человечешко, мы обязаны найти выход отсюда. Все вместе. Нельзя бросать Василия. Это же чужой век, мы все ищем дорогу домой...

— Все, я поняла... Я постараюсь. — В глазах ее заблестели слезы.

— Ну ради бога, не надо... — и Виктор с новой страстью принялся целовать ее в глаза, в лоб, в губы...

Анна взъерошила ему волосы и с неожиданной веселостью спросила:

— Ты, наверное, был большим повесой?

— То есть? — трезвея, отозвался Виктор.

— Я уверена, ты многим вскружил головы. Ну же, признавайся...

— М-м, некоторым я нравился... Но не пойму, почему ты...

— Знаешь, я всегда была уверена, что влюблюсь в донжуана... — Она потупила взгляд, словно рассказывала нечто запретное. — В этом есть что-то волнующее: мужчина, перед которым не может устоять ни од-

на женщина. Когда я думаю об этом, у меня ноги становятся ватными и в глазах все плывет. Так бывало, когда стоишь на Невском и смотришь, как мимо идет эскадрон кавалергардов. Когда видишь эти мощные бедра, обтянутые голубым сукном, эти палаши на золотой тесьме, эти каски, эти лица, как из бронзы отлитые. И этот грохот копыт — как рок, как судьба сама. Однажды я в обморок упала от восторга.

— Ты настоящая женщина! — с восхищением сказал Ильин.

V

Ильин проснулся в неясной тревоге. Мучительно зевая, прошел на двор, поплескал себе на руки и на лицо из глиняного умывальника, подвешенного у крыльца. Сделал несколько упражнений, чтобы разогнать кровь. И вдруг вспомнил разговор за ужином — ведь сегодня пятнадцатое июня! Целый год его жизни прошел в далеком чужом веке. Зачем он здесь? Кончится ли когда-нибудь заточение в прошлом?

Упав на траву, Виктор стал машинально отжиматься, не сознавая, что делает. Что-то на него нашло — он действовал как сомнамбула. Лишь доведя себя до изнеможения, пришел в себя.

И сразу же ощутил какое-то беспокойство. В окружающем мире происходило нечто необычайное. Перевердя дыхание, Ильин прислушался — откуда-то волнами несся странный гул.

Постояв так с минуту, Виктор поднялся на высокое крыльцо, стал осматривать окрестность. Но на прилегающих улицах все было спокойно. Вдруг из дальнего переулкa выбежали несколько мальчишек и со всех ног помчались по бревенчатой мостовой.

— Эй! — крикнул Ильин. — Что за заматня?

— У Ярославова дворища кричат. Князь варягов

привел. Они как рано поутру в город вошли, так питейные лабазы разбивать стали.

Ильин вернулся в дом, стал поспешно натягивать штаны, камизу. В тот момент, когда он шелкнул застежкой плаща на плече, в отворенную дверь заглянул Овцын.

— Уже готов? Подожди немного, я тоже сейчас оденусь.

— Со мной хочешь идти?

— Да. Я слышал, как ты мальцов расспрашивал.

Ильин снова появился на крыльце. Прошло всего несколько минут, а крики явно стали слышнее. Видимо, наемники двигались в его сторону. «Неужели прознать успели, что в гостином дворе романея есть?» — с беспокойством подумал Ильин. Только неделю назад пришел караван судов с Готланда, целый день тогда возчики перегружали с ладей бочки с французским вином и доставляли на склады Готского двора. Весь город, конечно, сразу узнал о том, какой товар получили немцы. Вездесущая голка — новгородская чернь — тучей облепила пристань в надежде пожить. Кто-то из оборванцев изловчился подставить подножку грузчику, тот уронил бочку на камни, из пробоины ударила гемно-красная струя. В начавшейся свалке из-за романей одному выдавили глаз, другому выдрали полбороды, а разбитых носов и не считал никто.

На крыльце появился Овцын.

— Идем?

— Ты знаешь, — сказал Ильин. — Я подумал и решил, что нам лучше не уходить отсюда. Слышишь, какой рев? По-моему, сюда направляются. Понимаешь, есть кому подсказать варягам, что здесь романея... Под шумок очень многие не прочь пожить.

— Ах, быдло проклятое! Видал я, как они на бочку тогда кинулись. За пригоршню вина готовы удушить друг друга... Что ж, надо подготовиться к встрече гостей.

Овцын скрылся в своей горнице и через полминуты вернулся, неся два коротких меча в ножнах.

— Надень. Может пригодиться.

— Что ты, — сказал Ильин. — Я оружия в жизни в руках не держал. Еще порежусь.

— А как же ты, если...

— Я каратэ два года занимался... Сейчас объясню. Это вид борьбы или, по-другому сказать, система обороны и нападения без оружия. Почти без оружия.

— Кулачный бой?

— И кулачный тоже. Но бьют больше ногами. Двумя короткими палками, связанными между собой, — нанчаками.

Овцын пожал плечами и сказал:

— Не знаю, как ты палками против вот такого лезвия собираешься отбиваться. А я, грешным делом, люблю помахаться. Меня ведь за дуэль из Петербурга выдворили — с гвардейским одним на шпагах схватились, я его и пощекотал по животу...

— Так ты хороший фехтовальщик?

Овцын самодовольно кивнул.

— Увидишь, коли гости незваные пожалуют. Досадно только, что нет шпаги моей любимой или эспадрона. Такими вот штуками не приходилось рубиться. Ну да ничего, бог не выдаст, свинья не съест.

— Знаешь что, купцы еще спят, по-видимому, — что-то никто на дворе не появлялся. Иди буди всех — Густавсона, Вельде, Фишера. А я, пожалуй, собственным вооружением займусь.

В горнице Ильина стояло несколько массивных дубовых табуретов. Один из них Виктор и решил приспособить для целей самообороны. Отпилив две толстых ножки, он спустился в нижний этаж, где находилась поварня.

Под толстым слоем пепла рдели угли. Зарыв в них кочергу, Ильин подождал, пока она раскалится как следует, и принялся прожигать дыру в ножке табурета.

За этим занятием его и застала Анна. Лицо ее было заспанным и в то же время встревоженным.

— Что за беготня на дворе? Немцы латы надевали, мечами подпоясались. Да и в городе непонятное что-то творится...

— Варяги пришли. Помнишь, в апреле Ярослав за море уходил? Теперь вот нашел себе защиту против отца...

— А чем кончится дело?

— Я в подробностях не помню, но, кажется, варяги немало дров здесь наломают и князя с горожанами основательно поссорят. Правда, Владимир ровно через месяц умрет, и его карательная акция не состоится.

— Вовремя. Иначе не стать бы нашему князю Ярославом Мудрым. Так ведь?

— Выходит, что так.

— А что это ты мастеришь?

— Нанчаку. Помнишь, я тебе рассказывал, что занимался каратэ. У нас одно время бум был — каждый, кто немного нахватался, открывал свою школу, становился сенсеем, то есть учителем. Врали друг другу: у меня черный пояс, у меня желтый или еще какой-нибудь — это знаки той или иной степени мастерства. Я тоже моде поддался, почти год ходил на занятия к какому-то жучку, который на этом деньги делал. Но польза, конечно, была определенная — немножко в форму пришел, ловкость появилась. Да и постоять за себя смогу — хоть и нет никакого пояса, все-таки десяток приемов я освоил.

— Слушай, к чему это все? Если они нападут, мы ведь их так проучить можем, — она рассмеялась. — Помню физиономию того малого, который ко мне интерес возымел, ну тогда, в первый день... Помню, как он вопил словно оглашенный: ве-е-дьма!

— Анюта, ты что, забылась? — строго сказал Ильин. — Ведь сговорились же: ни в коем случае свои способности не демонстрировать. Да нас тут живо за

чародеев сочтут, дай тогда бог ноги. Хочешь, чтобы все наши усилия насмарку пошли: вживались, вживались в эпоху, и нате — высунули ослиные уши.

— Ну прости, я позабыла. — Анна беспечно пожала плечами.

— Можно, я посмотрю, как вы будете драться?

— Только в шелку, — улыбнулся Ильин и сразу серьезнел. — Не выходи из горницы, иначе варягам трудно будет удержаться от желания познакомиться с тобой поближе.

— Ты считаешь меня такой неотразимой? — Анна с головой закуталась в голубую накидку и прошла перед Виктором, покачивая бедрами.

Он не выдержал, вскочил и принялся беспорядочно целовать ее в глаза, в лоб, в подбородок, в губы.

По ступеням крыльца затопали чьи-то ноги. Ильин как ужаленный отскочил от княжны и с размаху сел на табурет. Но вошедший в поварню Овцын, похоже, почувствовал что-то. Насупясь сказал:

— Бонжур, Аня. А я к тебе стучал, предупредить хотел...

— Ах, здравствуй, милый Вася! — с наигранной радостью воскликнула княжна.

Влюбленные слепы, полутонов не разумеют. Овцын принял ее слова за чистую монету и расплылся в улыбке. И остался молча стоять у дверей, блаженно глядя на Анну.

Она грациозно не обошла — обогнула его и выбежала наружу. Василий проводил ее глазами и, снова помрачнев, обратился к Виктору:

— В конце улицы уже толпа показалась, на дворы гостей ломятся, кричат, мечами ограды секут.

— Много их, варягов?

— Не столько варягов, сколько голытьбы — на богатые дома наводят, так, по крайней мере, купец один говорит — только что к нам защиты пришел искать со всем семейством.

Ильин пропустил прочную бечевку в отверстия, прожженные в ножках табурета, и связал ее прочным морским узлом. Несколько раз взмахнул нанчакой, крутанул перед собой, перекинул за спиной из одной руки в другую и еще раз проделал те же самые операции.

— Недурно, — похвалил Овцын. — К тебе и с мечом не подступишься.

— Помни об уговоре — молниями не швыряться, — сказал Ильин.

На дворе слышались возбужденные голоса, по ступеням затопало множество ног. В двери возникло несколько круглых физиономий.

— Господин Шмальгаузен, — по-немецки закричал один из купцов. — Они уже совсем близко. Мы боимся этих варваров, может быть, лучше выкатить им несколько бочек вина?

— Знаете, русские говорят: дашь палец, откусят руку. Надо показать свою силу, — заявил Виктор.

Его поддержал Овцын:

— Если они почувствуют, что мы их боимся, то завтра придут за новой данью. А в результате вообще весь Готский двор разграбят.

— Придется драться, — вздохнул немец.

Через несколько минут ворота уже трещали от натиска толпы. Викинги, белобрысые, рыжие молодцы в кольчугах, размахивая мечами и боевыми топорами, вопили на своем — весьма похожем на немецкое — наречии:

— Эй, жирные каплуны, лучше подобру откройте!

Голка — чумазные плечистые оборванцы — восторженно выкрикивали изошренные ругательства.

Овцын не вытерпел и яростно крикнул по-русски:

— Эй вы, быдло пьяное! Я вам языки-то позавяжу!

Взрыв яростной брани покрыл его слова. Чернь всей массой бросилась на ворота. Толстенные плахи затрещали, но первый натиск выдержали.

Овцын в несколько прыжков достиг ограды и обна-

жил меч. Рядом с ним встали несколько немецких купцов и их приказчиков. И когда створки ворот все же распахнулись от напора, викинги вынуждены были остановиться — они не могли ринуться во двор кучей, а только по пять-шесть человек в ряд.

Угрожающе взмахнув широким мечом, кряжистый детина с клокастой рыжей бородой рыкнул:

— Я Сигурд Волчий Хвост! Слышали, что бывает с теми, кто противится мне? Прочь с дороги!

Овцын выступил вперед и с презрением сказал по-немецки, чеканя слова, чтобы его поняли варяги:

— Если не хочешь, бродяга, чтобы я укоротил твой хвост до размеров свинячьего, проваливай отсюда.

Дикий вопль вырвался из обросшей рыжими кудрями глотки Сигурда, и он рубанул мечом по тому месту, где за мгновение до того стоял Овцын. Но Василий уже с непостижимой быстротой отскочил в сторону и, выставив перед собой меч, парировал новый удар варяга.

Несколькими изящными обманными движениями Овцын заставил Волчьего Хвоста яростно рубить воздух, а потом неожиданно выбил меч из его рук. В ту же секунду на него бросилось сразу несколько викингов, но Василий легко доказал, что семь веков искусство фехтования не стояло на месте.

Воодушевленные его примером немцы отчаянно размахивали мечами, причем Ильин отметил, что купцы тоже не робкого десятка, да и с оружием им явно уже приходилось иметь дело.

И все же силы были явно неравны. Мало-помалу защитники двора отступали, а в ворота вливались все новые подкрепления для нападавших. Ильин понял, что пришло время вмешаться — тем более что среди варягов появилось несколько малых с боевыми топорами, которые того и гляди могли достать кого-нибудь из фехтовальщиков.

Выкрикнув что-то нечленораздельное, Виктор бросился в гущу схватки и с размаху ударил ногой в грудь

белобрысого обладателя секиры. Тот рухнул на колени, выронил топор и зашелся в кашле.

Ильин подпрыгнул и достал кончиком носка подбородок другого воителя. Тот отлетел метра на три и сел на траву, свесив голову набок.

Кто-то предупреждающе ахнул за спиной Виктора. Мгновенно повернув голову, он увидел занесенный над ним меч. Выхватив из-под мышки нанчаку, Ильин перепоясал ею руку нападавшего. Тот охнул, выронив оружие, и волчком закрутился на траве.

Появились первые раненые. Дородному купцу с Готланда отсекли пятерню вместе с мечом. Рослый викинг рухнул от удара, пришедшегося точно между кованых пластин, нашитых на кожаный панцирь. Пронзительно закричал другой гость из-за моря, когда увидел собственное ухо, отлетевшее под ноги сражающихся.

Пролитая кровь еще больше ожесточила противников, и теперь они рубились без всякого намека на показное удайство. Зверские покрытые пылью лица, изборуженные струйками пота. Налитые кровью глаза. Закушенные губы. Глухие проклятия.

Защитники Готского двора отходили в сторону жилых домов, а просочившаяся в ворота голка уже суетилась возле каменных амбаров. Увидев это, Ильин подумал, что любителям даровой выпивки придется немало попотеть, прежде чем они смогут сбить полупудовые замки с кованых дверей. И в ту же минуту ряды нападавших дрогнули и смешались. Оборванцы, заполошно крича, заметались между оградой и викингами, выстроившимися полукругом в боевой порядок. За воротами происходила какая-то свалка, сверкали лезвия мечей, ритмично поднимались и опускались цепи и грабли.

Ситуация вскоре прояснилась. Оказалось, что гости суконной сотни, на которых обрушилась первая волна варяжских бесчинств, успели оправиться от растерян-

ности, собрались всей улицей и ринулись на толпу, бушевавшую на Готском дворе.

Очутившись между молотом и наковальней, викинги не поддались панике. Быстро перегруппировавшись, они заняли круговую оборону. Защищенные кольчугами и панцирями, ошетилившиеся широкими мечами, топорами и бердышами, они были почти неуязвимы для коротких купеческих мечей. А цепи и грабли они во мгновение ока рассекали пополам, да еще глушили их обладателей, повернув лезвия мечей плашмя — этим они явно хотели показать свое презрение к мужичью, недостойному смерти воинов.

Зато озверевшие гости и их челядь с остервенением преследовали чернь, рассыпавшуюся по двору, и рубили ее в капусту. В конце концов именно оборванцев они считали виновниками своих бед — варяги, те профессиональные разбойники, с них и спрос другой...

Так рассуждали они уже после побоища, когда викинги, сумевшие прорубить себе дорогу в толпе, отступили к Ярославову дворищу, потеряв всего несколько человек. А вот несчастная голка поплатилась десятками жизней, все пространство, обнесенное частоколом, было усеяно трупами.

Убитых хватали за ноги и без всякого почтения тащили к мосту через Волхов, а там швыряли в реку. Ильин попытался вмешаться, но на него взъярились:

— Ну ты, немча окаянная, не суй нос куда не след! Итак от вас один убыток.

Виктор ушел в дом, чтобы не видеть безобразных сцен. Анна, слышавшая его разговор с новгородцами, встретила его у двери горницы.

— Это ужас какой-то. Такая нецивилизованность!

Овцын, сидевший на лавке в растерзанной камизе, невесело усмехнулся:

— Экие вы, сударыня, утонченные. Да их, забулдыг, всех таким манером пересечь надобно. Ведь, помилуйте, проходу нет порядочному человеку. А на вече что тво-

рится — одних этих горланов и слышно. Кто им больше вина выставит, за того и кричат.

— Я знаю твое враждебное отношение к демократии, — дернув плечом, сказала княжна. — Но ты просто отсталый человек, разве можно сравнивать абсолютную монархию, при которой ты жил...

— Послушай, Анята, — вмешался Ильин. — Давай не будем путать божий дар с яичницей. Я тоже не в восторге от этой мясорубки, но все же не стал бы видеть во всем этом... как бы точнее сказать... проявление классовой борьбы. В мои школьные и студенческие годы, кстати сказать, учебники истории не столько о династических переворотах и войнах, сколько о таких вот народных волнениях поминали. Один мой приятель по университету диссертацию о классовой борьбе в Новгородской республике защитил. Притащить бы его сюда... Купцы — это класс, ничего не скажешь. А эти-то, как Василий их именует, забулдыги? Да они в любое время неистребимы.

Грудь Анны учащенно вздымалась, пока она слушала Ильина. Взгляд обжигал презрением.

— Да ты!.. Я слов не нахожу. Ты, может быть, и великих народных вождей Разина и Пугачева в забулдыги зачислишь? Откуда в тебе эта барская спесь? Да ты знаешь, что наш долг перед мужиком...

— Разина и Пугачева я не видел, — отрезал Ильин. — Поэтому судить о них не берусь. А тебе советую Пушкина почитать — «Историю Пугачевского бунта».

— И не подумаю! — Ноздри княжны раздувались, на щеках выступил румянец. — Что он мог дельного написать, этот вертопрах, который дамские ножки воспевал?!

— Не самый низменный предмет для поэта, — с подчеркнутым спокойствием сказал Ильин.

— Ты просто... просто... — Анна сузила глаза, сжала кулаки и топнула ногой. — Таких, как ты, нужно...

— Уже пробовали, — добродушно кивнул Ильин. — Многие перевоспитались, другие... не выдержали.

VI

Через несколько дней после побоища на Готском дворе произошло еще одно столкновение с варягами. На этот раз новгородские лучшие люди загодя подготовились к встрече незваных гостей. Когда продолжавшие пьянствовать и куражиться наемники в очередной раз двинулись по улицам, ломая амбары и преследуя женщин и девок, вооруженные купцы, ремесленники и только что вернувшиеся из похода на Печору ушкуйники подстерегли их на усадьбе богатого гостя Парамона.

Привыкшие биться с торговым людом, мало искушенным в ратном деле, викинги впервые столкнулись на этот раз с силой, равной себе. Молодцы в кольчугах, с бердышами и длинными тяжелыми мечами обрушились на них неудержимой лавиной. Пришлось наемникам посылать за подмогой.

На травянистом берегу Волхова полегла в этот день половина варяжской дружины. Перепуганный Ярослав укрылся с остатками своего воинства в подгородном селе Ракомо. Новгородцы, впрочем, не преследовали викингов. Целыми днями во всех пяти концах — Неревском, Загородском, Гончарском, Плотническом и Славенском — шумели вечевые сходы.

Иноземные гости тоже часами обсуждали городские новости — от дальнейшего развития событий зависела не только судьба их товаров, но, может быть, и сама жизнь.

Огромный неповоротливый Конрад Фишер, богатый купец с Готланда, пригласил Иоганна Шмальгаузена с его дочерью и приказчиком на обеденную трапезу. Героев битвы с варягами наперебой звали к себе все гости Готского двора — общее мнение было таково, что имен-

но благодаря им удалось отстоять амбары до прихода подмоги.

— Горожане никак не могут решить, изгнать им князя или помириться с ним, — говорил Конрад, подводя гостей к широкой лавке, на которой прислужники расставляли серебряные тазы, наполненные водой с благовонными травами.

С удовольствием вымыв руки и лицо душистым настоем, Ильин утерся белой салфеткой и бросил ее на руки слуге.

Патер Карл, служивший в небольшой церкви Готского двора, прочел молитву Benedicite и благословил трапезу.

Когда приглашенные уселись за стол, заняла свои места и семья хозяина дома. Сам Фишер опустился в широкое кресло с резными подлокотниками и кивком головы приказал подавать блюда.

На белой скатерти, уставленной различными украшениями — статуэтками, вазами, резными замками и соборами, — появились серебряные миски с ушками, по одной на двух участников трапезы. Каждому было подано по толстому ломтю хлеба, накрытому пластиной мяса.

Конрад достал из шкафчика, стоявшего рядом с хозяйским креслом, окованный золотом рог единорога и сунул его в похлебку. Поднял высоко над столом, чтобы показать гостям. Все знали: если бы в пище содержалась хотя бы капля отравы, рог начал бы кровоточить. Но этого не произошло, и участники трапезы дружно заработали ложками, по временам отрезая ножами куски мяса и отправляя их в рот.

По знаку Конрада слуги наполнили кубки романей. Фишер достал из своего подручного шкафчика золотое лангье — подставку для хранения змеиных зубов и капнул на нее вином. Опять продемонстрировал сотрапезникам полную безвредность питья — ни один из зубов не начал кровоточить.

— Мы пьем это вино благодаря доблести господина Шмальгаузена и его верного помощника Вольфганга, — провозгласил Конрад и одним махом осушил кубок.

«Это было великолепно, господин Шмальгаузен! Задали перцу нехристям!» — восторженные возгласы наполнили пиршественную залу.

Виктор польщенно раскланялся направо и налево, приложив левую руку к сердцу. Посмотрел на Овцына и улыбнулся — лицо Василия выражало крайнюю степень самодовольства.

Вино развязало языки, и чинность трапезы была нарушена. В разных концах стола начались дебаты о последних городских событиях. Ильин напомнил хозяину о сказанной им фразе:

— Так вы, господин Фишер, считаете, что споры идут в основном из-за будущей судьбы князя? По-моему, и так все ясно — ненависть к нему стала всеобщей.

— В том-то и дело, что чувства людей говорят одно, а трезвый расчет другое... О, этот Ярослав далеко пойдет. Он не зря решил в прошлом году не платить ежегодную десятину своему отцу. Тем самым он привязал к себе новгородцев.

— Поясните вашу мысль, — попросил Ильин.

— Раз с них перестали собирать эту дань в пользу Киева, они волей-неволей должны поддержать Ярослава. Ему нужна военная сила, он хочет завладеть тронном.

— Отчего вы так думаете? Разве он может быть уверен, что ему удастся свалить отца?

— Я полагаю, этот Ярослав выдающийся интриган. Он ничего не начнет делать без предварительного обдумывания. Ход его рассуждений я представляю себе так: новгородцы поддержат меня, так как в случае победы могут требовать от меня привилегированного положения для своего города. Если же отступятся от меня, будут снова платить дань Киеву.

— А, вы хотите сказать, он просто развращает их этой подачкой?

— Именно это я имею в виду.

Ильин проникся уважением к аналитическим способностям купца. Не ведая и сстой доли того, что знал Виктор, он верно определял мотивы поступков Ярослава. Однако некоторые моменты в цепи рассуждений Фишера казались ему малоубедительными.

— Если принять вашу точку зрения полностью, то придется предположить: отказываясь платить десятину, Ярослав знал, что великий князь заболит и не сможет пойти на него войной.

— А я допускаю, что сама эта болезнь была предусмотрена нашим князем, — и Конрад хитро сощурился.

— То есть?.. То есть он каким-то образом ее вызвал? И зная наперед, что случится, решил одним ударом обеспечить себе военную поддержку со стороны новгородцев?

Конрад закивал и расхохотался, потирая руки, словно сам все это так логично устроил.

Ильин задумался. В словах немца определенно сохранилось рациональное зерно. Но если Ярослав — отравитель собственного отца... Размышления его прервал вопрос Овцына.

— А какой смысл ему убирать отца, он и так, говорят в здешнем народе, прямой преемник его. Святополк-то, старший, в темнице сидит вместе с женой. Сживет, говорят, его Владимир со света. И за что он на него так прогневался?..

— Здесь Святополка «двуотцовщина» именуют, — с трудом выговорив русское слово, Конрад даже запыхтел от натуги. — Он ведь...

— Да-да, мы это тоже слышали, — перебил Ильин. — Я боюсь, вы собьетесь с мысли. Продолжите, ради бога, о тех соображениях, по которым Ярослав может желать смерти отца.

— Давайте поставим вопрос так: почему в княжеской семье умирает сначала старший сын Вышеслав, затем второй сын Изяслав, после этого третьего по

старшинству — Святополка — вместо того, чтобы назначить на княжение в Новгород, как положено преемнику великого князя, сажают в подземелье, а его законное место достается Ярославу. А вскоре сам великий князь заболевает... До сих пор нет никаких сведений об улучшении его состояния, а в этом возрасте...

— Вы полагаете, все эти смерти не случайны? Я готов согласиться с вами, что поссорить отца со Святополком Ярослав мог каким-нибудь образом — подбросить порочащее князя письмо, например, но устроить несколько смертей?.. К тому же, я знаю, великий князь больше всех любит Бориса, который сидит на княжении в Ростове. Ходят упорные слухи, что именно его он хотел бы видеть на Киевском столе после своей смерти. Да и еще семь сыновей остается у Владимира, их ведь тоже со счетов не сбросишь.

— Не будем гадать. Мне кажется, скоро наступят решающие события...

Когда они остались втроем, Ильин сказал:

— Можно подумать, не мы с вами явились из будущего, а этот Фишер. Что ни слово, то в точку... Знаете, пятнадцатого июля великий князь умрет. А в тот же день, еще не зная о его смерти, Ярослав устроит кровавую баню лучшим мужам города и убьет больше тысячи человек.

Анна, еще продолжавшая злиться на Виктора за его ретроградные высказывания — именно в порядке наказания его она демонстративно молчала целых два дня, — теперь не выдержала.

— Ты должен немедленно предупредить новгородцев!

— А как же невмешательство? — сощурился Овцын. — Хочешь навсегда тут застрять? Или прибыть к себе домой, а в вашей усадьбе не папенька-генерал, а какой-нибудь подлец сиволапый...

— Прекрати! — крикнула Анна. — Вы что, сговорились меня нервировать?

— При чем здесь?.. — Овцын с выражением оскорб-

ленной невинности воздел очи горе. — Просто представил себе: на простынях с вензелями Бестужевых-Мелецких скотина неумытая в лаптях валяется. Мороз по коже.

— Давайте не будем пикироваться, — вмешался Ильин. — Дело серьезное. Надо быстро решать, что предпринимать дальше.

— Надо предупредить, — твердо повторила Анна. — Какое может быть невмешательство, когда тысячи жизней...

Ильин поднял руку.

— Успокойся. Я целиком разделяю твой пафос. Если есть возможность спасти хоть одного человека, к чертям собачьим эту философию бесстрастия... Но, поверь, в данной ситуации мы ничего изменить в происходящем не можем. Подумай: как, под каким соусом мы вмешаемся? «Достопочтенные, я прибыл из будущего и по сообщениям летописей знаю...» Так, что ли?

Овцын саркастически улыбнулся и заметил:

— Тут соколику перышки и повыдергают.

— Да и кто вообще станет слушать немца? — добавил Ильин. — Нет, что ни говори, а изменить ситуацию мы не в силах. Самое лучшее, что мы можем сделать, как можно скорее убраться отсюда, если не хотим лишиться головы в грядущих междоусобицах.

Анна пожала плечами и, отойдя к двери, стала смотреть на двор, словно ей вдруг сделалось глубоко безразлично, что решат мужчины.

— Мне тоже здесь вот как надоело, — сказал Овцын, проведя ребром ладони по горлу. — И, в конце концов, мы сидели здесь для того, чтобы как следует присмотреться, привыкнуть, теперь, я думаю, мы вполне могли бы сойти за местных. Особенно в Киеве — там-то наше произношение всегда можно выдать за новгородское или еще какое-нибудь.

— Да, здесь диалект на диалекте. Как на торг вый-

дешь, так наслушаешься словечек. Кто окает, кто акает, кто пришепetyвает, кто цокает...

Анна вновь повернулась к ним.

— Хорошо, мы отправились в путь... За кого вы теперь собираетесь себя выдавать?

— Вот и давайте обдумаем этот вопрос, — повеселевшим голосом предложил Ильин. — А то все препираемся да язвим...

— Если мы думаем забираться в разные глухие углы, где подвизаются всякие подвижники веры да оборотни, нам надо и занятие какое-то придумать для себя, не вызывающее подозрений, — проговорил Овцын.

— Мелкие торговцы. Вроде коробейников, какие в ваше время были, — сразу же отозвался Ильин.

— У нас их чаще офенями называли, — уточнила княжна.

— И у нас, — подтвердил Овцын.

— Хорошо, офенями нарядимся. Купим каких-нибудь безделушек...

— А как же с Анной-то? — озадачил его Овцын. — Офени с барышнями не путешествовали. Не-ет, надо что-то иное придумать...

Ильин задумался. В самом деле, какая профессия может дать гражданину одиннадцатого века свободу передвижения, тем более, что гражданин этот — девица на выданье? Будь ты хоть семи пядей во лбу, общественные отношения тебе не переделать, табу не преодолеть.

— Знаете, — заговорила Анна. — Мне кажется, во все времена только одно занятие давало людям некоторую независимость... Искусство.

— Хм, смотря что иметь в виду, — отозвался Ильин. — Хорошо было в средневековой Англии — там бродячие комедианты по дорогам слонялись. А у нас на Руси одни скоморохи по этой части, но среди них, насколько мне известно, женщин не было.

— Я думаю, если мы станем представляться стран-

ствующими богомазами, это вполне удовлетворит любопытных, — сказала Анна. — Профессия настолько новая, настолько редкая для нынешнего времени, что еще не успел сложиться... как бы это сказать, взгляд на нее.

— Стереотип, — подсказал Ильин. — А что, пожалуй, ты и права. Людям искусства всегда прощались некоторые странности. Почему бы не извинить бродячему художнику то, что он берет с собой дочь. Она ведь так здорово растирает краски...

Он улыбнулся. Анна не выдержала и ответила тем же. Овцын хлопнул в ладоши.

— Ну вот и прелестно. Сегодня же покупаем необходимую одежку, краски-кисти — и вперед.

— Надо продать немцам наши товары, — напомнила Анна, явив коммерческую жилку.

VII

— Ты, хозяин, спрашивал про Перынь — вона, гляди направо. — Пожилой гребец с дочерна загоревшим лицом, сидевший у рулевого весла, махнул рукой в сторону низменного берега, туда, где в реку выдавался мысок с сосновой рощей.

Среди медных стволов белели венцы недостроенного сруба. Несколько плотников неспешно взмахивали топорами.

— Слышь, хозяин, — продолжал рулевой. — Брось монетку в Волхов. Через полверсты в Ильмень выходим...

— А что, помогает? — спросил Ильин.

— Знамо дело, — отозвались сразу несколько гребцов.

Виктор достал из кожаной кисты на поясе серебряный пфеннинг и щелчком послал его метров на двадцать в сторону берега.

— Может, выйдем, посмотрим, где стоял Перун, — предложила Анна.

— Ну что ж, — Ильину и самому хотелось посетить капище.

— Чего глядеть-то, — сказал рулевой и мрачно сплюнул за борт. — Все как свиньи рылом изрыли.

— Правь к берегу, — распорядился Ильин.

Гребцы налегли на весла, и через минуту судно ткнулось в песчаную отмель.

— Давно по Ильменю лады водишь? — спрашивал Ильин, идя по широкой, плотно убитой тропе к холмику, видневшемуся за стволами священной рощи.

— Больше тридцати годов, — отвечал рулевой, утирая рукавом вспотевшее лицо. — Еще князь Владимир у нас сидел...

— Так ты и Добрыню видел, наверное?

— Как тебя. Вот тут на Перыни и видал. Требы тогда здесь творили — не помню, на Купалу или в Перун-день... Народу собралось — от самого берега стояли. А мы с ребятами спозаранок от Ильименя плавились да и пристали, когда лады с Новгорода только показались. Первыми к капищу пришли...

Тропа вывела к новенькому сруб, поднявшемуся на два десятка венцов. Плотники, оседлавшие верхнее бревно, замерли с топорами в руках, увидев цепочку людей, вышедших из леса.

— Церкву рубят, — неодобрительно заметил один из гребцов. — Думают, на Перуновом холме поставят, так люди к ним ходить станут.

— Эх-ма! — сказал другой. — Скука-то какая: цельный уповод стоять да ихние козлогласия слушать...

Уповод — период от одного приема пищи до другого — был здесь основной мерой времени.

— Ну это ты загнул, — засмеялся рулевой. — Вполовину убавь, вот тогда правильно будет... А касательно скуки, это ты не соврал. Главное ведь что — не понятно ничего. Я вот уж куда мужик сообразительный, не дадут ребята соврать, а и то никак в толк не возьму ихние молитвы.

И, явно подражая кому-то, гнусаво пропел:

— Возрадуйся, Иерусалиме, и возвеселися, Сион!..

Дружный гогот гребцов заглушил конец фразы. Долговязый парень с едва пробившимся на верхней губе пушком сказал, давясь от смеха:

— Ой, дядя Истома, ну прямо не отличишь... — и, заметив непонимающий взгляд Анны, объяснил: — Это он нашего попики Луку Жидята передразнивает.

«Знать бы вам, что Жидята к вам лет через десять-пятнадцать епископом пожелует», — подумал Ильин.

Поднялись на всхолмие. Центр его был обведен глубоким рвом, от которого во внешнюю сторону отходили небольшие ответвления, подобно лепесткам огромного цветка. Заглянув в одно из них, Ильин увидел слежавшийся пласт золы и углей. Перепрыгнув через ров, прошел к центру окружности. И здесь виднелась черная линза, в середине которой торчали обгорелые остатки толстого ствола. Виктор понял, что здесь и стояло изваяние Перуна.

Оглянувшись, он заметил, что гребцы столпились перед рвом, с явным неодобрением взирая на Ильина. Овцын и Анна стояли в сторонке, с опаской поглядывая то на них, то на Виктора. Сообразив, что нарушил какие-то неписанные правила поведения в святилище, Ильин быстро раскрыл кису и, достав из нее пригоршню монет, с благоговейным выражением лица высыпал на кострище.

Широкий жест был воспринят с одобрением. В одно мгновение настроение мужиков переломилось. Они даже почувствовали себя неловко, ибо заподозрили богобоязненного человека в святотатстве. Гребцы заглядывали Ильину в лицо, старались сказать что-нибудь приятное, с прямо-таки рабской готовностью отвечали на любые его вопросы.

Через полчаса он во всех деталях знал, где горели жертвенные костры, как закалывали животных, принесенных Перуну, какие заклинания читались над девствен-

ницами, решившими посвятить себя служению богам.

Истома показал, как тащили опутанную веревками дубовую статую, в то время как первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин следовал за ней, беспрестанно полосуюя воздух медным крестом.

— А что же народ? — с возмущением спросила Анна.

— Смотрели да плакали. Против мечей не попрешь — дружинники-то в два ряда стояли — сунься поди...

Когда вышли на берег, Истома махнул рукой в сторону Новгорода, оставшегося внизу по течению Волхова.

— Туда поплыл. А когда под городским мостом, слышь ты, проплывал, кинул свою палицу на мост. Да и сказал будто бы: вы, новгородцы, меня не защитили, вот и станете теперь друг с другом сечься. Так и вышло.

— Я не поняла, кто палицу кинул, — сказала Анна.

— Перун, кто, — пренебрежительно взглянув на княжну, отозвался Истома. — Люди добрые ту палицу схоронили... Вот погодите, вернется еще Добрынюшка, заступник наш, уже отдадут ему палицу эту. Посмотрим тогда, как запоете.

— Кто? — опять не поняла Анна.

— Никто, — досадливо огрызнулся рулевой. — Сига́й в лодку, егоза. Дома не сидится, за отцом, вишь ты, увязалась. Слыханное ли дело!..

Критика косвенно относилась и к Ильину, но он счел за лучшее не обращать на нее внимания. Гребцов им предстояло сменить только на противоположной стороне Ильменя.

Как только ладья вылетела на озерную гладь, Истома весело распорядился:

— Суши весла!

Гребцы разом подняли лопасти на воздух и, подождав с минуту, пока с них стекут струйки ильменской воды, побросали весла на скамьи. Двое принялись деловито поднимать красный парус с желтым солярным знаком. Ильин кивнул на изображение и полувопросительно сказал:

— Дажьбог...

Рулевой заговорщически подмигнул ему и проговорил:

— Уже епископ-от подъезжал: зачем не крест святой на парусах нашиваете? А мы ему: несвучно, владыко... Опять же у варяг это в обычае — у тех, мол, еще и пострашнее чего увидишь, драконью голову ощеренную... Ну, сам понимаешь, супротив дружины — а она, почитай, наполовину из варяг, — не попрешь... Отвязался.

— Ему теперь не до парусов, — заметил молодой долговязый гребец. — В Деревской да Шелонской землях, люди бают, церкви христьянские где пожгли, где пограбили, а те, что целы остались, — впусе стоят...

Земли — так звались в Новгороде округа, подчиненные власти веча, — действительно жили еще по старым языческим порядкам. Приходившие из волостей торговцы рассказывали, что люди наотрез отказываются погребать мертвых по новым обрядам, им диким казалось, что их плоть будут пожирать безглазые твари. Податель жизни огонь, которому предавали останки, как бы обеспечивал возрождение человека в другой жизни, превращая земную плоть в иную субстанцию.

В каждом событии, в каждом крупном явлении окружающего бытия славяне-язычники видели отголоски иного мира. Как-то, выслушав рассказ о свадебных обычаях дальней обонежской земли, Ильин неожиданно для себя процитировал пришедшее на память стихотворение Владимира Соловьева:

*Милый друг! Иль ты не видишь,
Что все видимое нами —*

*Только отблеск, только тени
От незримого очами...*

Собеседник, пожилой кряжистый купчина, пораженно умолк. Мелодично льющаяся речь, каким-то чудодейственным образом претворенная из обыденной, всегда действовала на людей этой эпохи подобно магическому заклинанию. Собственно говоря, назначение поэзии так и понималось: сообщить высшим силам о желаниях и надеждах людей. Оттого и непохожесть высокого слога сказителей и жрецов воспринималась как должное — негоже с богами изъясняться на будничном наречии.

Повседневная речь славян оказалась куда ближе к разговорному языку двадцатого века, чем мог раньше судить Ильин по письменным памятникам. Книжное слово всегда воспринималось древними как некая аналогия священного косноязычия шаманов и прорицателей. Тем более что авторами книг целые века были исключительно монахи и священники — конкуренты поверженной религии. Им собственным творчеством необходимо было доказывать свою приобщенность к мистическим стихиям, к невидимому миру.

Стихи Соловьева, непривычные по звучанию, несомненно, были восприняты как некий ритуальный текст, а заложенная в них мысль усвоена без дополнительных разъяснений. Это в очередной раз подтвердило убеждение, сложившееся у Ильина: сущность религиозного сознания, с готовностью принимавшего разделение на здешний и нездешний миры, остается неизменной несмотря на изменение форм культа. Именно это и позволяло ему без особого труда находить общий язык с последователями славянских верований, хотя он был едва знаком с их догматикой и богослужебной практикой.

У Овцына, выросшего в условиях полного и безраздельного господства христианства, беседы Виктора с

язычниками вызывали усмешку, он старался не принимать участия в обсуждении примет русалок, способов распознавания мест обитания нечистой силы вроде леших и водяных. Да и Анна не могла без иронических ухмылок слушать подобные разговоры. Так что филологу приходилось взвалить на себя эту деликатную ношу...

— Надобно тебе сказать, хозяин, что оборотень в наших местах не такой частый гость, как на Днестре. Возле Смоленска — там да, там проходу не дадут. А у нас больше упырь балует. Лешак опять же заломать может. И всякая иная нежить ведется. Вот, к примеру, деревня Черный Бор, где у вас ночлег после Ильменя будет, — там баенник злобредный завелся.

Заметив недоверчивый вопросительный взгляд Анны, словоохотливый Истома стукнул себя в грудь кулаком и сказал:

— Да лопни у меня селезенка, коли вру. Сам в той бане парился — чур меня, чтоб я еще раз в нее сунулся. Не веришь, егоза? Вот попроси у отца, чтоб он на ночлег в третью избу с северного краю попросился — сам увидишь, какие там дела творятся. Не только баенник шалит — там и домовый, говорят, шалопутный какой-то, и дворовой будорага. Ужась берет.

— Ладно, проверим, — прервал его Ильин. — Ты лучше про оборотней докончи. Ты начал с того, что его по волчьей шерсти на голове можно узнать.

— Правильно, — кивнул Истома. — Потому и зовут по-иному волкодлак. Он то так, то так перекинется — ино человеком, ино зверем. Ежели волка встретишь, смотри на задние лапы: колени вперед, как у человека, значит, оборотень. Убивай смело — он как подохнет, человеком обернется... А ежели приметил такого малого, у которого клыки из-под губы торчат и волос на загривке дыбится, тоже не теряйся, тем, что есть под рукой, бей...

— А если ошибешься? — с едва скрытой язвительностью спросила Анна.

— Сколько случаев было, никто еще не ошибся, — Истому явно раздражала во всем сомневающаяся дочь хозяина, и, отвечая ей, он даже не удостоил ее взглядом...

. — Ты очень хорошо рассказываешь, — Ильин поспешил поощрить рулевого. — Не обращай внимания на мою девчонку — без матери выросла, овдовел я, когда ей два дня было. Все с мужиками, вот и набралась вежества.

Анна уничтожающе сверкнула на него глазами, но промолчала.

— Вожжой ее постегай, хозяин, — хохотнул один из гребцов. — Или вицу вырежь — ладно прилипает к мягким местам.

Княжна и на этот раз сдержалась, хотя Ильин опасался, что остряку достанется хороший разряд. Прижав к груди голову Анны, Виктор с нежностью погладил ее по волосам. Взгляд Овцына красноречиво засвидетельствовал, что полномочия мнимого отца явно превышены.

Когда вернулись к нечистой силе, Истома продолжил перечень признаков нежити.

— Ежели опаешься, что ребенок упырь, погляди ему в рот — у него должно быть два ряда зубов...

— А как же становятся ими? — поинтересовался Овцын. — Или от рождения это кровопийство?

— Нет, зачем. Портят. Если тебя, скажем, упырь укусит, ты сам таким сделаешься. Целые деревни в упырей превращаются.

Василий передернул плечами.

— Я ему укушу. Зубы проглотит.

— Это ежели живой ты будешь — может, и отобьешься... А коли ты мертвый в гробу лежишь — да через него черная кошка перескочит? Вдругорядь упырем станешь, из могилы почнешь выбираться, на живых

кидаться... Самоубийца тоже может кровопивцем сделаться, колдун...

— Как же спастись от них? — деловито узнал долговязый гребец.

— Заговоры надо знать, — с превосходством сказал Истома. — Да по кладбищам не шататься по ночам. А уж ты-то, Поздей, как меду наберешься, куда только не залезешь.

Гребцы дружно засмеялись — видимо, рулевой верно нащупал болевую точку долговязого.

— Скажи, уважаемый, — обратился Ильин к Истоме. — Ты вот все о признаках нежити говорил. Но ведь еще важнее знать, где она обитает, чтобы ненароком с ней не повстречаться.

— Разумно толкуешь, хозяин... Первое дело — болота, там всякая злая сила кишит. Только зевни — она тебя в трясину и утащит. Второе место, излюбленное нечистью, — банище. Без надобности туда тоже не суйся, особо по ночам. И перекрестков дорог бойся — там бесы невидимым образом хороводят. Видал, наверное, как на росстанях пыль столбом крутит — то не ветер балует, то ведьмину свадьбу нечисть справляет. Брось нож в такой хоровод пыли, он враз рассыплется, а на земле кровь увидишь. Пойди потом в ближнюю деревню да по домам погляди внимательно — обязательно какую-нибудь бабу с рукой либо щекой замотанной найдешь. Та ведьма и есть.

— М-да, — задумчиво произнес Ильин. — Вся поднебесная некими бесплотными силами заселена, того и гляди на кого-нибудь налетишь.

— А как же, — закивал Истома. — Ведь их, нечистиков разных, многие тыщи. Какое дело ни возьми — им некий дух заведует, добрый либо злой. Даже и у христианских попов так заведено: за лошадьми один святой приглядывает, за курами другой, в бабьих печалах третий помогает. Совсем как у нас.

— У кого у нас? — опять подала голос Анна.

— У кого — у кого, — передразнил рулевой. — Не думай, мы тоже в церкву ходим, попу то куренка, то рыбки принесем...

Все-таки небезопасно было объявлять себя открытым приверженцем дедовской веры — Истома, видно, искулся уже в подобных ситуациях.

Высокий берег, вдоль которого шла ладья, на всем своем протяжении был покрыт смешанным лесом. Только редкие избушки — теплыны охотников и рыбаков свидетельствовали о населенности этих мест. Серые кучи льда, лежавшие в затененных ложбинах, вызвали ощущение хрупкости, недолговечности этой зелени, этого голубого неба с пухлыми ленивыми облаками. Когда суденышко приближалось к таким местам, из чащобы тянуло холодной сыростью. Северное лето еще боролось с остатками зимнего воинства, только теперь этот поединок довершался вдали от человеческого глаза, в темных непролазных дебрях.

«Вот это неизменное, вековечное, над чем не властно время», — думал Ильин, глядя на проплывающие за бортом молодо зеленеющие кроны берез, на беспокойное серебро осинової листвы. «Все умирает и возрождается, целиком повторяя то мгновение жизни, породившей этот непрочный, мятущийся мир... Впрочем, что это я. Слова, поэзия... Земля каждую секунду преобразается, и к прошлому нет возврата. Только цикл изменений в природе не так приметен. Вымерли ящеры и гигантские папоротники, мамонты и бронированные рыбы... И в человеческом сообществе то же — по-видимому, все возвращается на круги своя — война сменяет мир, тиран наследует доброму правителю, и снова люди уповают на благодетеля... Полное подобие времен года... Но неприметно вымирают мамонты-человеки и место их занимают макаки. Гигантам тесно на земле, пигмеи куда лучше приспособлены к жизни... Так что же: эволюция — это неизбежный путь измельчания всего сущего?..»

— Эй, ворона́ бьются! — крикнул кто-то из гребцов.

Ильин вздрогнул. Прямо по курсу ладьи в вышине трепыхался многокрылый черный клубок. Время от времени птицы разлетались в разные стороны и снова кидались друг на друга, роняя перья.

— Плохая примета, — нахмурился Ильин. — Быть войне.

— Так то и без воронов ясно, — отозвался Поздей. — Князь Ярослав варяг по какую лихоманку привел?

— Верное твоё слово, — кивнул рулевой. — Чтоб ему на вторую ногу охрометь. Столько годов в мире и благоденствии прожили. Почитай, как Владимир Святославич на Царьград ходил — лет тому уж тридцать, наверное, будет — с той поры и не было брани. А теперь этот змееныш смуту затевает, опять на наших загривках вся тягота военная повиснет.

— Да уж, от варяг, да от наших княжих мужей не жди добра, для них люди, что солома, — сказал широкогрудый гребец, сидевший, опершись спиной о мачту.

VIII

— Что такое КБ? — спросила Анна.

— Откуда ты взяла это?.. Я разве говорил при тебе?.. — удивленно отозвался Ильин.

— Слышала, как ты Василию объяснял про ваше времяпровождение.

Ильину не по себе стало — он припомнил, как рассказывал Овцыну: «Зашел к приятелю на работу — он в КБ мается. Как раз чей-то день рождения был — заперлись, выпили как следует, у кого-то ключи от пустой квартиры оказались, поехали туда, стали вызванивать «куриц»...»

— Так что такое КБ? — повторила Анна.

— Ничего хорошего, — мрачно сказал Виктор. — Конструкторское бюро.

— А что там делают?

— У кульманов — чертежных досок — по целым дням треплются: про тряпки, про летающие тарелки...

«Слава богу, про «куриц» не спросила — наверное, не поняла, чистая душа», — со стыдом подумал Ильин.

— Хоть бы одним глазком взглянуть на все это, — вздохнула Анна.

Ее не переставало удивлять скептическое отношение Виктора к своему времени. Хотя он уже тысячу раз рассказывал ей об издержках цивилизации, сделавших жизнь горожанина в конце XX века далеко не такой идилличной, какой она представлялась мечтателям вроде Веры Павловны из «Что делать?», Анна все же не могла себе представить, как можно не любить мир самодвижущихся экипажей, электричества, эскалаторов, огромных летательных аппаратов, телевидения и пересадки сердца...

— Знаешь, я для тебя прозвище придумал. Целый год оно вызревало. Буду тебя в честь твоей любимой героини Верой Павловной звать.

— Ради бога, я совсем не обижусь, мой повелитель... Расскажи мне, пожалуйста, о твоей жене. Почему вы развелись?..

И Анна снова прильнула к нему.

Выдался один из тех редких часов, когда они могли остаться вдвоем. Овцын ушел к реке вместе с бурлацким «шишкой» — так здесь именовали руководителей ватаг, проводивших суда вверх по Ловати, — чтобы многоопытный артельщик определил, смотря по грузу, сколько людей потребуется на переход до волока.

Лежа на кипах свежего духовитого сена у стены постоянного двора, Виктор и Анна видели все, что делалось у воды, на деревенской улице и в огородах. Народу в деревне было немного — старухи да мелюзга, — все трудоспособные с раннего утра разбрелись по пойме.

Повсюду, куда глаз хватал, шел покос — то и дело то в одном, то в другом месте ярко вспыхивали отсветы солнца на косах.

Постоялый двор, дававший приют путникам и бурлакам, был также пуст — все его немногочисленные на эту пору обитатели были в разгоне. Только к вечеру ожидалось хлебные барки с верховьев — на них должна была вернуться ватага, водившая караван немецких гостей к волоку на Двину.

— Поцелуй меня сюда, — попросила княжна.

Ильин провел губами по обтянутой шелковистой кожей ключице, медленно отвел рукой расшитый ворот полотняной рубашки.

Грудь княжны порывисто вздымалась. Все поплыло перед глазами Ильина.

— Я обожаю тебя, — простонала Анна.

Виктор на мгновение поднял голову, чтобы занять более удобную позицию, и вдруг ощутил чей-то взгляд. Разом придя в себя, он резко повернулся и встретился глазами с большим черным псом, который внимательно разглядывал их с княжной, неспешно помахивая закрученным хвостом. С высунутого языка падали частые капли.

— Что ты? — княжна погладила Ильина ладонью по щеке.

«Не вовремя мы это затеяли... И вообще — говорил же: не надо, не надо!.. Размазня!» — Виктор исполнился презрения к самому себе. Считал, что из всей их команды по-настоящему ответственный человек — он сам, и вот...

— Ну что ты? — по-прежнему не открывая глаз, повторила Анна. Голос ее звучал глухо и многообещающе.

— Я пошутил, — вдруг брякнул Ильин, свирепо глянув на пса.

И почувствовал, как мгновенно напряглось тело княжны.

Анна отвела его руку, села. В глазах ее стоял ужас. Быстро запахнув ворот, она вскочила и бросилась вниз по пологому склону к Ловати.

Сознание Ильина заторможенно пыталось удержать образ того, что минуту назад творилось с ним. И тут, словно льдина, вынырнувшая из неведомых глубин, возникла фраза. Виктор прямо-таки физически почувствовал ее обжигающее прикосновение где-то у темени: «Женщина может простить все, кроме насмешки»...

— Кто это сказал? — потерянно спросил себя Виктор. — Скорее всего француз какой-нибудь, это в их духе... Скотина ты, дружок...

И закричал:

— Я подлец, Аня! Я дурак!

Но она со всех ног бежала в сторону пристани. И вряд ли слышала его.

— Трещина... — произнес Ильин, поднимаясь с сена. — Это трещина.

И, схватив попавшийся на глаза камень, запустил в пса.

IX

Деревня Черный Бор вытянулась по гривке высокого берега Ловати. В неверном жемчужном полусвете очертания крыш с длинными изогнутыми коньками напоминали варяжские ладьи. Молочный диск луны, рассеченный узким облаком, стоял над верхушками ближнего леса. Каждый куст, каждая жердь прясла, огораживавшего селение, отбрасывали бесконечные тени.

Ильин и Овцын, осторожно ступая по травянистому кособоку, двигались от деревни в сторону реки. На прибрежной луговине темнели невысокие строения.

— Верно говорят, что на банище нечистой силе раздолье, — свистящим шепотом сказал Василий. — Тут тебя и удавят, и в воду бросят. Никто и крика твоего предсмертного не услышит.

— Будет страшать... И так не по себе.

Но Овцын не унимался.

— А что, если уж мы нежить ловить идем, о ней и говорить самое время. Настраиваться надо — сам же советовал... Ко всему приготовиться не вредно — ты баенника ждешь, а на тебя водяной кинется или русалки защекочат. Тут им самое место гулять — видишь, ракета над речкой склонилась, они в ветвях ее и любят сидеть...

— Это ты откуда взял?

— А сегодня днем старухи здешние рассказывали. Видели, будто бы, как тот баенник знаменитый с ними шуры-муры разводил...

— Ну и тип, никому проходу не дает! У нас в институте тоже такой вот баенник есть — Алик Мирзоян. Стоит уборщице нагнуться, чтобы сор из мусорной корзины взять...

— Тсс! — шикнул Овцын, подняв палец. — Слышишь?

Ильин замер на месте, но ничего подозрительного его слух не уловил. Овцын знаком предложил лечь на траву, Виктор последовал его примеру. Затаившись, они до боли в глазах вглядывались в угольно-черные пирамидки бань, но все было спокойно.

Ильин постарался припомнить все, что он слышал о загадочном обитателе бани, переполошившем здешние места. От обычных граждан деревенских задворьев он отличался ярко выраженными индивидуальными чертами, которые стали ясны после многочисленных распросов.

Классический баенник, по представлениям окрестных жителей, воплощал в себе не только злое, но и доброе начало. Главное было соблюдать известные правила при посещении его владений. Нельзя, говорили мужики, мыться больше чем в три смены. Кто придет на четвертый пар, того баенник доймае угаром, а то начнет песком швыряться, раскаленными камнями, вениками засе-

чет до полусмерти. Ибо на четвертый пар ходят к нему гости — домовые, лешие, овинники.

Ежели уважать банного духа, не гневить его попусту, он и на добрые дела способен, особенно девкам гадать любит. Коли поднимет на голову подол сарафана желающая всю правду ведать, да сунет голый зад в приоткрытую дверь бани, обитатель ее из-под полка выберется да и погладит по мягкому месту своей шерстистой лапой — знай, что счастье предсказывает, а коли шлепнет — беды жди.

Само собой разумеется, у тех хозяев, которые баеннику водицы в кадушке, щелока в горшке, веников неизмызганных оставляют, и мыться любо-дорого — тут баенник главной своей обязанности не забывает, угар весь начисто выгоняет.

А вот этот, что объявился по весне, — поначалу в одной только бане у скорняка Ропы Волосатый Нос шалил, а потом и в другие стал наведываться — он из ряда вон оказался. Зловредная нежить, в один голос говорили свидетели его подвигов. Стоило забыть в бане горшок с квасом или ненароком поставить возле нее ушат с только что сваренным пивом — баенник с непостижимой быстротой утаскивал посудины к себе под полк, а потом выбрасывал на берег Ловати. Когда покрытую рыжей шерстью спину баенника заметила на своей повети жена Ропы, а потом обнаружила скорлупу от дюжины только что снесенных курами яиц, сообразила, что и другие необъяснимые пропажи дело рук нечистого. Из амбара мельника Шмеля Очунной Рожи еще по весне, когда пошли первые слухи о баеннике, исчезли лапти и еще новые порты. Убожье Пегая Борода жаловался, что у него увели целый окорок, припасенный к великому празднику первого выпаса деревенского стада — Ярилину дню.

Но еще сильнее взбудоражило Черный Бор другое злодеяние баенника. Приметливые бабы обратили внимание, что некоторые из девок, ходивших гадать на ба-

нище, не в себе — одних мутит, другие в обморок падают во время прополки огурцов. Дальнейшие исследования подтвердили: девки уже не девки, а бабы на сносях. Выходит, до того понравились бесстыжим поглаживания банного жителя, что и на срамное дело с нежитью пошли.

Тут уж не стерпели мужики — виданное ли дело: нечистая сила столько девок перепортила! Вооружились навозными вилами и отправились в полнолуние сводить счеты с баенником. Тряслись от страха, поминутно останавливались, чтобы еще раз все заговоры прочитать, но все же никто назад не повернул. У бани Волосатого Носа столпились, стали хором кричать: подобру-поздорову уйди от нашей деревни, не то мы на тебя лешему пожалуемся, — лошадь на дубу для него повесили, он за такую жертву что хочешь сделает и тебе, окаянному, шею свернет.

Послушали, не ответит ли чего. Молчал баенник. Тогда самый старый из деревни — дедушка Плохой Долгая Спина — вышел из толпы, поклонился перед дверью бани, открыл ее и хотел на порожек отступное положить — жареного петуха да пареной репы туесок. А из бани вдруг такой рев раздался, что Плохой с перепугу затылком об косяк звезданулся и тут же мешком свалился.

Из мужиков кое-кто вилы побросал — и деру в деревню. Но нашлись и те, что не сробели, — громко выкрикивая заклинания, окружили баню и принялись совать свои орудия в волоковое оконце, в дверь. У одного нечистая сила вилы выхватила, но другой успел нежить зацепить — заблажил баенник пуще прежнего. Из дверей вылетели отобранные вилы, попали пастуху Булгаку прямо в лоб. Повалился он рядом с дедушкой Плохим.

— Ах, ты так! — заревели мужики. — Ужо мы тебя дойдем. — Не стоишь, Роба, за баню свою?..

Волосатый Нос подумал недолго, кинул шапку оземь.

— Ин ладно, тащите уголья.

Кто пошустрее, сбегали в деревню, принесли в горшке огня. С четырех углов навалили хвороста и подпалили баню.

Сруб занялся враз. Загудело пламя, облако сажи поднялось от прокопченных стен. Разогнал мужиков по сторонам нестерпимый жар.

Но нечистый на удивление долго крепился. Думали было, утомили его, и тут он снова возопил, да так свирепо, как только нежить может. И из огненного столба, что на месте бани поднялся, выкатился кубарем — огромный, весь покрытый рыжим волосом, бородатый. В точности такой, каким его знающие старые люди видывали. Вскочил на ноги да как саданет кулачищем своим Ропе между глаз — мужик и ослабел, кулем в траву повалился. А баенник еще ужаснее заревел — тут уж и самые крепкие не выдержали, откуда только прыть взялась, в одно мгновение на гребень береговой взлетели. Нечисть же в воду бросилась и на ту сторону Ловати подалась.

— К водяному ушел, — решили мужики.

Но и тоска на черноборцев нашла великая — ждали, что вся нежить теперь взбеленится. Домовые, говорили пугливые, скотину душить примутся, овинники снопы осеннего урожая пожгут, лешие ягодниц в болота заводить начнут...

В банях с тех пор и мыться перестали, к речке тоже подходить боялись. Одна баба вышла с бельем на мостки да вскорости, все рубахи побросав, с криком домой прибежала — заметила в глубине два зеленых глаза, видно, водяной подбирался.

Вокруг деревни день и ночь сторожа с цепями и вилами ходили, на лес, на реку покрикивали, чтоб знала нежить: люд в Черном Бору не дурак, голыми руками его не возьмешь.

Такое положение дел застали Ильин и его спутники, прибывшие в Черный Бор в конце июня. Заинтригованные похождениями баенника, они решили попытаться встретиться с ним — благо стояло полнолуние, лучшая, по мнению селян, пора для свиданий с нежитью. Овцын и Анна, правда, весьма скептически отнеслись к рассказам чернорборцев, но Виктор, привыкший за годы работы с фольклорными текстами отыскивать реальную подоснову любой былины и сказки, возлагал на предстоящую операцию немалые надежды.

— Так нам сразу и бросится в объятия пленник времени, — хмыкнув, сказала княжна.

— А ты, кстати, и не пойдешь с нами, — решительно заявил Ильин. — Мало ли что может случиться...

Теперь, лежа на траве и прислушиваясь к гулкой ночной тишине, нарушаемой только всплесками рыбы да ленивым шелканьем какого-то запоздалого соловья, Ильин вдруг представил всю абсурдность происходящего. Время, в которое он попал, определенно воздействовало на его психику — что ни говори, а стереотипы общественного сознания — это не баран чихнул. Если в народе широко разлита вера в реальность всяких оборотней и чертей, ты и сам волей-неволей начинаешь проникаться верой в то, что каждый куст и копка, залитые лунным светом, являются обиталищем бесплотных сил.

Со стороны банища раздался тихий скрип. Овцын толкнул Виктора локтем. Одна из теней, протянувшихся к воде, дрогнула — кто-то крался вдоль стены низкого сруба. У Ильина озноб прошел по коже.

— Подползаем ближе, — шепнул Овцын. — Ты забирай влево, к берегу, а я правее...

Еще в деревне они договорились применить, в случае надобности, свои сверхъестественные способности. Никто из мужиков не рискнул идти с ними, не было, следовательно, необходимости скрывать «секретное оружие», как именовал его Ильин.

У баенника был, по-видимому, хороший слух — стоило Овцыну пошевелиться, как фигура у сруба замерла. Виктор понял, что подобраться незамеченными им не удастся, и шепнул Василию:

— Надо подниматься и в открытую к нему идти. В случае чего...

Овцын кивнул и тут же пружинисто встал на ноги. В то же мгновение со стороны бани послышался ужасающий рев. Ильина словно взрывной волной к земле прижало, обессиливающий озноб пробежал по всему телу.

Из угольно-черной тени выпрыгнуло голое волосатое существо и, продолжая наполнять ночь нечеловеческим рычанием, принялось выламывать из стены бани тонкое бревно.

Овцын на минуту замер, потрясенный диким воем, потом медленно, неуверенно направился к срубу, возле которого бесновался баенник. Выворотив бревно из стены, нежить в раскачку двинулась навстречу Василию, оглашая воздух еще более жуткими воплями.

Все это длилось так недолго, что Ильин едва успел прийти в себя после пережитого страха. Поднявшись с земли, он увидел, как баенник поднял бревно над головой, намереваясь метнуть его в Овцына. Одновременно с ним Василий вскинул руки, и сумрак прошла ветвистая молния. Черная лесина, нацеленная в него, разлетелась в мелкие кусочки.

Оцепеневший банный житель несколько мгновений еще держал над головой руки, потом сжал их в кулаки и прыгнул на Овцына. Новый разряд, послабее первого, ударил его в грудь. Все волосатое тело на миг озарилось голубым сиянием. Существо рухнуло навзничь на траву, в падении высоко вскинув голые пятки.

Подбежав к поверженному противнику, Овцын и Ильин стали с опаской осматривать мускулистое тело баенника. По виду это был обычный человек, лет двадцати восьми, правда, выдающийся по оволосению —

и грудь, и плечи, и руки были покрыты рыжей шерстью. Широкая рыжая борода скрывала половину лица. На груди серебрилась цепочка с предметом странной формы — нечто вроде небольшого молотка.

Прямой узкий нос и высокий лоб обитателя банища свидетельствовали о хорошей породе — если, конечно, можно говорить о генетике применительно к нежити, заметил про себя Ильин. Приложив пальцы к широкому запястью лежащего, он послушал пульс — удары, хотя и не очень явственные, следовали ритмично один за другим.

— Сейчас очухается, — сказал Виктор. — На всякий случай приготовься.

Ильин принялся довольно сильно похлопывать баенника по щекам. Когда тот с трудом разлепил веки, Ильина пронзил яростно-растерянный взгляд светлых серых глаз.

— Спокойно, — тоном выдавшего виды лекаря произнес Виктор. — Не волноваться.

Но баенник и не подумал подчиниться. Пробормотав что-то непонятное, он в одно мгновение оказался на ногах и, если бы не бдительность Овцына, Ильину пришлось бы испытать крепость волосатого кулачища. Строго дозированный разряд вразумил нечистую силу и показал ей истинных хозяев положения.

— Кто ты такой? — строго спросил Ильин. — Почему голый шатаешься?

— Я викинг, — с сильным скандинавским акцентом ответил волосатый. — Проклятые мужики — порази их Тор! — сожгли в бане всю мою одежду. У меня ничего нет, одна кольчуга уцелела... Я покажу...

И он махнул в сторону крайнего сруба.

— Пошли, — хмуро сказал Овцын, явно разочарованный тем, что знакомство с нежитью не состоялось.

В бане Василий добыл кресалом огня и запалил лучину. Викинг сунулся под низкий полоч и вытащил

оттуда скрученный в жгут доспех. Встряхнув его на руках, поднес поближе к свету.

Ильин и Овцын склонили головы над закопченной кольчугой. У ворота были приклепаны пластинки с руническими письменами. Викинг пояснил:

— Это места, где я воевал: Ирландия, Испания, Сицилия, Греция.

Виктор уважительно присвистнул:

— Когда же это ты успел? Тебе, по виду, совсем немного лет... И вообще, давай-ка познакомимся. Я Удача, богомаз, иначе говоря, художник, а это Василий, мой ученик...

— А меня зовут Торир Бычья Шея...

— Как ты попал сюда?

— Я бежал из родных мест, мой род живет на берегу Хардангер-фьорда.

— Это, видимо, Норвегия, — задумчиво сказал Ильин. — Если, конечно, такое название сейчас в ходу.

— Правильно, Хардангер-фьорд — это Норвегия. Наш конунг Олаф Толстый, раньше он тоже был викингом, воевал и в здешних местах...

— А почему ты бежал? — спросил Овцын.

Торир долго молчал, катая желваки на щеках и зловеще поигрывая мышцами шеи. Потом через силу сказал:

— Я нидинг, изгой. Каждый может убить меня... Я совершил убийство...

— Знаю о подобных случаях, — сказал Ильин. — В частности, первооткрыватель Америки, Эйрик Рыжий, был изгнан с родины за убийство...

— Какой еще Америки? — недоуменно воззрился на него викинг. — Я слышал сагу об Эйрике, он открыл Винланд...

— Ну конечно, конечно, черт меня подери, — спохватился Ильин. — Именно так он назвал эту землю...

— Черта не поминай, — недобро сказал Торир, со-

всем в том же тоне, как Ивашка и Добрыня минувшим летом.

— Одним словом, ты решил бежать за море, — не давая втянуть себя в догматический спор, подытожил Ильин. — Непонятно только, почему на Русь.

— Сюда, я слышал, из наших мест мало ходят. Может быть, удастся исчезнуть с глаз тех, кто знает, что я — нидинг.

— Ты что, давно здесь? — снова вступил в разговор Овцын. — По-нашему знатно говоришь.

— Нет, я весной сюда пришел... А языку славянскому в Йомсбурге научился. Я ведь был йомсвикингом.

С этими словами он что есть силы хватил себя кулачищем по темени и иступленно затряс головой.

Расспросы продолжались больше часа. За это время Торир успел поведать, что Йомсбург — это военный лагерь викингов на острове в устье Одры. Десятки тысяч воинов — не только скандинавы, но и немцы, славяне. Славян там даже больше, чем выходцев с севера и из германских земель. В крепости, обнесенной идеально круглым валом и рвом, живут одни мужчины. Под началом херсира — военного вождя — они целыми днями готовятся к будущим битвам: ведут поединки между собой, занимаются бегом, поднимают тяжести, соревнуются в гребле...

Йомсбург — самая большая из подобных крепостей, разбросанных по берегам Варяжского моря. Они господствуют над торговыми путями, но главное назначение их — готовить воинов для дальних походов. Из Йомсбурга каждую весну выходят сотни судов с викингами, волна за волной они обрушиваются на побережья Европы, громят богатые арабские города на севере Африки. Отряды, прошедшие обучение в бургах, захватывали Париж, Рим, Иерусалим. Их видели под стенами Тегерана и Багдада. Нет на земле места, до которого не добрались бы йомсвикинги, если на то был приказ вождя.

Торир с юности ходил на судах своего отца в набеги на побережья Ирландии и Англии. В этих походах его заметили знаменитые викинги и забрали с собой в Йомсбург. Природные качества неустрашимого бойца вскоре сделали его берсерком, то есть таким воином, который впадал в ярость перед битвой, рвал на себе одежду, издавая ужасающие вопли, а потом кидался на врага, сокрушая все и вся на своем пути. Таких людей очень ценили херсиры, они составляли ударную силу викингов. Сами конунги знали их по именам, о подвигах берсерков скальды слагали драпы — хвалебные песни.

Но именно привычка впадать в слепое бешенство при виде противника не раз служила дурную службу Ториру Бычьей Шее. Его отцу, влиятельному бонду — землевладельцу — то и дело приходилось платить виру за убитых его отпрыском. Наконец, терпению ярла — правителя области — пришел конец после того, как Торир уложил целую дюжину людей на самом большом празднике — празднике середины зимы. Бычью Шею объявили вне закона, и теперь родственники его жертв — таковых набралось много десятков — могли свести с ним счеты любым способом.

— Чем ты теперь думаешь зарабатывать свой хлеб? — спросил Овцын, выслушав рассказ викинга.

— Тем же, чем и раньше — мечом. Если не найду себе конунга в Кенугарде — по-вашему, в Киеве, — доберусь до Миклагарда — его еще Константинополем зовут...

— Мечом? Но ведь ты без оружия, — удивился Ильин.

— Я не досказал еще... Когда я приехал в Хольмгард, или Новгород, то хотел определиться на службу к конунгу Ярислейфу...

— Ярослав? — уточнил Ильин.

— Да, так вы его зовете... Я пришел к Эймунду, сыну конунга Ринга, — он херсир дружины Ярислей-

фа, — и попросился к нему на довольствие. Дело сладилось, но в тот же день меня узнал Эймундов дружинник — Харальд Жеребчий Лоб, родич одного из тех парней, которые неправильно поняли мои намерения во время праздника середины зимы... Я все побросал на постоялом дворе, потому что за мной пустились несколько крепких ребят с секирами. Я отвязал от коновязи чью-то лошадь, вскочил в сани и вылетел из города. Хотя на Волхове еще стоял лед, но повсюду уже чернели полыньи. Под полозьями раздавался треск, я каждую минуту готов был выброситься из саней. Не иначе, как сам Тор, чей амулет я ношу на груди, охранял меня, и я сумел добраться до Ильменя. Переночевал в охотничьей избушке, а на другой день поехал дальше. Но едва миновал озеро и выехал на Ловать — это было уже вечером, — попечительство бога меня оставило... Я дремал, лежа на соломенной подстилке, а лошадь лениво брела по зимнику. Очнулся уже в воде — кобыла храпит, бьет копытами по кромке льда, пытаюсь выкарабкаться из полыньи. Я сам кое-как вылез. Хватился меча, сумки с деньгами — все на дно ушло...

— А почему ты не пошел в Черный Бор, не попросился на ночлег? — спросил Овцын, сочувственно глядя на викинга.

— После всего, что было, я решил: лучше никому не доверяться. Знаешь, когда тебя объявляют нидингом, ты и вправду начинаешь чувствовать себя волком... А тут еще я увидел, как над этими маленькими избушками клубится пар, когда из них выскакивают голые люди и начинают валяться в снегу. Я полежал в лесу на противоположном берегу, наблюдая за деревней до тех пор, пока одежда моя не превратилась в ледяные латы. Тогда я с трудом поднялся и, едва переставляя ноги, дотащился до крайней избушки на берегу. Тогда я не знал, что это баня — у нас нет таких в Норвегии... Можете представить мое блаженство, когда я оказался в жарко натопленном срубе, да еще ушат горячей

воды как нарочно поджидал меня. Я разделся догола и залез на эту вот штуку...

— На полок, — подсказал Ильин.

— Утром проснулся как ни в чем не бывало. Правда, в темноте с непривычки ударился головой о потолок, да и сажей перемазался изрядно. Выглянул наружу — оттепель, лед на реке совсем почернел. Куда пойдешь в такую погоду? Решил, что пережду здесь, пока снег не сойдет, а потом дальше берегом двинусь.

— Это, видимо, в конце апреля было? — сказал Ильин. — По-здешнему, месяц березозол.

— Правильно, именно в это время, — ответил Торир. — Слушайте дальше. Раз уж я осел в этой бане, надо было и о пропитании позаботиться. Стал я в деревню пробираться, что найду — сюда тащу. Так и кормился целую неделю. А потом заявляется мужик с охапкой дров — едва я под этот... полок спрятаться успел — и начинает топить очаг. Целый день жарил — только тем я и спасся, что на земле холодной лежал... А потом настоящий ужас начался — когда этот мужик, хозяин бани, вместе с женой своей заявили. Голову на отсечение дам, что ни один йомсвикинг такой пытки не вынесет, какую эта железная баба себе и своему мужу устроила. Хлестала себя и его двумя вениками до того, что от обоих дым пошел. Я уж не думал, что жив останусь, носом в самый угол забился — оттуда сквозь щель свежим воздухом тянуло... Потом старуха со стариком пришли — ветхие, морщинистые, в чем душа держится. Но едва на полок залезли, такое побоище вениками учинили...

— Ты Расскажи, как с девками у тебя вышло, — не вытерпел Овцын.

— А что тут рассказывать, — Торир пожал плечами. — Я лежу на полке, отдыхаю — после похода в деревню, когда мне окорок утянуть удалось. Слышу голоса, выглянул в щелку — девки. Смотрю, одна подол на голову задрала и в дверь соседней бани зад сунула.

Другая таким же образом поступила — во вторую баню по соседству пристроилась. А ко мне третья идет. Едва я в сторону отошел, открывается дверь и... Я подумал, что это очень кстати...

— Почему же потом к тебе еще столько девок приходило? Именно твою баню выбирали?

— Отец всегда говорил мне: Торир, если делаешь дело, делай его хорошо...

Х

Когда ладья поднялась на несколько верст вверх по Ловати, Ильин снял тюки с поклажей с той скамьи, под которой прятался Торир. Викинг выбрался из убежища, блаженно щурясь на солнце. Его обнаженный торс золотился в ореоле рыжих волос. Серебряный молот Тора на груди пускал зайчики в глаза Анне и Овцыну, сидевшим на корме.

— Ой, какой миленький амулет! — воскликнула княжна, когда Бычья Шея перебрался поближе. — Вас действительно охраняет этот бог...

Ей явно хотелось сказать что-нибудь приятное викингу. Тот понял это и в долгу не остался.

— Я бы сильно удивился, если бы узнал, что боги отказали в своем покровительстве такой милашке.

Длинные волнистые волосы Торира, перехваченные узким ремешком, рассыпались по плечам. Одолженные Ильиным порты плотно обтягивали мускулистые бедра викинга. Невольно залюбовавшись богатырской внешностью нового спутника, Овцын заметил:

— Если придется кое с кем помериться силами, Торир нам в обузу не будет.

Берсерк помолчал с минуту, и слегка покраснев, заговорил, глядя в глаза Василию:

— Я скажу вам, как немногие скажут своим друзьям. Мне бы хотелось, чтобы вы нуждались в помощи. Тогда бы вы узнали, на что я способен. Ведь если

вы не попадете в беду, мне вовек не отблагодарить вас за то, что вы сделали... Я бы наверно кончился от голода через несколько дней — мужики меня к деревне две недели не подпускали.

Через некоторое время Анна несмело спросила:

— А почему вы не ушли из этой бани, от этой деревни?

— Кто вы? — не понял викинг. — Я был один.

— То есть ты, — смутилась княжна. — У нас принято вежливо обращаться на вы...

— Не слышал... Что же касается твоего вопроса, ты сама ответишь на него, если подумаешь. Как отнесутся люди к голому человеку в одной кольчуге?

— Не удивлюсь, если выломают колья из ограды, — сказал Овцын.

— Это было бы еще не самое плохое, — отозвался Торир.

— Если уж на нас, когда мы пришли вчера с банища, смотрели как на оживших мертвяков, — со смехом сказал Ильин.

— Я и сама думала, вы уже не вернетесь. После того страшного рева, после молний, пластавших тьму... Мужики, сторожившие вас у околицы, примчались все в поту, заикаются от страха...

— Да, — признался Торир. — После того как Василий разнес в щепу целое бревно, я вообразил, будто передо мной сам Тор-громовержец. Оттого я, наверное, и плюхнулся на траву.

— Нет, это я тебя немножечко приласкал, — самодовольно объяснил Овцын.

— Знаешь что, — сказал Бычья Шея. — Ты мне нравишься. Хочешь побратаемся?..

— С удовольствием, — сразу ответил Василий, но тут же пожалел о своей поспешности.

Викинг схватил острейший нож, лежавший у основания мачты и чиркнул им себя по предплечью. Анна вскрикнула, вскинув руки к лицу. Да и у Ильина дыха-

ние перехватило, когда он увидел ручеек крови, бойко заструившийся из надреза.

Все это заняло одно мгновение. В следующее викинг метнул нож рукояткой вперед в сторону Овцына.

— Лови.

Василий едва успел схватить его и с недоумением уставился на Торира.

— Режь скорее, — буднично сказал викинг. — Много крови зря уйдет.

Овцын, отвернувшись в сторону, полоснул себя чуть выше локтя. Тяжелые алые капли застучали по днищу ладьи.

Торир пересел к Василию на скамью, схватил его за руку и приложил свой порез к его ране. Вскинув глаза к небу, быстро заговорил по-норвежски. Ильин разобрал только имена богов: Один, Тор, Бальдер.

— Поклянись своими богами.

Овцын быстро перекрестился и призвал в свидетели Богоматерь и Дмитрия Солунского, покровителя воинов. Торир поморщился, увидев крестное знамение.

— Держи руку вверх, — сказал он, когда обряд братания закончился. — Сейчас кровь запечется, и жилы закроются... Ну вот, теперь мы с тобой побратимы. Это выше, чем молочные братья. Все наше имущество отныне общее, мы должны пировать всегда вместе, ты мстишь за мою кровь, я — за твою...

Они сели спиной к мачте, подняв вверх левые руки, прижавшись друг к другу. Торир с покровительственной интонацией продолжал:

— Я удивлен, что такой боец, как ты, исповедует бога хилых и старых, это не для тебя. Знаешь что, я дам тебе прозвище Василий Огненная Рука. Ты не обидишься?

— Ради бога, Торир, — польщенно сказал Овцын. — Мне тоже кое-что нравится в твоих речах. Но насчет Христа ты не прав. В него верят цари и витязи...

— Мне больше по душе боги, у которых все как у

людей. Если они хотят веселиться, они веселятся, если дойдет дело до драки, они не прочь помериться силами. А ваш Христос слишком много возился с дохляками и больными. Пусть они спокойно умирают, неужели богу нечем заняться в компании здоровых молодых мужчин?

Овцын не вступился больше за христианство, и Виктор сделал вывод, что Василий либо очарован гигантом-викингом, либо стал равнодушен к религиозным спорам после всего, что было между ними и Ивашкой. Ильин испытал даже некоторую обиду, нечто вроде уязвленного патриотизма. Хотя он симпатизировал язычеству, было не совсем прилично отдавать на посмеяние то, чем жил век Овцына.

— Твое представление о христианстве слишком детское, — сказал Ильин, обращаясь к Ториру. — Можно подумать, ты собираешься вечно оставаться молодым. Иначе я не могу объяснить себе твое пренебрежение к старикам. Как ни относишься к Христу и основанной им религии, ее заслуга в том, что она научила людей уважать слабых, видеть человека и в отверженном.

— Я слышал эти песни, — усмехнулся Бычья Шея. — К нам в усадьбу все время таскался миссионер. «Нищие наследуют землю», — не сходило у него с языка. Но я все-таки не стал с тех пор лучше относиться ко всяким оборванцам. Мужчина всегда может добыть себе немножко денег на крашенные одежды и седло с серебряной насечкой. По мне те, кто бродит по земле в сермяге, набивая себе мозоли на пятках, — попросту никчемные людишки, годные, пожалуй, лишь для того, чтобы ковыряться навозными вилами в хлеву.

— Ты презираешь труд? — гневно сверкнув глазами, спросила Анна.

— Хорошая работа мне по душе, — скромно сказал Ториру. — Когда я зарубил тех парней, которые не понимали шуток, люди в один голос сказали, что дело сделано на славу. И хотя меня объявили вне закона, мно-

гие бонды обещали мне свой кров в случае надобности. Эти уважаемые люди знают, что я не лодырь. У нас, викингов, считают лентяями тех, кто приобретает потом то, что можно добыть кровью...

Овцын восторженно слушал Торира. Будучи несколько моложе и обладая куда меньшим опытом ратоборства, он сразу признал моральное превосходство викинга и любое его слово воспринимал как откровение. Все-таки он был человеком той эпохи, когда физическую силу ставили выше ума и таланта, сказал себе Ильин. Но тут же в его сознании прозвучало: а так ли уж далеко то время от твоего якобы интеллектуального века? Не у тебя ли на глазах блистательно пробивали себе дорогу те, кто обладал достоинствами хороших жеребцов, и прозябали другие — кто имел несчастье высказать оригинальные и независимые суждения.

Спор о христианстве задел Торира за живое. Бычья Шея все не мог успокоиться и ворчал, что ни к чему хорошему игры с попами не приведут. Скоро триста лет, как викинги громят государства, принявшие эту веру — и всегда их боги помогали одержать верх над христианскими полчищами. Пришли в Ирландию, все церкви превратили в капища, поставили в них резные изображения Одина и Тора. То же было в Англии, в Северной Франции. И с этим ничего не мог поделать хитрый бог франков и саксов. Много раз пытались епископы из покоренных стран набросить на шею воинов Севера петлю с крестиком, но норманны каждый раз разгадывали их замысел — смирить их под властью распятого бога, который не сумел постоять за себя...

Ильин опять было принялся оспаривать Торира, доказывая ему, что христианство привело к объединению Европы, способствовало приобщению к культуре окраин цивилизованного мира.

— Не знаю как кому, но мне подошло бы объединение под властью Тора. Ничего плохого от этого бога

я не видел, — заявил викинг. — Не думаю, что другим он стал бы приносить несчастье.

— Но история развивается по-иному. Одна страна за другой принимают христианство, — возразил Ильин.

— Все дело в конунгах. Они ищут власти, и Христос им в этом подмога. По-вашему, на небе только один бог, и все должны ему поклоняться. Конунги тоже мечтают устроить свои дела на земле таким же образом.

Виктора поразило, с какой точностью определил Торири зависимость успехов христианства от усиления королевской власти. В университете он усвоил, что многобожие было своего рода небесной проекцией земных порядков — демократии и свободы индивида. А религия, пришедшая с Востока, утверждалась по мере роста авторитарных режимов и стеснения древних вольностей.

— Тут ты, наверное, прав. Это идет не от народа, а от властителей.

— Надеюсь, у нас это дело не пройдет. Прежний датский конунг Харальд Синезубый втайне принял Христову веру, но так и не решился навязывать ее свободным бондам. После него пришел Свейн Вилобородый — он чтил наших богов подобающим образом, поэтому люди его уважали и он имел удачу в своих походах на Англию. Наш конунг Хакон Добрый, сын Харальда Прекрасноволосого, тоже, по слухам, крестился, но Норвегию он так и не решился потревожить. Теперешний Олаф Толстый тоже снюхался с попами, но я не уверен, что это продлит его властвование. А ведь у него недурное прошлое — сам был викингом, бился в Англии и в Африке...

Анна слушала Торира с улыбкой превосходства на лице. Наконец, она решила принять участие в прениях.

— Я не стану восхвалять одну религию в противовес другой. Но скажу только, что единобожие гораздо более высокая идея, чем многобожие. Посмотрите вокруг. Мы были свидетелями того, что народ населяет каждый лес, каждый куст, каждое строение какими-то

божествами — как иначе назовешь всех этих баенников, полевиков и водяных? Представление о единой силе, правящей миром, намного совершеннее. В этом и есть причина торжества христианства.

Викинг ушаченно запыхтел, явно готовясь произнести речь во славу Тора, но Ильин опередил его.

— С этими взглядами — их, кстати, распространяли церковники и разделяла наука в твоё время, я решительно не согласен. Единобожие возникло вовсе не из-за более высокого уровня осмысления действительности — оно скорее отражает убожество мира, породившего его. Вспомним, где оно возникло — в пустыне однообразной и унылой. У дикарей-кочевников, ведомых Моисеем, беглым жрецом из Мемфиса, в течение десятилетий была перед глазами эта унифицированная природа, вот и родилось убеждение в том, что ею повелевает какая-то одна сила. В тех краях, где жили культурные народы древности, ландшафт был куда богаче — леса, горы, моря, реки. Оттого религиозные воззрения сложились иные — мир виделся не как сольная партия творца, а как симфония, бесконечно длящееся действо, огромная арена борьбы многих сил.

— Выходит, по-твоему, все эти деревенские байки выше тысячелетней церкви с её преданиями, с её изощренным богословием? — со скептической миной спросила Анна. — Это просто антинаучно.

— Отвечу тебе и на это. Хотя я не мог похвастаться отличными оценками по научному атеизму, все же прекрасно усвоил, что, во-первых, и церковь как общественный институт, и богословие христианства имеют очень слабое отношение к Евангелию и тем более к Ветхому завету. Догматика и философия этой религии разработаны греческими мыслителями — неоплатониками и великими поэтами. Они творили вопреки прямым запретам основоположника этого учения — например, мне запомнилось из Евангелия безусловное отрицание всяких молитв кроме одной — «Отче наш». Все, что сверх это-

го Христос объясняет дьявольским внушением. Евангелие пронизано духом унификации. Если бы церковь действительно следовала ему, не было бы ни искусства, ни поэзии. И потом главное: не вижу ничего высокого в том, чтобы поступать согласно учению Христа, ибо такая религиозная жизнь подобна торговому предприятию: выполнил известные заповеди — получай проценты в виде вечного блаженства. Многобожие куда богаче по религиозному переживанию. Человек в его системе — это герой, который выходит в мировую ночь и наблюдает схватку бесчисленных сил. Он волен выбрать, на чьей стороне выступить, ему ничего не обещано, не предуказано. Бытие трагично, ибо смерть неизбежна, но герой принимает вызов судеб.

— Красиво говоришь, — одобрил Торир. — Если ты воин и чего-то стоишь, тебя ждет Валхалла, светлый мир, где пируют и бьются в поединках павшие викинги. Если ты из тех, кто умрет на тюфяке, укрытый ворохом тряпья, то отправишься в царство холода и тьмы...

— Это уже результаты. О них можно спорить, — тактично сказал Ильин, поняв, что Торир завелся не на шутку.

Но викинг не принял его миролюбивого тона и горячо заговорил:

— Я не стану спорить, прекрасная дева, с твоими словами о совершенстве христианства. Твой отец хорошо ответил тебе. Скажу только: добрая вера не творит зла. Никого из чужеземцев мы не понуждали поклоняться нашим богам, мы знаем, что каждое племя имеет своих. Не таковы слуги Христа. К нам в Йомсбург приходили славяне, живущие рядом с саксами, несчастными саксами, которых мечом крестил франкский конунг Карл, прозванный Великим. Семь поколений сменилось, а помнят они и их соседи, что Карл захватил Эресбург, где находилась главная святыня саксов — столп с изваянием Арминия.

— Это тот, что победил римлян в Тевтобургском

лесу? — спросила Анна. — Я помню, мы учили: какой-то из императоров горевал по поводу этого величайшего поражения, носился по дворцу с криком: «Вар, отдай мои легионы!» Вар — это проигравший битву полководец...

Торир удивленно покачал головой и сказал:

— Кто это тебя так хорошо учил, дева? Даже наши жрецы об этом ничего не говорили... Я знаю только, что после того, как было уничтожено святилище в Эресбурге, а потом перебито пять тысяч пленных саксов, чтобы остальных заставить принять крещение, из разных земель собрались жрецы — от славян, от шведов, от германцев, от финнов... Постановили тогда: если вера Христа не терпит иных, и мы начнем рушить его святилища. Тогда-то и началась великая борьба против христиан — сага сложена о первом ударе викингов по монастырю святого Кутберта.

— Семьсот девяносто третий год?! — пораженно воскликнул Ильин.

— Не знаю, как по христианскому счету. Я слышал, это было двести двадцать два года назад...

— Совершенно точно... — Ильин даже дар речи потерял от осенившей его догадки.

Но не стал излагать своих соображений, опасаясь, что Торира может насторожить столь необъяснимое всезнание.

— То, что ты рассказываешь, Торир, — ужасно, — заговорила княжна. — И не думай, пожалуйста, что я собиралась защищать христианство — я вообще отрицаю все это... Мы говорили об относительной высоте одной веры в сравнении с другой...

— Меня зевота разбирает от ваших материй, — вмешался Овцын. — Сколько можно перелопачивать языком одно и то же? Поглядите, какая кругом красота.

Берега Ловати и впрямь поражали картинностью. Высокий лесистый то и дело обрывался в воду каменными уступами, а низменный луговой пестрел всевоз-

можными цветами. Слабый ветерок доносил душно-медвяный запах тысячелистника и иван-чая.

Бурлаки, тащившие бечеву, то и дело по грудь скрывались в траве. Торир восхищенно сказал:

— Бонды, владеющие этой землей, счастливые люди — у них, наверное, бесчисленные стада... Ничего нет лучше, чем иметь много скота.

— То, что тут хорошие травы, еще ничего не значит, — философски заметил Ильин. — Я видывал уголья и получше этих, но молока в тех местах нельзя было купить ни за какие деньги.

— Всякое бывает, — согласился викинг. — Один мой приятель был большой охотник стрелять диких оленей. Но ему пришлось бросить это дело после того, как в одной стычке на море ему обрубили обе руки.

После крутой луки открылся длинный плес, в дальнем конце которого шла ладья — весла ритмично поднимались и опускались, как крылья огромной птицы. Когда оба судна поравнялись, Ильин крикнул:

— Здравствуйте! Какие новости на Днепре?

— И вам здравствовать. Князь Владимир совсем плох, не встает. А молодого князя Бориса на печенегов в степь послал. Вы какие вести везете?

— Князь Ярослав дружину из-за моря привел, да сильно она новгородцам досадила. Великая промеж ними распря вышла.

До волока они повстречали немало судов — варяжские, болгарские, персидские, арабские, греческие. Иноземцев на этом водном пути было не меньше, чем хозеев-славян. Это обстоятельство весьма опечалило викинга.

— Я думал, забьюсь в глушь и отсижусь, пока не пройдет срок моего изгнания. Но теперь вижу, что если кто-то захочет заработать три серебряные марки, назначенные за мою голову, он без труда сможет добраться до меня. Реки Гардарика, как мне сдается, куда оживленнее, чем морской путь вокруг Европы...

Беседы с Ториrom убедили Ильина, что, несмотря на внешнюю нецивилизованность викингов, он был вовсе не таким варваром, какими привыкли представлять морских воителей в позднейшие эпохи. Повидав мир, узнав в дальних странствиях обычаи и предания других народов, норвежец приобрел известные навыки осмысления разнородных явлений духовной жизни и был способен весьма здраво и точно формулировать непростые понятия. Так, Виктора поразило его суждение о сути противоборства между языческим и христианским мирами: «Одрыхлевшие, изнеженные потомки Рима ждут страшного суда, но они не уразумели до сих пор, что творить его будет не Христос, а мы — мужи Севера». Орудиями Одина и Тора считал он отряды викингов, дружины славян, конницу венгров. Три эти силы, беспрерывно врывавшиеся в пределы государств, основанных на руинах Рима, действительно были главной угрозой христианской цивилизации, но то было мнение историков, способных мысленно охватить мир средневековья во всей его временной и географической протяженности.

В XX веке некоторые исследователи выдвинули тезис о существовании «балтийской цивилизации». Ильин разделял этот взгляд — включение славян, угро-финнов, балтов и германцев-скандинавов в одну сверхкультуру позволило решить ряд трудных вопросов духовного взаимовлияния. Но теперь ему казалось оправданным определить более широкую общность — Северный мир. Оговорка же Торира о том, что после разгрома саксонского святилища был созван своего рода мозговой центр языческого жречества северных племен, позволяла предполагать большее, чем культурную общность. Демократические сообщества Севера, возможно, представляли собой конфедерацию, способную проводить единую линию в политике и обороне. Передовой рубеж этого мира протянулся по великой диагонали от устья Рейна до устья Дуная. Именно здесь — с отступлениями в южную сторону — проходил «лимес» — граница Римской импе-

рии. Ее наследницы — державы Карла Великого и Византия — стремились продвинуться в пределы «варварского» мира — «Barbaricum» античных писателей. В VII—VIII веках одна за другой проводились жесточайшие акции по христианизации славян и германцев. Юстиниан II разрушил возникшее на Балканах языческое государство Склавинию, его наследники методично проводили массовые истребления славян «к вящей славе Господа». Сопоставляя сохранившиеся в его памяти исторические факты с услышанным от Добрыни и Топира, Ильин приходил к выводу, что ряд загадок прошлого, над которыми бились ученые его времени, имеют предельно простое объяснение.

Прежде всего «загадочный» по своей внезапности и ожесточенности натиск викингов, начало которому было положено нападением на монастырь святого Кутберта. Главной мишенью норманнов на начальном этапе их экспансии были именно церкви и монастыри на морских побережьях. То, что казалось непонятным историкам XIX—XX веков, хорошо знал рядовой воин даже в XI веке, когда Север подвергся христианизации... Логично было предположить, что почти одновременное развертывание военных действий по всей протяженности «лимеса» — на востоке силами славян, в центре — венгров, на западе — норманнов, — было результатом решений «мозгового центра» жрецов Севера.

Сама собой напрашивалась еще одна корректива к историческим представлениям Ильина: «Barbaricum», в давние времена расколотый вторжениями чуждых рас из глубин Азии утратил представление общности своих судеб вовсе не тысячи лет назад. Это произошло совсем недавно; еще в начале норманно-славянских нашествий в тайных мистериях волхвов продолжали оживать образы великой борьбы Севера и Юга, развернувшейся задолго до времен Христа, до основания Афин и Рима. И мистерии эти были понятны сердцам людей, живших от Атлантики до Инда...

Днепр под Смоленском неширок, но полноводен. Лежа в траве у самой кромки лугового берега, Ильин долго наблюдал, как над стремительным серо-зеленым потоком кружат речные чайки. Только когда затекла рука, подпиравшая подбородок, Виктор сообразил, что прошло немало времени с тех пор, как зачаровывающее мерное движение воды заставило его отвлечься от мыслей о сегодняшнем дне.

Минуты, а может быть, и часы витал он в бесконечно далекой теперь юности. Но ожившее в памяти казалось ярче и осязаемее окружавшей его действительности. Особенно иллюзорным этот мир представлялся в моменты возвращения из области грез или пробуждения от сна. Грань двух измерений, которую каждый раз пересекал Ильин, ощущалась всем его существом как физическая реальность.

Если бытие, существующее лишь в нашем сознании, представляется более выпуклым и значительным, чем доступное осязанию, то какая разница — имеем ли мы дело с фатумом или переживаем материально-чувственный миг? Много раз задавая себе этот вопрос, Ильин всегда отвечал на него в том смысле, что суть не в истинности событий, а в накале, интенсивности вызванных ими ощущений. В такие моменты он хорошо понимал авторов житийных сочинений, зачастую ставивших видения святых выше их земных подвигов, истолковывавших их как минуты прикосновения к высшей реальности. А когда думал о жизни поэтов, живописцев, то понимал: для них непосредственно воспринимаемый мир служил своего рода предбанником истинного бытия, в которое их переносило воображение.

Знакомый смех отвлек Ильина от размышлений. Возле ладьи, лежавшей на отмели в сотне шагов от Виктора, появилась княжна в длинной белой рубаше, расшитой понизу красным орнаментом. В следующую се-

кунду из-за корпуса судна вынырнул рыжебородый Торир. Схватив Анну за плечи, он повернул ее к себе и принялся жадно целовать.

Ильин инстинктивно напряжился, но тут же обмяк. Глупо, обидно, больно! Не бежать же к ним, не оттаскивать же друг от друга!.. Сам он виноват, что попал в дурацкое положение. Если бы викинг знал об их с Анной истинных отношениях, он, конечно, не стал бы ударять за «дочерью» Виктора.

Для Ильина сущей пыткой было наблюдать за развитием нового романа. Сначала он прямо-таки возненавидел Анну за предательство: после всех слов, сказанных наедине, после постоянного восхищения его талантами, безоглядно увлечься каким-то громилой!.. А Виктор еще считал ее представительницей идеалистического века, способной на огромное чувство, на самопожертвование. Нет, проклятая эмансипация сделала свое черное дело — уже во времена Писарева можно было менять свои привязанности с обидной легкостью, обидной для него, гражданина XX века, исподволь привыкшего к тому, что его считали чем-то вроде сверхчеловека.

На днях, улучив минуту, когда они остались вдвоем, Виктор решил обьсниться с Анной.

— Ты, помнится, говорила, что для тебя прогрессивность взглядов важнее всего...

— Я только теперь поняла, что в мужчине главное не принадлежность к какой-то общественной партии, даже не ум его...

— А что?

— Извини, — сказала Анна и оставила Ильина наедине с его вопросом.

Викинг и княжна, обнявшись, медленно шли по самой кромке берега в сторону Виктора, и ему не оставалось ничего иного, как подняться из травы. Увидев его, Анна быстро сняла со своего плеча руку Торира. И, наверное, для того, чтобы предотвратить неловкую паузу, сразу зататорила:

— Сейчас со Смядыни возчики вернулись, говорят, там толпа собралась несметная. Помнишь, утром видели ладью, что с низовьев шла — то купцы из Киева были. Они будто бы рассказали, что народ Святополка из темницы выпустил и на великокняжеский стол его призвал.

— А дружина поддержала, — добавил Торир.

Все последние дни, пока Ильин и его спутники поднимались вверх по Западной Двине и Каспле к волоку на Днепр, люди в попутных селениях толковали о киевских событиях. Весть о смерти Владимира Святославича ни для кого не была неожиданностью, ибо слухи о его болезни успели достичь самых глухих углов. Возбуждение в народе вызывалось неясностью из-за наследника Киевского стола.

Всем было известно, что Владимир больше других жаловал одного из младших своих сыновей Бориса. Еще в прошлом году он вызвал его из Ростова, где властвовал двадцатилетний князь, и одновременно бросил в темницу его старшего брата Святополка с молодой женой, дочерью польского князя Болеслава Храброго. Борису же поручил великий князь отправиться походом на печенегов, потревоживших в тысяча четырнадцатом году русские окраины. Поэтому в момент смерти отца наследник оказался далеко в степи.

Согласно рассказу киевских купцов после смерти великого князя верных Владимиру бояр охватила паника. Они несколько дней скрывали происшедшее, но слухи все же просочились в народ, и вскоре высыпавшие на улицу горожане ринулись в Вышгород на княжеское подворье. Выведенный из сырых подвалов Святополк был с ликованием встречен толпой. «Волим под великого князя Святополка!» — самозабвенно вопили тысячи глоток.

— А каково настроение здешних людей? — спросил Ильин. — Что говорят о Святополке?

— Радуются, — односложно ответил Торир.

— Один старик плакал от счастья и все время повторял: боги не оставили нас, боги помогут верным, — добавила Анна.

— Надо бы посмотреть, что там делается, — сказал Виктор, избегая встречаться взглядом с княжной. — Сдается мне, скоро мы станем свидетелями важных событий.

Смоленск находился верстах в двадцати вверх по Днепру от места стоянки Ильина и его спутников. Выйдя после волока на эту реку, они не собирались подниматься к городу, а расположились на отдых рядом с Гнездовом, небольшим поселением, на месте которого когда-то существовала одна из главных крепостей на пути из варяг в греки. По мере роста Смоленска она захирела; только огромный могильник, протянувшийся вдоль берега Днепра, не давал угаснуть прежнему сельбищу. Смоляне по старой памяти хоронили в священном сосновом бору почивших родственников, а обитателям Гнездова погребальный ритуал давал средства к существованию — одни изготавливали горшки для праха сожженных, другие рубили срубы, над которыми затем насыпались курганы.

Правда, в последние годы, жаловались гнездовцы, многие стали переходить к христианскому способу захоронения — без трупосожжения и возведения земляных памятников. Слишком бойким был перекресток торговых путей, где расположилось смоленское кладбище — помещному, жальник, — и всякий мимоезжий иерарх церкви почитал своим долгом посетить его, застрашать пирующих на курганах родичей покойных.

Если в недавнюю пору тризны справлялись широко, истово — жгли огромные костры, закалывали жертвенных животных, водили хороводы, задавали богатые пиры, ублажая предков, — то теперь поминки справляли куда скромнее. За два дня, проведенных на берегу Днепра рядом с жальником, Ильин не раз замечал группы людей, расположившихся на больших и малых

курганах по окраине сосновой роши. Поведение их заставляло вспомнить степенные обряды поминовения, виденные Виктором в конце XX века.

Решив разузнать смоленские новости, — а может, ему просто хотелось избавить себя от пытки ежеминутного созерцания милующихся Анны и Торира, — Ильин отправился по наезженной дороге, проходившей через курганный могильник.

Чем дальше от опушки, тем молчаливее, таинственнее становился бор. Поросшие черничником холмики бесконечной чередой уходили во все стороны. В них покоились останки людей, умерших столетия назад. Сюда уже никто не приходил править тризны; вряд ли теперь кому-нибудь были ведомы самые имена погребенных. Однако то на одном, то на другом кургане Ильин замечал красное яичко или исклеванную птицами краюху хлеба — проезжие и прохожие смоляне «здоровались» с предками.

Только медноствольные сосны, пронизавшие корнями толщу курганов, ведали, кто покоится в сердцевине насыпей. Посаженные сразу после захоронения, они росли, впитывая в собственную плоть прах погребенных.

«Мы мучаемся оттого, что не вечны. Но на самом деле плоть человека неуничтожима — она становится землей, травой, деревом... Это же наши предки стоят здесь сплошную стеной, слушают голоса птиц и шаги людей». Ильин даже остановился, пораженный простотой, даже элементарностью этой мысли. «Да, протяни руку, и ты коснешься живой плоти, в которой заключена земная, осязаемая сущность кого-то из твоих пращуров, бессмертная сущность!»

Миновав могильник, Виктор долго еще размышлял о том, что древний человек постигал истину интуитивно, в то время как его потомкам для прорыва к ней приходилось воздвигать лестницу из умозрительных построений. «Да дарует бог философу понять то, что лежит у всех перед глазами». Кто же это сказал, кажется,

австрийский мыслитель Витгенштейн... Формула капитуляции рационализма... В самом деле, какая разница, каким образом я и мой далекий предок приходили к одним и тем же выводам — он нюхом, вслепую, а я — при свете неоновой лампы. Приобретя нечто в способности осмысления, человек столько же терял в силе интуиции, но сумма понимания всегда оставалась неизменной. В сущности, прогресс означает лишь накопление информации, но к постижению истины мы не приблизились ни на шаг со времен Сократа или — раньше! — с тех пор, как кроманьонец намалевал охрой силуэты быков и людей на стене пещеры. Мы просто научились дробить истину, толочь ее в пыль — и все затем только, чтобы из нейтрино, электронов, атомов, молекул снова лепить целое. Пошли по параболе, думая, что она выведет в иной мир, а оказалось, что кривая замкнулась, мы вернулись к исходной точке, опустошенные, неспособные крупно чувствовать и мыслить, обреченные на бесконечное самокопание»...

Смядынь, извилистая речка, впадавшая в Днепр к западу от Смоленска, образовывала в своем устье тихую заводь. Здесь была оборудована пристань, на которой перегружались товары с судов, пришедших по пути из варяг в греки. Все новости первыми узнавали крючники, таскавшие мешки и бочки. Они были и главными толкователями политических событий для массы простонародья. Ильин и в первое свое посещение обратил внимание на кучки бородатых грузчиков, окруженных почтительно внимающим людом.

И на этот раз несколько плечистых молодцов, одетых в латаные посконные рубахи, с бесформенными сыромятными поршнями на ногах, оживленно обсуждали последние новости, а заглядывавшие им в рот поселяне ловили обрывки умных разговоров, молча отталкивая друг друга, чтобы пробиться поближе к аналитикам. А те важно расчесывали бороды костяными гребнями и говорили о знамениях, случившихся в недавние времена.

— Когда у Трегуба Узла овца двуголового ягненка принесла, я вам что говорил? — торжествующе подбоченясь, сказал чернявый мужик с низким лбом и мощными надбровными дугами.

— Хэх, да я еще зимой толковал, что быть побоищу за стол Киевский, — возмущенно вскинулся востроносый молодой грузчик с редкой рыжей бородой. — Помнишь, филин на церковь каждый вечер прилетал, я и скумекал...

Чернявый наморщил лоб так, что грубые волосы, разделенные на прямой пробор, сомкнулись с кустистыми бровями, и пренебрежительно отозвался.

— Эка премудрости! Догадался он, когда об том все бабы судачат. Я-то ведь вам про то говорил, что Ярослав со Святополком власть поделят.

— А это мы еще посмотрим, — с хитрым прищуром сказал третий: — богатырь в мешковатом рубище. — Борис тоже не лыком шит.

— Да и Глеб голова, — заметил долговязый мужик в островерхом колпаке, похожий на бурлака с репинской картины.

В сознании Ильина немедленно отозвалось: «Бриан — это голова». Вот, оказывается, какая богатая родословная у пижонских жилетов! Под стать царствующим особам генеалогия — девять веков. Если б те хилые старикашки из Черноморска увидели этих плечистых молодцов, вряд ли признали бы в них своих предков.

— Святополк всех одолеет, — убежденно заявил чернявый и с особой, прямо-таки государственной значительностью наморщил чело.

— Ах ты, какой скорый, — язвительно сказал востроносый. — Борис на печенег с войском ушел. Ужо придет под Киев, посмотрим, кто одолеет. Чья сила, того и власть.

По всему было видно, что эти двое — постоянные антагонисты, любое утверждение чернявого вызывало

немедленное возражение востроногого. Остальные прашуры пикейных жилетов группировались вокруг них примерно равными командами.

Послушав прения грузчиков, Ильин узнал много нового. Оказалось, что только за последние сутки вверх и вниз по Днепру проследовали несколько ладей с дружинниками. Одни спешили в Смоленск, другие поднимались к волоку на Волгу, чтобы попасть в Суздаль, третьи перевозакивались на Касплю, по которой проходил путь на Полоцк и Новгород.

— Того и гляди, сами князья скоро здесь объявятся, — рассуждал чернявый. — Все теперь к Киеву потянутся.

— Как бы не с войском пришли, — озабоченно отозвался репинский бурлак. — Знать, не всем по нутру Святополково княжение.

Ильин с невольным уважением взглянул на спорщиков. Не-ет, напрасно он их пикейным жилетам уподобил. Они не из праздного интереса судачат, любая сумятица на Руси по их жизни тяжелым катком прокатится. Оттого и горячатся, наскакивают друг на друга. Да по правде сказать, и в проницательности им не откажешь.

Даже для него — несмотря на его хорошее знакомство с историей этого периода — было немало непонятного в побудительных мотивах тех или иных поступков князей. А эти люди, стоявшие на самом низу социальной лестницы, вполне точно представляли себе внутренний мир тех, кто должен был видаться им едва ли не полубогами.

— Борис с Дикого Поля вернется, сила у него великая... — размышлял востроносый. — Как бы не слететь Святополку...

— Я вот что, братцы, смекаю, — прервал его богатырь в рубище. — Пока Борис с печенегом бьется, Ярослав может с дружиной заявиться — он ведь наверняка прознал, что Святополк в Киеве без войска сидит.

— Тут правда твоя, — вздохнул чернявый. — Коли он поспешит, так и отцовский стол из-под брата вышибет. Рать-то у него немалая, говорят. Собирался он с Владимиром биться, на тот случай и варяг к себе звал.

Ильин решил сходить в город, потолкаться на рыночной площади. Авось и там узнает что-нибудь интересное, а между делом и закупит кое-какую снедь да свезет ее на наемной подводе к ладье.

«Надо уносить отсюда ноги поскорее», — думал он, шагая по торной дороге к возносившимся над дубравой холмам, увенчанным частоколом. Смоленск, стоявший на скрещении важнейших водных путей — с Западной Двины, с Ловати, с Волги, с Оки — неизбежно должен был оказаться на дороге у любого из князей, сидевших в отдаленных городах, и теперь, во время смуты, могущих попытаться силой взять Киевский стол.

В житии Бориса и Глеба, помнилось Ильину, говорилось, что муромский правитель Глеб был умерщвлен здесь, на Смядыни наемными убийцами, подосланными Святополком. К сожалению, Ивашка не сказал ему, когда именно совершилось злодеяние, а дату его вполне можно было выяснить, если бы Ильин догадался спросить о днях памяти Глеба по церковному календарю.

Уносить ноги из Смоленска надо, это вне всякого сомнения. Но куда плыть? Киев сейчас не самое спокойное место, да и на берегах Днепра небезопасно. Лучше всего отсидеться где-нибудь ниже стольного города, пока не определится расстановка сил, пока по торной водной дороге Руси туда-сюда снуют воинские ватаги. И, по мере возможности, продолжать поиски пришельцев...

Относительно гостей из будущего энтузиазм Виктора сильно выдохся, не говоря уже об Овцыне, который с самого начала смотрел на затею с розыском «земляков» с изрядным скепсисом. Анна, похоже, совсем забыла, что собиралась возвращаться к своему обожае-

мому папá. Но едва мысли Ильина обратились к неотвязно преследовавшей его в последнее время теме — взаимоотношениям с княжной, — как он позабыл о своих выкладках.

С того самого дня, когда их тяготение друг к другу стало очевидным для Виктора, он постоянно обдумывал, оценивал свои чувства. Ему ясно виделась разница между полной самоотдачей Анны и своей рассудочной... нет, любовью назвать это было нельзя... своим постоянным оглядыванием: как выгляжу со стороны, что происходит во мне — нечто истинное или мимолетное увлечение? Различие виделось ему знаменательным — дитя девятнадцатого века мыслило и чувствовало ярче, крупнее. Он же дробил, мельчил все дотошным анализом — понимал это и ничего не мог с собой поделать.

Но иногда Виктор говорил себе, что дело вовсе не в принадлежности их к разным эпохам. В восемнадцать лет он, наверное, воспринимал бытие так же, как Анна, и вовсе не двадцатый век повинен в его рационалистическом самокопании, а возраст, когда человек начинает не просто воспринимать, но прежде всего осмысливать действительность.

Он и раньше раздумывал над тем, почему происходит так, что в юности живешь как бы вне реальности — любые прожекты кажутся осуществимыми, и дружбу водишь с такими же идеалистами, как ты сам. Но стоит тебе опериться, встать на ноги, приходит черед полезных знакомств, кои теснят по сути дела необязательные, лишь сердечно обусловленные связи. Поначалу объяснение казалось простым: меняется время, а с ним и все поколение. В шестидесятые годы, особенно в первой половине их, в жизни общества было больше места мечтаниям, слово «будущее» стало одним из расхожих. И молодежь соответствовала эпохе — рвались в физику, собирались что-то открывать, истово служили культу нового. Семидесятые годы оказались куда прагматичнее. Идеальный дух мало-помалу выветривался, в первые

ряды, энергично работая локтями, пробивался потребитель, гешефтмахер. Очень быстро его господство утвердилось сверху донизу — он начал обвешиваться знаками престижа, купался в комфорте. Никому почти не было дела до новизны, само понятие будущего потихоньку уступило место «славным традициям». Все чаще зывали к «отцам и дедам». Постепенно это словосочетание приобрело значение некоего пароля. Физики полиняли на фоне преуспевающих делая. Да и поэты утеряли звонкость голосов. Реликтовые энтузиасты ютились на обочине жизни — они превратились в подобие секты со своим жестким ритуалом: водка, пение сакральных в своей неизменности текстов Окуджавы и Галича, разговоры о байдарочных или плотовых походах, просмотр слайдов...

Видно, что-то в нем самом изменилось, и это что-то оказалось чуждо Анне, ее восторженность слишком часто разбивалась о его скептическое всезнание. Может быть, Тори́р, дитя природы, психологически ближе ей, хотя он варвар в культурном смысле.

Постоянно возвращаясь мыслями к одному и тому же предмету, Ильин тем не менее подсознательно надеялся, что все как-то образуется помимо их воли, вернется на круги своя. Иначе он просто не представлял себе, как можно жить дальше...

До слуха Виктора донеслось монотонное пение. Повернувшись на голос, он заметил под стеной городища группу калик перехожих в пропыленных сермягах, в измочаленных лаптях. Один из слепцов, седобородый старец в суконном колпаке, выводил речитативом какое-то былинное сказание, другие сосредоточенно внимали ему.

*...Брал коня Добрыня богатырского,
Да седлал Добрынюшка добра коня...*

У Ильина дыхание перехватило от волнения. Текст былины был почти идентичен тому, что по неосторож-

ности «рассекретил» он сам минувшей осенью в дальнем углу Новгородчины. Неужели история о змееборце распространилась с такой скоростью? Выражение лица сказителя и его слушателей явственно свидетельствовало о том, что для них это новое произведение, что старец старается передать его в точности, не заботясь о красоте исполнения.

Когда слепец умолк, Виктор решился подойти к группе странников. Поздоровавшись, он спросил откуда держат путь калики.

— Из разных мест бредем, — ответил один из них. — Вот сбились в кучу, ждем, пока мальцы наши — поводыри — о ночлеге договорятся.

— Я услышал, что ты про Добрыню пел, — сказал Ильин, обращаясь к старцу в колпаке. — Не приводилось прежде...

— Так и нам то в новость, мил-человек, — отозвался молодой калика, подняв на Виктора незрячие глаза. — Слушаем и дивуемся, знатная старинушка. Беспременно сами петь станем.

— Откуда путь держишь, дедушка? — продолжал Ильин, стоя перед седобородым.

Тот с достоинством ответил:

— Из славного Новгорода Великого.

— Давно ли ты, почтеннейший, это сказание знаешь?

— Зимой на торгу от другого калики слышал.

— А раньше не приходилось про Добрыню петь?

— Нет, богоданный, не было таких старин, хоть и исходил я почесь всю окрестность новгородскую, до самой Перми добирался...

Остальные слепцы подтвердили: подобной былины прежде не бывало на Руси.

Ильин с новой силой пережил то чувство, что охватило его после сделанного открытия: он ненароком запустил торпеду времени. Совершенно преступление, но знает об этом только сам преступник. Люди живут,

не подозревая, что на их будущее уже обрушилась лавина, которая, может быть, погребет еще не родившихся, которая способна изменить самый лик земли.

Теперь Виктора охватила настоящая паника: что если он, все время рассуждая с позицией всезнайки, ведающего о грядущих усобицах и потрясениях, на самом деле не способен ничего предсказать, так как вызванный им обвал информации уже повлиял на сознание людей, определил их поступки, а значит, привел к искривлению хода истории? Быть может, никакого заговора против Бориса и Глеба теперь не возникнет, а Святополк разобьет Ярослава? В общем, все пойдет наперекос: родится новая династия, заключит совсем иные союзы с соседними странами, придет иная религия, иная культура...

Позабыв о своем намерении сделать закупки, он помчался вон из Смоленска, словно воображаемые события уже произошли и надо было уносить ноги из пекла. Только углубившись в священную рощу, он немного успокоился. Безмолвные ряды курганов как бы свидетельствовали о неизменности, нерушимости бытия, над которым не властны воля и слово человека.

И все же безотчетный страх перед будущим не покидал Ильина все время, пока ладья стояла у Гнездова. Лишь на следующий день, когда отвалили от берега и подняли парус, он смог отвлечься от тягостных мыслей о своей вине перед историей. Мерный плеск воды за кормой действовал убаюкивающе.

ГЛАВА IV

КТО УБИЛ
БОРИСА И ГЛЕБА?

Овцын лежал на дне ладьи, глядя в небо, и пел об амуре легкокрылом, который ранил его отравленной стрелой и поселил в крови нестерпимый жар.

— Вася, сколько ты этих песен знаешь? — лениво проговорил Ильин. — Я, наверное, больше сотни переслушал, а ты все новые откуда-то добываешь, словно из бездонного сосуда какого-то.

— А почему ты никогда не поешь? — вопросом на вопрос ответил Овцын. — Вот Анна нам тоже немало романсов пела, да и простонародные премило мурлычет. Даже Ивашка, и тот сколько песен знал...

Ильин бросил быстрый взгляд на Анну, полулежавшую на носу ладьи на охапке свежего сена, на Торира, который, сидя спиной к мачте, плел вершу из ивовых прутьев. Сам Виктор пристроился на кормовой лавке у рулевого весла.

— Я, Вася, в такое время родился... Как тебе сказать поточнее, в эпоху однодневок.

— Что ж, у вас поэты прекрасных стихов не писали? — недоверчиво спросила княжна. — Никогда не поверю.

Торир тоже подал голос:

— Не знаю, из каких мест ты, Удача, может, и впрямь у вас с этим туго. А вот у нас в Норвегии в каждой местности дюжина скальдов найдется. В народе так считают: ежели ты в стихе неловок, значит, не настоящий воин.

— Да, я слышал про это, — кивнул Ильин. — У вас приравнивают искусство стихосложения к телесной ловкости...

— Любая старуха, любой мальчишка могут сказать хорошую вису.

— Это что такое? — поинтересовался Овцын.

— Короткий стих, посвященный какому-нибудь приметному событию или забавному случаю.

— У нас это не заведено, — со вздохом сказал Ильин.

Они давно уже привыкли говорить в присутствии Торира так, что их родные времена представлялись как некие географические реальности. Даже Анна, судя по всему, не проговорила пока о тайне их появления в этом веке.

— Слушай, ты же не рассказал о том, какие песни у вас поют, — напомнил Овцын. — Однодневки какие-то. А что сие значит?

— Понимаешь, у нас впервые, может быть, в истории русской поэзии возникло положение, когда не музыка на стихи поэта создается, а наоборот...

— Не понимаю, — Овцын приподнялся на локте. — Как это можно стихи на музыку сочинять?

— Сейчас объясню. У меня есть знакомый стихотворец — он как раз и промышляет тем, что пишет слова для песен. Делается это так: знакомый композитор, то есть сочинитель музыки, наигрывает ему свою новую мелодию, а горе-поэт подгоняет под нее подходящий стишок. Для начала пишется так называемая «рыба» — бессмысленный набор слов, подходящий к музыке по размеру и ритму, к тому же зарифмованный. Когда «рыба» готова, текстовик — так называют себя эти творцы — начинает придумывать какую-то ударную строчку, точно совпадающую по своему звуковому рисунку с «рыбой», а затем подгоняет таким же образом остальное.

— Ничего не могу уразуметь. — Василий даже го-

ловой встряхнул от досады. — Какие такие ударные строчки?

— Ну вот например: «Папа подарил, папа подарил, папа подарил мне куклу». Здесь все дело в том, чтобы пропеть эту строку так: «Па-па-па-да-рил, па-па-па-да-рил...» Или: «Пора-пора-порадуемся на своем веку...» Или: «Миллион, миллион, миллион алых роз». Улавливаешь?

— Чушь какая-то! — убежденно сказал Овцын.

Княжна передернула плечами и с брезгливостью заговорила:

— Да как вы могли докатиться до такой гадости? Ваши души топчут грязные дельцы, а вы подпеваете: «миллион, миллион...» Знал бы Чернышевский!.. Даже Пушкин, этот певец дамских ножек, и тот лучше ваших проходимцев...

— Я, наверное, переборщил, — Ильин поспешил оправдаться от имени своей эпохи. — У нас немало талантливых, честных людей. Но, как правило, путь их тернист, орденов они не хватают, премий не получают. Мы привыкли утешаться тем, что лауреаты один за другим отправляются в небытие, а неудачники продолжают светить десятилетиями...

Виктор вдруг резко оборвал себя. Что это он перед нею распинается? Не с золотых ли снов ее любимой Веры Павловны все началось: мечтали об общежитиях, о единообразии... Он не хотел признаться себе, что раздражение его вызвано вовсе не этим.

— А вообще знаешь, Анюта, мне надоели твои благоглупости. Помнишь, я обещал тебя Верой Павловной звать? Учти, что для меня она отнюдь не положительный персонаж. Это младшая сестра Манилова, живи она чуть раньше, обязательно вместе с ним грезам предалась бы, как башню до небес выстроить...

Во взгляде княжны он прочел нескрываемую издевку и понял: она прекрасно уразумела причину его вспышки. Анна даже не удостоила его ответа.

Именно с этого столкновения началось явное отчуждение их друг от друга. И с каждым разом напряженность между ними нарастала. Ильин даже начал избегать прямых обращений к Анне, но тем больше подтекста вкладывал в свои слова, когда она могла слышать его.

Вначале, когда они испытывали взаимное дружеское расположение, а потом и неодолимое влечение, споры их не носили характера непримиримости. Виктор бессознательно шел на разрушение иллюзий Анны, чтобы, во-первых, убедить ее в том, что Истина, ее постижение возможно только через посредство ее единственного обладателя — самого Ильина, а во-вторых, чтобы заземлить ее представление о грядущем — иначе сближение оказывалось просто невозможным, пока люди будущего виделись ей бесплотными херувимами. Все это теперь стало ясно Ильину после долгих часов придиричвого анализа того, что было между ними.

Виктор вновь и вновь возвращался к давним разговорам, и сейчас ему казалось: он слишком козырял «негативом», слишком нажимал на отрицательные черты своего времени. Открытие это было сродни чувству оскорбленного патриотизма.

В самом деле, он, гражданин века, далеко ушедшего в просвещении и прогрессе, хотел казаться каким-то сорви-головой, чуть ли не феодального пошиба...

Теперь, стоило Ториру отлучиться, он возвращался к одной и той же теме, адресуясь как будто бы к Овцыну, но краем глаза следя за реакцией Анны:

— Наше время было не так уж плохо... Я бы даже больше сказал: всем дурным, что в нем было, оно обязано прошлым векам, в том числе вашим, восемнадцатому и девятнадцатому.

— Помнится, ты говорил, что в вашем столетии были правители, которые пролили больше крови, чем все

цари, короли и фараоны вместе взятые, — Овцын явно не понял, куда клонит Виктор.

— Когда я уходил в воронку времени, их уже не было...

— А как же тот деятель, что от шеи до колен орденami обвешивался? — язвительно спросила Анна. — Ты, помнится, весьма обстоятельно рассказывал, как он избавился от всех порядочных людей и окружил себя лизоблюдами. Ничем не хуже какого-нибудь средневекового азиатского хана...

— Его тоже не было. Я исчез из своего века, когда в людях пробудилась надежда на лучшее... И вообще, у нас всерьез обсуждалась идея полета на Венеру...

Сделав этот неожиданный вольт, он умолк, вдруг разом осознав, что происходит. Его отчаянная борьба за светлый лик эпохи и неожиданный скепсис по отношению к ней со стороны Анны означали одно: Ильин хочет снова вознестись в сонм праведников, населяющих светлое будущее, а княжна изо всех сил не допускает его туда, старается утвердиться на том земном, греховном образе, который сам Виктор создавал у нее, подсознательно стремясь к сближению.

Теперь-то он понял свою ошибку! Нельзя разрушать у женщины представление о твоём превосходстве над всеми, иначе рано или поздно придется расплачиваться за собственную равновеликость любому другому мужчине. Тебе самой судьбой дано было быть полубогом, а ты не вынес этого, кротом быть легче, чем орлом... На тебя работало время, в которое ты жил, а даже теперь обаяние его для Анны столь огромно, что она старается действовать твоим оружием — снижая феерический образ, — иначе отсвет его вновь ляжет на тебя и ты уподобишься небожителю...

С этого дня он стал сознательно возвеличивать свою эпоху, она и в самом деле была единственным его козырем в борьбе за Анну.

Пергамент, на котором была нанесена карта чудесных явлений, изрядно потерся на сгибах — Ильин все не мог приноровиться скручивать его в трубку и по старой привычке читателя газет сворачивал его втрое и вчетверо. Зато и топорщилась телячья кожа не в пример бумаге.

Придерживая ладонями края карты, Виктор с безнадёжностью смотрел на рыбы хвосты, густо расположенные по берегам Днепра. Сколько уже этих русалок оказались на поверку или корягами с налипшими на них космами водорослей, или топляками, застрявшими на отмелях. Бывали, конечно, и приятные исключения — когда приходилось подстеречь ночных купальщиц. Впрочем, будучи людьми цивилизованными, Овцын и Ильин не гонялись по лугу за голыми девками, предоставляя эту почетную миссию своим проводникам из ближайшей деревни.

Минувшей ночью ловцов нечистой силы подстерегало еще одно разочарование, после которого Ильин решил вообще не реагировать на слухи о русалках. Ибо пережитый охотничий азарт настолько опустошил его душу, что ему казалась непереносимой сама мысль о повторении подобного приключения...

Первым русалку увидел Овцын. Едва из тучи показался ущербный диск луны и росный луг полыхнул голубоватым сиянием, Василий ткнул Виктора под бок и указал на темную полосу, протянувшуюся от Днепра. Что-то блеснуло в том месте, где кончался след.

— Ползет, — шепнул Овцын. — Хвост видишь?

Ильин судорожно сглотнул обильную слюну. Он готов был поклясться, что в десятке метров от него движется нечто с огромным, истинно русалочьим хвостом.

— Берем? — одними губами спросил Василий.

Виктор кивнул и, выскочив из-за куста, метнул свернутую в рулон сеть туда, где играли лунные блики.

Мгновение спустя они бились в траве, стараясь

удержать мощное тело, запутавшееся в силках. Удар хвоста пришелся Ильину прямо по щеке, отчего она сразу же вспухла и запылала.

— У с-сволочь! С-сом! — с отвращением стирая с лица рыбью слизь, прохрипел Виктор.

Его начала бить дрожь. Овцын с минуту молча смотрел то на судорожно дергающуюся рыбину, то на пострадавшую щеку Ильина, потом принялся безудержно хохотать.

— Д-дурак! С т-твоими нервами т-только в морге служить.

— Ну что ты трясешься? Радоваться надо, завтра знатную ушицу сварим, — бодро сказал Василий.

Водя пальцем по карте, Виктор вспоминал кладбища, где они прятались, поджидая упырей, засаду в коноплянике, когда следили за избой молодой вдовы, к которой будто бы повадился огненный змей. Невольно улыбнулся, воскресив в памяти картинку: по озаренной восходящим солнцем деревенской улице во все лопатки мчится Овцын, а за ним, то и дело хватая его за порты, несется свора собак — Василий решил, что выследил оборотня, и сунулся за каким-то шелудивым псом в заросли бурьяна, где дворняги остервенело рвали выкопанного ими из земли околевшего жеребца.

Бывали и похуже случаи, когда друзьям приходилось уносить ноги не от обозленных шавок, а от разъяренных женщин и девок.

Раз их обнаружили старухи, собравшиеся за деревенской околицей сжигать белого петуха, что, по мнению местных жителей, способствовало плодородию нивы. Обряд надлежало совершать в глубокой тайне от мужского населения, от молодежи, от замужних баб. Это табу и натолкнуло Ильина на мысль, что во время отправления языческого богослужения кто-то из его участников может демонстрировать сверхъестественные

способности. Мужик, сообщивший ему под большим секретом о готовящемся действе, заклинал его не ходить за околицу в святую ночь, ибо ведуньи таким охальникам жестоко мстят.

Виктор понял, что совершил ошибку, когда обнаженные старухи гурьбой двинулись по лугу, размахивая длинными ножами и выкрикивая обращенные к Мокоси просьбы подать лен-ленок долог, как бабий волос, репу сладку и гладку, не менее афористично живописались горох, капуста, конопель и прочая огородин.

— Я бы предпочел девок, — шепнул Овцын, лежа в высокой траве. — Помнишь, на Ловати деревню опаживали от мора — в сохи впряглись голышом. По крайней мере, было на что посмотреть. А тут — тьфу!..

— Я бы предпочел, чтобы они шли в другую сторону, — с едва скрытой тревогой пробормотал Ильин.

— В самом деле... Этого еще не хватало, — заметно струхнул Овцын. — С такими косарями они нас с тобой, как того петуха — ширк, и нету... Чую, Витя, пора подыматься...

После той погони у Ильина рубаха к спине прилипла, а руки тряслись несколько часов — приняв их за нежить, голые старухи с диким визгом кинулись вслед, не боясь ни хлещущих веток, ни кочек, ни оврагов.

Наутро, когда доплелись до ладьи, Виктор сказал:

— Хороши мы были. Вот бы со стороны посмотреть на эти гонки: достойно кисти Айвазовского.

— Кто такой? — в изнеможении спросил Овцын.

— Был один... буйство стихий изображал... во времена Анны жил.

Палец Ильина замер на значке, изображавшем восьмиконечный крест — так обозначались места, где, по слухам, действовали подвижники новой религии.

Виктору и его спутникам дважды пришлось убедиться в преувеличенности подобных известий. Все чудеса

лесных старцев заключались в том, что один просидел на «столпе», то бишь высокой ели, три месяца, а другой вырыл ногтями пещеру в глинистом скате оврага и поселился в ней. Во всех прочих отношениях это были совершенно неинтересные персонажи — косноязычные, невежественные.

Но подвиги того отшельника, который был обозначен крестом в среднем течении Днепра, превосходили всякое воображение: он будто бы в одиночку валил за один день столько деревьев, сколько нужно было для постройки большой церкви. Причем делал это без помощи топора, одной лишь силой молитвы.

Ильин и Овцын даже не поленились сходить на вырубку, где орудовал пустынный. Их поразило то обстоятельство, что на пнях совершенно не было следов топора, гладкие срезы казались отшлифованными.

— Будто лазером, — растерянно сказал Ильин, увидев работу чудотворца.

— Он ведь как говорит, черноризец-то этот, — объяснил провожатый. — Церквей-де божиих не по всем городам еще настроено, вот вы и коснеете в идолопоклонстве. А я вам во славу Иисуса в один присест леса навалю, вы только не поленитесь срубить... Вот так по всей нашей округе прошел.

— Как же это он умудряется?.. — озадаченно спросил Овцын.

— Не велит глядеть, мол, не ровен час зашибет вас андел божий, который мне на помощь приходит. Мы уж и запужались, народ-то здесь робкий — то князь, по зиме в полюдые едучи, в страх вгоняет, то епископ налетит: где капище порушит, где богов пожжет, где жальник окропит да крестом зачарует, чтоб мертвяк не баловал.

— А бывает такое? — больше по привычке, чем для дела спросил Овцын.

— Как же ему не побаловать. Скучно в могиле-то веки веченские лежать...

— Да какое нам дело до покойников, Витя, — почему-то вспылil Овцын. — Нам надо отшельника искать. Не знаешь, отец, где он сейчас?

Так, двигаясь от одного приднепровского селения к другому, они мало-помалу нагоняли чудодея: в последней из деревень им сказали, что монах был у них накануне, а нынче, идя берегом, должен добраться до Рогнедина Волока.

Теперь Ильин изучал карту в виду этого сельца, показавшегося из-за поворота реки.

— А сом вкусный был, — заметил Овцын, явно стараясь воодушевить Виктора на предстоящий поиск.

— Хочешь сказать, у нас есть сегодня возможность пополнить свои продовольственные запасы?

Василий рассмеялся. Ему тоже изрядно надоели эти почные засады, из-за которых они оба неоднократно попадали в дурацкое положение. Но — и Виктор оценил его деликатность — ни разу не намекнул на сумасбродность самой идеи поиска пленников времени. Ильин почувствовал потребность оправдаться.

— Вася, я сам понимаю: шансы на то, что моя гипотеза окажется верна, ничтожно малы. Но у нас нет пока ничего более стоящего...

— Не уговаривай. Я по-прежнему хочу домой, — и, стрельнув глазами в княжну, Василий добавил: — А вот Аня...

— Папá может и не дожидаться, — мстительно сказал Ильин.

— Не прикасайся, пожалуйста, к моему отцу, — вспыхнула Анна. — Это светлый, чистый человек. Я не стою его... Я обожаю его...

— Да ради бога, — пожал плечами Ильин. — Просто я думал...

В этот момент проснулся Торир.

— О чем вы тут заговорили? Ты так кричала. Разве можно так с отцом?..

Анна закрыла лицо руками и повалилась на сено.

Раздвинув густые заросли, Ильин и Овцын увидели в полусотне метров от себя коренастого человека в черном подряснике. Он стоял среди поваленных сосновых стволов спиной к конспираторам, вытянув перед собой руку с плотно сжатыми пальцами. Длинные волнистые волосы ниспадали из-под клобука на плечи, по перепутавшимся прядям то и дело пробегали искры.

— Пришелец! — Василий не вытерпел и радостно сжал запястье Виктора.

У Ильина сердце готово было выскочить из груди, но он нашел в себе силы удержаться от выражений восторга и приложил палец к губам.

Они заранее договорились, что отшельника надо, как говорится, брать с поличным. Иначе мигрант — если, конечно, монах окажется таковым — обязательно отговорится. Ход их рассуждений привел к выводу: вряд ли можно ожидать откровенности от человека, привыкшего маскировать свои сверхъестественные способности. К тому же трудно было рассчитывать на то, что он появился здесь из какой-то просвещенной эпохи. Может быть, он вообще не понял механизма своего перемещения в прошлое. Или будущее?

Шевелюра черноризца заискрилась сильнее, пряди волос поднялись в разные стороны, словно протуберанцы. Мгновение спустя с вытянутой ладони сорвался мощный разряд, ударивший в основание мачтовой сосны. Крона вздрогнула, помедлила чуть-чуть и, все увеличивая скорость, понеслась навстречу земле.

За треском ломающихся веток чудотворец не услышал, как из зарослей вылетели Овцын и Ильин. Он обернулся, когда они были в нескольких шагах от него.

— Иван?! — разом выпалили охотники за привидениями.

Да, перед ними стоял их товарищ по путешествию

во времени собственной персоной. На лице его было написано такое же безмерное удивление.

— Вы... откуда свалились?..

— Ивашка... — снова повторил Ильин, словно вспоминая вкус давно забытого имени.

— Не Ивашка, а инок Антоний, — поправил старообрядец.

— Да-да, конечно... Вот, дьявол, мы ведь... Ну, ладно, ладно, не набычивайся, не буду больше нечистого поминать... Мы в самом деле рады до чертиков... тьфу! никуда не уйдешь от этой нежити..

Овцын подошел вплотную к новоявленному пустынику и обнял его.

— Ну вот, не зря говорят: тесен мир. Как ты тут без нас?..

Через четверть часа они сидели возле ладьи, вытасченной на песок, и оживленно беседовали. Антоний-Иван, предупрежденный о том, что Торир ничего не знает об их происхождении, сразу уловил, каких тем следует избегать.

— Зачем же ты чудеса творишь? — строго спросила Анна. — Прямо земля гудит от молвы. Нехорошо.

— Богу работаю, — отведя глаза, ответил монах. — Он мне способность эту дал, перед ним и ответ держать буду...

— А колдовать умеешь? — заинтересовался Торир. — Порчу насылать или злых духов изгонять из человека?

— По молитвам моим дает господь, — сказал Иван. — Только портить людей не в моем обычае...

— Эх! — искренне вздохнул Торир. — А я хотел попросить тебя кое о чем... Может, поможешь?..

— Отойди и не смущай. Мое послушание в том, чтобы храмы божии созидать.

Торир изобразил на лице великую скуку и перестал вклиниваться в разговор. А вскоре и вообще отошел к ладье, чтобы достать из нее верши. Махнув друзьям рукой, отправился через прибрежное мелколесье на ста-

рицу, где, по словам селян, водились крупные песчари.
— Обидел человека. Эх ты, фанатик, — Анна быстро поднялась с песка и скрылась в зарослях.

— Не обращай внимания, Антоша, — сказал Ильин, даже не посмотрев вслед княжне.

— Они чего?.. — спросил старообрядец, многозначительно кивнув в ту сторону, куда ушли викинг и Анна.

— Это уже детали, — поспешно ответил Ильин и перевел разговор на другую тему: — Ты расскажи лучше, как в обстановку здешнюю вписался.

— Вписался! Отвык уж я от ваших словечек за эти месяцы. Плохо вписываюсь — потому и ярюсь на язычников... У них ведь, окаянных, что в заводе: заметят священнослужителя — через плечо плевать начнут. Даже примета по-ихнему: встретил монаха — к беде. А ведь они и видывали-то его, может, раз в жизни, когда из греков кто-нибудь проезжал... Не иначе, от волхвов эти гнилые словеса идут...

— А что, есть они по здешним местам? — спросил Овцын.

— И-и! Как подальше от больших дорог, так ни одного с крестом на шее не найдешь. А ведьмаки эти в каждой деревне.

— Интересно, — задумчиво проговорил Ильин. — Добр... Святovid, я хотел сказать, утверждал, что он последний хранитель языческой старины.

— Ну петли вязать — это они мастера. Правды у них, что у змеи ног не найдешь.

— Тебя что, били? — соболезнующим тоном спросил Овцын.

— Пытались... Посейчас, наверно, в ушах у них звенит.

Когда вернулись Торир и Анна, Антоний-Иван рисовал на песке церковь, своего рода типовой проект, который он предлагал строить жителям тех селений, что попадались ему на пути.

Викинг глянул на изображение и воскликнул:

— Э, да ведь это почти точное подобие храма Святовиды в Арконе. Мы не раз плавали туда из Йомсбурга, чтобы умиловить богов перед сражением и получить наши знамена, которые во время мира хранились в храме.

— Что еще за Аркона? — с подозрением просил старообрядец.

— Недалеко от устья Одры, где находится Йомсбург, лежит большой остров Руяна, обитают там ваши сородичи, от них я и языку славянскому научился.

— Так как же в христианском храме могут совершаться богомерзкие требы?! — враждебно глядя на Торира, спросил Антоний-Иван.

— А кто сказал, что он христианский?

— Но это, — старообрядец ткнул носком лаптя в изображение, — есть образ церкви Христовой.

— Да, типичный шатровый храм, — подтвердил Ильин.

— Ничего подобного, — решительно возразил викинг. — Тамошний волхв обвел нас вокруг всего капища, а о храме сказал: эта вытянутая вверх кровля, увенчанная шаром, есть подобие мужского детородного органа и выражает животворящую силу Святовиды...

— Тьфу, анафемы! — Пустынножитель передернулся от отвращения. — Божий дом орудием греха уподобили!

— Не горячись, Иван, — опять забыв новое имя старообрядца, задумчиво сказал Ильин. — Подожди, не дергайся. Я знаешь что вспомнил? То ли при Никоне — вашем гонителе, то ли сразу после него русская православная церковь приняла специальное постановление о воспрещении строительства шатровых храмов...

— Было такое, — буркнул старообрядец, глядя в песок. — Как раз потому и заповедали, что нам, по истинной вере живущим, они особо любы... По-старинному строили.

Ильина охватило возбуждение — он уже знал, что оно означает: вот-вот должно прийти озарение, какая-то

догадка осветит новым светом все, что знал доселе, что, может быть, лежало в тайниках памяти как раздробленная мозаика.

И он прямо-таки физически ощутил, как осколки срастаются в единую картину, будто повинувшись некоему магниту.

— Да ведь вы просто-напросто пронесли из дохристианской древности излюбленную народом архитектурную форму! Никон исправлял книги и обряды по греческим и европейским образцам — тогда-то ему и бросилось в глаза резкое отличие народного православия от его, так сказать, первообраза...

— Мы по преданиям святых отцов жили! — раздувая ноздри, зарокотал Антоний-Иван.

— Да не суетись ты, — досадливо отмахнулся Ильин. — Потом будешь свое соответствие доказывать. Не мешай думать.

Торир непонимающе переводил взгляд с одного спорщика на другого. Он, конечно, ничего не уразумел из сказанного. Анна с тревогой смотрела на мужчин, особенно не нравилось ей, что Ивашка то и дело сжимал кулаки.

— Где твоя благодность, Иван? — шепнула княжна. — Ты же монах, а не забияка из питейного...

Эти слова охладили старообрядца. Он утер лоб рукавом и опустил на песок. Сделал вид, что вообще не слушает Ильина. А тот, даже не заметив краткого словесного поединка, продолжал развивать свою новую гипотезу.

— Мы недаром ничего не знаем о зодчестве Древней Руси — ведь оно было деревянным, как и вообще вся народная культура: письмо — я разумею бересту, утварь, мебель... Это княжеская культура, привозная из Византии, была каменной. Те немногие храмы, что дошли от этой эпохи до позднейших времен, — все выстроенны в византийском стиле. А деревянные, которые мы знаем, достались нам от времен никоновских, петров-

ских... Надо полагать, что предки этих сооружений были куда архаичнее. Василий Блаженный и храм в Коломенском повторяли формы деревянной архитектуры, любезной народу... Она потому и утвердилась, что была связана с вековым культурным опытом... А мы-то, простофили, ломали голову над тем, как выглядели славянские языческие храмы...

— Мне все это до фонаря, — сказал Овцын, шегольнув фразой из ильинского лексикона. — Какая разница...

— Я бы наоборот хотел что-нибудь понять, — заявил Тори́р. — Но мне не приходилось слышать ни об одном из тех людей, которых ты тут перечислял...

— Не важно, милый мой, что ты не слышал о Никоне и Петре. Их дела бесконечно далеки от твоих нынешних забот, и я не буду утомлять тебя рассказом об этих мужах. А вот ты сказал нечто такое, что перевернуло мое представление о славянской культуре.

— Вот уж великая новость! — пренебрежительно усмехнулся Тори́р. — Да не только в Арконе я такие храмы видел — по всему Поморью. И в нашей местности Рогаланде есть похожие.

— Слушай, а почему йомсвикинги в славянский храм ходят? — вдруг прервал его Овцын. — Да еще знамена свои в нем хранят.

— Я же говорил вам, что среди нас было очень много славян — ободриты, руяне, глиняне, лужичане, лютичи. Да и все города в той земле принадлежат нашим соплеменникам. На берегу моря, неподалеку от владений датских конунгов — Старград. В лесной стороне — Велеград, который германцы зовут Мекленбургом, неподалеку от него Ратибор. Самый знаменитый из славянских городов — Ретра. Туда можно попасть из Йомсбурга, поднявшись по Одре. Мы ходили в тамошний храм Радигоста — золотого бога, который дает удачу войнам.

— Выходит, и норманнская, и славянская вера — одно и то же? — спросил Овцын.

— Конечно. У нас одни боги с вами, только имена разные. А изображают их одинаково. Ваш Святovid на Арконе — многорукий...

— Как Шива? — сказал Ильин, еще не осознав до конца смысла своей догадки.

— Какой Шива? — удивился Торир. — Я хотел сравнить его с Фрейром, богом плодородия. В Уппсале есть храм, посвященный ему.

— А я говорю об индийском многоруком боге.

— Индийские купцы мне встречались на Готланде — у них еще такие круглые родинки на лбу нарисованы. Ты прав, они тоже принимали наших многоруких богов за своих — ставили перед ними курящиеся палочки... Очень приятно пахнут.

Ильин на мгновение задумался и быстро заговорил, словно боясь упустить ускользающую мысль:

— Вспоминаю, что в индийских сказках и мифах, которые мне приходилось читать, мудрецы, прежде чем принять важные решения, отправлялись куда-то на Север и там предавались созерцанию... Вообще с Севером у них связано представление о святости, мудрости, чистоте.

— Так и у нас то же самое, — сказал Торир. — Мы тоже верим в то, что боги обитают на ледяном острове Туле, далеко в северном океане. Оттуда придут гиганты, которые возродят мир, погубленный черными карликами, властителями золота.

— Слушай, а еще какое сходство между славянской и норманнской верой ты заметил? — волнуясь, спросил Ильин.

— Не знаю... Много чего... Пожалуй, самое главное у вас и у нас в храмах — статуи воинов, борющихся со змеем...

— Всадников?

— Да. Иногда, правда, вместо всадника бывает лев...

— А как ты сам представляешь: какой смысл имеет этот поединок, что он обозначает?

— Сначала расскажу об одном обычае, который мне пришлось наблюдать в Гаскони — мы ходили в те края с херсиром Свейном Одноухим. В одном глухом местечке в горах, где уцелели жрецы старой веры, — их зовут друидами — каждый год в канун самого длинного дня там устраивают башню, плетенную из ивняка, а внутрь нее кидают змей, много дюжин. Ночью, когда солнце уйдет за горы, поджигают это сооружение и пляшут вокруг.

— Выходит, змей как бы приносят в жертву солнцу... — прокомментировала Анна.

— Именно так и сказал мне друид, но он добавил еще: мы показываем нашему богу Света, что никогда не примем веру Змия.

Антоний-Иван перекрестился и демонстративно отошел к ладье, чтобы не слушать язычника.

— Я понял тебя, — Ильин обхватил себя руками за плечи, зажмурился и проговорил: — Эх, братцы, тут таким открытием пахнет...

— Подожди, недосказал еще, — недовольно нахмурился Торир. — Я тогда, после разговора с друидом, точно так, как ты сейчас, подумал: до чего же сходно все. Ведь у нас волхвы точно так говорят, когда детишек в капище приводят: видите эту змею, что свернулась кольцом, схватив себя зубами за хвост? Видите, что внутри этого кольца знак солнца? Так вера змея ползет по земле, окружая наш северный мир, верящий в свет... Боги предсказали: мир должен погибнуть после того, как в битве со змеем падет Хлодюн, страж Мидгарда.

— Ничего не понимаю, — растерянно заморгал Овцын.

— Мидгард — жилище богов, а Хлодюн — сын Одина, конунга богов, он охраняет воинов, дает удачу в набегах...

— Но что же будет? — зябко передернув плечами, тихо спросила Анна.

— Я скажу словами того волхва, который наставлял нас — мальчишек. Будет так:

*Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
питателя жизни
пламя бушует,
жар нестерпимый
до неба доходит.*

— И все? И никакой надежды? — упавшим голосом произнесла Анна.

Овцын с интересом посмотрел на нее и быстро сказал:

— Вот тебе и атеистка!

— Мир возродится, — коротко ответил Торир.

— Совсем по Рихарду Вагнеру, — с улыбкой добавил Ильин.

IV

Антоний-Иван отказался плыть со старыми друзьями, сославшись на данный им обет: идя пешком до Киева, способствовать построению домов божьих в каждом селении. Монашеский клубок явно не сделал старобрядца смиреннее.

— Да, такие люди могли всходить на костры за свои убеждения, — то ли с завистью, то ли с грустью говорила Анна, провожая глазами стройную фигуру в развевающемся черном облачении, — Аввакум из такого же теста был вылеплен.

До Киева оставалось меньше двух дней пути. Поскольку поиски мигрантов результатов не дали, обита-

тели ладьи без конца обсуждали, что предпринять в ближайшем будущем.

Торир, конечно, рвалсявязаться в княжескую междоусобицу, назревавшую на Руси. Слухи о близящихся столкновениях между сыновьями Владимира звучали для него как призывная мелодия военного рожка. Ему было все равно, на чьей стороне драться — лишь бы дело было достаточно опасным и награда подходящей.

Ильин убеждал, что их дело — подождать развития событий и не рисковать понапрасну, а тем более не влезть даже случайно в противоборство различных лагерей. По долгом размышлении он предложил миновать Киев, спуститься по Днепру до впадения Трубежа, на котором лежал Переяславль, сильно укрепленный город, выдвинутый в сторону Дикого Поля.

— Поднимемся вверх по притоку и обоснуемся в укромном месте на месяц-другой. Надо дождаться, пока в стольном городе неразбериха уляжется.

Как ни притягательна была для его спутников решительная позиция Торира, они все же понимали правоту Виктора, им также не хотелось стать невольной причиной каких-либо исторических смещений, чреватых для их будущего.

Викинг оказался в меньшинстве. И поскольку он считал себя связанным моральным долгом, объявил, что последует вместе со всеми, чтобы в трудную минуту быть рядом...

Теперь они почти не приставали к берегу. Ильину хотелось побыстрее попасть к устью Трубежа. Перебирая в памяти все читанное об этих временах, он не находил ничего сомнительного о Переяславле. Никто из тамошних правителей не вступал, как будто, в борьбу за великий стол.

Впрочем, исторические источники, которые он помнил, вообще очень скупосообщали о событиях 1015 года. Что происходило в Киеве после вокняжения Святополка, каковы были действия других князей —

все это осталось вне летописей. Единственное, что твердо знал Виктор: тем летом были убиты князья Борис и Глеб, направлявшиеся в Киев; первый — после похода на печенегов, второй — из своего Муромского княжества.

Раньше Ильин не задумывался, почему эти двое братьев, спешившие в стольный город, были убиты Святополком, просто пропускал эту информацию, ища в летописях иные сведения, нужные ему для определения достоверности былин. Теперь, попав в эпоху, когда оба эти персонажа исторических преданий могли повстречаться ему вживе, Виктор стал задумываться не столько над последовательностью событий, сколько над мотивами поступков людей, которым предстояло стать первыми русскими святыми.

Его озадачило то обстоятельство, что, направляясь в Киев, оба они были убиты вне города. Борис — во время возвращения с дружиной из похода, а Глеб на Смядыни, в нескольких сотнях верст от великокняжеской метрополии. Если рассуждать рационально, то Святополк вполне мог умертвить обоих в Киеве или в Вышгороде. Но даже не это больше всего интересовало Виктора. Главный вопрос состоял в том, зачем и почему братья отправились в столицу...

На другой день после полудня прошли устье Десны. Напротив него на высоком правом берегу возносились стены и башни великокняжеского замка Вышгорода. Свежий ветер трепал разноцветные флажки на пиках, торчавших над укреплениями. Встречные суда начали попадаться чаще, и чем ниже по течению, тем их становилось больше. Чувствовалась близость Киева.

Днепр сделался заметно полноводнее, меньше петлял, на длинных плесах открывались дальние горы с поблескивающими на них золотыми искорками.

— Кресты церквей, — определил викинг. — Наверное, Кенугард.

— К вечеру будем, — сказал Ильин.

Однако то, что казалось совсем близко, отстояло на деле гораздо дальше — хрустальный воздух изменял перспективу. К покрытым лесом киевским кручам подошли в глубоких сумерках. Только высоко вверх, на горах, где находился город, еще тлели золотые кресты.

Переночевав в нескольких верстах ниже столицы на левобережной луговине, с первым светом отправились дальше. И весь день шли на юг, пользуясь попутным ветром.

Ладья шла по стержню Днепра, сильно накренившись — прямоугольный парус гудел и хлопал под боковым ветром. По широкому водному пространству бежали белые строчки волн.

Когда прошли почти до конца длинного плеса, Ильин заметил, что из-за поворота следом за ними вынырнуло большое судно — венчавшая нос оскаленная пасть дракона удивительно напоминала скандинавские изображения, но блеклый парус и отсутствие щитов по бортам заставляли усомниться в варяжском происхождении посудины.

Торир обеспокоенно поглядывал за корму, прикидывая расстояние между собственной ладьей и шедшей сзади, а оно все время сокращалось. Наконец, он решительно заявил, что судно явно норманнского типа.

— Узнаю сокола по полету... Сдается мне, что лучше полежать на сене, чем вертеть головой на виду у людей, которые могут оказаться земляками.

— Подремли, Торир, — сказал Овцын. — На этой ладье, как я погляжу, больше голов, чем у нас зубов.

Когда поравнялись, Ильин вскинул руку в знак приветствия. Наполнявшие судно люди в простонародной одежде, вооруженные короткими мечами, тоже замахали в ответ. Бычья Шея не вытерпел и приподнял голову. В просвет между парусом и бортом соседняя ладья была хорошо видна, а самого косматого викинга вряд ли могли заметить.

Выражение озабоченности появилось на лице Торира.

— Я совсем уже не узнаю людей, если это не Эймунд, сын Ринга.

— Ты же говорил, что он херсир, — заметил Овцын. — А здесь какие-то торгаши.

Викинг сказал, что мог бы обознаться в чем-то другом, но амулет вождя дружины он не спутает. Сушеный детородный орган жеребца на шее носит только Эймунд.

Анна взглянула на крепкого малого в купеческом плаще, сидевшего у рулевого весла, и залилась краской. На лице Овцына появилась игривая улыбочка.

— Ну, Эймунд так Эймунд. Нам-то что за дело. — Ильин поспешил разрядить неловкую паузу.

— Не подумав говоришь, — ответил Бычья Шея. — Это люди Ярислейфа. Почему не в доспехах плывут, почему купцами оделись?..

— М-да, — посерьезнел Ильин. — Что-то тут не так.

— На этой ладье, наверное, не меньше трех дюжин воинов. Какого дьявола им нужно в этих местах? Если идут в Константинополь, зачем этот маскарад?

— Дело нечисто, — сказал Торир. — Много бы я дал, чтобы узнать, что у них на уме.

Мощные бревенчатые стены и башни Переяславля нависли над быстрыми водами двух рек, образовавших стрелку. На угловой башне виднелась одинокая фигура ратника. Размеренные удары била, разносившиеся окрест, оповещали, что пора идти на вечерню.

— Куда править? — спросил Овцын, сидевший у руля.

Ильин прикинул, какой из потоков шире. Обе реки казались одинаково полноводными. К тому же ветер явно начинал меняться на южный, и Виктор сказал:

— Влево.

Потом, когда, пройдя город, они увидели среди песчаных дюн низменного берега стан рыбаков, узнали имя реки: Альта.

Что-то неясное шевельнулось в памяти Ильина, но сколько он ни пытался, не смог вспомнить, в какой связи встречал в исторических сочинениях это название.

Вечером, когда начали приглядывать на берегу место для ночлега, Торир, отличавшийся остротой зрения, воскликнул:

— Если голова дракона, торчащая над кустами выше устья вон того ручья, не принадлежит Эймундовой ладье, значит, у меня нелады с памятью. Надо бы выяснить, зачем они так запрятались...

— Тебе мало, что за тобой гнались в Новгороде? — начала Анна.

— Однообразная жизнь не по мне, — заявил Торир. — Пойдешь со мной, Огненная Рука?..

Через несколько минут заметили, что от того же берега, к которому пристали варяги, отходит старица. Ильин направил ладью в просвет между ивовыми кустами, нависавшими над водой. Торир сноровисто спустил парус.

Когда расположились на ночлег в дальнем конце заросшего рукава реки, Бычья Шея даже не стал ждать, пока сварится уха. Схватив краюху хлеба, он опоясался мечом и махнул Овцыну. Василий последовал его примеру.

Ильину очень хотелось отправиться вместе с ними, оставаться наедине с Анной для него было сущим мучением. Но поскольку в неожиданно возникших обстоятельствах главенство незаметно перешло к Ториру, Виктор не стал пытаться изменить ситуацию. Да и княжне не желал демонстрировать эту свою боязнь тет-а-тет.

Едва побратимы скрылись в зарослях, уха закипела. Это на минуту дало Анне и Виктору тему для раз-

говора, но потом наступило великое молчание, нарушить которое становилось все труднее для обоих.

Налив в деревянные миски готовую похлебку, Ильин поставил их на землю, опустился на сено, заблаговременно принесенное из лады. Отхлебнув пол-ложки, сказал, как бы приглашая к непринужденности:

— Вкусно.

Анка подошла, села рядом.

— Так и будем бычиться? — спросил Ильин.

— Я не бычусь... Слово-то какое...

— Ань, давай скажем всю правду. И Ториру, и Василию. Тогда...

— Нет, — чуть не вскрикнула она. — То, что было, — этого на самом деле не было. Все осталось в другом времени...

— Ты что, собираешься поселиться в этом веке?

— Торири думает пробираться в Миклагард...

— Ты уже и словечки его перенимать стала.

— Я поеду с ним.

— А папа?

— Можно подумать, ты нашел дверь в будущее.

— Найду, — упрямо сказал Виктор.

— Будешь возиться со своими русалками и упрямыми до второго пришествия, — хмыкнула княжна.

Ильин отставил миску, схватил Анну за плечи.

— Ты моя! Понимаешь: моя! Если ты не перестанешь... я не выдержу... Я вас зарежу обоих...

— О, ты заговорил как стопроцентный варвар. Какие же у тебя после этого претензии к Ториру?.. И вообще, ты сам говорил, что ни из чего не надо делать культа. Вот и не делай.

Виктор проклинал себя за то, что методично разрушал идеалистический настрой Анны. Теперь он присутствовал при появлении первых всходов ее нового мироотношения. А может быть, он просто убедил себя в том, что виной всему его прежние уроки, а все было

гораздо проще? Нет, он даже в мыслях не допускал этого. Он сто очков вперед даст любому викингу...

Торир и Василий вернулись довольно быстро. Рассказали, что люди Эймунда располагаются на длительную стоянку — валят деревья, устраивают камелек из камней.

За ужином обсудили свои дальнейшие действия. Торир настаивал, что надо последить за его земляками — они тут явно с нечистыми намерениями. Овцын горячо поддержал Бычью Шею — ему, видимо, хотелось настоящих приключений. Ильин понял это и не стал возражать — все, что мог предложить взамен он сам, давно надоело Василию. Он грезил о подвигах, а ему выпадали поединки с рыбами или гонки с голыми старухами.

— Ладно, давайте установим дежурство, — сказал Ильин.

— Что это? — непонимающе воззрился на него Торир.

— Будем по очереди следить за этими парнями. Предположим: три часа я, потом столько же ты, потом Василий.

— Это нам подойдет, — согласился викинг.

Люди Эймунда прочно обосновались в полуверсте вверх по течению ручья, впадавшего в Альту слева — вытесали из лесин лавки, сколотили столы. Наблюдая за лагерем, Ильин сделал вывод, что пришельцы из Новгорода не так уж плохо вооружены. Посреди круга, образованного шатрами, возвышалась пирамида из копьев. По временам группы воинов скрывались в зеленом шатре и появлялись с длинными двуручными мечами в ножнах — там, видимо, находился арсенал отряда.

Затем меченосцы куда-то отлучались со стоянки и возвращались спустя несколько часов. Виктор сделал вывод, что викинги тоже выставляют своего рода пат-

рули. Узнав о его соображениях, Торир предложил проследить, куда они уходят...

Идя через сосновый бор в стороне от тропы, Ильин и Бычья Шея слышали громкие голоса и смех, но разобрать, о чем говорили, не удавалось. А вскоре лес заметно поредел, и преследователям пришлось отойти дальше. Теперь они только видели мелькающие между стволов фигурки людей.

На краю длинного луга, куда вывела тропа, виднелись несколько заброшенных построек. Пробираясь по опушке, Виктор и Торир не выпускали из виду викингов — те быстро шагали по наезженной дороге, проходившей посредине поросшего разнотравьем пространства, ограниченного с обеих сторон смешанным лесом.

— Погляди-ка, сколько конского навоза на дороге, да и луг весь истоптан, — сказал Торир.

— Большая дорога, — отозвался Ильин. — Видно, торговый путь. Только куда?

— Сдается мне, здесь войско прошло. С месяц назад, а то и раньше. Видишь, навоз засох, а местами сквозь него трава проросла.

— Да, свежего не видать...

— Какая же дружина тут могла пройти? Следы все в одну сторону...

— Не иначе из Киева шли... Э, да ведь это, наверное, Борис на печенегов отправился. Больше никому.

Они миновали группу приземистых строений, напоминавших казармы, и остановились возле стоявшего на отшибе длинного сарая с прохудившимися стенами и полусгнившей крышей.

— Что это за странное поселение? — вслух размышлял Ильин. — На жилье не похоже... Но и на военное укрепление тоже — ни вала, ни частокола...

— Я знаю, что это. Здесь торговали лошадьми. Такие ярмарки я видел у греков в Анатолии. Кочевники пригоняют коней из своих степей, а купцы приезжают с товаром.

— Выходит, это длинное строение — конюшня?

— Давай зайдем — увидим.

Внутри ветхий сарай был весь уставлен тонкими столбиками, подпиравшими балки перекрытия. В разгороженных досками стойлах лежали кучи навоза, поросшие бледной травой. Пока Виктор и Торир пробирались по центральному проходу, над головами у них то и дело вспархивали летучие мыши.

Когда вышли наружу, викинги уже пропали за гребне небольшого холмика, по которому поднималась дорога.

— Надо идти опушкой, — сказал Торир. — Могут заметить.

Идя под прикрытием кустов и молодых березок, они внимательно оглядывали местность.

— Видишь сруб за сараем? — спросил викинг. — Это, должно быть, родник. Вот почему здесь торг устроили. И водопой есть, и травы много.

Взойдя на холм, сразу заметили викингов. Они были уже в конце луга, там, где черная лента дороги втягивалась в густой ельник.

Но по лесу пришлось идти недолго. Примерно через версту начался другой луг, еще более просторный, полого поднимавшийся до самого горизонта.

— Там, наверное, опять склон пойдет, — предположил Торир. — Похоже на Уппланд.

— Это где?

— В Швеции.

Викинги тем временем свернули с дороги и направились к опушке. Бычья Шея поднял палец и мгновенно замер среди кустов боярышника. Ильин по инерции сделал еще несколько шагов, потом осторожно, стараясь не шуметь, вернулся к спутнику.

— Ты чего?

— Сейчас узнаем, зачем они сюда ходят.

Люди Эймунда остановились возле раскидистой березы. Один из них с кошачьей ловкостью вскарабкался

по стволу и, повиснув на вершине, плавно опустился на землю. Двое других навалились на согнутое дугой дерево, еще один повозился с полминуты возле склоненной кроны, затем поднялся и махнул остальным. Викинги пошли дальше вдоль кромки леса, а береза так и осталась стоять, касаясь ветвями земли.

— Не понимаю, — пробормотал Торир.

Проделав то же самое еще с несколькими деревьями, воины обошли дальнюю сторону луга и направились назад.

— И нам пора, — сказал Ильин.

Они быстро двинулись той же дорогой. Когда на пути их оказалась наклоненная береза, которую, идя за людьми Эймунда, они просто обошли, Торир нырнул под сень листвы и сразу же позвал Виктора.

Приподняв ветви, Ильин увидел, что ими была замаскирована веревка из лыка, которою вершина была привязана к колу, забитому в землю.

— Что это?

Бычья Шея пожал плечами.

Они пошли дальше. Вдоль всей опушки видны были несколько таких же деревьев, искривленных на манер лука.

— Теперь в глаза бросается, — сказал Ильин. — А когда сюда шли, казалось, что так оно и быть должно, само собой получилось...

— Не думаю, что Эймунд отправился в такую даль только для того, чтобы гнуть березы, — озабоченно произнес Бычья Шея. — Не такой он человек...

Прошло несколько дней, а викинги и не думали сниматься с места. Ильин заговорил было о том, что сидение в лесу ничего не дает, что они только понапрасну подвергают себя опасности — не ровен час кто-нибудь из людей Эймунда набредет на их укромную стоянку. «Какое, в конце концов, нам дело до твоих земляков? — поддержала Виктора Анна. — Мне тоже надоело кормить комаров».

Но обычно сговорчивый Торир остался на этот раз непреклонен.

— Я вам говорю, что все это не пустяк. Тут затевается какая-то большая пакость...

Спор продолжался бы неопределенно долго, если бы из зарослей не вынырнул Овцын.

— У них там что-то случилось. Прибежали несколько человек по тропе со стороны луга, кричат, все всполошились, забегали и лесом туда, к брошенному торгу, подались.

— Дело к вечеру. Куда же это они? — нахмурился Торир.

— Так что, гадать будем? Или пойдем? — весь дрожа от азарта, спросил Овцын.

— Мужские слова, Огненная Рука, — одобрил Торир.

Ильин поднялся, молча снял с сучка свой пояс с мечом. Сказал Анне преувеличенно отеческим тоном:

— А ты подремли, детка.

V

В предрассветной мгле мало-помалу обозначилась граница между верхушками леса и небом. Звезды, усеявшие небосклон, заметно поблекли. На сером от росы лугу выступили треугольные глыбы мрака — шатры спящего войска.

Тишину ночи нарушали только всхрапы стреноженных коней, разбредшихся окрест.

Ильин, продрогший до костей, старался согреться с помощью статической гимнастики — то начинал что есть силы давить ладонь о ладонь, то пытался «разорвать» ножны меча. Овцын, сидя на корточках, выбивал дробь зубами. И только Торир, как истый северянин, спокойно переносил промозглый холод.

— Д-дернуло на ночь глядя в одних рубахах...

— Кто ж знал... — отозвался Виктор, с сострада-

нием глядя на Василия. — Да и не время вроде для похолодания — сегодня только двенадцатое августа... Знаешь что, погрейся по моему способу.

— А-а, — отмахнулся Овцын. — На печке оно способнее...

Они сидели на одном и том же месте, так как боялись наткнуться на викингов, затаившихся где-то по соседству. Никого из них они не видели с тех самых пор, как над холмом показался частокол копий.

Люди Эймунда мгновенно растворились среди зелени, и когда несколько сот всадников взлетели на луговой гребень, лес казался совершенно безжизненным. Через несколько минут спешившиеся воины ставили шатры, расседывали коней, тащили хворост и разводили костры. Солнце тем временем завалилось за бор, ненадолго опалив его верхушки бордовым пламенем.

Не успели догореть россыпи углей на месте костров, а войско уже полегло, сваленное усталостью.

Ильин не мог понять, на что рассчитывал Эймунд. Со своими тремя-четырьмя десятками мечей он явно не мог надеяться нанести поражение дружине Бориса — в том, что это полк молодого князя, Виктор не сомневался, неоткуда было взяться в этих местах какой-то иной воинской силе. Всю ночь он ломал себе голову, пытаясь разгадать намерения викингов. Торир тоже недоумевал: час идет за часом, скоро начнет светать...

— Если бы я хотел нанести им самый большой урон, то ударил бы ночью. В темноте враг не сумеет понять, сколько нападающих, и может в страхе бросить оружие и бежать...

— Значит, они хотят видеть... — сказал Ильин и осекся.

Может быть, Эймунд узнал о намерениях Святополка? Ведь согласно житию Борис будет убит агентами его старшего брата во время возвращения из похода на печенегов. Ну конечно, вождь дружинников Яросла-

ва прислан для того, чтобы предотвратить внезапное нападение!

Но Виктор тут же осадил себя — для того, чтобы предположить такое, надо признать за Ярославом провидческие способности. Нет, тут что-то не так.

И его мысли опять беспомощно закружились на одном месте.

Легкий толчок Торира заставил его прийти в себя.

— Смотри... Вон там, возле согнутой березы...

Ильин напряг зрение. На фоне посветлевшего луга действительно рывками перемещались две темные тени. То и дело останавливаясь, они двигались в сторону княжеского шатра. Не доходя до него метров двадцати, неизвестные замерли на минуту, потом один из них взмахнул рукой, словно бросая что-то.

— Петлю на шест накинул, — прошептал Торир.

Даже не оборачиваясь к нему, Ильин по голосу почувствовал, как напрягся викинг.

За то недолгое время, пока неизвестные прошли от опушки до лагеря дружины, стало еще светлее. Теперь и Виктор различил тонкую паутинку, протянувшуюся к лесу от шеста с орлом-флюгаркой, на котором держался шелковый шатер князя.

— Я понимаю... — медленно произнес Торир.

И в тот же миг один из двоих, столбами замерших на лугу, в несколько прыжков достиг шатра. В руках его был меч.

Торир рывком поднялся с колен. Секундой позже Виктор услышал слабый звук — словно кто-то осторожно надорвал лист бумаги. Он увидел, как изогнутая луком береза стремительно распрямилась, и одновременно с ней взлетел на воздух шест с шелковым полотнищем.

Человек с мечом сделал шаг, другой на том месте, где только что высился шатер, вскинув меч, мгновенно опустил его. Нагнулся, схватил что-то и, прижав к груди, бросился к лесу.

Ильин оцепенел. Сознание еще не постигло происшедшего. Но внезапный жар, разлившийся по всему телу, пульсировавший в пальцах, в висках, свидетельствовал: произошло что-то ужасное. Сама кровь его вопияла: убийство!

Он едва нашел в себе силы взглянуть на Торира. Викинг стоял, сжав голову ладонями, словно хотел раздавить ее. Повернувшись к Василию, Виктор увидел остекленевшие глаза, закушенный в немом крике рот.

Сознание услужливо подсуло успокоительное: «Но почему, собственно, убийство? Ты видел труп?.. Может быть...»

Но он тут же оттолкнул от себя эти анестизирующие словечки. Необходимо немедленное действие!

Замешательство длилось каких-то несколько мгновений. Но за это время все переменялось в том месте, где только что стоял шатер. С полдюжины людей потерянно металась там, оглашая спящий луг душераздирающими воплями.

Из шатров начали выскакивать полуодетые воины с копьями наперевес, с обнаженными мечами в руках.

— Надо уносить ноги, — проговорил Овцын. — Сейчас тут такое начнется...

— Бежим к конюшне, — быстро сказал Торир. — Надо тех опередить.

И, не ожидая согласия, бросился в глубь леса.

В чаще было еще темно, и Виктор несколько раз с размаху растягивался на земле, зацепившись ногой за корень. Пока мчались напрямик через заросли, ветви исхлестали все его лицо. Выскочив на опушку позади брошенных строений, он провел рукой по щеке — ладонь окрасилась кровью. Догнавший его Василий тоже был весь исцарапан, рукава рубахи висели клочьями.

Бычья Шея значительно опередил их — он был уже у входа в конюшню и яростно махал рукой, подгоняя друзей.

Едва они вбежали под своды сарая, он заговорил срывающимся шепотом:

— Они обязательно побегут здесь — самый короткий путь. Надо напасть, узнать, что схватил тот малый...

— Да ведь их вдесятеро больше, — возразил Ильин.

— Огненная Рука один дюжины стоит. Да и я парень не промах...

Легкая обида промелькнула в душе Виктора — его возможности явно оценивались ниже. Но на выяснение истины времени не было — в лесу уже слышался треск сучьев.

Сунувшись к щелям в стене, друзья увидели, как на опушку вылетела толпа викингов. Пробежав узкое пространство между лесом и конюшней, они ринулись под ее прикрытием к тому месту, где затаилась троица.

Торир неожиданно выпрямился и что есть силы ударил ногой по стене. Трухлявая плаха раскололась и вылетела наружу. В следующую секунду Бычья Шея выскочил в пролом и рванул меч из ножен.

Какой-то темный звериный инстинкт вытолкнул и Ильина. Не сознавая, что делает, он обнажил меч и в прыжке всадил его в грудь набегавшего из него викинга.

Толпа разом отхлынула. Ильин успел увидеть боковым зрением, что под ногами Торира корчится рыжебородый детина с огромной кровавой раной, идущей от шеи к ребрам. Рядом с ним валялась рука, сжимающая меч. А в стороне, закатившись в небольшую ямку, лежала человеческая голова с открытыми глазами.

— Это ты, Бычья Шея?! — крикнул по-норвежски один из викингов. — У меня нет времени удивляться, как ты здесь очутился. Но это весьма кстати — мне пригодятся те три марки, которые назначены за твою башку.

— Вы мастера рубить головы, особенно у спя-

ших, — Тори́р быстро махнул мечом в сторону лежащего на траве кровавого трофея. — Но только я теперь не ближе к смерти, чем раньше, что бы ты там ни болтал, Жеребчий Лоб.

Затем Бычья Шея воткнул меч в землю, схватил себя обеими руками за ворот и рванул рубаху на две части. Отбросив обе половинки на землю, он издал нечеловеческий вопль, оскалил зубы и, подняв меч над головой, кинулся на сгрудившихся под стеной викингов.

В первую минуту схватки троице удалось даже потеснить растерявшихся противников. Но, придя в себя, они сумели отделить берсерка от Ильина и Овцына.

Тори́р проревел:

— Возьмите голову!

Виктор, совсем позабывший о ней, метнулся в ту сторону, но в тот же миг на него обрушился рослый малый с двуручным мечом. Виктор упал на траву и откатился к стене. Лезвие меча ушло в землю в нескольких сантиметрах от его ступни.

Не поднимаясь, Ильин мгновенно напряжился и ударил ногами викинга, отшвырнув его от оружия. Быстро вскочил, и тут же рядом с ним рубанул по воздуху другой воин. Всем телом подавшись вслед за своим коротким мечом, Виктор перерубил руку нападавшего и, не удержавшись, кубарем полетел под ноги сражающихся.

В падении он увидел, что один из людей Эймунда бросился к лежащей в стороне голове, схватил ее и со всех ног пустился к лесу.

Но вырваться из кольца воинов не было никакой возможности. Ильин успел лишь заметить место, где среди кустов мелькнула спина убежавшего. Яростные крики и звон мечей заставили мгновенно забыть обо всем, кроме схватки.

Тори́ру удалось пробиться к друзьям. Двое викингов остались лежать в том месте, где он только что рубился.

Оттесняя Овцына и Ильина к пролому в стене, Бычья Шея прорычал:

— Быстро в конюшню. Я прикрою.

Тон его не допускал противоречия. Как-то разом признав его главенство в этой схватке, сначала Виктор, потом Василий нырнули спиной вперед в темное чрево огромного сооружения.

Бычья Шея последовал за ними, наградив напоследок раной в живот своего старого знакомого. Встав с мечом в руках у бреши, он крикнул:

— Видишь, Харальд, всяко бывает: и то, чего ждут, и то, чего не ожидают... Может быть, заглянешь сюда, я не против потолковать с тобой.

Никто не решился сунуться под меч берсерка.

Но передышка оказалась короткой. Несколько воинов obeжали угол конюшни и ворвались в нее через широкий проход в торце. Схватка возобновилась с еще большим ожесточением.

Теперь за спиной у троицы не было спасительной стены, и им приходилось быстро отступать в глубь помещения. Размахивая из стороны в сторону своим двуручным мечом, Торир перерубал по нескольку опорных столбов зараз, и балки перекрытия рушились, а вместе с ними на нападавших сыпались клубы древесной струхи, мха и пыли.

Но некоторые викинги умудрялись перемахивать через перегородки по сторонам конюшни и заходили сбоку. Их удары отражали Овцын с Ильиным.

В какой-то момент, схватившись с очередным противником, Виктор словно бы отключился от происходящего. Он видел перед собой только ощеренный рот, длинную рыжую бороду, заплетенную косицей, и широкое лезвие меча, то и дело рассекавшее воздух. Вопль Торира донесся до него словно сквозь толщу воды. Он сделал над собой усилие, чтобы вновь охватить сознанием всю картину побоища. Послав острие меча в лицо нападавшего, он рассек ему щеку. Викинг отпрянул,

споткнулся и рухнул навзничь в кучу перепревшего навоза.

Виктор смог теперь обернуться на рев берсерка. В туче пыли он увидел сгорбленную спину Торира, склонившегося над распростертым телом Овцына. Между лопаток Василия торчало копьё.

Мгновенный жар пробежал по жилам Ильина, ударил в голову. Швырнув меч в пыльное облако, скрывшее людей Эймунда, Виктор слегка присел на корточки и, выбросив вперед обе руки, послал в сторону проступивших теней мощнейший разряд. Две молнии, похожие на искореженные корневища, взорвали тьму.

Но ему было мало этого. Он снова и снова прошивал пространство конюшни потоками белого огня. По проходу неслись брызжащие искрами тела, ломались и тут же занимались жарким пламенем столбы и перегородки стойл.

Через несколько секунд вся та часть конюшни, где только что толпились викинги, превратилась в море огня.

От страшной жары борода и брови Ильина трескали, источая запах паленой плоти. Мгновенно скрутились и побелели рыжие волосы на плечах и руках Торира.

Викинг поднялся на ноги. Взгляд его дико блуждал по сторонам. Схватившись за древко копья, он выдержал его из спины Василия.

— Бежать! — он затравленно озирался, ища выход.

Ильин махнул рукой в сторону стены. Гнилые плахи разлетелись с пушечным грохотом, образовав рваное отверстие в несколько метров диаметром.

Бычья Шея вскинул на плечо тело Овцына и бросился наружу.

VI

Анна не спала. Едва они появились из леса, неся Василия, она выскочила из лодки и, не произнося ни

слова, принялась помогать мужчинам укладывать раненого на подстилке из сена, устроенной на носу судна.

Торир бросил быстрый взгляд на берег старицы. Сказал:

— Удача, заberi котел и топор. Надо быстро уходить. Если люди князя придут сюда, нас не спросят, кто мы такие...

— Да уж, разбираться не будут, — невесело усмехнулся Виктор.

Побросав нехитрый скарб в ладью, он оттолкнул ее от берега и перевалился через борт.

Бычья Шея уже сидел у весла и энергичными гребками разворачивал судно к выходу из старицы. Ильин сел рядом и взялся за второе весло.

Когда вышли на Альту, увидели, что за дальний поворот — верстах в полутора — уходит ладья с высоко вознесенной драконьей головой на форштевне. Десятки весел разом взлетали и обрушивались в воду.

— Здорово чешут, — сказал Виктор.

— Страх силы прибавляет, — отозвался Бычья Шея. — Хоть нам теперь и ни к чему за ними гоняться, будем парус поднимать, ветер вроде хороший заводится..

Пока викинг ставил полотнище, а Виктор сидел на руле, Анна разорвала на широкие ленты одну из своих сорочек и присела возле раненого. Как только Торир справился с парусом, Ильин попросил его править, а сам перебрался на нос, чтобы помочь Анне.

Он начал снимать с Василия пропитавшуюся кровью рубаху, но вдруг почувствовал, что Овцын пытается отвести его руку. Губы раненого зашевелились. Он старался что-то произнести, но Ильин слышал только шипящие звуки...

— Помолчи, милый, мы тебя сейчас перевяжем и...

Василий открыл глаза. Отыскал взглядом сначала Виктора, потом Анну. Губы его снова зашевелились.

Ильип и княжна инстинктивно склонились к раненому и при этом слегка стукнулись головами.

Рот Василия растянулся в беспомощной улыбке. Он опять зашептал — и теперь Анна и Виктор оба услышали, что хотел сказать Овцын:

— Я... знал... что вы... Люби его... Анюта... ему больно теперь... как мне было...

Анна закусила губу, закрыла глаза ладонями. У Виктора ком встал в горле. А Василий все шептал:

— Выбирайтесь, ребята... отсюда... тут нельзя...

Речь его сделалась невнятной, и, как ни вслушивался Ильин, ничего понять было нельзя. Губы шевелились все медленнее, даже шипящих не стало слышно.

И вдруг рука Василия со страшной силой сжала предплечье Виктора, по телу его прошла стремительная судорога, он изогнулся, словно хотел встать на мостик, кровавая пена запузырилась в углах рта.

— Агония! — сдавленно вскрикнула Анна.

И в тот же миг стальная хватка умирающего ослабла, рука упала на сено, тело вытянулось и мелко задрожало. Ильин невольно отпрянул в сторону.

Едва Овцын замер, как по его лицу, по рукам, по видной в прорезь ворота груди начало разливаться голубое мерцание. Оно становилось с каждой секундой все сильнее, пока во все стороны от лежащего тела не брызнули снопы холодных искр.

«Как бенгальский огонь», — мелкнуло в сознании Ильина. Он почувствовал — кто-то опустился рядом с ним на колени. Обернулся и увидел Торира: с дикой гримасой кусая губы, викинг исступленно раскачивал головой из стороны в сторону. На руку Виктора упала горячая капля...

Через несколько часов Василия похоронили на приметной стрелке, образованной небольшой речкой при впадении в Альту. Бычья Шея кое-как согласился обойтись без сожжения — если бы не необходимость побыстрее уходить от места ночной трагедии, он бы обяза-

тельно устроил погребальный костер и возвел на месте упокоения побратима достойный его курган. Ильину пришлось пообещать, что он вернется сюда вместе с Ториром, когда обстоятельства будут этому благоприятствовать, и поможет ему в сооружении насыпи.

Роя могилу, а затем обкладывая свежий холмик камнями, Ильин то и дело посматривал на противоположный берег реки — он все ждал появления воинов из дружины Бориса. У него не было сомнений в том, что они обшаривают теперь окрестности злополучного луга в поисках убийц.

Раздумывая о создавшейся ситуации, Виктор пришел к мысли, что надо оставить прежнее намерение отсидеться в глуши и, не теряя ни часа, спускаться вниз к Переяславлю, а затем идти на Киев.

Когда он сказал вслух о своих соображениях, Анна сразу поняла его опасения:

— Думаешь, теперь на реке оставаться небезопасно?

Викинг быстро согласился с предложением Ильина. Ему вообще было не по душе прятаться от опасности.

— Если в Кенугарде теперь неразбериха, можно попробовать попроситься к конунгу Святополку, ему наверняка люди нужны.

— Не думаешь, что в его дружине тоже могут оказаться твои земляки?.. — спросила Анна.

— Не по мне остерегаться того, чего я не видел...

— Во всяком случае, предусмотрительность никому еще не вредила, — заметил Ильин. — Я бы на твоём месте...

Но викинг перебил его:

— Может быть, мы что-то и смыслим в будущем, но уйти от него нам не дано.

Долго после этого они плыли в молчании. Торир мрачно смотрел на левый берег, сидя у рулевого весла. Анна неподвижно лежала на сене, спрятав лицо в ладонях. Виктор, привалившись спиной к мачте и запро-

кинув голову, смотрел на облачные замки, то воздвигавшиеся, то рушившиеся в синеве.

После пережитого сегодня на рассвете в душе его воцарилось какое-то мудрое спокойствие. Была, конечно, и тупая, саднящая боль, иногда затоплявшая все его существо, но и она не могла нарушить состояние внутренней гармонии. Душа его как бы замерла, ступив на грань трагического всезнания и обретя ощущение нерушимости сущего.

Яростная борьба за жизнь, смерть друга, необходимость немедленно принять решение, от которого зависит твоя судьба — все это, спрессованное в краткий миг бытия, стало чем-то вроде могучего разряда, разрушившего пелену, давным-давно опутавшую сознание Ильина. Сегодня он впервые за многие годы переживал природу, чувствовал своих спутников с такой отчетливостью, словно проник в самые потаенные глубины их подсознания.

Разум не фиксировал с привычной поспешностью все, что происходит вовне и в нем самом. Разум словно уснул. И душа воспринимала мир как могучую мистерию простых и мудрых отношений всего ко всему. Неразделимые добро и зло, боль и наслаждение, составляя как бы вязкую кровь сущего, наполняли и его, Ильина, сладким трепетом знания. Он ощущал Истину в самом себе, и это давало странное чувство своей безмерности, своей протяженности, равной Вселенной.

Да, разум Виктора спал. Но все в нем ликовало от ужаса и счастья, словно он балансировал над пропастью. Восторг высоты и подспудный страх, говорящий: удержаться никому не дано. Это было прикосновение к Вечному.

Из состояния просветленного созерцания его вывел голос Торира. Викинг разглядывал свои руки и говорил, обращаясь к Виктору:

— Я все понять не мог, что у меня с плечами. Холо-

дит. А теперь на руки посмотрел и понял: волос нет. Как выбрило...

Ильин молча смотрел на его жилистые ручищи, в которых тяжелое весло казалось хрупким.

— А ты здорово запалил эту конюшню... Как это вам удавалось с Василием, наверное, спознались кое с кем... — Он даже улыбнулся, хотя глаза остались по-прежнему холодными, замороженными.

— Не говори глупостей, — отмахнулся Ильин.

— Ты знаешь, я охоч до шуток... Если сказать по правде, я на самом деле в восторге. Ты поступил как настоящий мужчина — сжег своих врагов вместе с домом. У нас считают такое большой удачей.

— Что ты имеешь в виду?

— У нас полагается мстить за обиду, и самое лучшее, что может сделать викинг, — это изловчиться запереть своих недругов в доме и поджечь его с четырех сторон. Если тебе удастся такой способ мести, вся округа будет завидовать такому везению.

— Дикость, — сказала Анна, резко сев на своем соломенном ложе. — И коварство. Я еще могу понять, если человек убивает обидчика сгоряча. Но мстить — это низко. Нужно уметь прощать.

— У нас думают по-другому, — усмехнулся Торир. — Даже пословица есть: только раб мстит сразу, а трус — никогда. Мужчина все хорошенько обдумает и сделает дело на славу...

VII

Киев был переполнен разноплеменным людом. Несмотря на то, что ходили упорные слухи о скорой войне, лес мачт у пристаней несколько не поредел. Один за одним подходили суда с юга, да и с севера спускались по Днепру ладья за ладьей. Пылили дороги на западной и южной окраинах — сотни подвод везли товары из Чехии, из Угорской земли, из Валахии.

Ильин и Бычья Шея по целым дням бродили по городу, надеясь встретить княжеский выезд и пробиться к Святополку. Ему одному они решили поведать о том, что произошло на рассвете двенадцатого августа. Только в его власти было сделать так, чтобы свидетельство участников побоища с людьми Эймунда надлежащим образом было доведено до народа, не потонуло в массе слухов. Но Святополк, как назло, все это время сидел в укрепленном замке Вышгорода и в Киев не показывался.

Толкаясь по рынкам, Виктор и Торири ловили обрывки разговоров о недавних событиях, заходя в корчмы, прислушивались к спорам сторонников Святополка и его противников из христиан.

Вокруг подвыпивших дружинников, пришедших в Киев после неудачного похода на печенегов, собирались толпы людей, вновь и вновь жаждавших услышать о таинственном убийстве на Альтинском поле.

Картина происшедшего после бегства викингов, а затем и Ильина с его товарищами, действительно выглядела загадочно.

Увидев бьющееся в агонии обезглавленное тело Бориса, его гридни подняли на ноги все войско — почти восемь тысяч человек. Обнаружив полотнище шатра, отброшенное вместе с опорным шестом далеко в сторону, нашли по веревке березу, которая послужила пружиной, приведшей в действие механизм покушения. Увидев кол с остатками перерубленного лычка, догадались, каким образом был сорван шатер.

Во время лихорадочных поисков злоумышленников обнаружили еще множество настороженных деревьев-луков. Стало ясно, насколько основательно была устроена западня.

Пока одни метались по лесу в надежде схватить злодеев, другие вылетели на соседний луг и увидели охваченную огнем конюшню. Когда она доргорела и дружинники смогли приблизиться к ней, заметили с

краю, там, где проходила стена, четыре обгорелых трупа. А на следующий день, когда пепелище остыло, нашли среди углей останки еще нескольких человек. Суевверные люди были склонны считать, что в пожаре сгорели убийцы князя, причем казнил их не кто иной, как сам всевышний.

По возвращении из похода дружина остановилась в Вышгороде. Останки Бориса положили в мраморный саркофаг в церкви святого Василия. Но отпевать молодого князя епископ пока не стал, словно надеясь, что голова вернется к обезглавленному телу. Правда, иные из воинов утверждали, что владыка не зря хитрил — даже среди дружинников пошли слухи о подмене. Кое-кто говорил, что Борис сам подстроил все это, подсунув вместо себя неизвестно чей труп, и бежал, опасаясь за свою жизнь.

— Попомните мое слово, он скоро в Ростове объявится, — толковал один из воинов, навалившись грудью на стол, уставленный братинами с медом.

— Н-нет! — саданув кулаком по дубовой столешнице, заорал другой. — Не поехал бы он туда. Не ведаешь разве, что он с княжения отпросился, когда промеж Ярославом и Владимиром ссора вышла. Он ведь соседом брату был, опасался, зная, что тот ему жизнь укоротит.

— Чего ему с Ярославом делить было?

— Сам он на Новгородское княжение метил... Даром, что ли, к отцу под крыло удрал, как только прят разгорелась... Знал, видно, нрав братцев.

Но немало было и толков о причастности к убийству нового киевского князя Святополка. Особенно подерживали эту версию, как заметил Ильин, ревностные христиане — те, что поминутно крестились и призывали на помощь Иисуса и его святое воинство. Виктор сделал вывод, что источником таких слухов являются священнослужители — именно в церкви могли почерп-

нуть одни и те же сведения люди, живущие на разных концах города.

Святополк, как говорили киевляне, совершенно открыто высказывал свои симпатии старой вере русичей. Одной из первых его акций по княжении было устройство богатой тризны на могиле его предка Олега — высоком кургане, поднимавшемся недалеко от городской стены. Тысячам горожан, собравшимся в тот день у подножия холма, княжеские холопы разносили бочки с медом. Святополк самолично пожаловал народу множество свит, шапок и сапог.

По Киеву открыто расхаживали люди с обритыми головами, на которых был оставлен только длинный пучок волос — вроде оселедца, излюбленного позднейшими запорожцами. На шее у них побрякивали ожерелья из медвежьих и конских зубов, деревянные и костяные фигурки богов, фаллические изображения. Подолы и рукава длинных белых рубах, расшитые красным орнаментом с громовыми и свастическими знаками, резко выделялись на фоне сермяжных одеяний толпы.

Давно не виданных здесь волхвов сопровождали десятки просителей — одни умоляли отслужить требу на родовом кургане, другие приглашали благословить новорожденных, третьи упрашивали отчитать больного, ставшего жертвой дурного глаза.

Клирики христианских церквей — по большей части греки и болгары — с явным страхом наблюдали буйный рост языческих настроений. Но идти против массы опасались, тем более что на этот раз за спиной у них не было поддержки князя и его дружины.

Простой народ со все усиливающейся враждебностью относился к многочисленным торговым гостям из христианских стран, то и дело на рынках возникали стычки между приверженцами дедовских обычаев и купцами, менялами, посредниками, носившими кресты или исповедавшими ислам, иудаизм.

— Ужо погодите, попомним вам, как Перуна рубили, как отцов наших в Почайну под копытами загоняли, — потрясая костлявым кулаком в сторону священнослужителей, кричал юродивый, сидевший неподалеку от Десятинной церкви, первого храма, выстроенного Владимиром.

У оборванца, удивительно похожего на персонаж картины Сурикова «Боярыня Морозова», висел на шее не крест, а камень с дыркой посередине. Ильин сделал вывод, что со временем господствующая церковь поставила себе на службу популярный в народе институт юродства. Во всяком случае, уже во времена Ивана Грозного такие безумцы играли роль блюстителей идеологической чистоты христианства.

Самоуверенности простолюдинам, задиравшим последователей трех родственных вероисповеданий, придавало и то, что в городе появилась масса викингов, пришедших в Киев из Поморья, едва разнеслась весть о том, что на великокняжеский стол сел человек, благоволящий язычникам.

Торир подолгу приглядывался к группам скандинавов, прежде чем подойти к ним. Только удостоверившись, что среди них нет нежелательных знакомых, решился расспросить о новостях с Запада. Уйдя из Норвегии в конце зимы, он не знал, что происходило на родине в течение минувших месяцев. А о событиях в других странах слышал и того меньше, так как после участия в походе на Англию в составе войска датского конунга Свейна Вилобородого он вернулся в родительскую усадьбу и прожил в ней две зимы и лето — до тех пор, пока его не объявили вне закона...

— Вы о смерти Свейна ведаете? — Коренастый датчанин со светлыми бровями и ресницами, с широкой русой бородой, подозрительно смотрел то на Торира, то на Виктора.

— Слышал я об этом, — ответил Бычья Шея. — Он ведь еще прошлой весной умер. А на друга моего ты не

поглядывай — он русич, в наших делах не сведущ. Так что там вышло в Англии?

— Еще немного, и последний христианский граф улепетнул бы за море. Вся страна была бы нашей и молилась нашим богам.

— А кто теперь у власти в Дании?

— Харальд, сын Свейна — этот изменил вере отца, на него надеяться нечего. А младший — Кнуд — провозглашен королем Англии.

— Что в Норвегии?

— Ходят слухи: ваш конунг Олаф Толстый — тот, что принял крещение, когда служил у герцога норманнского, — оказался не очень-то покладистым человеком.

— Да, за ним надо смотреть в оба.

— Так вот, Олаф задумал объявить себя государем Норвегии и не признавать власть Дании.

Торир надолго погрузился в размышления, словно забыв о датчанине. А тот продолжал рассматривать его все с тем же подозрением.

— Эй, приятель, а как ты сам оказался в Гардарике?

— Я как раз от людей Олафа и ушел, — ответил Бычья Шея. — Хочу наняться на службу — здесь или в Миклагарде.

— Ну, тогда другое дело. — Викинг широко улыбнулся, показав крепкие зубы. — Мы ведь тоже сюда приехали, как слышали про здешнего князя Святополка... Сейчас у нас ни одного государя не осталось, за кем можно пойти, всех попутали попы.

Ильин решил принять участие в разговоре и спросил:

— Так ты думаешь, если Святополк открыто провозгласит целью восстановление старой славянской веры, то к нему под знамена встанут многие?

— Весь Йомсбург, — коротко сказал викинг.

— Из Норвегии тоже кое-кто поможет, — добавил Бычья Шея...

Пока они бродили по городу, Ильин несколько раз примечал в толпе человека с рыжей бородой, заплетенной в косицу. Лицо его показалось знакомым Виктору, но как он ни пытался припомнить, где видел эти серые глаза навывкате, эту загнутую на манер серпа косу, ничего на ум не приходило.

И только когда они вернулись на свой постоянный двор, память вытолкнула: ощеренный рот, прыгающая косица, блеск широкого лезвия, грохот рушащихся перекрытий, глухие крики, похожие на рычание...

Анна, поджидавшая в светелке, бросилась им навстречу, едва они переступили порог.

— Ну что, удалось увидеть Святополка?

— В Вышгороде он сидит, а туда никого не пропустят. Люди говорят, князь боится наемных душегубцев.

— Тут, между прочим, всю толкуют о том, что это он подослал убийц к Борису. Я едва сдержалась, чтобы не выложить им все, как было...

— Смотри! — Ильин помахал в воздухе ладонью. — Никто не должен знать об этом, пока мы не пробьемся к князю. Свидетельства очевидцев в теперешней политической борьбе — это посильнее всякого оружия. А то, что кто-то болтает... На постоянных дворах обстановка располагает к сплетням.

— Да, самое главное забыла сказать! Перед вашим приходом здесь появился человек из Вышгорода. Сегодня утром, по его словам, на гробнице молодого князя обнаружили отрубленную голову Бориса!

— Вот это номер! — присвистнул Ильин.

Торир на минуту задумался, потом медленно заговорил:

— Ярислейфу предъявили доказательство, больше оно ему не нужно. А вот переполох вызвать таким способом — это хорошо придумано....

— Я же тебе говорил: Ярослав — умный человек...

— И это свидетельствует еще об одном, — продолжал Торир. — Значит, слухи о том, что он с войском

находится где-то за Смоленском, правильны. Эймунд при всем своем проворстве не мог за эти несколько дней добраться до Хольмгарда и затем отправить кого-то сюда с головой Бориса...

При этих словах перед глазами Виктора снова возникло лицо с бородой-косицей. Но он не стал делиться своими опасениями, решив назавтра окончательно убедиться, не обознался ли. Если то было не случайное совпадение, если за ними установлена слежка, он обязательно обнаружит это....

Когда Анна ушла спать в подклет к хозяйской дочери, а Ильин с Ториром улеглись на лавках в светелке, через узкие — в ладонь — оконца еще доносились скрип телег, стук копыт по настилу двора, приглушенные голоса. До глубокой ночи на постоянный двор прибывали возы из ближних и дальних мест — везли хлеб нового урожая, мед, рыбу. Наступило самое золотое время для торгов.

VIII

Наутро город гудел от новых слухов. Купцы, прибывшие на рассвете с верхнего течения Днепра, привезли весть об убийстве муромского князя Глеба. На этот раз преступление было совершено поблизости от жилых мест, на пристани Смядыни. Злодеев едва не схватили случайные очевидцы нападения, удалось, во всяком случае, узнать одного из них — личного повара князя, торка родом.

Киевляне не жаловали это азиатское племя, то и дело досаждавшее купцам на днепровских порогах, грабившее земледельческие селения по степной Украине. Вместе с печенегами торки иногда появлялись и под стенами стольного города, угоняли скот, жгли посады, хватали в полон зазевавшихся рыбаков и смолокуров.

— Торчин этот и зарезал князя как овцу, — говорили те, кто, по их словам, из первых уст слышали рас-

сказ купцов об убийстве. — Глеб-то мальчишка совсем — годов шестнадцать...

— Не наскочи на них люди, и этому голову отбрили бы, — заметил один из слушателей.

— Как пить дать — одна рука за всем этим смертоубийством.

Последняя фраза заставила всех замолчать. Слишком очевиден был намек на Святополка.

Ильин только сейчас осознал всю серьезность положения. Все происходило так, как было написано в житии Бориса и Глеба. И подозрения адресовались Святополку. Имя Ярослава не называлось даже сторонниками киевского князя, ведь его новгородский брат, казалось всем, настолько далек от происходящих событий, что при всем желании не сможет повлиять на их ход.

— Но куда ехал Глеб? — задав этот вопрос, Ильин попробовал повернуть мысли людей в другое русло. — Почему он оказался в Смоленске?

— В Киев, говорят, плыл, — ответил один из распространителей новости.

— А зачем? — быстро спросил Ильин, боясь, что разговор опять уйдет в сторону от главного.

— Известно, — начал тот же ловец слухов, но осекся: — Вроде... вроде бы как под братнюю руку княжество свое привести.

— Словом, присягнуть на верность? — уточнил Виктор.

— Ну да...

— Так зачем же Святополку его убивать? В гибели Глеба кто-нибудь другой заинтересован — кому на вашего князя тень бросить надобно... Да и в случае с Борисом — не то же самое?..

Несмотря на то, что везде и всюду обсуждались трагические события последних дней, само собой сложилось нечто вроде неписаного правила не называть по имени возможного вдохновителя убийства молодых князей. Нарушив его, Виктор расставил точки над «и».

Теперь, считал он, в умах людей должен постепенно созреть правильный ответ на вопрос: кому выгодно?..

Кое-кто отошел от спорщиков, почесывая затылок. Другие загалдели пуще прежнего.

— А как это Глеб в Смоленске очутился, коли он в Киев плыл? — выкрикнул один из мужиков. — Из Мурома-то по Оке идут до верховьев, там поблизости от Черной Грязи на Сейм переволакиваются, а по нему в Десну сплывают. Почитай под самым Киевом и выходят в Днепр. Не-ет, что-то тут не так, не зря князь крюка такого дал...

Но его тут же подняли на смех.

— Эва, мудрец нашелся! Да ты откуда свалился — по Сейму на Оку захотел попасть. Там, у волока второй год проходу нет. Змей двенадцатиглавый под калиновым мостом всех прохожих-проезжих грабит-убивает!..

Ильин насторожился. Это явно был какой-то отгосок фольклора. Но откуда тогда такая хронологическая точность, никогда не сопутствующая подобным мифологическим представлениям? Однако его недоумение было тут же рассеяно.

— Да не змей никакой, будет сказки-то баять! Люд там разбойный змеиной веры. Вот и запустел волок...

— И я про то слышал. И есть-де мост калиновый через речку Смородину, там вот они прокудят, оканные.

— А мне люди говорили, будто не шайка там, а целое племя обосновалось — вроде печенег тутошних. Жгут деревни, городки малые. Только церкви новоставленные не трогают. Во как!

Кричали и перекрикивали друг друга еще долго. В конце концов у Ильина составила вполне законченная картина того, что происходило на речке Смородине, известной каждому фольклористу по многочисленным былинам и сказкам об Илье Муромце.

Какое-то племя степных хищников, пришедших из

глубин Азии в лесостепную зону, оседлало важный торговый путь и сделало поборы с купцов и разбой источником своего существования.

Подтверждение его соображений пришло раньше, чем он мог предположить.

Около полудня запели рожки, загудели медные била возле церквей и на торговых площадях. По Боричеву взвозу к северным воротам, вздымая облако пыли, летела пестрая кавалькада.

— Князь едет! — пронеслось по Киеву.

Всадники повернули перед самым городом и помчались под стеной к Олеговой могиле. Услышав об этом, народ повалил в сторону кургана, весело шумя, толкаясь и задирая многочисленных иноземцев. Мусульманам и иудеям показывали край свиты, сложенный в виде свиного уха. Увидев грека, складывали щепоть и принимались слюнить ее, причмокивая ртом, словно обсасывая маслинку. Да и разноплеменных славян честили немилосердно.

— Дрягва чернолапотная! — кричали дреговичу, жителю болотистого Полесья.

— Псковичи — небо кольями подпирали! — безошибочно определив по цокающему говору гостей с севера, местный забияка намекал на широко известный анекдот: жители вольного города будто бы решили на вече подпереть кольями нависшую грозовую тучу.

— Эй, лапшееды! — поддевали ростовцев. — Вы, сказывают, родимое озеро соломой поджигали?

И тут имелась в виду бродячая байка о том, будто ростовские жители снимали солому с крыш, чтобы разжечь костры на льду и протаять полыньи для рыболовства.

— В Севске поросенка на насест сажали, приговаривали: цапайся, цапайся, курочка о двух лапках, да держится.

Приезжим оставалось только ежиться под смех

толпы. Состязаться в остроловии со столичными ерниками мало кто решался.

Перебранка и гогот разом стихли, едва на курган поднялся Святополк с несколькими боярами. Князь, высокий, тонкий в талии, легко взбегал по крутому травянистому склону. Его длинный плащ с собольей оторочкой — корзно — разлетелся на стороны, словно багровые крылья.

На вершине Святополк резко повернулся лицом к городу, туда, где собралась основная масса людей, и, не дожидаясь, пока его приближенные вскарабкаются за ним, выкрикнул:

— Здравствовать всем, народ честной!

Толпа восторженно зашумела. В воздух полетели суконные колпаки и барашковые шапки.

Князь положил руку на рукоять богато украшенного меча и обвел взглядом людское море. Узкое бледное лицо его было неподвижно; густые темные усы, свисавшие по краям рта до подбородка, делали его выражение капризно-сумрачным. Это впечатление исчезло, стоило Святополку заговорить. Энергичная, плавно льющаяся речь свидетельствовала о стойкой и твердой воле.

— Я приехал известить вас, что брат мой Ярослав идет на меня с силой немалой. Объявил он, будто хочет отомстить мне за смерть двух братьев наших Бориса и Глеба... Знаю, что чьи-то злые языки стараются сделать меня ответчиком за это убийство, но, стоя на могиле своего прадеда, клянусь вам — нет на мне братней крови!

Он сделал паузу, явно ожидая реакции толпы. Но она на этот раз молчала.

Ильин толкнул Торира и шепнул: «Вот тебе и объяснение причин убийства — найден повод для войны, а заодно и возможные соперники устранены».

Зычный голос Святополка снова разнесся окрест:

— Ярослав готовился к войне с моим отцом, вы

знаете это. Он призвал к себе варяжскую дружину. А новгородцев уговорил идти с ними на меня, пообещав им навсегда освободить их город от уплаты десятины в пользу Киева!

По толпе прокатился ропот. Стали слышны отдельные выкрики: «Ах, дровосеки! Ужо поставим их нам хоромы рубить!» — «Нешто хромоножка нас напугает?!» — «Да мы их, мезговников, плетью захлещем — не токмо что оружие об них пачкать!» Последнее из прозвищ намекало на то обстоятельство, что новгородцам в голодные годы нередко приходилось подмешивать в муку толченую мезгу — подкорный слой сосновых деревьев.

Князю было любо слышать эту воинственную переключку. Расправив усы, он улыбнулся и спросил:

— Так что, пойдете со мной плотников проучить? Покажем им, что не ихнее это дело — мечом махать?

На этот призыв отозвались несколько сдержаннее. Одно дело на словах геройствовать, другое — головой riskнуть. Толпа заходила ходуном — кто-то пробивал себе путь к кургану, кто-то норовил протиснуться поближе к воротам, дабы улизнуть в случае чего.

Больше сотни викингов сгрудились у подножия холма, один из них, плечистый белокурый богатырь, задрал голову, крикнул с сильным норвежским акцентом:

— Князь, мы пришли сюда, прослышав, что ты будешь вести дела по совету со старыми богами, а не по наущению хитрых слугителей Иисуса...

Святополк помедлил с ответом. Ему, очевидно, не хотелось в такой зыбкой ситуации восстанавливать против себя последователей влиятельной религии. Но и викинги явно не удовлетворились бы уклончивыми обещаниями.

— Я уповаю на помощь Перуна!

Князь сделал свой выбор. И народ ответил одобрительным гулом. Но Ильин заметил вокруг немало та-

ких лиц, которые как бы одеревенели, в то время как над толпой неслись восторженные клики.

В этот момент Святополк и стоявшие рядом с ним бояре разом повернулись в сторону Боричева взвоза. Торир, на голову возвышавшийся над окружающим людом, первым заметил клубы пыли, поднявшиеся в той стороне.

— Еще кто-то едет. Похоже, князь не ждал гостей.

Народ расступился, пропуская группу всадников, во главе которых мчались широкогрудый бородач в кольчуге и статный старик в кожаных латах, с обритой головой, с которой свешивался седой оселедец.

Ильина словно что толкнуло в сердце — в пожилom воине он узнал Добрыню.

— Чего ты? — спросил Бычья Шея, когда Виктор дернулся в сторону волхва, проезжавшего в полусотне метров. — Не пробиться, напирают как бараны...

Всадники осадилы коней перед цепью дружинников, окружавших курган.

— Кто такие? — строго спросил князь в наступившей тишине.

— Я Дружина, боярин твоего брата Глеба, в крещении Ильей наречен, — густым басом ответил широкогрудый.

— А я Добрыня, родич твой по отцу, — застуженным голосом произнес старик.

По толпе опять волной прошло возбуждение. «Точно, он!» — «Сколько лет его не видавали!» — «Постарел-то как, а ведь был богатырь, веку ему, думали, не будет».

— Рад тебе, Добрынюшка, доходили слухи о тебе, будто хоронишься ты где-то в лесах дремучих...

— А я вот прознал, что ты на стол отчий взошел да вере нашей вольготу дал, решил на подмогу к тебе приехать. Хоть и сила не та...

— Старый конь борозды не портит, — улыбнулся Святополк.

— Дозволь, князь, о деле сказать, — начал Дружина.

— Говори, достопочтенный муромец.

Ильина словно электрическим током прошло. «Да ведь это Илья Муромец собственной персоной!»

Широкогрудый слез тем временем с коня. Народ ахнул, увидев, что боярин на голову выше любого из молодцов, окружавших холм. Под кольчугой перекачивались мощные грудные мышцы. Подойдя к одной из лошадей, на которой были навьючены переметные сумы и мешки, Илья одной рукой поднял рогожный куль, перекинутый через седло, другой распустил узел, стягивавший его горловину. Затем перевернул куль и вытряхнул на траву странное существо с абсолютно лысой головой и необычайно развитой грудной клеткой, что придавало ему сходство со статуэтками буддийских божков, много раз виденных Ильиным. Короткие кривые ножки свидетельствовали, что обитатель куля из какого-то кочевого племени, где сызмала привыкают к седлу.

— Подарочек тебе, князь. Вот эта нечисть почитай два года проезду не давала по окскому волоку. Потому и Глеб, брат твой, кружным путем поехал, а мы с Добрыней да с дружиной малой на Сейм решили пробиваться.

— Кто же это такой? — подняв бровь, спросил Святополк. — Слухов много про ту шайку было, а в точности никто ничего не знал.

— А вот ты его самого расспроси... Эй, толмач, живо сюда.

Один из всадников проворно соскочил с седла, пробежал к лежащему на земле буддийскому божку и что-то произнес на гортанном языке. Илья схватил кривоногого коротышку за шиворот и показал толпе. Ближайшие к нему киевляне отшатнулись — видно, было в этом странном создании, постреливавшем по

сторонам черными рачьими глазками, что-то утрашающее.

После увесистой затрешины божок судорожно поджал кавалерийские ноги и быстро залопотал. Когда он умолк, толмач заговорил, коверкая русские слова на восточный лад:

— Отвечает так: зовут меня Сол, происхожу я из благородного хазарского рода Папазиев. После того, как твой дед, князь Святослав, разрушил наши города, мы снялись со своих мест и стали кочевать подобно своим предкам. Те племена, что пришли из-за Волги, когда Хазария погибла, согнали нас с хороших пастбищ, мы подались в лесные места.

— Ишь ты, послушать тебя: агнец кроткий, — усмехнулся Добрыня. — А тут еще старики живы, которые хазарский полон помнят. Что ни год, приходили вы под самый Киев, сколько сел пожгли, сколько душ погубили! Если б не Святослав Игоревич, по сю пору кровушку из нас пили бы. Да и я на Хазарию хаживал с Владимиром-князем, видывал, каково от этих смиренников тем доставалось, кто в рабство к ним попал

— Эй ты, Сол-разбойник! — крикнул Святополк. — Отчего ж ты на худое дело пошел — купцов грабить стал, деревни зорить, народ переводить...

Божок ничего не ответил на вопрос толмача, только беспокойно засучил ножками.

— Порубить его, и только! — крикнули из толпы.

Илья поднял руку:

— Успеется с этим. Вели, князь, чтоб показал он, как на змеином языке говорит.

— Пусть покажет, — усмехнулся Святополк.

Толмач передал приказание. Сол снова посучил ножками и заложил в рот четыре пальца.

Виктор, со все возрастающим изумлением наблюдавший за сценой, почти детально воспроизводившей содержание знаменитой былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, поспешно толкнул Торира и зна-

ком показал ему, что надо заткнуть уши. Викинг непонимающе пожал плечами и не последовал его примеру.

Наблюдая за лицами окружающих, Ильин понял, что перестраховался, и отнял руки от ушей. Карлик свистел громко, пронзительно, но не настолько, чтобы, как говорилось в былинах, «маковки на теремах покровились, а окошки в теремах рассыпались, а что есть людишек, все мертвы лежат».

Посвист хазарина походил на некую мелодию, то возвышаясь, то понижаясь, она словно бы повествовала о чем-то тревожном. Когда Сол умолк, Святополк спросил у Ильи:

— И что, в ихнем племени все так объясняются?

— Как есть все, — ответил богатырь. — За десять верст друг друга слышат. Оттого-то и не давались в руки, что от любого войска уйти успевали — Глеб-князь не раз дружину посылал тот волок очистить.

— Благое дело ты исполнил, любезный Дружина! — сказал Святополк. — Жалую тебя за это конем вороным из моей конюшни да шубой собольей. И на службу к себе милости прошу...

— Исполать тебе, князь, за ласковое слово, — поклонился Муромец. — Позволь и тебе подарок сделать для твоего зверинца.

Он кивнул своим молодцам; те проворно соскочили с лошадей и, затолкав Сола в мешок, передали его княжеским гридням.

После этого Илья достал из переметной суммы узкий блекло-синий лоскут, привязанный к обломанному древку. Растянув его на руках, показал толпе: на грязно-голубом поле было вышито извивающееся тело змеи.

— А вот и знамя ихнее. Нету больше змеинного полка...

И на этот раз ничего не вышло из замысла Ильина пробиться к Святополку. Слишком много просителей рвалось к князю, и дружина никого не допускала к

нему. Даже дюжий Торир не смог преодолеть заслон.

В последнем отчаянном усилии Ильину удалось привлечь к себе внимание Добрыни — старик тоже оказался в плотном кольце людей, желавших хотя бы прикоснуться к знаменитому воителю, слава о котором жила во все те десятилетия, пока он скрывался в дебрях от ищеек Владимира.

Заметив машущего ему из толпы Ильина, волхв, видно, не сразу узнал его, так как равнодушно скользнул по нему взглядом. Но тут же снова воззрился на Виктора. Потом взмахнул плетью над головами толпы и направил коня прямо к тому месту, где стояли Ильин и Бычья Шея.

— Ты здесь?!

— Как я рад тебя видеть, Добрыня! Часто вспоминал тебя, глядя на твой дар, — с этими словами Ильин вытянул из-за пазухи шнурок с деревянным образком, на котором был вырезан поединок Змея и Всадника.

Взгляд старика потеплел, он порывисто погладил Виктора по волосам и сказал:

— Вот видишь, дождались мы светлого дня. Не зря я на Святополка надеялся...

В толчее поговорить как следует не удалось. Условились, что Ильич придет вечером на двор боярина Путши, родича Добрыни — у него старый воин думал остановиться.

IX

Когда начало смеркаться, Виктор отправился в усадьбу Путши, находившуюся за городской стеной на Перевесище, неподалеку от берегового откоса, круто спускавшегося к Днепру.

Торира Ильин решил не брать с собой, так как опасался, что в ходе беседы с Добрыней могут быть

задеты темы перемещения во времени и приспособления мигрантов к здешней исторической среде.

В тереме боярина он сразу же попал за пиршественный стол. Добрыня объявил, что Виктор — его старый друг, и посадил справа от себя. Новому гостю тут же поднесли ковш ставленого меда, от которого, конечно, нельзя было отказаться.

После этой огромной посуды хмельного Ильин почувствовал, что ноги стали словно чужими, да и язык стал плохо повиноваться. Добрыня обнял его за плечи и спросил:

— Нравится тебе здесь?

— Хорошо сидим, — кивнул Виктор.

— Этот дом старине верен... Посмотри, ни одного чернявого за столом.

Ильин оглядел пестрое собрание. Действительно, по лавкам сидели исключительно люди славянской и скандинавской внешности.

— Греки да хазары двор Путши стороной обходят... Знают, не жалуют здесь змиевых слуг.

— Скучал я по тебе, Добрыня, — сказал Ильин. — Не с кем часто поговорить было — никому ведь не откроешься. Только ты мою тайну знал...

— Слушай! — Старик хлопнул себя по лбу. — Со всем забыл... Похоже, ты не один тут такой, твои трое не в счет; есть в Киеве переписчик книг, который тоже молниями швырялся. Рассказали мне о нем, когда я сюда из Мурوما добирался...

Хмель будто испарился. Сердце Виктора забухало как пудовый молот. Рокот тамбурина, смех, топанье плясунов — все потонуло в этом грохоте.

— Что с тобой? — Голос Добрыни доносился словно сквозь толстую стену. — Кровь в лицо ударила...

— Ничего-ничего. Говори скорее... Ты понимаешь... Скорее...

— Сейчас... Эй, молодец, позови-ка сюда Устрою Рваное Ухо.

Вскоре к ним подошел, пошатываясь, дюжий дегина с кудлатой головой, в богатом златотканом плаще с вышитыми оплечьями. Мочка левого уха у него была разорвана посередине — видимо, когда-то у него сорвали серьгу.

— Чего тебе, Добрынюшка? — с хмельной улыбкой осведомился Устрой.

— Расскажи другу моему про того грамотея, что кудеса вытворял. Нужен он ему позарез.

— А-а, ничего проще нет. Живет он на Подоле, неподалеку от пристани. Спроси там — Григория-писца. Любой мальчишка покажет...

— Ты сам видел, как он?.. — Ильин замолчал, не зная, как определить сверхъестественные способности, проявленные предполагаемым мигрантом.

— Не-е, друг мой видал. Случайно вышло будто бы Ехали они в Чернигов, да наскочили на них лихие люди, тогда этот Григорий и пуганул их молнией. Аж кусты, сказывает, загорелись. Тем только и спаслись от татей...

По кругу пошел еще ковш пенного меду. Ильин едва в руках удержал огромный сосуд — в него входило по меньшей мере ведро веселящего напитка. Теперь он с самым искренним удовольствием хватил изрядную дозу — было за что выпить.

— Добрыня, ты мне такую услугу оказал...

— Ну уж ты скажешь. Будто от этого жизнь зависит...

При этих словах Ильина словно окатило холодной струей — ему стало стыдно смотреть в голубые глаза Добрыни. Он пришел сюда с единственной целью — попросить старика провести его и Торира к Святополку, а сам, позабыв о деле, пьет и веселится.

— Я сразу хотел тебе сказать... Мне нужно увидеть князя. Можешь помочь мне?

— Ой, милый, у него в Вышгороде теперь такая суматоха! Со дня на день должны в поход выступить.

Ярослав-то с войском, по слухам, левым берегом Днепра идет...

— Очень надо! Я и мой товарищ, тот, которого ты видел рядом со мной на площади...

— Варяг?

— Да. Мы оба должны увидеть Святополка и рассказать ему кое о чем... Извини, но я решил, что первым об этом должен узнать князь. Это касается судьбы великокняжеского стола, а может быть, и всей Руси...

— Я не из тех, что суют нас в чужие тайны...

— Добрыня, как только я поговорю со Святополком, то посвящу и тебя в свой секрет — если князь не будет возражать против распространения этой новости.

— Ладно. Завтра поутру я буду в Вышгороде, увижусь с ним. Подходите сюда к паужину — тогда, если договорюсь, и поедем.

Пир затянулся далеко за полночь, а уйти до его окончания хозяева никому не позволяли.

— Ежели кто на ногах удержаться сможет после моих медов — мне это в позор и поношение! — колотя ковшом по столу, уставленному блюдами с дичью и рыбой, седовласый гигант Путша зверски водил глазами по багровым лицам гостей. — Еще ковш пенника сюда! Да из той бочки, что семь годов стояла! Погляжу я тогда, каковы плясуны из вас, милы други!

Только когда боярин добился своей цели — гости начали валиться с лавок, — сенным девкам велели постелить участникам трапезы.

Когда Ильин подошел к городским воротам, небо на востоке густо поглубело. Получив монету, стражник втянул носом воздух и одобрительно заметил:

— Видно, добрый медок пили — во как шибаёт. Поди, у Путши гулял, сердешный, — нам и то слышно было, каково весело у него...

Еще не дойдя до переулка, где находился постоянный двор, Виктор увидел зарево, услышал крики. Прибавив шагу, он выскочил на перекресток, откуда было видно их временное пристанище, и остолбенел — горело именно там.

Десятки людей бежали на пожар — кто с ведром, кто с топором. Подхваченный толпой, Виктор в считанные минуты достиг ограды постоянного двора. На его глазах пылающая крыша обрушилась внутрь сруба.

— Подождли! — вопил извозчик в перепачканной сажей рубаше, с обгорелыми бровями и бородой. — Двери кольями подбиты!

— Со всех сторон разом запалили, — толковали столпившиеся вокруг мужики. — Никто не выскочил. Видно, задохлись в одночасье...

Наконец, со страшным греском, далеко рассыпая головни, обвалилась стена дсма. Люди с ведрами бросились к соседним строениям, стали поливать их водой. На крышах тоже стояли караульщики, то и дело сбрасывали долетевшие с пожарища уголья.

Ильин повернулся и медленно побрел неизвестно куда. В душе было пусто и холодно, в таком состоянии он долго сидел на обрыве, глядя на разгорающуюся зарю, на таящуюся далеко внизу реку, полускрытую клочьями тумана, на лесное море, протянувшееся до окоема. Тысячеголосый птичий хор возносил к небесам гимн восходящему светилу, но едва из-за горизонта блеснул ослепительно алый край солнца, все смолкло, словно склонившись в немой молитве перед самым божеством.

Виктор поднялся. Кругом было светло. Снизу, от Днепра, доносились голоса, от пристани отходили первые суда, казавшиеся отсюда опавшими листиками рябины. Под городской стеной, идиллически побрякивая колокольцами, брело стадо коров. И вдруг перед глазами Ильина возникло лицо Торира: «Самое лучшее, что может сделать викинг — это изловчиться запереть

своих недругов в доме и поджечь его с четырех сторон...» И сразу же вслед за этим видением всплыло другое: ощеренный рот, длинная, изогнутая серпом борода-косица, меч, блещущий в полумраке.

Как же это он позабыл, что собирался последить, не мелькнет ли где в толпе знакомая физиономия! Вчера, увлеченный толпой к Олегову кургану, он смотрел только на Святополка, на подъехавших богатырей...

И тут же он сказал себе: стоп! Но ведь в конюшне сгорели все нападавшие... Нет, тот, с косицей, упал в боковом стойле, растянулся на куче навоза... Ильин даже не посмотрел потом в ту сторону... Неужели рыжебородый уцелел, сумел выскользнуть из охваченного огнем сарая вслед за ними?..

Полдня Виктор ходил по городу, заглядывая во всевозможные харчевни и лавки, обошел все рынки и постоянные дворы. Но нигде не увидел викинга. В конце концов решил заглянуть в Десятинную церковь, там как раз должна была начаться дневная служба.

Народу в храме оказалось немного. Ильин сразу охватил взглядом всех молящихся. Того, кого он искал, здесь не было. Виктор повернулся, чтобы идти, и вдруг замер, услышав знакомый голос, донесшийся со стороны алтаря.

— Да воскреснет бог, и расточатся враги его, и да бегут от лица его ненавидящие его...

Фигуру в черном облачении, склонившуюся над аналоем с псалтирью, заслоняли спины прихожан. Но вот чтец поднял голову, чтобы отвести волосы от лица, и Виктор узнал Ивашку.

Едва дождавшись, пока старообрядец закончит чтение, Ильин пробрался к нему и знаками показал, что ему позарез необходимо поговорить с ним. Монах изобразил на лице сугубое недовольство, однако вышел вслед за Виктором на паперть.

— В грех вводишь. Во время службы...

— Прости... Но я не мог дожждаться... Отслужи молебен по новопреставленным Василию и Анне.

— Что?! — Иван схватил Виктора за плечи. — К-как это случилось?..

— Потом, — сквозь зубы сказал Ильин. — Ты здесь теперь?

— Пока псаломщиком пристроился, — с трудом переведя дыхание, ответил монах. — А потом думаю на Афон податься к братии...

— Ну ладно, я тебя найду... Так отслужишь?

— Сорокоуст закажу. И отпеть сегодня же... Без причастия, без исповеди отошли? — сострадательно глядя на Ильина, спросил Иван.

Виктор молча кивнул и спустился по ступеням на церковный двор. В тот же миг кто-то с размаху налетел на него, чуть не сбив с ног.

Ильин сжался в комок, готовый отбросить неожиданного противника. Но когда увидел, кто перед ним, сразу же расслабился. Плечистый детина в посконной рубахе до щиколоток, с грязными потрескавшимися пятками, смотрел на него с покаянным выражением на детском лице. Пухлые губы, чуть оттененные юношеским пушком, обиженно вздрагивали.

Не успел Виктор отчитать неловкого недоросля, как из-за церкви вылетел тщедушный старикашка в холщовом подряснике и темно-синей камилавке, из-под которой торчали жидкие седые патлы. Увидев его, юный богатырь закусил губу от ужаса и стремглав бросился в кусты, росшие вдоль ограды.

Старик остановился возле Ильина, схватившись за сердце, и, глотнув широко раскрытым ртом воздух, попетушину возопил:

— Алешка, прокляну! Вернись, окаянный!

В ответ раздался хруст ломающихся веток, над забором мелькнули грязные пятки. Босые ноги прошлепали по глинистой дороге.

— Э-эх, силен враг человеческий! — потерянно ска-

зал старикашка, ни на кого не глядя, и вытер костлявым кулачком слезящиеся глаза. — Сын священника, а что удумал — с Добрыней уйду, кричит, да с тем бугаем... как его... Дружиной... С язычниками богомерзкими...

«Вот и Алеша Попович собственной персоной», — с усталостью подумал Ильин. Он уже ничему не удивлялся.

Х

Ильин шел по лабиринту узких переулков, то и дело спрашивая у встречаемых, как найти писца Григория. На Подоле селился трудовой люд — грузчики, рыбаки, извозчики. Окруженные поленницами дров неказистые избушки и землянки, грудившиеся у Днепра в полном беспорядке, делали поиск нужного человека нелегкой задачей. Ибо приметы его жилища, называвшиеся словоохотливыми подольянами, можно было обнаружить при взгляде на любую халупу.

Наконец, какая-то сердобольная старушонка взялась провести Виктора к обиталищу Григория. Поплутав вместе с ним в паутине тропок и проулков, она остановилась перед осевшим набок крохотным срубом, выбеленным мелом.

— Здесь, мил-человек.

Вознаградив бабку медной монеткой, Виктор сунулся в низкий лаз, занавешенный дерюгой, и оказался в почти полной темноте. Хотя он никого не видел, быстро сказал:

— Здравствуйте!

— Доброго здоровья тебе, гостенек, — прозвучало из угла.

Кто-то прошаркал к Ильину, обошел его и отдернул ветхую завесу, заменявшую дверь.

Теперь Виктор смог рассмотреть хозяина. Сухой, совершенно прямой старик с впалыми щеками и без-

жизненным взглядом чем-то напомнил ему типичного петербургского чиновника — каким, например, любят изображать иллюстраторы супруга Анны Карениной.

На низком столике, заваленном свитками пергамента, стояла большая чернильница, закрытая крышкой. Тут же лежали писала — остро отточенные тростинки. Подле лавки, накрытой овчинами, виднелась скрыня; горло ее было замотано тряпницей. Два грубо сколоченных сундука в углу, рукомойник-уточка да несколько глиняных сосудов составляли все достояние старика.

Мудро-бесстрастный взгляд писца обезоружил Ильина, и он не находил, с чего начать. Все заготовленные им варианты вступления разом отпали, едва он увидел этого человека. «Да он на три метра в землю видит», — подумал Виктор и с замиранием сердца сказал — как в омут бросился:

— Я к тебе по совету человека, с которым ты когда-то в Чернигов ездил... и на разбойников наскочил.

— Бывал я в Чернигове, лет тому двадцать, — безразлично ответил Григорий. — Вот только разбойников что-то не упомяну. Может, обознался ты, не про меня говорили?

Лицо писца выразило вежливое участие, не больше. Ильин почувствовал, что щеки его наливаются краской. Оставалось одно — идти ва-банк.

— Ты ударил в них молнией, так что кусты загорелись!

В глазах старика промелькнула искорка любопытства, но она тут же погасла. «Черт, самообладание как у... Или... или все это выдумка?» Ильин ожидал, что Григорий хотя бы чем-то выдаст себя.

— Что тебе нужно от меня, добрая душа? — непонимающе спросил хозяин.

— Ты пришелец из будущего! — крикнул Ильин, впившись глазами в лицо Григория.

И снова искорка легкого интереса зажглась и потухла во взоре писца. О как ненавидел его Виктор в эту

минуту! Он был уверен, что такая лобовая атака принесет успех — старик растеряется, чем-то выдаст себя... Нет, нет, не может быть, что приятель Добрыни нафантазировал. Ильин просто не мог в это поверить — иначе исчезала всякая надежда на возвращение.

Писец скрестил руки на груди и молча взирал на гостя с едва уловимой тревогой. Наконец, чуть коснувшись его плеча узкой дланью, мягко сказал:

— Ты не в себе, сходи в божий храм...

— К чертовой матери! — заорал Ильин. — Ну чего ты комедию ломаешь, старик! Я ведь такой же, как ты, я пришелец из будущего!

Он схватил Григория за костлявые плечи и, с ненавистью глядя в его безжизненное лицо, сбивчиво заговорил:

— Пойми, тебе совершенно ничто не угрожает. Я человек двадцатого века... я тоже пришелец, как и ты... Мы нужны друг другу... мы вместе спасемся... вернемся домой... ну я прошу тебя, голубчик, ну, хочешь, на колени встану.

Он повалился на глинистый пол, обхватив тощие ляжки старика. Запрокинув голову, искал в его глазах ответа. Но увидел только испуг. Рывком освободившись из объятий Ильина, писец бросился к выходу.

— Григорий, смотри! — с этим воплем Виктор послал небольшой разряд в пузатую кринку, стоявшую на сундуке. Черепки искрами разлетелись по всей избушке, по стене на добрую сажень растеклось пятно простокваши.

На мгновение остолбенев, писец судорожно глотнул и кинулся наружу. Виктор вскочил с колен и выбежал за Григорием.

Узкая спина, обтянутая сермягой, мелькнула между поленищами, и Виктор, не помня себя, метнулся в проход, круто карабкавшийся по глинистому косогору. С обеих сторон его шли глухие стены срубов, высокие дровяные костры.

Спотыкаясь, оскользаясь на пятнах помоев, Ильин бежал за писцом, словно то была сама ускользающая надежда. В душе его уже разливалась сосущая пустота, он понял, что Григорий просто перепуганный старик, никакого отношения не имеющий к миграциям во времени. И все же продолжал преследовать его, что-то крича о том, что знает путь в будущее, что поможет вернуться, озолотит...

Чувства Виктора достигли такого состояния, что, казалось, внутри его со страшным напряжением гудит натянутая струна, которая вот-вот лопнет, и тогда все рухнет, полетит в тартарары, в холодную засасывающую бездну, открывшуюся под сердцем. И в этот момент его словно обдало кипятком — острое чувство опасности заставило оглянуться и моментально упасть на обочину тропы.

В воздухе над ним мелькнула черная тень. Раздался легкий хруст, словно кто-то полоснул по спелому кочану. В следующую секунду тело Григория забилося в нескольких шагах от Ильина — лежа на животе, старик странно перебирал руками и ногами. Лопатки ходили под сермягой, словно два поршня. Из затылка торчала рукоять боевого топора.

Ильин сел, потрясенно хватая ртом воздух. Кто-то со страшным топотом бежал вниз по склону. Вот незнакомец поскользнулся, проехал несколько метров на спине, снова вскочил и полетел по тропе, выбивая на ходу поленья из дровяных кладей.

Не поняв еще до конца, что произошло, Виктор снова перевел взгляд на лежащего писца. Тот уже затихал, лопатки все медленнее поднимались и опадали под сермягой. Остановившимися глазами Ильин несколько секунд смотрел на древко топора, пока его не пронзило: этот удар предназначался ему, и только шестое чувство спасло его! Если бы старик шел хотя бы еще на три шага вперед, и он был бы сейчас жив!

Словно подброшенный неведомой силой, Ильин метнулся к поверженному наземь — сквозь дряблую кожу обнаженных до локтя рук проступило слабое голубое мерцание. Склонившись над умирающим — или уже умершим, — Виктор с ужасом наблюдал, как этот внутренний свет становится все интенсивнее, заливая видную ему сбоку часть лица, шею.

Когда от трупа брызнули потоки белых искр, Ильин схватил себя за волосы и зарычал, завыл, давясь злыми обжигающими слезами. Это длилось, быть может, полминуты. Потом он внезапно умолк, выхватил секиру из черепа убитого и ринулся вниз по тропе.

Он пробежал до самого конца прохода, пока не уперся в стену какого-то дома. Переулок поворачивал в сторону, но он был пуст. Тогда, повинувшись какому-то звериному инстинкту, Виктор отшвырнул топор, схватился за край тесовой кровли и рывком взлетел на нее. Оседлав охлупень, он разом увидел всю ближайшую окрестность. Метрах в двухстах, то выныривая из-за поленниц, то пропадая, бежал человек.

Ильин без промедления выбросил вперед обе руки и, напрягшись как никогда, послал в неизвестного сноп голубого огня. Беглец в это время как раз скрылся за очередной баррикадой дров, и на месте его исчезновения взметнулся столб щепы, земли, дыма.

Скатившись с крыши, Ильин бросился по переулку. Миновал один, второй, третий поворот и вылетел на широкую полосу взрытой дымящейся земли. На десятки метров вокруг были разбросаны сотни обугленных поленьев, перемешанные с пластами дерна. А посредине лежало тело в тлеющей одежде, со спекшимися на затылке черными волосами.

Ильин быстро подошел к трупу, схватив его за плечи, перевернул на спину. Перед ним было незнакомое азиатское лицо — смуглое, безбородое...

Виктор опоздал к Путше и пришел не к паужину, как ему было назначено Добрыней, а скорей к ужину, когда солнце село на вершину Олегова кургана.

Ему сказали, что старый воин ждал его, но должен был уехать, когда за ним прислали нарочного из Вышгорода.

Ильин примостился на скамье возле колодца, торчавшего посреди широкой заросшей травой улицы, и стал ждать возвращения богатыря-волхва. Солнце зашло, на востоке яркой лампадой зажглась Венера, потом как-то разом высыпали другие звезды.

Виктор долго лежал на теплой деревянной плахе, разглядывая скопления небесных огней, пока не задремал.

Пробудился в полной тишине. Немо и страшно в этом безмолвии полыхал Млечный Путь. Какие-то незнакомые косматые туманности падали на Ильина из черной бездны. Его пронзило ощущение безысходности и одиночества, он быстро сел, зябко обхватив себя за плечи.

Ни в одном из домов не было огней, только на крепостной башне, четко рисовавшейся среди звезд, мигал желтый язычок пламени.

Ильин поднялся и побрел к городской стене. Постучал в ворота. Бодро-испуганный голос стражника спросил:

— Кто буянит? Нешто копьем приласкать, гулемыга?

— Да не ругайся ты... Скажи, Добрыня не проезжал — я его тут поджидаючи, уснул...

— Ищи ветра, — хмыкнул голос за воротами. — Вечеру Святополк-князь с воями из Вышгорода вышел, и все витязи с ним.

ГЛАВА V

ДЕМИУРГИ
ГРЯДУЩЕГО

I

Чуть свет Ильин оттолкнулся шестом от причала, и когда ладья отошла на несколько метров от берега, поднял парус. Свежий рассветный ветерок сразу наполнил полотнище, вода бодро зажурчала под рулевым веслом.

На пристани царило безлюдье, да и на дорогах, зигзагами змеившихся по склонам над Подолом, не было ни души. Виктор мог поклясться, что никто не видел, как он прошел вокруг городской стены, как спустился по Боричеву взвозу и забрался в свою ладью.

Поразмыслив над происшедшим в последние два дня, он пришел к выводу, что кто-то постарался избавиться от свидетелей убийства на Альтинском поле. Викинг с бородой-косицей, которого он заприметил за день до пожара, явно появился в Киеве неспроста. Возможно, его послали подбросить на саркофаг Бориса отрубленную голову молодого князя. Но потом, увидев Торира и Виктора, он, вероятно, связался с агентурой Ярослава и навел ее на них. Поджог явно был устроен не одним человеком. Да и азиат, пытавшийся прикончить Ильина, был веским доказательством в пользу предположения о широком заговоре.

В таких условиях, да еще без всякой поддержки со стороны Добрыни, без каких-либо связей в городе, оставаться в Киеве было по меньшей мере неблагоприятно. К тому же у Виктора почти ничего не осталось, кроме нескольких серебряных талеров да этой ладьи —

все их общее достояние погребло на пепелище постоялого двора.

Тут Ильин вспомнил, что кое-что уцелело. Сунув руку в рундук под лавкой рулевого, он вытащил откуда узел с одеждой — той, в которой пришельцы из будущего предстали перед гражданами одиннадцатого столетия.

Малиновый кафтан... Кофточка с кружевными манжетами... Джинсы... Футболка... Измызганные кроссовки... Туфли с пряжками и красными каблуками... Ботинки с высокой шнуровкой...

В глазах зашипало. Виктор закрыл лицо кофточкой Анны и явственно вспомнил пряно-волнующий аромат ее кожи. Плечи его тряслись, он ничего не мог поделать с этой дрожью. Бросив руль, сполз на дно ладьи. Хотелось забиться куда-нибудь в щель, в тесноту, в темень. Как смел он жить, дышать, видеть этот белый божественный свет, слышать плеск воды, голоса птиц, вдыхать наплывающий с берега тяжелый медвяный дурман?!

Ладья повернулась по ветру, парус опал и беспомощно захлопал. Но Ильин не хотел ничего видеть и слышать. Он лежал на дне, сотрясаясь от рыданий. Он видел лицо Анны, он жадно ловил ее голос... Потом снова и снова слышал шепот Василия: «Выбирайтесь, ребята, отсюда... Здесь нельзя».

Пропасть за сотни лет от своего времени, от родных и умереть... Это еще хуже, чем гибель на чужбине. Никто никогда не узнает, где погребены они, ни Анны, ни Василия никогда уже не будет в том мире, который мог бы оплакать их.

«Но ведь и сам ты... Твой последний шанс упущен со смертью старика».

Ильин утер глаза рукавом. Сел на лавку. Взяв в руки весло, повернул ладью под ветер.

У него не было никаких планов на будущее. Он в самом прямом смысле отдался на волю ветра и воли.

Проплывавшие справа горы, увенчанные редкими строениями киевских пригородов, были теперь для Виктора столь же чужды, как и дикие берега верховьев Днепра — его никто не ждал, никого не опечалит его исчезновение. Разве что того, рыжебородого...

Но сколько можно двигаться вниз по течению? Через сотню-другую верст начнется степная полоса, где хозяйничают печенег и торки. В тех местах суда ходят лишь под сильной охраной.

Карта на пергаменте, которую он с таким тщанием составлял почти год, превратилась в пепел вместе со всем его скарбом. А ведь он еще в Киеве успел пометить на ней несколько мест, в которых будто бы действуют маги и волшебники. Сейчас, правда, самая мысль о продолжении поисков вызвала у него гримасу усталого презрения.

«Но почему все-таки не открылся Григорий?.. Почему бросился от меня, когда я крикнул, что прибыл из двадцатого века, и метнул молнию в его горшок?..» Виктор готов был поклясться, что от его признания писца словно передернуло. «Да, да, он бросился как угорелый, он мчался так, словно я мог чем-то повредить ему... Бред какой-то, но старик явно не хотел слышать о возвращении...»

Потом ему пришло в голову, что он попросту ошеломил Григория, вызвал у него своего рода шок — ведь тот наверняка десятилетиями грезил о своем неведомо когда покинутом веке, и вдруг на него обрушилось такое. Но Виктор быстро отверг эту мысль: «Да он выглядел спокойнехонько, ни один мускул не дрогнул... Пока я не заорал, что прибыл из двадцатого...»

Он принялся истязать себя за толстокожесть: не суметь узнать мигранта после того, как столько времени готовился к встрече с ним! «Ведь ты сам, кретин, толковал, развивая свою гипотезу: не пришельцам ли, вынужденным утаивать свои сверхъестественные спо-

собности, мы обязаны разработкой теории смирения, правил монашеского воздержания?.. Этот писец был хрестоматийным образцом постного святоши...»

Правый берег стал несколько ниже. На самую крутизну выбежал белокаменный храм; кресты его ослепительно горели в лучах восходящего солнца. «Берестово, — сообразил Ильин. — Через несколько верст в долине, носящей имя Выдубицы, должна быть часовня на том месте, где во время крещения киевлян всплыл поверженный идол Перуна».

После вокняжения Святополка, как говорили, на этом берегу было устроено грандиозное языческое богослужение. Волхвы, впервые открыто объявившиеся в Киеве, хотели будто бы даже уничтожить часовенку, возведенную для того, чтобы «переманивать» ко Христу приходивших сюда для тайного моления низринутому божеству.

Где-то здесь, между Берестовом и урочищем Выдубицы, рассказывал кто-то из словоохотливых возчиков на постоялом дворе, обретались несколько монахов, славившихся чудотворной силой. Люди видели, как самый старый из них, ветхий схимник Варфоломей, остановил на полном скаку табун покусанных осами лошадей, мчавшихся прямо на отроковиц, водивших хоро-вод на Русалии.

Тогда Ильин подумал, что, наверное, и сам мог бы так же повернуть обезумевших животных. Но известие о всемогущем старце сразу забылось; Виктор даже не поставил крестик на своей карте — слишком густо шли в те дни рассказы о всевозможных праведниках и нечистой силе. Киев просто кишел бывалыми людьми.

У самого гребня горы, уступами поднимавшейся от воды, чернели несколько отверстий, похожих на ласточкины гнезда. Приглядевшись, Ильин понял, что это и есть пещеры, в которых обитала монашеская братия.

«Вот здесь-то, видно, и возникнет первый русский монастырь», — подумал Виктор, сразу припомнив

свою давнюю — еще мальчишкой — поездку в Киев: бесконечные подземные галереи, освещенные электричеством, мощи под стеклянными колпаками, иконы, рядами развешанные на белой стене, экскурсовод, долдонящий что-то о реакционной сущности монашества.

Ильин решительно направил ладью к берегу. Когда киль с шипением пропахал песчаную отмель, он спустил парус и зачалился за какой-то куст.

Вблизи убежища монахов выглядели маловнушительно. Узкие лазы легко можно было принять за звериные норы. Только бесчисленные следы лаптей и босых ног, отпечатавшиеся на холмиках земли, вынудившей недр горы, свидетельствовали об обжитости этого места.

Виктор согнулся в три погибели и просунул голову в крайнюю пещеру. После солнечного утра здесь, казалось, царилась кромешная тьма. Прошло не меньше минуты, прежде чем глаза гостя различили тусклое мерцание в противоположном конце подземелья. Потом из мрака проступил прямоугольник иконы, потом обозначилась коленопреклоненная фигура.

Ильин покашлял, но обитатель кельи не обернулся. Тогда Виктор решился проползти внутрь и подойти к молящемуся.

— Отец...

Монах неожиданно распростерся перед образом, выбросив вперед руку с четками.

Виктор неловко переминался с ноги на ногу, исподволь оглядывая пещеру. Она оказалась довольно просторной — во всяком случае, та комнатуха, которую Ильин снимал после развода с женой, была не намного больше. При воспоминании об оставшейся на той квартире рукописи докторской, о новой пишущей машинке «Эрика», о коллекции прялок, собранных во время

фольклорной экспедиции, слегка зашекотало под сердцем.

— Чего тебе? — Монах стоял уже рядом, высокомерно глядя на незваного гостя. — Умную молитву творю — не видишь?..

— Прости, — поспешно сказал Ильин.

— Бог простит, — ответил монах, и надменный вид его свидетельствовал, что он действительно полностью уступает эту неприятную миссию всевышнему.

— Где Варфоломей? — отбросив политес, спросил Виктор.

— Третья келья отсюда, — буркнул негостеприимный инок.

II

Сидя на пучке соломы в углу пещеры, Ильин неотрывно следил за высокой фигурой в островерхом кукуле, расшитом серебряными крестами. Схимник молился уже второй час.

«Сколько ему, лет восемьдесят? Я бы и сотню дал. Ну и кряж! Я б на его месте давно носом в землю уткнулся... Проклятье, все не о том думаю... Что делать? Что делать, черт побери?! Как вывести его из себя?»

Одной минуты общения Виктору хватило, чтобы понять: перед ним духовный близнец Григория-переписчика. Тот же замороженный взгляд, те же плотно сжатые губы. И — огромная воля, проступающая в каждом движении, в каждом повороте головы.

На этот раз Виктор воздержался от лобовой атаки. Он вообще не стал подыскивать правдоподобных объяснений своего визита. Ему необходимо было присмотреться, сосредоточиться, заставить монаха выдать себя. Поэтому он решил для начала попросту валять дурака.

— Наслышан, отец, что ты святую жизнь ведешь. Хочу в ученики к тебе пойти.

— Это твоя ладья внизу?

«Ну шельма! — восхитился Ильин. — Сразу дает понять, что раскусил меня и не собирается верить ни одному моему слову...»

— Моя... Я хочу вкусить твоей премудрости...

— Все, что я стяжал в духе, добыто постом и молитвою, — бесстрастно произнес схимник. — Молись, и тебе откроется премудрость.

Виктор на минуту смешался. С ним явно не желали иметь дело. Ну что ж, сказал он себе, приходится быть назойливым, даже наглым...

— Я никуда не уйду, пока ты не станешь наставлять меня. Я буду сидеть у тебя в пещере... Можешь убить меня, но я с места не сдвинусь.

Старик даже бровью не повел. Похоже было, он сразу же перестал замечать назойливого просителя. Не так-то просто оказалось заставить его выйти из себя.

И тем не менее Ильин, не отрываясь, следил за ним, надеясь, что либо в седой шевелюре монаха промелькнет искра, либо слабое свечение у кистей рук просигнализирует о закипающем раздражении. В полутьме пещеры легче всего было заметить эти признаки иновременного происхождения черноризца.

Что касается его самого, то Виктор на месте этого старика давно вышиб бы беспардонного визитера, да еще наддал бы вдогонку, и катился бы тот кубарем до самого Днепра. Ведь в конце концов, не думал же схимник, что Ильин — пришелец из будущего. А местного — в смысле временном — можно и ошарашить чудом к вящей славе собственной да и господней.

День шел к концу — голубой овал входа заметно потемнел, край облака, видимого Виктору, окрасился закатным румянцем. Нестерпимо хотелось есть — прошло больше суток с тех пор, как Ильин сжевал несколько пирогов, купленных у уличного разносчика. Его самого охватило непреодолимое желание садануть

чудотворца по заливку, но, заметив, что вокруг пальцев заголубел бледный ореол, он сразу пригасил свои эмоции. Хорошо, что молящийся стоял спиной к нему и ничего не заметил. Не хватало еще так глупо проколоться.

Потом Виктора начали терзать сомнения. Да не мистифицирует ли он себя? Ну хорошо, схож стиль поведения Варфоломея с повадкой убитого писца — что из этого? Ведь он же монах, многолетнее воздержание наложило на него свой отпечаток... В самом деле, с чего он взял, что мигранты здесь на каждом шагу? «Вставай-ка, ты, мил-друг, и топай в ладью...»

В этот момент раздался низкий голос схимника:

— Ты, должно быть, голоден? Пойдем, сейчас братия вечером сядет.

Варфоломей проговорил это настолько будничным тоном, что Виктору даже обидно стало — он тут целый день потратил, чтобы донять старика, а тот с ним словно сиделка с тяжело больным разговаривает. Не-ет, тут по части выдержки явно не Ильин окажется победителем.

— Никуда я не пойду. Иди ешь, если хочешь, — пробурчал он, не глядя на хозяина кельи.

Схимник ничего не сказал в ответ, нагнулся и выбрался наружу.

Посидев на своей соломенной подстилке минут десять, Ильин вскочил и зашагал по пещере. Он проклинал свое ослиное упрямство, представляя себе, как макал бы сейчас краюху хлеба в черепок с оливковым маслом, как хлебал бы резной ложкой репьяные щи или стерляжью ущицу.

Остановившись перед тяблом с иконами, стал рассматривать изображенные на них сюжеты. Образа были греческого письма, только один, намалеванный неумелой рукой, позволял судить о первых шагах местных живописцев в освоении новых тем и представлений.

И по варварскому буйству красок, и по угловатому рисунку изображение напоминало манеру самоучек-примитивистов, столь любезных искусствоведам и эстетически развитой публике двадцатого века. Но грубая, плотски однозначная символика позволяла безошибочно определить автора как недавнего язычника. Утратив духовное наследие прошлого, он явно не освоил еще метафизики нового вероучения и воспринял его внешнюю сказочно-занимательную сторону.

Детали, впрочем, нельзя было разобрать — крохотный язычок лампы позволял оценить изображение лишь в общих чертах. Ильину показалось, что в левом нижнем углу иконы он видит разверстую пасть какого-то чудовища. Прикинув, что трапеза монахов продлится еще хотя бы четверть часа, он решил снять образ с полки и рассмотреть у входа в пещеру, пока позволяло вечернее освещение.

Едва он поднял тяжелую доску, внимание его привлекла полоска белого металла, тускло блеснувшая в глубине тьмы. Взяв икону под мышку, Виктор машинально протянул руку, чтобы взглянуть на безделушку. Перед ним был край серебряной цепочки, взявшись за него, Ильин почувствовал, что она прикреплена к чему-то массивному, что лежало за соседним образом. «Нагрудный крест», — решил Виктор и хотел было оставить цепочку в покое, но в последний момент передумал и потянул ее к себе.

Из-за иконы выскользнул плоский предмет странно знакомой формы. Поверхность его отразила огонек лампы, пустив зайчик на стену. «Часы!» — чуть не вскрикнул Ильин.

Вернув образ на место, он кинулся к выходу. Поднеся находку к свету, прочел на циферблате «Paul Wige». У него на ладони лежали классические карманные часы — неперенный спутник любого грамотного человека во второй половине девятнадцатого — начале двадцатого века.

Сердце колотилось так, что Виктор едва доплелся до своего соломенного сиденья и рухнул на него совершенно без сил. На лбу выступила испарина. Если он и теперь не сумеет заставить мигранта раскрыться, ему конец. Достаточно того, что судьба во второй раз подряд смилостивилась над ним. Больше таких подарков она ему не сделает.

К приходу Варфоломея он смог полностью взять себя в руки. Когда кукуль схимника закрыл вход в пещеру, Ильин придал своему лицу иррационально тупое выражение, говорившее: все равно не уйду, все равно пересяжу тебя...

Но монах не придал никакого значения этой демонстрации упорства. Как бы между прочим он поставил перед незадачливым гостем деревянное блюдо с печеной рыбой, по краю которого было вырезано «На трапезе благословенной кушать братии почтенной».

С трудом разобрав в полутьме эту надпись, Виктор улыбнулся и сказал:

— Чувствительно благодарю вас, милостивый государь.

Спина схимника на мгновение замерла, затем он повернулся к Виктору и непонимающе спросил:

— Кого нас? Я один...

— Эти штуки не пройдут, — весело заявил Ильин, вытягивая из-за спины цепочку с часами. — Мой дедушка имел точно такие же...

Схимник стоял вполборота ко входу, Виктор не видел его глаз. Но молчание было настолько красноречиво, что Ильин решил не теряя ни секунды закрепить успех.

— Я не представляю для вас никакой опасности. Я тоже оттуда, из будущего...

— М-да, — произнес монах и умолк.

— По одному вашему междометию берусь определить эпоху, из которой вы прибыли. Вторая половина девятнадцатого века.

— А точнее? — слегка повернувшись к выходу, спросил Варфоломей.

Теперь Виктор увидел, что у глаз его собрались ве-
селые морщинки.

— Точнее не рискну.

— Ладно, поешьте сначала. А часы на место по-
ложите.

— Не понимаю, зачем вы устроили весь этот мас-
карад, Виктор Михайлович, — говорил Варфоломей,
снимая кукуль. — Нужно было сразу честно рассказать
обо всем.

Пришлось Ильину поведать хозяину кельи, что про-
изошло накануне в Киеве. Старик горестно качал голо-
вой, слушая рассказ.

— Я знал Григория. Он кое-что говорил мне о сво-
ем времени, впрочем, мало и неохотно. Вероятно, бедня-
га решил, что вы специально прибыли за ним из его
родного будущего.

— А из какого года он попал сюда?

— Ваш сосед. Тысяча девятьсот тридцать чет-
вертый.

— Не говорил, из какого города?

— С Соловецких островов.

— Все понятно. — Ильин помолчал, представив се-
бе, за кого принял его несчастный писец, потом продол-
жал: — Ну вот, теперь вы знаете, кто я и откуда. Мне
кажется, я, наконец, вправе спросить вас...

— Да-да, — быстро отозвался старик. — Я попал
сюда в тысяча восемьсот семидесятом году, когда ра-
ботал на Каспии в составе ихтиологической экспедиции
Данилевского. Вы слышали о таком ученом?

— Смутно представляю его вклад в науку, — при-
знался Ильин.

— Печально, — вздохнул схимник. — Расскажу
как-нибудь позднее.

...Он родился в 1843 году в семье сельского священника Михаила Воздвиженского неподалеку от Твери. По вековечному обычаю имя наследнику дали по святам — Варфоломей. (Его он принял и в новом веке, постригаясь в монахи.) Затем, следуя по пути, проторенному дедом и отцом, юный Воздвиженский поступил в духовное училище, в просторечии — бурсу. По благополучном окончании ее в начале шестидесятых годов отказался, однако, от принятия дьяконского сана, а отправился в Петербург и определился вольнослушателем в университет.

Время было бурное — неизвестные злоумышленники поджигали в столице жилые дома, гостинные дворы и министерства, по городу распространялись прокламации с призывами «К топору!», студенты освистывали профессоров, вступали в стычки с полицией. Варфоломей Воздвиженский, со всем пылом юности принявший материалистические и революционные учения, был в восторге от рождавшегося на его глазах «освободительного движения».

Как только представилась к тому возможность, молодой разночинец стал членом подпольного кружка. Возглавлял его высокий худошавый поляк, страдавший хроническим насморком — оттого на лице его постоянно была написана великая скорбь.

Но когда III отделение арестовало руководителя доморощенных карбонариев при попытке провезти из-за границы герценовские издания, он сразу же назвал всех своих единомышленников. Они были исключены из университета и отправлены в ссылку. Варфоломею Воздвиженскому определили местом жительства заштатный городишко Красный Яр, расположенный среди камышовых джунглей волжской дельты. Здесь-то и нашел его Данилевский, руководивший экспедицией по изучению рыбных запасов Волго-Каспийского бассейна.

По мере того, как старик рассказывал, Ильина все сильнее подмывало перебить его и спросить, сколько

лет прошло с момента его Перехода — он быстро прикинул, что это случилось не меньше полувека назад, если судить по возрасту схимника, исчезнувшего из своего времени двадцатисемилетним молодым человеком. Наконец, когда Воздвиженский сделал логическую паузу, Виктор спросил, поперхнувшись от волнения:

— В к-каком году вы попали сюда, в эту эпоху?

— Я же сказал, в семидесятом...

— Нет-нет, я имею в виду здешнюю хронологию.

— А-а... Тому, батенька, уже пятьдесят семь лет...

Ильина словно обухом по голове ударило. В висках застучало, перед глазами поплыли огненные круги.

— Что с вами? — схимник испуганно взял его за руку.

— Пятьдесят семь лет? — едва ворочая языком, повторил Ильин.

— Да, представьте себе. Четырнадцатого сентября годовщина.

— Так еще не исполнилось пятьдесят семь? — дрожащим голосом спросил Виктор.

— Ну что тут какие-то три-четыре недели считать, — пожал плечами Воздвиженский.

Ильин, задыхаясь от спешки, принялся излагать ему свою теорию каналов во времени, открывающихся каждые пятьдесят семь лет. Потом вдруг резко прервал рассказ и сказал:

— Да ведь я и не спросил у вас, каким образом вы сюда угодили...

— Я и сам не понял, — улыбнулся схимник. — Плыл на бударке — так по-местному маленькие лодчонки именуются — по Каспию, в версте от берега. Стояло полное безветрие, теплынь, благодать. Вдруг откуда ни возьмись — огромный свищ на воде закрутился, и меня прямо туда потащило... С минуту пытался выгрести — куда там. Я было молитву со страху читать принялся, чего лет десять уже из идейных сообра-

жений не делал — как вдруг ухнул куда-то в тартарары. Очнулся среди каких-то скользких извивающихся тел. От отвращения и ужаса обезумел — принялся руками и ногами отбиваться, карабкаться вверх. Вдруг на солнечный свет выскочил, вижу: вокруг меня бьются десятки рыб — осетры, севрюги, белорыбица, сельди. И колотимся мы все вместе на дне огромной ямы с пологими краями. Я, натурально, скорее выбрался из нее. Гляжу: что за диво — море от меня в часе ходьбы плещется, белые барашки по нему бегут. Ну а сам весь в слизи, в чешуе, побежал мыться...

— Так вы хоть поняли, что попали в метеоритную воронку? — радостно улыбаясь, спросил Ильин. — Я ведь испугался было, что вы каким-то другим способом сюда угодили — тогда бы моей гипотезе грош цена.

— Нет, признаться, не думал об этом. Я вообще долго понять не мог, что стряслось. Пока в рабство не попал... Но об этом после расскажу. Продолжите, ради бога, о ваших умозаключениях. И объясните мне, почему я тонул в море, а оказался далеко на суше. При чем здесь метеориты?

Виктор рассказал, каким образом вывел формулу пятидесятисемилетнего цикла, о тех выводах, которые сделал на ее основании, как принялся искать мигрантов... Что же касается странного поведения Каспия, тут, заверил он, никакой мистики нет — за девять веков его уровень значительно поднялся. Именно этим некоторые историки объясняли в его, Ильина, время упадок, а затем и полное исчезновение хазарских городов, находившихся в прибрежной зоне. Свои выкладки он заключил на оптимистической ноте:

— Так что вам, почтеннейший Варфоломей Михайлович, очень повезло с этим подъемом вод — иначе вы оказались бы на глубине нескольких метров и, чего доброго, захлебнуться могли.

— Может быть, так проще было бы, — нахмурясь,

сказал Воздвиженский. — За те годы, что я в ярме ходил, сотни раз смерть призывал...

Ильин не перебивал. Старику, видно, нелегко было возвращаться к тяжелым воспоминаниям — он долго вздыхал, откашливался. Наконец, снова заговорил:

— Я пошел вдоль берега в ту сторону, откуда приплыл на бударке. Местность там пустынная, единственная примета — полуразрушенная башня из сырцового кирпича неподалеку от того кратера, в который судьбе было угодно меня ввергнуть. И вот, несмотря на эту открытость — верст на десять видно в любую сторону — я не замечаю знакомого калмыцкого хотона, из которого отправлялся. Прошел час, другой — ничего нет, безлюдье. Наконец, заметил какие-то не то кибитки, не то юрты, раньше их тоже тут не было. Подхожу — детишки чумазные копошатся, бабы-азиатки. Не успел нескольких шагов по этому хотону сделать — я-то за калмыцкое селение эти кибитки посчитал, — что-то меня по шее ожгло, и я наземь полетел. Вскинул руки — а это, оказывается, волосяной аркан у меня на горле захлестнули. Подбегают ко мне какие-то грязные оборванцы, я им: вы что, шельмы, по закону ответите, я полицеймейстеру пожалуюсь. Вижу: не понимают. Потасили меня в какое-то грязное стойло. А на следующий день в город повезли и на базаре какому-то жирному негодяю продали. Я чуть с ума не сошел — ничего понять не мог, что происходит. Только когда в доме того борова — хазарина, как потом выяснилось, — нескольких русичей-рабов увидел, кое-как уразумел, куда и — главное — когда попал...

Воздвиженский замолчал и внимательно посмотрел на Ильина.

— Знаете что, Виктор Михайлович, вы ведь спать хотите. Заметил я, как вы глаза кулаком терли. Признавайтесь.

— То, что вы говорите, настолько интересно...

— Не увливайтесь! Сейчас же доедайте рыбу... По-

годите, я вам вина налью, у меня есть кувшинчик заветный.

— Только вместе с вами, Варфоломей Михайлович.

— Ну что ж, по такому случаю, извольте...

Они чокнулись глиняными кружками. Ильин с наслаждением пил густой терпко-сладкий напиток.

— Ого, что за сорт?

— Для причастия держу, — подмигнул схимник. — Вот и вы причастились... А теперь спать.

Вино и впрямь оказало магическое действие на Ильина. Почти двое суток он постоянно ощущал внутри себя угрожающее гудение натянутой струны, грозившей вот-вот порваться... Теперь это дрожание исчезло, на душе было тепло и пусто. Виктор освобожденно вытянулся на соломе и провалился в небытие.

III

— Вольно было нам витийствовать: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...», — с горькой усмешкой говорил Воздвиженский. — Когда сам попадаешь в мясорубку истории, совсем иначе начинаешь думать.

— Я вот из спокойной, даже однообразной эпохи сюда угодил, — отозвался Ильин. — Вся жизнь, с раннего детства до зрелости прошла в условиях стабильности, недвижимости... Сколько раз говорил себе: ну когда же что-нибудь произойдет? Я прямо-таки жаждал перемен, и тогда эти строки Тютчева готов был на знамени своем написать. А теперь как о потерянном рае вспоминаю...

Они сидели на берегу Днепра возле ладьи и сортировали улов: в одну сторону откладывали осетров и стерлядей, в другую — шук, лещей, жерехов. Из крас-

ной рыбы монахи обычно приготавливали тельное и пироги, остальная рыба шла на уху.

Ильин сам вызвался идти со схимником, когда тот чуть свет направился к выходу из пещеры. Подняв голову со своего соломенного ложа, Виктор сказал:

— А я уже выпался. Доброе утро.

— Доброе утро. Хочу немного рыбки поймать, пока братия спит. Не возражаете, если вашей ладьей воспользуюсь?

— Ради бога. Но где же снасти? Я бы тоже с удовольствием порыбачил.

— Тогда идемте.

Спустившись к кромке воды, Воздвиженский внимательно осмотрел окрестности. Все еще спало. Лишь редкие птицы пробовали голоса, готовясь к утреннему концерту.

Убедившись, что никого нет вокруг, схимник вскинул ладонь. В ту же секунду Днепр словно хлыстом стегнуло — узкая полоса вскипевшей пены протянулась на добрую сотню метров от берега и тут же исчезла. А вскоре на поверхности стали появляться слабо трепещущие рыбины.

— Недурно, — одобрил Ильин. — А я как-то и не догадался, что можно таким способом кормиться.

— В молодые годы и охотился, — сказал Воздвиженский. — Особенно по гусям любил...

— Послушайте, Варфоломей Михайлович, а когда вы обнаружили у себя сверхъестественные способности?

— К сожалению, далеко не сразу. Вернее, я быстро заметил: что-то не так, но сам испугался и только много позднее научился управлять своей неведомо откуда свалившейся силой... Ну что, давайте поплывем, соберем улов?..

Пока они вылавливали оглушенную рыбу, снова завязался разговор о минувших днях. Сегодня Воздвиженский говорил с большей охотой — он, видимо, сми-

рился с мыслью о том, что такое возвращение к прошлому просто необходимо...

— Вы-то увидели только один эпизод исторической драмы, мой молодой друг, — грустно произнес старик. — Хотя убийство Бориса — это, конечно, не рядовое событие... Я же, представьте себе, наблюдал всю эпоху перелома от демократических порядков и соответствующей им культуры к деспотизму и его ближайшему спутнику — новой религии...

— Так вы что, только наружно исповедуете христианство? — изумился Ильин.

— Я давно стал задумываться о причинах успехов христианства и ислама, — ответил Воздвиженский. — И понял: везде, где возникало противоречие между стремлением военной касты к личной власти и желанием народа отстоять древние вольности, со временем утверждались религии, предлагавшие в качестве модели мироздания жесткую иерархию, подчиненную единой силе, обладающей исключительным правом карать и миловать. Но об этом позднее... Сейчас расскажу вам, что было после того, как я освоился в доме хазарина Самуила.

...Установив год — девятьсот пятьдесят восьмой от Рождества Христова — и место — город Итиль, столица Хазарского каганата, — где он оказался, недавний участник революционного кружка загрустил не на шутку. Не понимая причин своего перемещения во времени, он там не менее не стал подбирать мистических объяснений, а решил так или иначе устраиваться в новых условиях.

В отличие от прочих рабов он обладал навыками изучения иностранных языков, в том числе древнееврейского. Верхушка Хазарского государства, состоявшая из приверженцев религии Моисея, объяснялась на жаргоне, включавшем элементы местного тюркского наречия и языка иудейского богослужения. Этот воляпюк играл здесь роль смеси французского с ниже-

городским, на котором говорили в России девятнадцатого века, когда хотели что-то скрыть от простолюдинов и прислуги. В Хазарии знать и низшие слои народа, а тем более рабы говорили на разных языках и в прямом и в переносном смысле. Религия низов являла собой причудливое переплетение мифологических представлений кочевников, волна за волной прокатывавшихся по евразийским степям в течение тысячелетий, и ислама.

Воздвиженский довольно быстро обратил на себя внимание хозяина — благодаря своим удивительным для той эпохи способностям к счету, к письму. Не обнаруживая знания языка господ, он умел точно «предсказывать» многие события в их жизни и тем самым внушил к себе полное доверие. Не прошло и двух лет, как он стал домоправителем у Самуила.

Хазария переживала тяжелые времена. Славянские племена северян и вятичей, еще за несколько десятилетий до того исправно платившие дань и вконец запуганные беспощадными карательными экспедициями, регулярно проводившимися войсками каганата, стали выходить из повиновения, ощутив поддержку все усиливавшихся киевских князей. Дружины Олега и Игоря нападали на пограничные города хазар по Дону и Азовскому побережью.

Обо всем этом Воздвиженский узнавал, когда в доме его хозяина собирались представители придворных кругов, раввины и торговцы. Сам Самуил вел большие дела по всему Востоку. Его караваны добирались до Индии и Эфиопии, его товары продавались в Германии и Франции.

Зная, что купец обласкан доверием кагана, многие важные особы поручали ему исполнение деликатных дел — дачу взяток высокопоставленным чиновникам, продажу имущества, организацию займов. По мере сближения с влиятельными людьми, Самуил почувствовал вкус к политике, и мало-помалу вокруг него воз-

ник кружок, нечто вроде клуба, в котором обсуждались судьбы «колена Данова» — к этой ветви древнего Израиля, по принятой в каганате традиции, принадлежали высшие классы государства.

Ильин решился перебить рассказ схимника и спросил:

— Это и в самом деле так?

— Считается, что одно из двенадцати колен, то есть племен израилевых ушло на Север и пропало. Хазары рассказывали, будто они и есть потомки этого исчезнувшего колена. Как свидетельство приводился тот факт, что их предки поклонялись змею и в походах всегда возили с собой его изображение на голубом полотнище. А когда спустя многие века к ним через Кавказские горы пришли проповедники иудаизма, происхождение их было подтверждено Пятикнижием, по-еврейски Торой...

— Что же там говорится?

— Неужели вы Библию не читали, Виктор Михайлович?

— Признаться, очень бегло.

— Ну а я в бурсе чуть не наизусть зазубрил многие тексты. Да и тут уже лет тридцать постоянно читаю Ветхий Завет... В книге Бытие сказано — можете проверить, когда придем в келью, я ручаюсь за точность: «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад. На помощь твою надеюсь, Господи!»

Постоянные войны с соседями обескровили Хазарию. И когда молодой киевский князь Святослав, наследовавший Игорю, нанес молниеносный удар по каганату, степная империя зашаталась. Сокрушая город за городом, уничтожая крепости и опорные пункты хазарских войск, дружины Святослава приближались к Итилю и ворвались в столицу в конце 965 года.

Огромная масса рабов-славян получила свободу. Целыми вереницами потянулись через степь к Дону не-

давние полоняне. Среди них брел и Варфоломей. Последний раз оглянувшись на дымящиеся развалины Итиля, он вздохнул с тяжелым сердцем, — если здесь он хоть как-то сумел приспособиться в чужом веке, то будущее казалось тревожным и неопределенным. Но вскоре он забыл о своих страхах. Чувство свободы, простора сладко пьянило, наполняло верой в то, что все на свете ему по плечу. Он был молод, здоров, обладал обширными познаниями. Единственное, что омрачало радость, — некому было открыться, излить душу.

Знание языков снова сослужило хорошую службу Воздвиженскому. Киев времен Святослава был переполнен купцами и воинами из всех стран Европы и Востока. После нескольких месяцев общения со скандинавами и выходцами из германских земель Варфоломей настолько усовершенствовал свой немецкий, что стал исполнять роль толмача при Гостином дворе, на котором останавливались приезжие с Балтики. Начатки латыни и греческого, усвоенные в бурсе, теперь помогли овладеть этими языками в полном объеме; со временем Воздвиженский смог переводить богословские прения между сторонниками разных вероисповеданий. Подобные диспуты не раз устраивались в покоях великого князя и его матери княгини Ольги...

Потом было тревожное время Ярополка, княжившего почти восемь лет, — междоусобицы истерзали Русскую землю, повсюду размножились разбойничьи шайки, кочевники что ни год выжигали окраинные города. Торговля заметно страдала от смут и набегов — Воздвиженский, по-прежнему исправлявший должность толмача при Гостином дворе, отмечал постепенный упадок киевских ярмарок.

После вокняжения Владимира в стране установился прочный порядок. Новый властитель начал ежегодные походы против соседних племен и государств, передав дела внутреннего управления в руки волхвов и веча.

В этом месте рассказа Ильин спросил:

— Почему же в летописях никогда не говорится о роли языческих жрецов в управлении государством?

— Я тоже думал об этом, — ответил схимник. — Вероятно, какие-то упоминания имелись, но со временем исчезли. Ведь таким образом умалялось бы значение княжеской власти... Это не только на Руси было в обычае. Норманны, с которыми я общался, также рассказывали, что все дела у них решались на тинге, а жрецы исполняли роль госсекретарей при парламенте...

Выходит, борьба христианства и ислама против язычества — это борьба режимов личной власти против демократии?

— Мировая борьба, — уточнил Воздвиженский. — Я бы сказал жестче: это борьба тирании и народовластия. С одной стороны идет сила, отрицающая всякую возможность иных взглядов на бытие, с другой — обороняется общество, основанное на терпимости. Ведь везде в тех странах, которые в последние десятилетия стали добычей христианства, последователям этой религии всегда дозволялось свободно поклоняться своему богу, строить храмы. Как, впрочем, представителям всех иных исповеданий.

— Если перевести то, что вы сказали, на язык моего времени, то это была борьба мирового тоталитаризма против мировой демократии.

— Тоталитаризм?.. А, понимаю-понимаю: тотальный — значит всеобщий, всеобязательный...

...В год крещения Владимира и его войска в Корсуни Воздвиженскому исполнилось пятьдесят лет. К этому времени он был женат и имел двух сыновей. Дом его находился недалеко от северных ворот города, и, стоя на крыльце, он видел с откоса, как пылил по Боричеву взвозу дубовый Перун, привязанный к хвосту коня, как дружинники колотили палками низвергнутого идола. Вместе со своей семьей Воздвиженский в толпе киевлян брел под окрики княжеских воинов к Почай-

ну. Вместе со всем народом они стояли по грудь в воде, держа на руках детей, пока епископ и его свита расхаживали по берегу, выкрикивая крестильные ектении и вопрошая, отрекаются ли продрогшие люди от сатаны. Дружинники с копьями, стоявшие вдоль всего берега, мрачно смотрели на вопящих младенцев и плачущих молча взрослых.

Воздвиженский не стал даже доказывать, что его крестят во второй раз, ибо давно уже — со времен университета — не придавал церковным обрядам никакого значения...

Старик надолго умолк, неподвижно глядя на струящуюся воду. Потом вздохнул, поднялся и сказал:

— Давайте наверх пойдем.

Ильин понял: ему почему-то не хочется говорить о том, что было дальше.

IV

В большой пещере было относительно светло — несколько сальных свечей с треском плавилась на деревянных плашках, стоявших посреди длинного стола, за которым собрались четверо монахов и Ильин. Перед ними на большом глиняном блюде дымилась гора отварной рыбы, над медным котлом клубами поднимался пар.

За еду не принимались, так как вот-вот должен был подойти пятый обитатель пещер — инок Савва, отправившийся за хлебами в посад.

— Ангел вам за трапезу! — запыхавшись, проговорил монах, ввалившись в подземелье.

— Что запозднил? — недовольно спросил брат Ефрем, тот самый высокомерный черноризец, который неприятливо встретил Ильина.

— Я уж караваи было в мешок сложил, а у бабы той из печи кирпич выпал. Я смикнутил — к худу. Хлеб обратно отдал, пошел к другим.

— Вот это хорошо, — одобрили участники застолья.

Пока Виктор помогал двум монахам варить уху и стряпать пирог, он узнал, что Варфоломей схоронил жену и детей — с тех пор он будто бы и ушел из мира — сначала жил где-то в греческом монастыре, а потом вернулся на Русь и поселился в выкопанной им самим пещере. В последнее время к нему стали присоединяться ищущие спасения от грехов мира.

Медленно жуя свежий хлеб, Ильин исподволь поглядывал на Воздвиженского. Что может удерживать его в этом мире? Он, конечно, стар — семьдесят семь лет, но, может быть, рискнет отправиться с ним на Каспий?..

Когда они вернулись в келью схимника, Виктор спросил:

— Кстати, Варфоломей Михайлович, сколько дней вы добирались от Итиля в Киев?

— Да где-то с месяц брели.

— Ого! — заволновался Ильин. — Я могу и не успеть. Давайте-ка сразу договоримся — возвращаемся вместе или...

— В какой год я попаду, если ваша гипотеза окажется верна?

— Ну если учесть, что ваша эпоха тоже постарела на пятьдесят семь лет, то... в тысяча девятьсот двадцать седьмой год.

— Благодарю покорнейше, — грустно улыбнулся старик. — Здесь оно спокойнее. Да и не только в этом дело...

Ильин вспомнил про Григория: что он такое порассказал Воздвиженскому?

— Я ведь не окончил свою повесть, — снова заговорил схимник. — Наберитесь терпения, Виктор Михайлович, дослушайте. Тогда, может, и поймете меня... Может, и сами по-иному на свое будущее взглянете.

— Вы хотите сказать: откажусь от возвращения?

Ни за какие коврижки... Если только не выяснится, что все мои умозаключения о возможности переброса во времени — бред.

Воздвиженский прикрыл глаза, собираясь с мыслями. Потом медленно заговорил, как бы припоминая:

— Знаете, я ведь был нигилистом — в самом точном смысле этого слова. И зря наши журнальные вожди вроде Антоновича и Писарева негодовали против Тургенева, Ключникова, Авенариуса с их антинигилистической беллетристикой. Но нигилизм наш, как я понимаю, заключался прежде всего не в отрицании властей предержащих, общества тогдашнего... Нет, мы были нигилистами в том смысле, что отрицали не что-то отжившее — мы прошлое, историю отвергали. Это был, как бы сказать точнее, приступ антиисторического утопизма. Мы будущее хотели от нуля начать... Вот вам портрет шестидесятых годов.

— Это не только для вашей эпохи характерно...

— Возможно. Но я хочу вам сказать, что главное, вынесенное мной из опыта жизни здесь — понимание истории как чего-то настолько важного... Как рок, как судьба сама бросила меня в этот далекий век — это я еще до встречи с вами понял. А то, что вы мне рассказали, окончательно убедило меня в неслучайности происшедшего. Помните, с чего мы начали? — с того, что не блажен тот, кто посетил сей мир в его минуты роковые. Нет блаженства, есть мука, есть тьма, которую, ты знаешь, не дано преодолеть. Ты можешь надеяться: кто-то когда-то, быть может, дождется окончания затмения... И вот мне, ничтожному атому истории, ее самое признавать не желавшему, дано было перенестись в ее глубины — с сохранением знания, которое кое-как вколотили в меня не бог весть какие педагоги из бursы. Я ни за что ни про что получил дар провидения, которого достоин был бы другой — тот, кто благоговеет перед минувшим...

— Простите, что перебиваю. Но тут в отличие от

вас, Варфоломей Михайлович, я никакой мистики не вижу. Это просто физическая реальность. Какой, скажите на милость, замысел провидения можно усмотреть в том, чтобы забрасывать сюда щеголя из восемнадцатого века — помните, я говорил вам о нем, — хорошего, доброго малого, но вполне равнодушного ко всему, что простирается за пределы настоящей минуты. Он и погиб-то без всякого исторического смысла. Вот что страшно!

— Э-э, милостивый государь, удивляюсь вашей близорукости. Может быть, высший смысл его пребывания в этом времени в том, чтобы вас прикрыть от гибели и обеспечить передачу знания. Ведь то, что вы поведали мне, наполняет мою деятельность совершенно новым содержанием, я, наконец, постиг замысел истории, избравшей меня своего рода демиургом будущего.

— То есть творцом, попросту говоря?

— Здесь низкий стиль не годится, об этом можно говорить только языком гимнов...

— Я с удовольствием послушаю, в чем состоит, по вашему, миссия демиурга.

— К этому-то я и подбирался, — улыбнулся Воздвиженский. — Наберитесь терпения и не перебивайте меня в случае несогласия... Ну разве что при крайней необходимости...

Ильин рассмеялся и с демонстративной покорностью сложил руки на коленях.

— Вы, наверное, давно хотите спросить, почему я, человек шестидесятых годов, стал монахом. Не думайте, что это обычный случай измены принципам молодости или их пересмотра... То, что я вам сейчас расскажу, будет ответом и на этот вопрос.

...После начала христианизации Руси в Киеве и в крупнейших городах появились представители византийской церкви — греки, болгары, армяне, выкресты из других исповеданий. Под охраной дружин они производили повсеместное уничтожение древнеславянских

святилищ и вечевых архивов, хранившихся у волхвов. Жрецы язычества, никогда не сталкивавшиеся с подобными методами борьбы, оказались не готовы к отпору. Наиболее влиятельные из них были брошены в княжеские тюрьмы. Когда же оправившиеся от первого потрясения религиозные вожди славян сумели организовать сопротивление, их начали беспощадно уничтожать.

Применение массированного давления на язычество привело к тому, что в течение нескольких лет были разгромлены все центры прежнего культа, подавляющее большинство памятников письменности погибло. Воздвиженский считал, что немалое — отрицательное — значение имела приверженность волхвов принципу концентрации знания, свойственному всем древним цивилизациям. Суть его состояла в том, что хранителями культуры являлись лишь представители жреческой касты, она ревниво следила за тем, чтобы письменность, летописание и толкование событий настоящего и будущего оставались привилегией посвященных. Уничтожив этот узкий круг хранителей предания, христианизаторы одним ударом отрубили память нации.

Одновременно с Русью то же самое произошло в Польше, Венгрии, Дании, Швеции, Норвегии и Исландии, в славянских государствах Поморья. На протяжении жизни одного поколения по всей северной полосе Европы были ликвидированы политические институты демократии и гарантировавшие их носители национальной культуры. Всеобщее и одновременное истребление письменности и архивов привело к тому, что Север не смог обеспечить сохранения предания хотя бы в каком-то одном заповеднике — с этим термином, предложенным Ильиным, Воздвиженский согласился.

Удар был нанесен как раз по тем странам, которые в течение нескольких столетий вели осознанную борьбу против христианского Юга, принявшего новую ре-

лигию на пять-шесть столетий раньше. Причем способ проникновения на вершину государственных структур Севера был во всех случаях одинаков — военные вожди проходили крещение за рубежами своей страны, а затем, придя к власти и укрепившись, начинали истребление органов демократического самоуправления народа. После этого они объявляли о своей религиозной принадлежности и начинали насильственную христианизацию. Так произошло с датскими и норвежскими конунгами, так были крещены славяне Поморья. Польскому князю Мешко, сватавшемуся к дочери христианского правителя Чехии, было дано согласие только на условиях крещения его самого, а затем и подданных. Владимиру Святославичу пришлось креститься на занятой его войсками территории Западного Крыма, принадлежавшей Византии. Таково было условие, на котором состоялся его брак с сестрой императоров Василия и Константина.

Некоторые из представителей знати, поддерживавшие язычество, попытались бороться с иноземным засильем, но организованные ими восстания носили характер разрозненных выступлений и были быстро подавлены. В таких условиях ушел с политической сцены Новгорода посадник Владимира Добрыня. О нем и еще нескольких староверах — так в народе называли приверженцев язычества — молва говорила как о неких мстителях, ждущих своего часа.

Воздвиженский, близко наблюдавший разгром старой культуры, не раз встречался и с приверженцами низвергнутой религии. Но он пришел к убеждению, что из осколков возродить былое невозможно. На стороне нового учения стояли силы, стремившиеся к смешению культур и народов, что отвечало бы цели установления господства христианства. К их услугам были огромные средства и связи за границами Руси. У староверов не имелось ни богатств, ни поддержки из-за рубежа.

Единственным средством сохранения древней куль-

туры Воздвиженскому виделась национализация церкви. Его не угасший с годами темперамент социального борца подсказывал ему один путь: внедряться в новые религиозно-политические структуры. После смерти жены и детей его уже ничто не связывало, и он решил целиком посвятить себя решению новой жизненной задачи.

Приняв постриг, новоявленный брат Варфоломей отправился в один из греческих монастырей на горе Афон и за несколько лет пребывания там изучил организацию обители и богослужебную практику. Завязав связи с некоторыми влиятельными деятелями константинопольской церкви, он попытался заручиться поддержкой своей идеи — создать на Руси центр монашества. Однако предложение русского инока не встретило энтузиазма. При этом не выдвигалось никаких убедительных причин такого отношения. Воздвиженский понял, что его нынешнее предложение вступило в противоречие с каким-то тайным решением, давно известным высшим чинам царьградской патриархии. Ему осталось только удивляться, что его негласная цель как бы предугадана теми, кто водворял христианство на Руси.

Зная, что руководящие должности в церковной иерархии могут занимать только представители черного духовенства, Воздвиженский пришел к выводу: пока на его родине не будет своих монахов, епископы по-прежнему будут поставляться извне. Это прекрасно понимали и византийцы, оттого и противодействовали попыткам устройства обителей.

Только теперь бывший студент духовного училища уразумел, отчего первый монастырь на Руси, Киево-Печерский, возник почти через семьдесят лет после утверждения новой религии. На вопросы пытливого бурсака преподаватели не давали вразумительного ответа, а за вьедливость потчевали его линейкой по ладоням.

Решив поначалу, что легко сумеет исправить историческую ошибку, Воздвиженский теперь понял, что ничего у него не выйдет, несмотря на знание будущего. История вдруг представилась ему грузным ковчегом, который не повернуть в одиночку.

И все же неудача не обескуражила Варфоломея. Он решил возвратиться на Русь и начать подготовку к созданию монастыря без санкции Константинополя.

— Пользуясь дозволением прерывать вас в исключительных случаях, задаю первый вопрос, — сказал Виктор.

— Извольте, сударь. Сегодня вы держите себя смиренхонько. В виде премии за примерное поведение готов отвечать самым подробным образом, — Воздвиженский поддержал шутливо-смиренный тон Ильина.

— Коли уж вы заговорили о тайных целях, я хотел бы узнать о других тайнах, имеющих отношение к христианизации Руси. Когда я беседовал с Добрыней, он намекал мне на то, что Владимир неспроста ввел новую религию — сделав при этом поворот на сто семьдесят градусов. А затем этот охраняемый секрет стал достоянием Святополка — вот причина того, что законный наследник был заключен в тюрьму...

— Старый витязь прав только отчасти. Связь между этими двумя событиями есть, но она имеет иную природу... Как я уже говорил, Владимир поначалу предоставил внутреннее управление вечу и волхвам, а сам сосредоточился на внешних завоеваниях. Но его не считали законным монархом, ибо по происхождению он был ниже всех своих братьев, а тем более убитого им Ярополка.

— Да, он «робичич», сын ключницы Малуши. Но Добрыня, ее брат, доказывал...

— Что ему еще остается делать? Повторяю, по понятиям касты жрецов, происхождение его было низким.

Об этом открыто говорили и в народе — здесь ведь, вы знаете, прежде всего ценится знатность человека, только представители определенных родов могут претендовать на власть.

— Это характерно вообще для всех древних обществ.

— Так вот, Владимир не имеет поддержки в духовной элите. Его целью становится ее устранение. Он пытается сделать это, проведя реформу старой религии — устанавливает культ верховного божества Перуна, покровителя воинов. Это был столь грубый намек на земные обстоятельства, что никто всерьез и не принял новой иерархии. Равенство богов осталось нерушимым и в жреческой практике, и в народном сознании. А репутация Владимира еще сильнее упала. Вот в этой-то ситуации греки и предложили ему выход из положения. Заметьте, случилось сие, когда он пребывал за границей своей державы. В Киеве бы этот номер не прошел... К тому же, думаю, и финансовая помощь ему была обещана.

— Откуда же Святополк мог об этом ведать?

— Тут дело в другом. Начать, правда, придется издалека. Мне не раз случалось беседовать со свидетелями того, как произошло крещение Владимира в Корсунь. Я говорил уже, что он вынудил цесарей отдать за него сестру — это, по его мысли, в огромной степени повышало его престиж в глазах европейских государей. Для императоров этот брак был чем-то вроде торговой сделки: они согласились на него в обмен на предоставление Владимиром шеститысячного войска, с помощью которого смогли подавить мятеж полководца Варды Фоки и удержать трон в своих руках. Но, получив обещанное, стали тянуть с отправкой княжны Анны на Русь. Посему Владимир и осадил Корсунь. После получения клятвенных заверений о скором прибытии сестры императоров в Киев, наш великий князь решил исполнить свое второе обязательство — кре-

ститься. Однако, верный себе, и в этом деле постарался обхитрить своих партнеров. Он принял крещение от болгарского священника Анастаса, подчинявшегося не Константинопольской патриархии, а своему архиепископу Леону, резиденция которого находилась в Охриде. Посему после корсунского события Леон присоединил к своей титулатуре звание митрополита Русского.

— Интересно, — задумчиво произнес Ильин. — Я ведь встречал имя этого Леона в одной из новгородских летописей. Но поскольку сведения о том, что он был первым главой русской церкви, противоречат всем другим летописям... Я решил, что это какая-то ошибка переписчика.

— А дело, видимо, в том, что все другие летописи были отредактированы сторонниками византийской ориентации, а та, что вам попала на глаза, по недосмотру сохранила имя охридского архиепископа Леона...

— Но, простите, — заметил Ильин. — Насколько мне известно, митрополит выше архиепископа. Как же может охридский владыка быть по совместительству архипастырем Руси? Не наоборот ли?

— Нет, Виктор Михайлович. Ваши сведения верны для будущих веков. А в этом иерархия иная — архиепископ выше митрополита... Так я говорил о подчинении Владимира — в церковном смысле — болгарам. Сделано это было затем, чтобы подчеркнуть свою независимость от Византии. Прежде всего в глазах других государей. Да и по внутривластным соображениям тоже.

— Но какое отношение все это имело к делу Святополка?

— Самое прямое. Ведь мать его — гречанка, сильно взятая из монастыря его дедом Святославом во время одного из походов. Он отдал ее в жены сыну Ярополку. Этот факт широко известен, поэтому греческие попы увивались вокруг Святополка в надежде на

то, что мать заронила в его сердце симпатии к своей родине.

— Но Добрыня рассказывал, что неприязнь к Святополку зародилась у Владимира гораздо раньше — когда ему стало ясно, что тот — отпрыск Ярополка...

— Я знаю версию о двуотцовщине Святополка, — кивнул Воздвиженский. — И все же это не помешало Владимиру дать ему в удел Туров.

— Самое ближнее к Киеву княжество — дабы пасынок всегда был в пределах досягаемости.

— Пожалуй, так. Это и позволило в момент политических осложнений обезопасить себя от потенциального претендента на престол.

— Насколько я знаю, Святополк вместе с женой были заключены в тюрьму прошлым летом. А вскорости и Ярослав фактически отложился от Киева...

— Очень хорошо, что вы назвали два этих события. Они действительно взаимосвязаны... Дело в том, что греки обхаживали не только Святополка, но и истинных сыновей Владимира. Похоже, что при дворе Ярослава они преуспели больше всего, а пасынок великого князя, напротив, не проявлял к ним особой склонности. То ли действительно не жаловал византийцев, то ли боялся дать основания для преследований со стороны Владимира. Не побоюсь даже предположить, что расположение, которое Святополк выказывал к язычникам, имело целью продемонстрировать великому князю свою непричастность к проискам греческой партии.

— Так как же истолковать неволю Святополка?

— Вот к этому-то я и подбираюсь. Именно в прошлом году император ромеев Василий сокрушил Болгарское царство, а заодно и автокефалию болгарской церкви. Охридские архиепископы, духовные руководители Руси, сделались вассалами Византии, так что Владимир оказался в известном политическом тупике. Естественно, в такой обстановке он стал особенно подозрителен к маневрам прогреческих сил. И тут-то по-

лучил донос на Святополка, что тот готовится нанести удар в спину...

— Зная теперешнее развитие событий, могу себе представить, кто был источником такой информации...

— Да, я, пожалуй, тоже начинаю понимать, в чем дело... — сощурился Воздвиженский. — Ярослав? Угадал ход ваших мыслей?

— Угадали, — сказал Ильин. — И то, что он избрал момент для отказа от уплаты ежегодной повинности...

— Да-да, устранил руками отца главного конкурента, а затем решил сам попытаться занять престол...

— Ну а если еще и пользуется поддержкой Византии, можно понять, откуда взял средства для того, чтобы нанять варяжскую дружину... — Ильин возбужденно потеребил бороду. — И теперешняя расстановка сил ясна — коли на Ярослава сделали ставку в Царьграде, Святополку волей-неволей приходится искать союзников в борьбе за власть.

— И такими естественными союзниками стали язычники. Тем более что они и раньше находили приют и ласку в Турове...

Ильин на минуту задумался — чего-то недоставало, чтобы нарисованная Воздвиженским картина обрела законченность. Наконец, он понял, что мешает ему полностью согласиться с умозаключениями схимника.

— Варфоломей Михайлович, возникает одно но... Я мало занимался церковной историей, и все же... Трудно поверить, что поначалу главой русской церкви был болгарин. Одно дело, если бы имя первого иерарха было просто вычеркнуто, но вот в «Житии» Владимира, помнится, рассказывалось, что первым митрополитом на Руси был Михаил, поставленный константинопольским патриархом Фотием. Все предельно конкретно...

— Сейчас объясню, — улыбнулся Воздвиженский. — Когда я попал сюда, у меня в памяти сидело точно такое же — из семинарского курса. Но, оказавшись на Афоне и занявшись целенаправленными исто-

рическими разысканиями, я первым делом обратил внимание на то, что Фотий жил сотней лет раньше крещения Владимира. Он управлял константинопольской патриархией как раз тогда, когда в Царьграде крестился киевский князь Аскольд и с ним еще двести семей знатных киевлян. Церковный историк Иоанн Зонара писал, что Фотий направил на Русь митрополита Михаила, миссией которого и было определено ее крещение.

— Так почему же оно не состоялось уже тогда?

— Вскоре Олег, спустившись по Днепру с дружиной, убил Аскольда как узурпатора власти — он обвинил его в том, что тот не княжеского рода...

— Помню-помню. В летописи говорилось, что Аскольд и Дир, захватившие власть в Киеве, были дружинниками.

— Так вот, свергнув Аскольда, Олег изгнал и православное духовенство. А затем начал войну против Византии.

— «Твой щит на вратах Цареграда...» — процитировал Ильин.

— Вот-вот, именно он и повесил этот щит...

Ильина вдруг словно током ударило. Он непроизвольно вскочил с лавки.

— Варфоломей Михайлович! Да ведь мы с вами на такое наскочили! Я еще одно подтверждение нашел, что схватка всадника со змеем — это идеограмма, отражающая борьбу язычества с христианством... В одной старопольской хронике я читал, будто на щите Олега было, как там сказано, то же изображение, что на гербе Московии.

— Всадник с копьем, попирающий змея?

— Конечно! Князь-язычник, победивший узурпатора-христианина, одержавший верх в борьбе с христианской Византией, повесил это изображение на вратах имперской столицы как символ, как напоминание...

Воздвиженский тоже поднялся и заходил по пещере.

— А ведь вы, наверное, правы. Недаром в Константинополе по сей день живо предание о том, что во время нападения войска Олега византийцы решили, что сам святой Димитрий ополчился против них.

— Не совсем улавливаю связь, — начал Ильин.

— Да очень просто. На византийских иконах Димитрий Солунский изображается всадником-змееборцем... Таким образом, в иносказательной форме смысл противоборства передан точно.

— В наше время сказали бы, что мифологема оказалась необычайно устойчивой.

— Но что такое миф? — серьезно спросил Воздвиженский. — Байка, легенда?

— Если быть предельно кратким: миф — это идея, выраженная посредством повествования.

— Идея, запечатленная в художественном образе?

— Или так, если хотите.

Ильин вновь сел, обхватив голову руками. Им овладело ощущение того, что за какие-то полчаса знакомый ему мир истории неизмеримо расширился — словно в полутемное помещение вдруг внесли мощный источник света.

— Знаете, что мне пришло на ум, Варфоломей Михайлович? Олег, будучи героем многочисленных преданий, неизменно связывается с языческим культом лошади. Он ведь и смерть принял «от коня своего».

— Вы имеете в виду змею, выползшую из черепа его любимого коня? Выходит, все-таки всадника убила змея — а конь, то есть череп его, как бы символизирует подземное царство.

— Между прочим, сюжет легенды в деталях совпадает с рассказом о смерти скандинавского героя Орвард-Одда. Вы правы, культ коня связан и с представлениями о загробном мире. Фольклористы давно отме-

тили этот факт. Недаром у всех индоевропейцев в могилу вождей клали и лошадиные трупы.

— Я думаю, это своего рода оберег от злых сил. Вы замечали, что в деревнях вешают на кольях тына конские черепа, да и само название конька, венчающего крышу, о том же говорит.

— Ну если в фольклор всерьез углубиться, нам из темы всадника и змея до утра не выбраться. Это ведь, как говорили историки культуры в наше время, — Основной Миф индоевропейцев. И так называемые фракийские всадники, которым поклонялись на Балканах задолго до Рождества Христова, и скифский Батрадз, бог войны — стальной всадник с мечом. Этот культ процветал и в эллинистическом Египте, где Гор-всадник изображался поражающим Сета-крокодила. И в малоазийской Ликии — бог Какасб, палицей убивающий змея. И Митра, иранский бог-воитель, популярный у римских воинов. Да и сам Георгий Победоносец, родом из Каппадокии, где культ всадника-змееборца был известен задолго до появления христианства. Каппадокия была центром Хеттской империи, а один из главных богов ее — громовержец Пирва, собрат нашего Перуна, тоже сражался со змеем. За двадцать веков до Рождества Христова!

— Восхищен вашими познаниями, Виктор Михайлович! Вот бы вам здесь подольше задержаться! Мы бы с вами такую летопись составили! От самого сотворения мира!

— Ну я бы не стал на вашем месте на летописи уповать. Их ведь иной раз так переписывали, что черное белым становилось, а иные события и люди совсем исчезали. Это скрупулезными исследованиями доказано уже в наше время... Думаю, вы совершенно правильно предположили, почему в большинстве летописных сводов о Леоне, охридском владыке, не упоминалось. Вероятно, вместе с Ярославом к власти придут провизантийские силы, и летописи будут отредактированы в уго-

ду новой политической концепции: крещение исходило от Царьграда, а посему Русь должна оставаться на положении духовного вассала империи.

— Во всяком случае, можно говорить о господстве такого взгляда на каком-то этапе... Однако, почтенный Виктор Михайлович, не кажется ли вам, что мы сильно уклонились от обстоятельств вокняжения Святополка?

— Ради бога, простите еще раз. Постараюсь впредь быть дисциплинированнее.

Воздвиженский продолжал:

— Мы с вами порешили, что сами обстоятельства подталкивали Святополка к тому, чтобы стать естественным союзником низвергнутых волхвов. Да не только они поддерживали его. Все приверженцы славянской старины из бояр и дружинников потянулись к нему. Ведь по их понятиям, он был истинным великим князем, более высоким по рождению, да и по династическим канонам он имел большее право на великий стол. Уже при жизни Владимира об этом говорили, заметьте!

— Ну а сам Святополк поддерживает версию своего происхождения от Ярополка?

— Тогда почему, появившись в Киеве, он поднял знамя с двузубцем — эмблемой Ярополка, а не с трезубцем — родовым знаком младшей линии Святославичей?

— Так теперешняя схватка между ним и Ярославом...

— Это поединок законного монарха с дважды незаконным. Ярослав — от Владимира, захватившего великий стол с помощью измены, к тому же сам моложе Святополка, по-прежнему числящегося в сыновьях Владимира. Вот потому-то Святополка и необходимо дискредитировать, обвинив в убийстве братьев.

— Хотя оно может быть на руку только Ярославу.

— Конечно. Но поскольку новгородского князя поддерживает христианская церковь, за него — влиятельные зарубежные силы, а следовательно, и финансовая

мощь, он смог собрать иноземное войско, намного превосходящее дружину Святополка. И это несмотря на то, что Новгородское княжество куда беднее Киева...

— Да, Святополк проиграет, — со вздохом сказал Ильин. — Это я помню по «Повести временных лет».

— А я вам и без «Повести» мог бы это предсказать. Язычеству сломали хребет, почти все его культурное достояние уничтожено в результате погрома. И в таких обстоятельствах нынешний великий князь бросил вызов огромной силе, которая сделала ставку на Ярослава.

— И поэтому проигравший будет заклеен как Окаянный. А убийство Бориса и Глеба, приписанное ему, станет только видимой причиной тому. В конце концов, Владимир не меньше окаянств творил...

— Наши мысли удивительно совпадают, — кивнул схимник. — Кстати, вы недоумевали, как могли люди Ярослава так точно угадать место, где заночует войско Бориса. Я, кажется, нашел объяснение. Дело в том, что Эймунд, о котором вы говорили, как о главаре убийц, одно время служил в дружине Владимира, участвовал в походах против половцев. А всякому киевлянину известно, что, идя в степь или из степи, войско останавливается на ночлег в одном дне пути от города — на Альтинском поле. Теперь я, вероятно, могу продолжить свою повесть?.. Итак, я вернулся с Афона и стал приглядывать место, где можно было бы начать медленно, исподволь готовить почву к созданию русской обители. Меня привлекла эта гора — тогда здесь была только одна пещера, еще в давние времена выкопанная варягами... Теперь, как видите, я не одинок, хотя епископ и пытался разогнать нас. Он не может запретить мне, монаху, пустынножить и окормлять духовной пищей других, но игуменом меня никогда не сделает.

— Так в чем же ваша конечная цель?

— Я считаю, что не нужно придавать значения внешней обрядовой форме. Главное сейчас — не пытаться вместе со староверами сложить осколки разбито-

го вдребезги. Нам нужно национализировать церковь и наполнить новым содержанием чужое учение, инструмент установления господства антирусских сил.

Развивая свою мысль, Воздвиженский пояснил, что монастырь задуман им как школа русских иерархов, которые со временем смогут вывести церковь из-под контроля иноземцев, а затем проведут идейный пересмотр христианства, сохранив лишь внешние его формы. В том, что так произойдет, его убеждала история русской церкви, которую ему пришлось изучать в бурсе. Именно из Киево-Печерского монастыря вышел первый глава русской церкви не-грек, противостоявший антинациональным устремлениям влиятельных деятелей из окружения великого князя.

— Но если первый русский митрополит Илларион и так появится здесь, можно ли говорить о вашем воздействии на историю? — с сомнением произнес Ильин.

— В том-то и дело, что мы не знаем, так ли все будет. Так было в той истории, которую помнило наше время. Но где уверенность в том, что все идет тем же порядком? Нам дано знание: как может быть. От нас зависит: выполнить замысел истории или пойти чай пить...

— Не отказался бы сейчас от самоварчика, — хмыкнул Ильин.

— Ничего, даст бог, будете недельки через три вкушать — хоть с баранками, хоть с сахаром колотым... Так вот, чай мы пить не пойдем, несмотря на великий к тому соблазн. В самом деле — представьте: мы знаем, что от нашего желания сейчас зависит все, что будет.

— Ну уж...

— А кто торпеду времени запустил? Думаете, то, что вашу былинку тысячу раз по всей Руси пропоют, прослушают, повторяют, каждого младенца и отрока на ней воспитают — это баран чихнул?

— Это, кстати, совсем обратное доказывает. Я был

всего лишь орудием истории. Ведь, во-первых, я про Добрыню и змея не сочинял, а во-вторых, былина случайно, помимо воли моей вырвалась.

— Никакого противоречия тут нет. История, как вы ее именуете, или Рок, Судьба, по моему разумению, действительно сделала нас орудиями своего промысла. Но — мыслящими орудиями. Ведь то, что мы сейчас говорим, есть процесс осознания нашей самостоятельности, постижения своей миссии... Мы с вами вольны сию минуту весь этот замысел на попа поставить. Но не сделаем этого...

Воздвиженский сидел, уперев руку в подбородок, и испытующе смотрел на Ильина. Тот покраснел, словно его уличили в чем-то постыдном, и спросил:

— Это вы к тому, что я в будущее хочу уйти? Но я не могу иначе, нет сил...

— Вы зря заволновались. Я ничего подобного и в мыслях не держу. Напротив, считаю, что ваша миссия — вернуться и сберечь таким образом знание... Нет, я потому замолчал, что представил себе, какая бездна перед нами — шагни и... Но не сделаем этого, потому что мы — люди идеи, люди долга. Мы не сможем жить, если обманем того, кто возложил на нас эту миссию. Судьба России — я ни одного кирпичика не потревожу в этом храме. Я счастлив, что мои кости будут лежать в его фундаменте...

Он поднялся и быстро вынырнул наружу. Ильин посидел, глядя, как голубой овал входа пересекают пухлые облака, потом выбрался вслед за Воздвиженским. Старик обернулся к нему и сказал:

— Знаете, нашло что-то сентиментальное. Старость не радость, как видите...

— Да я сам, знаете, чуть не...

— Ну ладно, будет. Вы хорошо помните летописи? Может быть, что-то из житийной литературы?

— К сожалению, не очень... А насчет житий — вообще...

— Меня больше всего интересует личность Антония, основателя лавры, о котором говорится в Киево-Печерском патерике. Там, помнится, были указания на его житие. Но в мое время, когда я учился, оно было уже утрачено.

— Ха! — Ильин чуть не подскочил на месте. — Так ведь я могу вам человека представить, который это житие наизусть знает — он мне сам говорил... Старообрядец из семнадцатого века, тот, что вместе со мной сюда попал. В его эпоху это житие, видимо, еще существовало...

— А как зовут его?

— Иван. То есть... то есть Антоний. — Теперь Ильин чуть не сел прямо на кучу глины, вынутой из пещеры. — Так он ведь на Афон собрался...

Воздвиженский посерьезнел и, требовательно глядя на Виктора, сказал:

— Так что же вы молчали-то?! Антоний Печерский, по сведениям патерика, действительно был на Афоне, прежде чем основал первый русский монастырь! И что это с памятью у вас, сударь, — то Иван, то Антоний...

— Он постригся здесь... У Иоакима, епископа Новгородского.

— И старообрядец к тому же? — На щеках Воздвиженского появились багровые пятна. — Да вы понимаете, что это значит? Это человек, который даст монастырю сугубо национальное направление! Старообрядцы, с их враждой ко всему иноземному... А говорили, что в случайной компании сюда угодили! Эх вы, «никакого исторического смысла», «просто физическая реальность»... Где он, ваш Антоний?

— В Десятинной церкви псаломщиком служит....

V

Ильин стоял перед горой узлов и туесов, громоздившихся у входа в пещеру, и решительно говорил:

— Ни в коем случае не возьму, Варфоломей Михайлович! Можно подумать, вы меня в кругосветное путешествие снаряжаете. Еще раз повторяю: через двадцать дней я — кровь из носу! — должен быть в вашем кратере.

— Кто вам сказал, что обязаны все это съесть? Не забывайте: по меньшей мере неделю вы потратите на подъем по Ворскле до волока на Донец. Придется нанимать гребцов или бурлаков, а они в еде ох как проворны. Потом, учтите, в хазарских землях вы за деньги ничего не купите. Кочевники предпочитают обмен товара на товар. Вот и сторгуете себе лошадей...

— Да я кафтан малиновый отдам...

— На такую диковину они не клонут. Это не викинги, склонные к щегольству... Кстати, если уж вы непременно хотите что-то дать в возмещение этого добра — оставьте мне кафтан. Я хоть иной раз облачусь в него, налью винца, почитаю Платона — все представишь себя ближе к дому...

— Идет, — повеселел Ильин. — Тогда поутру погружаюсь и...

— Оружие есть? — озабоченно перебил Воздвиженский.

— Есть, — Виктор показал ладонь.

Оба рассмеялись.

— Знаете, Виктор Михайлович, у вас тоже имеется шанс стать героем какой-нибудь былины.

— А что, могут напасть? — посерьезнел Ильин.

— После разгрома каганата там сейчас кочуют разбойные племена, вроде того, что возглавлял Сол-свистун.

— Вовремя вы про него вспомнили, Варфоломей Михайлович, — обрадовался Ильин. — Я совсем забыл вас расспросить, что это за язык свиста — он был широко распространен у хазар?

— Да, особенно часто его применяли в войске... А почему это вас заинтересовало?

— Чем больше узнаю, тем сильнее поражаюсь емкости былинных символов. Ведь вот Соловей-разбойник свистит по-змеинному, да еще сидит на двенадцати дубах. Раньше я вокруг этого места столько кружил в своей диссертации, но так и не смог что-то вразумительное сказать. А теперь, с этими двенадцатью коленами, все на место встает... Кстати, вы ведь обещали найти в Библии цитаты, относящиеся к потерявшемуся племени Данову...

Схимник молча прошел к сундучку с книгами, достал из него тяжелый фолиант и раскрыл у выхода, чтобы свет падал на пергамент. Быстро найдя место из книги Бытия, которое прежде цитировал, показал Ильину. Тот с восхищением сказал:

— Ну и память у вас!.. Скажите, а есть в Библии еще места, сходные по смыслу?

— Сколько угодно. Правда, этот славянский перевод не полон — в еврейском тексте Библии далее говорится, что символом Дана будет яхонт, а цвет его знамени — голубой, нарисована на нем змея... Теперь открываем книгу Числа, глава двадцать первая: «И сказал Господь Моисею: сделай себе змея и выставь его на знамя». Ну и, наконец, слова Христа из Евангелия от Иоанна, глава третья: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно быть вознесу Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в него, не погиб, но имел жизнь вечную».

— Из Евангелия я знаю, — сказал Ильин. — Мне Добрыня показывал.

— Он до таких тонкостей дошел? — удивился Воздвиженский.

— Подсказали, говорит... Сам-то он, насколько я понимаю, больше мечом владеть горазд, на коне ездить. Всадник, одним словом.

— Заблудившийся всадник, — с горечью сказал схимник.

— Почему же заблудившийся? — возразил Ильин. — Он идет прямым путем, знает, чего хочет...

— Если Север не сумел предугадать исхода борьбы, значит, он давно уже сбился с дороги... Когда я был в хазарском рабстве, не раз слышал предание о том, что Дан в давние-давние времена оседлал дорогу, по которой огнепоклонники совершали паломничество в страну вечного льда. Что это? Я думаю, речь идет о той эпохе, когда предки хазар вышли к Каспию и на Волгу и пресекли общение между славянством и индоиранцами.

— В ваших соображениях что-то есть... В былинах и сказках богатыри бьются со Змеем, чтобы освободить воды, запечатанные им. Не о морском ли пути в Индию и Иран идет речь?..

— В Итиле я разговаривал с индийскими купцами. Они передавали, что их предки приходили в Иран — когда он еще не был захвачен мусульманами, — и вместе с персами шли к вечным снегам Кавказа, чтобы принести жертвы богу Агни, борющемуся с мировым Змеем. Они жгли нефть...

— Агни — Огонь, бог огня... Все совпадает. И то, что приходили на Кавказ — северный предел Иранской державы... Дальше-то дорога действительно была перекрыта... А снеговые вершины стали как бы заменой страны вечного льда... Торир говорил мне, что скандинавы верят в ледяной остров Туле, жилище богов...

— Вот видите, сколько интересных материй для вашей научной работы. Может, для того вас сюда и ввергла судьба, чтобы вы затем человечество к познанной истине приобщили... Чтобы заблудившемуся всаднику путь указали...

— Да, былины теперь надо в корне пересмотреть, очистить от наслоений. Там ведь, что ни строчка, то намек на истинные события. Вот, скажем, в рассказе об Илье Муромце — сначала князь Владимир заключает его в темницу, а затем выпускает, когда приходится все силы бросать на борьбу со Змеем. Это ведь искаженный

пересказ истории Святополка — с той разницей, что Владимир тут уже полуположительный персонаж... Да и не только былины — все древнерусское искусство в новом свете теперь предстает. Взять, к примеру, такой вопрос, над которым я голову ломал: почему именно в Новгородской школе иконописи излюбленным сюжетом было «Чудо Георгия о змие»? Да и вообще конные святые — Федор Тирон, Федор Стратилат, Мина, Димитрий Солунский — это, как правило, работа новгородских иконописцев. Как-то сие не находило сколько-нибудь убедительного объяснения. Теперь понимаю: Новгород — единственная из земель Руси, где вече победило князя, демократия восторжествовала над деспотией. А поскольку с вечем тесно связаны волхвы, это означает и победу языческого духа терпимости над тоталитарным учением. Конечно, в форме идеограммы, зеркально перевернутой христианской церковью. Впрочем, не только былины теперь можно переосмыслить. Те же духовные стихи взять, что в будущие века слепые старцы по Руси разнесут: один из главных сюжетов был о Егории Храбром. Своего рода церковная контрпропаганда. Это же в закодированном виде восхваление деятельности Ярослава. В крещении он Георгий, и именно по его приказу по всей стране введут празднование дня святого Георгия. Для того, чтобы легитимизировать, проще говоря узаконить дом Ярославов, всадника, популярного в языческой среде, отождествят с христианским патроном великого князя. Благо выдумывать ничего не надо — греки уже проделали это в Каппадокии...

— Словом, за утверждение, закрепление Основного Мифа в новых условиях будут бороться полярные силы, хотя цели их окажутся разными. — Воздвиженский энергично потер руки, словно предвкушая беспспорное торжество своих планов.

— Что ни говорите, а все это доказывает: задуманное мной не так уж бесперспективно. Конечно, хотелось бы сразу все здесь вверх дном перевернуть, со-

циальное равенство установить, от темноты, невежества людей избавить. Но как? Для этого ведь многие тысячи сознательных работников нужны. Так что, как ни видите, а выше головы не прыгнешь, придется игру по тем правилам вести, которые не тобой установлены. И поддержку проявлять, не пытаться через эпоху перескочить — только вред от таких нетерпеливцев, по своей молодости знаю... Вот что, давайте договоримся: если вам суждено вернуться, обратите внимание — все ли осталось по-прежнему в русской истории. Особенно важно: станет ли изображение всадника, поражающего змея, гербом государства, как это было в наше время? Если да, то можете истолковывать это как сигнал из прошлого: мой замысел удался. В него будут посвящены немногие, но законом для них станет передавать Знание новому поколению.

— А у меня встречная просьба: не забыть о сюжете для икон — небесный воитель с огненным мечом...

— Понял. Вы хотите получить доказательство, что мои сверхъестественные способности, в том числе швыряться молниями, втуне не пропали?

— Не понимаю сам, зачем мне это нужно... Знаете, хочется иной раз получить от друга открытку с дороги.

Они помолчали. Ильин представил себе, как отнесутся у него в институте к идеям, которые они только что обсуждали. И поежился, с удивительной отчетливостью увидев яростно искаженное лицо своего научного руководителя. Голос Воздвиженского вернул его к действительности:

— Давно хотел сказать вам, Виктор Михайлович, о моем понимании таких терминов, как народовластие и деспотизм. При Владимире, при Ярославе, который грядет на смену Святополку, единовластие никогда не достигало и не достигнет тех пределов, как в абсолютных монархиях более поздней эпохи. Ведь оно делает лишь первые шаги после тысячелетий демократии. Речь может идти об относительном деспотизме.

— Прекрасно вас понимаю, Варфоломей Михайлович. Но от этого не легче. Все-таки я предпочел бы Святополка Ярославу.

— Тут вы поддаетесь эмоциям. Трезвый политический расчет подсказывает мне: сейчас стать на сторону догматиков язычества, таких, как Добрыня, значит проиграть исторический спор. Мы вернемся когда-нибудь к нашим ценностям, но только поставив себе на службу орудия, созданные нашим противником для нашего закрепощения. Вот тогда он, безусловно, проиграет, ибо мы будем и организационно сильнее, и идейно богаче... Что же касается самого Ярослава — он, конечно, интриган. Ваш рассказ о том, что согласно летописям все его братья до единого умерли не своей смертью, причем последний — Мстислав Тмутороканский, богатырь, каких мало, — на охоте в одночасье... Да и смерть Владимира как-то очень уж удачно совпала с приходом наемной дружины к Ярославу... И все же дело не в этом. Он действительно стал Мудрым, дал новое законодательство, способствовал укреплению мощи и авторитета Руси... Если уж на то пошло, то и Святополк, буде он останется все-таки у власти, не лучшие методы употребит. В борьбе за престол всегда творились и будут твориться злодеяния. Политика — вы не хуже меня знаете — грязное дело.

— Так вы оправдываете Ярослава?

— Я просто против наивного морализаторства — может, впрочем, это я сейчас с самим собой спорю — таким, каким был в молодости. Помню, в те поры возмущался до глубины души высоко почитаемым мной господином Герценом за одно его высказывание, а теперь совсем иначе на него смотрю...

— Что же это за высказывание?

— За каноническую точность на сей раз не ручаюсь, но смысл его таков: сердиться на прошлое — дело праздное; живой взгляд состоит в том, чтоб равно воспользоваться силами, хорошо ли они приобретены или

дурно, кровью ли достались или мирным путем... Эпоха военного деспотизма пройдет, оставив по себе неразрывно спаянное государственное единство и силы, закаленные в тяжелой и суровой школе.

Ильин надолго задумался, переваривая услышанное. Потом сказал:

— Знаете, что я вдруг вспомнил?.. Впервые изображение всадника-змееборца появилось на русских монетах где-то в конце княжения Ярослава Мудрого.

— Киево-Печерский монастырь откроется явным образом в тысяча пятьдесят первом году, — деланно бесстрастно заметил Воздвиженский. — Тогда же его воспитанник Илларион возглавит русскую церковь. А в каком году скончается Ярослав?

— В пятьдесят четвертом, — развел руками Ильин.

На минуту задумался — не все сходилось в их рассуждениях.

— Вот что, однако, непонятно. Если в начале Ярослав выступает как ставленник византийских сил, то в конце своего княжения...

— Понял ваше недоумение, — с улыбкой заговорил Воздвиженский. — Все дело в том, как понимать фигуру будущего великого князя. Если это слабая личность, то сделается марионеткой, если действительно незаурядный политик — может просто использовать в своей игре наличные силы.

— Выходит, по-вашему, он опирается на византийцев лишь в видах собственного возвышения?..

— Не знаю, насколько сознательно это делается. В политике очень часто бывает так: укрепившись, государь старается освободиться от тех, кому обязан своим возвышением. К тому же сама продолжительность правления Ярослава — почти сорок лет — говорит о том, что он сумеет лавировать между различными течениями, выбирать наиболее влиятельных союзников.

— Так вы считаете, его прорусский курс во второй половине правления — заслуга не самого Ярослава, а...

— А! — весело кивнул Воздвиженский. — Это результат усиления национальных сил — и Ярослав как реальный политик сделает ряд шагов, дабы привлечь на свою сторону влиятельные политические группировки.

— Выходит, любая — даже деспотическая форма правления — эволюционирует в результате изменения расстановки общественных сил? — раздумчиво произнес Ильин. — Пожалуй, вы правы — такой подход позволяет понять смену политического курса иных тиранов...

— Именно знание истории вселяет надежду, что начатая мной работа не напрасна, — убежденно сказал Воздвиженский. — Сейчас нас всего несколько человек. Но не будем забывать, что у истока любой, самой генической идеи — горстка людей...

VI

Ильин очнулся от страшного удара, сотрясшего все его существо. Нестерпимый вой терзал его слух. Казалось, каждая клетка в муках корчится под неведомым смертоносным излучением.

Потом последовал еще один удар — тупой, холодный. В широко раскрытый рот, в ноздри хлынула вода. Судорожно колотя руками и ногами, обезумев от ужаса, Виктор бился в какой-то вязкой серой мгле.

Вдруг пелена беззвучно лопнула, в глаза ударило солнце, отраженное водной гладью. «Море!» — полыхнуло в сознании, и Виктор сразу понял, что с ним произошло...

Метеоритный кратер он отыскал без труда — руины башни, описанные Воздвиженским, оказались хорошим ориентиром в ровной как стол степи.

Склоны воронки, так же, как и вся местность вокруг, поросли жухлой травой. Потоптавшись в центре, где должны были находиться остатки небесного тела, Ильин ощутил легкий укол в сердце: что если все его выкладки яйца выеденного не стоят?

Было тринадцатое сентября, вечер. Стреноженные кони паслись на краю кратера, кося глазами вниз, где стоял их хозяин. Сменяя их, он почти без остановки полтысячи верст гнал от Семикаракоры, захиревшего хазарского города у впадения Донца в Дон.

Прошло около четверти часа, а Виктор все не мог решить, что ему делать. Отпустить коней на волю? А если ничего не произойдет? (Он даже в мыслях боялся теперь называть канал времени, и чем ближе к заветной дате, тем суевернее становился — словно помысел мог спугнуть Историю.)

Наконец, обреченно махнув рукой, Ильин поднялся наверх, снял с лошадей поклажу, расседлал их, снял путы. Потрепал по холке гнедка, потерся щекой о щеку буланого.

— Ну ладно, идите, ребята...

И поплелся вниз, устроил себе лежанку из куса войлока. Положив под голову седло и завернувшись в плащ из грубой сермяжины, закрыл глаза. Струна опять гудела — низко, тревожно. И хотя Виктор почти не спал последние три дня, сон долго не брал его.

Первое, что он увидел открыв глаза, была морда гнедка. Деликатно раздувая ноздри, конь обдавал его горячим дыханием. Буланный ревниво следил за ними, стоя на краю воронки.

— Эх ты, дурашка, — сказал Ильин. — Неужто не знаешь, что у древних славян примета была: коли конь воина обнюхивает — убитым быть.

Целый день потом, сидя на своем ложе, Виктор махал на лошадей руками, бросал комочками земли, чтобы заставить их уйти в степь. Он боялся, что животные пострадают, если все-таки произойдет...

Переодевшись в свою старую одежку, Ильин пожевал вяленого мяса, попил теплой подтухшей воды из бурдюка. Попробовал еще заснуть, но ничего не вышло.

Чем выше поднималось солнце, тем жарче станови-

лось на дне огромной ямы. Виктор с завистью смотрел, как колышутся былинки по краям кратера — там гулял степной ветерок, а у него внизу воздух лежал недвижно как желе.

Тень от седла становилась все короче, а потом начала вытягиваться в противоположную сторону. Ильина охватила тихая паника. Он сидел, уткнув голову в колени, сцепив руки, словно таким образом можно было унять басовую струну...

Когда прошло еще часа два, на него напал какой-то нечеловеческий аппетит. Виктор с яростью рвал зубами одревеневшую конину, купленную в Семикаракорях, ожесточенно грыз сухари, словно вымещая на них некую обиду.

Потом он с головой закутался в плащ, чтобы не видеть, как вытягивается тень. Тут-то его и сморило...

Ильин плыл, то и дело натываясь на арбузные корки. Вода была достаточно теплой, и он совсем не замерз, преодолев километровое расстояние до берега. Но когда выбрался на сушу, его сразу начал колотить озноб.

Виктор снял футболку и джинсы, выжал. Снова надел и побежал по жухлому травяному ковру. В кроссовках чавкало.

Он ни о чем не думал, целиком поглощенный ощущениями: вот запылали ступни, вот все тело облепили горячие паутинки, вот разом задышала кожа и стало легче бежать.

И в этот самый миг, когда пришло ощущение бесплотности, чистой энергии, наполнившей почти невесомую телесную оболочку, он замер как вкопанный. Глаза отыскиали в траве нечто... он забыл название... обрывок папиросной пачки... «Беломорканал»...

Ильин опустил на колени, повертел в руках выгоревшую бумажку с бледно-розовыми очертаниями России. Сглотнул тягучую слюну.

Но тут же пришла обжигающая мысль: «Канал построили, кажется, в тридцать четвертом... Так что...»

Виктор снова бежал, рыская глазами по сторонам. Клочок газеты, застрявший между стеблей травы, он увидел метров за полсотни и рванулся в его сторону, будто тот мог в любой миг исчезнуть.

Расправив лоскут бумаги, Ильин впился в текст без начала и конца: «...уженики района заверяют, что внесут достойный вклад в решение Продовольственной программы...» Прошептал:

— Всё. Дома...

Ильин помчался по степи, крича что-то несуразное, что-то глупо-сентиментальное.

Увидев булыжник, остановился, выбросил вперед руку, мгновенно напрягся. Разряда не последовало. И Виктор снова повторил:

— Всё. Дома...

Несколько часов спустя Ильин шел по пыльной улице совхозного поселка. Возле чайной он заметил киоск, пестревший обложками журналов, и резко повернул в его сторону.

«Так, тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год, номер девять... Сентябрь... Порядок... Дома...»

Взгляд его остановился на бумажке, к которой была приколоты дюжина значков. Торопливая надпись гласила: «Набор «Золотое кольцо». 4 руб. 20 коп.».

«Гербы... Ярославль... Суздаль... Москва!»

На красном щите золотой конь вздыбился над свившимся кольцами змеем. Копье всадника пронзило оскаленную пасть.

В октябре 198... года в Москве состоялся семинар историков «Славяне и скандинавы». На нем выступил неизвестный профессионалам кандидат филологических наук Ильин. Сообщение его шокировало специалистов по средневековой истории. Однако редколлегия сборника, подготовленного по материалам семинара, решила включить в него тезисы скандального доклада, озаглавленного автором «Не мир, но меч...».

НЕ МИР, НО МЕЧ...

Моя задача — привлечь внимание коллег к ряду фактов, которые часто упоминаются в исторических трудах, но никогда не рассматривались в своей совокупности.

Внезапное нападение викингов на монастырь святого Кутберта в Линдисфарне (северо-восточное побережье Англии) в 793 году синхронно с активизацией славян на противоположном конце линии, по диагонали разделявшей Европу на христианский и нехристианский миры. Линия эта примерно соответствовала «лимесу» — границе Римской империи. Внезапными эти события могут представляться лишь тем историкам, кто с излишней доверчивостью принимает объяснения средневековых хронистов, усматривавших в нашествии язычников проявление воли Провидения.

Но ведь набегам северных варваров (принимая подобную терминологию христианских писателей лишь в силу ее общеупотребительности) предшествовало массированное давление на язычников со стороны двух великих христианских империй — франкской державы Карла Великого и Византии. Первая, вторгшись в пределы саксов и подунайских славян, проводила насильственную христианизацию. Вторая уничтожила незадолго перед тем зародившееся славянское государство Склавинию.

Ряд фактов говорит в пользу того, что происходившие в конце VIII — начале IX века войны вдоль линии «лимеса» были не отдельными конфликтами местного значения, но являются эпизодами великой религиозной войны между языческим Севером и христианским Югом, Отвлекусь, однако, на время от этих событий, ибо

для уяснения первопричины их необходимо бросить взгляд в более отдаленное прошлое.

За полтора века до описываемых событий началась первая из великих религиозных войн, время от времени перекраивавших карту мира. Я разумею арабскую экспансию под знаменем ислама. С 30-х годов VII века по 30-е годы VIII века в результате вооруженного натиска последователей Магомета территория христианского мира сократилась в несколько раз. Потеряв самые богатые и людные страны — Сирию, Палестину, Египет, Северную Африку, половину Малой Азии, Кипр, Сицилию и Пиренейский полуостров, великие некогда христианские державы являли к концу описываемого периода узкую полосу земли от Бискайского залива до Эгейского моря, ограниченную с севера Балканами, средним течением Дуная и Рейном.

В течение столетия богатые и мощные церкви Востока — Александрийская, Иерусалимская, Антохийская — превратились в жалкие конгрегации «иноверцев», вкрапленных в массу мусульманского населения.

Положение, в котором оказался христианский мир, я бы уподобил экологической катастрофе. Как ныне сокращение ареала обитания какого-то вида животных в результате воздействия индустрии и сельскохозяйственного освоения земель чревато исчезновением этого вида, так и в судьбах культуры и человеческих сообществ могут возникнуть пограничные ситуации: достигается тот критический предел, переходить который нельзя, ибо за ним — небытие, распад, поглощение более сильным конкурентом.

Я бы назвал подобное положение вещей «ситуацией домино». Она не раз повторялась в истории. Удар по одному звену в цепи культур приводил к подвижке всех остальных звеньев. Чтобы уцелеть, каждая из них, подвергшаяся натиску сильного соперника, начинала искать слабые места у соседей, дабы восполнить за их счет потерянное. Так было во время Троянской войны (XIII век до рождения Христа): после падения Трои началась подвижка всех племен Малой Азии с Запада на Восток и с Севера на Юг. Потерпевшие поражение союзники троянцев, теснимые ахейскими греками, нанесли удар по Хеттской империи и сокрушили ее, а другая их часть, известная из египетских текстов как «народы моря», обрушилась на побережья Египта и Палестины.

Ситуация домино возникла и после арабской экспансии. Христианский мир, не сумевший отстоять жизненно важные области Средиземноморья, был поставлен перед необходимостью подчинения Севера. Существовавшее в течение нескольких веков относительное равновесие вдоль лимеса было нарушено. Началась вторая война под религиозным знаменем.

Но что дает мне основание говорить о всеобъемлющем, глобальном характере этого конфликта? Не имели ли христианские

империи Юга перед собой разрозненные племена и государства, поодиночке противостоящие натиску?

Прежде всего необходимо отметить широкие связи между народами Севера. Ныне никто не станет оспаривать существование «циркумбалтийской цивилизации», археология установила поразительное сходство культур, сложившихся по окружности Средиземного моря северян — (так иной раз называют Балтику). Мало того, в результате нарушения равновесия на христианско-языческом порубежье произошла подвижка племен и народов, приведшая к взаимопроникновению, или, говоря современным языком, интернационализация идеологии Севера.

Восемьдесят процентов керамики древнего Пскова принадлежит к тому же типу, что и керамика балтийских славян, обитавших от сегодняшнего Гамбурга до Гдаы́нска. А предания новгородцев о том, что их предки — варяги? Да ведь это воспоминания о переселении с южного побережья Балтики! Само название Новгорода — откуда оно? Нов — по отношению к чему? К Старграду — важнейшему религиозному и экономическому центру славян близ теперешнего Гамбурга. Именно в конце VIII века, когда усилилось давление франков на Нижнем Рейне, и появляются признаки балтийской культуры на месте сегодняшнего Новгорода.

Кроме удивительного соответствия культов древних скандинавов и славян, можно привести и такие параллели: северные воины — берсерки практиковали обряд хождения босиком по кострищу. Точно такой же встречается на другом конце «дуги напряженности» — у балканских огнеходцев. Там и там поклонялись богам-всадникам, противниками которых являлись змеи. Удивительны стиливые соответствия поэзии скандинавских скальдов и славянских песнотворцев (в «Слове о полку Игореве» сражающиеся воины названы пьющими «кровавое вино»). Даже названия «витязь» и «викинг» говорят о едином происхождении; русское слово «дружина» родственное германскому *druhti* — вооруженный отряд. О совместных военных предприятнях германцев и славян мы можем судить по саге о йомских викингах, служивших у славянского князя. Сам Йомсбург являл собой образец воинского интернационала, известного нам еще по сочинениям Цезаря и Тацита: военные вожди набирали себе отряды из храбрецов любого племени, отзывавшихся на их зов. Тайные воинские союзы *Männerbünde*, зародившиеся в начале новой эры, стали основой формирования языческого рыцарства Севера — связанные между собой вековыми традициями, они образовали как бы общую кровеносную систему различных племен.

В течение первого века спровоцированной христианским Югом борьбы языческий Север добился значительных успехов — были захвачены Англия, северное побережье Франции, базы норманнов

появились в Средиземноморье, славяне глубоко вклинились в пределы Византийской империи.

Но в этот исторический момент, когда судьба христианской цивилизации была поставлена, казалось бы, под вопрос, начинаются неожиданные процессы в недрах языческого мира. На изгибе «дуги напряженности» в Паннонии и Моравии приходят к власти князья, которые склоняются к принятию религии Юга. Именно в центре Великоморавской державы Велеграде и появляются византийские миссионеры, приглашенные князем Ростиславом, — братья Кирилл и Мефодий. Похоже, моравский государь последовал совету святого Ремигия, данному им королю франков Хлодвигу (V век): «Сожги все, чему ты поклонялся, поклонись всему, что ты сжигал».

Моравия стала плацдармом, с которого христианство проникает в глубь северной цивилизации. В середине X века новую религию принимают прибалтийские князья, в 966 году крестился польский князь Мешко, в 974 году — датский король Харальд Синезубый, около 976 года — сын норвежского короля Олаф, в 985 году — венгерский герцог Геза.

Я сознательно говорю о крещении князей, а не земель, которыми они управляли. Эта первая волна крещений результатов не даст — повсюду попытки ввести новую религию отвергались народом. Например, норвежский конунг Хакон Добрый, правивший в середине X века и предложивший своим подданным креститься, получил недвусмысленный отказ. Вот как об этом повествует сага: «Асбьери из Медальхуса в Гаулардале поднялся, чтобы ответить на речь конунга. «Конунг Хакон, мы, бонды, думали, — начал он, — что небо снизошло на землю, когда ты впервые был на тинге здесь, в Трандхейме, и мы провозгласили тебя конунгом, а ты вернул нам наш одаль... Если же ты захочешь осуществить свое намерение, не считаясь ни с чем, и применишь против нас силу и принуждение, тогда все мы, бонды, как это уже решено между нами, откажемся от тебя и выберем себе другого вождя, который будет так править нами, что мы сможем свободно исповедовать ту веру, какую хотим».

У нас на Руси первые князья крестились еще в последней трети IX века — это Аскольд и Дир, правившие в Киеве до Олега. Известно, что и мать Святослава княгиня Ольга была христианкой. Все они приняли крещение в Константинополе, однако приобщить к новой вере свою землю не смогли.

Чем же объяснить это странное положение? Ведя борьбу против христианского Юга, опираясь на массу, целиком преданную традиционным верованиям, князья необъяснимым образом начинают изменять собственному знамени. Ответ надо искать в обстоятельствах этой вековой войны.

Для всякого большого военного предприятия во все времена народы шли на определенные жертвы во имя усиления армии и

укрепления тыла. Мобилизации экономического потенциала сопутствовало ограничение свобод и усиление роли военных во всех областях жизни. Нет сомнений, что это справедливо и для древних обществ.

У славян и германцев князь традиционно стоял ниже жреца. То же самое видим у всех индоевропейцев (первой по значению кастой в древней Индии почитались брахманы, а воины — кшатрии — второй). На мысе Аркона, в священном городе славян Поморья даже в XII веке жрец почитался выше князя. Это объяснялось тем, что служители культа являлись как бы гарантами коллективной памяти своего племени — они вели протоколы вечевых сходов (у славян) и тингов (у скандинавов), были хранителями их архивов.

В периоды обычных войн, как можно предположить, не возникало необходимости концентрировать в одних руках всю военную и административную власть. Чрезвычайная длительность и тяжесть религиозной войны IX — X веков продиктовала именно такое развитие. Став реальным главой своего племени, своего государства, князь не обладал, однако, достаточной юридической и идеологической базой для оформления своих претензий и на формальное главенство. Жречество не могло дать такой санкции, ибо выражало интересы веча, тинга — институтов народоправства. Любой претендент на единодержавие рассматривался в контексте правовых и религиозных понятий древних демократий как узурпатор, и неподчинение ему вытекало из всего строя мыслей человека северной цивилизации.

Только одна идеологическая система того времени давала искателю единовластия опору для обоснования своих притязаний — христианство. Таким образом, встреча князя-язычника и миссионера из Рима или Константинополя становилась неизбежной.

Если первая волна крещения князей стала лишь фактом их биографий, то вторая, пришедшаяся на рубеж X — XI веков, оказалась судьбоносной для тех государств и народов, которые пребывали под властью новокрещеных монархов. Русь, Венгрия, Польша, Дания, Норвегия, Швеция одновременно подвергаются христианизации.

Но и за этой волной следует откат — по всей языческой Ойкумене полыхают антихристианские контрперевороты и восстания. Громят церкви и монастыри в Венгрии, изгоняют христиан из Поморья. Олаф Трюгвассон, позднее причисленный к лику святых, постоянно силой оружия смиряет народ, бунтовавший против служителей религии Юга. Саги, записанные уже в христианскую эпоху, недвусмысленно рисуют методы обращения в новую веру:

«После открытия тинга слово взял конунг и потребовал, чтобы народ принял христианство. От имени бондов на речь конунга отвечал Скегги Железный. Он сказал, что бонды хотят, как это и

прежде было, чтобы конунг не нарушал их законов. «Мы хотим, конунг, — говорил он, — чтобы ты совершил жертвоприношение, как это делали конунги до тебя». После его речи поднялся одобрительный шум. Бонды кричали, что они хотят, чтобы все пошло так, как говорил Скеggi. Тогда конунг говорит, что он хочет поехать в храм и посмотреть их обычаи, когда они будут совершать жертвоприношение. Бондам это понравилось, и обе стороны поехали в храм...

И вот конунг Олаф едет в храм, а с ним некоторые из его людей и несколько бондов. Когда конунг пришел туда, где находились боги, там сидел Тор. Он был наиболее почитаем из всех богов и украшен золотом и серебром. Конунг Олаф поднял отделанную золотом дубинку, которую он держал в руке, и ударил Тора, так что тот упал с возвышения. После этого прибежали люди конунга и столкнули с возвышения всех богов. Пока конунг находился в храме, снаружи, перед дверью, ведущей в храм, был убит Скеggi Железный. Это совершили люди конунга.

Когда конунг пришел к народу, он предложил бондам выбрать одно из двух: либо все они должны принять христианство, либо они должны биться с ним. Но после смерти Скеggi в войске бондов не осталось предводителя, который подал бы знак к нападению на конунга Олафа. Было решено покориться конунгу и принять то, чего он требовал. Тогда конунг Олаф велел окрестить всех людей, которые там были, и взял у бондов заложников, чтобы они придерживались христианства...

В Годей, на фьорде, который называется Салпти, жил бонд по имени Рауд Сильный. Рауд был очень богат, у него было много слуг. Он был могущественным человеком... Конунг Олаф взял там великое множество денег золотом и серебром и другого имущества, оружия и различных драгоценностей. Всех людей Рауда конунг велел окрестить; тех, кто не хотел креститься, он велел убить или замучить...»

Еще круче обходился с приверженцами старой веры венгерский король Стефан, правивший в первой трети XI века, также впоследствии объявленный святым.

Наш креститель Владимир, ставший диктатором по праву сильного, но не имевший законных прав на великокняжеский престол, с переменою веры превращался в самодержца по божественному праву, то есть постольку, поскольку сам признавал над собой высшую власть. Получив божественную санкцию, узурпатор превратился в легитимного монарха, вся предшествовавшая история становилась как бы не бывшей, а отсчет новой истории начинался с самого Владимира.

Здесь я подхожу к самому загадочному эпизоду нашей древней истории. Пришедший на смену Владимиру Святополк объявляется убийцей своих братьев Бориса и Глеба, и на этом основа-

нии ему присваивается прозвище Окаянный, что автоматически привело к исчезновению имени князя-преступника из восточнославянского именослова. Все на первый взгляд предельно просто. Но настораживает одно обстоятельство, давно подмеченное исследователями — Святополками называют своих сыновей и много десятилетий спустя потомки Ярослава Мудрого, того самого, который сверг Святополка и изгнал его из страны. Имя того, кто заклеен как убийца первых русских святых, носит внук Ярослава, сын Изяслава Ярославича (скончался в 1112 году, то есть почти через сто лет после своего криминального тезки), в той же ветви Ярославичей еще через три поколения появляется новый Святополк (умер в 1190 году); праправнук Ярослава — потомок другого его сына, Всеволода, также носит имя «святоубийцы» (умер в 1154 году). Только после этого Святополки исчезают из великокняжеских родословных. Следовательно, окаянство того первого Святополка было установлено не раньше середины XII века.

Теперь о самом прозвище великого князя, получившего престол в силу старшинства и совершенно не имевшего мотивов для устранения соперников — их просто не могло быть в политической ситуации, сложившейся после смерти Владимира. Даже если бы он и в самом деле оказался братоубийцей, вовсе не обязательно было приговажать его к позорному столбу истории столь энергичным определением. Мало ли было братоубийц до и после него! Тому же Владимиру, предательски убившему старшего брата, законного государя, это не помешало удостоиться причтения к лику святых.

Ответ на эту загадку может дать аналогия с двумя византийскими императорами, также увенчанными бранными титулами (присвоили их, разумеется, хронисты, жившие после смерти этих государей). Я имею в виду Юлиана Отступника (IV век) и Константина V Копронима, правившего с 741 по 775 год. Первый известен тем, что попытался уравнивать древнее язычество в правах с христианством. А второй, прозвище которого в буквальном переводе значит Говноименный, известен своей борьбой с иконопочитанием, грозившей утратой политического влияния церковной иерархией, а также против монашества — черноризцев он называл «мраконосителями». Не было в византийской историографии имени более ненавистного, чем этот император-иконоборец. Полагаю, что столь изступленное отношение именно к религиозным противникам, свойственное греческому духовенству (оно составляло влиятельное большинство и на Руси), продиктовало и присвоение прозвища Святополку. То был князь — противник христианства, попытавшийся восстановить позиции старой веры. Именно поэтому он и был задним числом дискредитирован как братоубийца — одним идеологических аргументов было явно недостаточно для наложения табу на это имя.

Параллельно с дискредитацией Святополка происходило массовое прославление лиц княжеской крови. Тем самым церковная иерархия как бы соблазняла представителей правящих династий возможностью посмертного блаженства. Когда это происходило? На исходе XII века. Что же вызвало столь активную фабрикацию святых? Прежде чем ответить на этот вопрос, привлеку ваше внимание к тому факту, что аналогичный процесс происходил во всей Восточной и Северной Европе: особенно результативными оказались поиски святых королей и королев в Венгрии: не говоря уже о Стефане, сонм их пополнился целым десятком имен. Происходило то, что несколько раньше творилось у франков — в IX веке аббат Пасхазий Радберт ликовал: «Повсюду в этом королевстве имеются святые, и они побуждают один другого творить чудеса, подобно тому, как петухи на заре перекликаются друг с другом».

Теперь ответу на поставленный выше вопрос: почему именно на исходе XII века церкви скандинавских и восточноевропейских стран дюжинами отправляли в рай давно и недавно почивших владетельных особ и одновременно чернили память реставратора язычества? Нет сомнений, что христианство потерпело поражение в борьбе за Север. Началось возвратное движение к старым верованиям не только среди народа, но и в верхнем этаже социальных структур — политическим выражением отхода от идеи единовластия была усилившаяся тяга к отпадению отдельных земель, а идейными памятниками этого периода стали «Слово о полку Игореве» (конец XII века), совершенно языческое по духу и стилистике, саги Севера.

Ныне в подтверждение своего вывода я могу сослаться и на данные археологии. Совсем недавно, в 1985 году, московские археологи произвели раскопки на горе Богит (Гусятинский район Тернопольской области), там, где находилось святилище со знаменитым Збручским идолом. Вот их выводы: после недолгого запустения на рубеже X — XI веков происходит новый подъем активности жречества — святилище растет, возводятся новые постройки, приносятся жертвы, появляются новые богатые вклады (источником их могли быть только владетельные княжеские дома). Пик этого подъема приходится именно на XII век, но жертвы приносятся до самого XVII столетия!

Весьма интересные факты можно почерпнуть при анализе житийной литературы. Так, житие Евфросинии Полоцкой, написанное в начале XIII века, сообщает, что героиня этого произведения, дочь полоцкого князя, родившаяся в первые годы XII века, получила языческое имя Предислава. После своего крещения она становится одной из первых поборниц христианства. Скончавшись в Киеве в 1173 году, она была погребена в Печерском монастыре, а вскоре причислена к лику святых — третьей по счету женщиной в русской церкви. Замечу, что почти одновременно сподобившиеся

этой чести Ольга и Анна, жена Ярослава Мудрого, также принадлежали к правящим династиям. Если через 130—140 лет после крещения Руси Владимиром дочери правителей княжеств принимали христианскую веру и это обставлялось такими пропагандистскими эффектами, мы вправе сделать вывод об уникальности подобных ситуаций.

Массовое отступничество после полутора столетий христианской жизни? В этом нет ничего удивительного. История донесла до нас и более поразительные факты. В войсках славянских князей, сражавшихся в конце VIII века против Византии, действовали отряды скамаров — греков-повстанцев, отказавшихся от христианства. И это через четыре с половиной века после эдикта Константина I, объявившего религию Нового завета государственной во всей империи! И это несмотря на жесточайшие кары к отступникам — к примеру, вождь скамаров, захваченный в бою, подвергся по приказу Константина V ужасающему наказанию: ему отрубили руки и ноги и живым вскрыли, чтобы врачи могли наблюдать жизнедеятельность человеческого организма; после этого он был сожжен.

Про консерватизм народных масс и говорить не приходится: у вятичей, по данным археологии, до XIV века прослеживается языческий обряд трупосожжения. О слабости христианства в этот период свидетельствуют и такие факты — на горе Шлёнже в Польше, где располагалось одно из главных языческих святилищ, идолы не уничтожаются даже в XIII — XV веках — чтобы нейтрализовать их влияние, рядом возводят церкви и часовни. Память о страшном по жестокости восстании 1038 года, произошедшем после начала погрома славянских святилищ на рубеже X — XI веков, видно, еще несколько столетий обжигала церковников. То же видим и на священной горе моравских славян — Радгосте, названной так по имени божества, — поблизости от капища возводится часовня в честь святителей Кирилла и Мефодия, но требы совершаются и там и там.

Не были ли крестовые походы, первый из которых организован папством на исходе XI века, продиктованы желанием отвлечь военное сословие новоокрещенных стран от участия в антихристианском движении, нараставшем на Севере? Возможность обогатиться в процветающих странах Востока была хорошей альтернативой борьбе против уже истощенного Юга. Папы верно сумели отвести накопившуюся на Севере энергию: став ударной силой Рима, рыцари Германии, Венгрии, Польши, Моравии подобно долго сжимаемой пружине молниеносно взломали границы Византии и Халифата, сокрушили попутно государства южных славян. Следовавшие одни за другими, эти походы привели к обескровливанию старой военной аристократии Севера. Кстати сказать, один из по-

ходов был направлен против восточного славянства, в наибольшей степени сохранившего приверженность прежним богам.

Но крестовые походы не сняли с повестки дня задачу искоренения языческих структур. Уйдя в подполье, жречество продолжало направлять духовную жизнь народов Севера. Только в городах, где проживало незначительное меньшинство, позиции христианства были прочными. Как во все времена религиозных переворотов, наиболее консервативной частью населения оказались крестьяне. Особенной же приверженностью к старой вере отличались женщины (аналогичная ситуация наблюдается и сегодня, в период массового отхода от религии). Именно этим и объясняется новый круг репрессий, обрушившихся на тайных и явных приверженцев язычества. С конца XIV века запольхали костры инквизиции, уничтожавшей ведьм. То были не фантомы, родившиеся в воспаленных мозгах духовной полиции — на кострах корчились жрицы несдавшегося язычества. Два века репрессий и казней наконец сломили хребет древней религии...

В славянских землях процесс возрождения язычества был прерван азиатским нашествием. Татаро-монголы, сокрушившие государственные и военные структуры Руси, докатились до Польши, Венгрии и Прибалтики. В этих условиях христианская церковь оказалась единственной силой, цементирувавшей единство правящих классов. Она способствовала выживанию национальной элиты, стала тем институтом, который обеспечил вызревание идей сопротивления. Эта великая миссия собирания раздробленных сил нации полностью изменила место и значение церкви в жизни славянства.

«Не думайте, что я пришел принести мир на землю, не мир пришел я принести, но меч», — эти слова Иисуса Христа могли бы стать эпиграфом к истории водворения христианства на Севере. Но приняв вместе с народами северного мира мученический венец в годы нашествия варваров, христианство стало сопричастником судеб славянства. В огненном тигле татарщины переплавились языческое и Христово наследие, из кровавой купели поднялась обновленная Святая Русь.

Но это уже другой сюжет, он требует иных тонов, иных красок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. ПЛЕННИКИ ВРЕМЕНИ	5
Глава II. ТОРПЕДА ВРЕМЕНИ	75
Глава III. ВИКИНГИ, БУНТОВЩИКИ, УПЫРИ . .	141
Глава IV, КТО УБИЛ БОРИСА И ГЛЕБА?	247
Глава V. ДЕМИУРГИ ГРЯДУЩЕГО	319
Приложение. НЕ МИР, НО МЕЧ...	373

Плеханов С. Н.

П 38 Заблудившийся всадник : Роман. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 383[1] с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

ISBN 5-235-00644-5

Герои книги из разных эпох попали во «временной канал» и оказались в XI веке вскоре после крещения Руси. На фоне их необычайных приключений прослеживается история наших предков, предлагаются читателю интересные гипотезы...

П **4702010201—143** **147—89**
078(02)—89

ББК 84Р7

ИБ № 6235

Плеханов Сергей Николаевич

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ВСАДНИК

Заведующий редакцией **В. Щербанов**

Редактор **В. Родинов**

Художник **Ю. Гурьянов**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Н. Носова**

Корректоры **Л. Четыркина, М. Пензякова**

Сдано в набор 21.09.88. Подписано в печать 24.02.89. А00832. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8. Условн. кр.-отт. 17,15. Учетно-изд. л. 17,9. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 50 к. Заказ 2269.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030. Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00644-5

1 р. 50 коп.

МОЛОДОЯ ГВАРДИЯ

СЕРГЕЙ ПЛЕХАНОВ ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ВСАДНИК

